

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА
ВРЕМЕНА ГОДА
ЧЕРНАЯ
ОСЕНЬ

Annotation

Люди верят в богов, а боги играют людьми. Желание богини позабавиться поменяло местами девушек из двух разных миров. Аня рождена принцессой, но в ее родной стране революция и разруха. Императорскую семью приговорили к смерти, и только воля богини спасает ее от гибели. Теперь ей предстоит адаптироваться в двадцать первом веке. Но сможет ли девушка выжить в современной России?

Яна родилась и выросла дочерью лесника. Но волей судьбы она попадает в тело Анны за несколько секунд до смерти. Отбиться от врага, умея обращаться с оружием, несложно, а вот что дальше делать? И сможет ли она сделать хоть что-то в охваченной революционным безумием Русине?

- [Галина Гончарова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

Галина Гончарова
Времена года. Черная осень

© Гончарова Г. Д., 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Всюду бегут дороги ^[1]

Россия. 20... год

Яна шла домой. Ноги гудели, голова гудела, спину ломило...

Ей еще двадцати пяти нет, а сил... Сил тоже нет. Ничего, справится. И не с таким справлялась!

Дома ждал ее Смайлик – беспородный кот дворянской породы, здоровый и умный, как большинство беспородных котов.

Дом...

Дом – это там, где твои близкие? Как бы да. Но очень сложно считать своим домом хибару барачного типа. Квартирный дом, почти землянка, окна вровень с тротуаром... Трущоба. Гарлем чертов! Можно подобрать еще сто сравнений, и все они будут верными. И все они...

Все они будут матерными!

Вот представьте себе – невысокий длинный дом, построенный в форме буквы «П». По две квартиры в «ножках» буквы, одна в перекладине.

Квартирами это назвать сложно.

Входишь... то есть спускаешься – и попадаешь в длинный коридор. Из него три двери. Одна – в крохотную комнатку типа чулана, туда едва вмещаются кровать и тумбочка.

Вторая – в большую. Ну как – большую? Если комнату размером три на три квадратных метра можно назвать большой. Диван, шкаф, телевизор.

Третья – в совмещенный санузел. Унитаз – и рядом поддон для душа. Маленький, иначе они просто не поместятся. Но даже это – роскошь. Вот в соседней квартире живет тетя Катя – у нее вообще санузла нет. Зато во дворе есть сортир типа «деревенский обыкновенный».

Пять квартир.

Пять семей со своими историями.

Первая квартира – старый алкоголик дядя Леня. Жена умерла, дети решили отца не лечить, купили ему вскладчину эту хибару – и выставили. Пей на здоровье, спивайся, папаша.

Он так и поступает. И где только деньги на водку берет?

Где подработает, где выклянчит, где украдет. У Яны не просит. Один раз попробовал. Яна завернула ему руку за спину и внятно объяснила, что не подает. А вот наподдать покрепче – может. И будет больно.

Получилось доходчиво.

Вторая квартира – Яна и ее семейство. Кот Смайллик (изначально – Сталин, но Гошка переименовал) и сын Георгий.

Третья квартира – тетя Катя. Приехала в свое время девочка из деревни, работала на хлебозаводе, получила эту квартирку... а вот поменять или как-то улучшить жилищные условия не смогла. Всякое у людей бывает.

Тетя Катя человек одинокий, есть в деревне племянники-племянницы, но к ним не наездишься. И далеко, и желания у тети Кати нет. Они с Яной дружат.

Тетя Катя с Гошкой сидит, когда малыш дома, Яна ей денег подкидывает, продукты покупает... выживают вместе.

Четвертая квартира – Селюковы.

Тамара Амировна и Андрей Владимирович. Вполне благополучная семья... так получилось. Сын женился. Две семьи, в двушке? Считай, перегрызутся все. Родители подумали, купили квартиру в ипотеку, а потом – как?

Ипотеку выплачивать надо. И если берешь ты сто тысяч – отдашь двести, такие уж у нас хорошие банковские условия, такие проценты... не миллионеры они, а пенсионеры.

Приняли решение.

Сына с женой оставили в родной квартире – тем более там жена беременная, ребенка ждет. Купленную квартиру сдали жильцам. Сами переехали также на съемную квартиру.

В чем выгода?

Да в том, что эту хибару сдают за смешные копейки. А вот купленную можно сдать дорого. Район хороший, планировка, ремонт...

Руки у дяди Андрея не просто из нужного места растут – они золотые. Опустись на Землю аварийный космический корабль, он и корабль починит. А уж мелкую бытовую технику ему со всей улицы несут. И ремонт он делает легко и быстро. Хотя не бесплатно.

Яна считала, это справедливо. На водку найдется, на мастера – нет? Без ремонта проживешь!

Той же тете Кате дядя Андрей все ремонтировал бесплатно. То есть даром. Яне тоже пытался, но девушка в долгу быть не привыкла.

Пятая и последняя квартира.

Ольга Петровна.

Безумная активистка.

Рождаются же люди с моторчиком в попе и вечным митингом головного мозга – и сами нормально не живут, и никому жизни не дают. И не лечат их, вот что ужасно-то! Ей бы гидроэлектростанцией родиться – ан нет! Не повезло, человеком оказалась.

И началось...

Собирать подписи?

Ольга Петровна.

Деньги?

Ольга Петровна.

Бороться ЗА – Ольга Петровна.

Против? Опять Ольга Петровна...

И так весь день. Фигаро здесь, Фигаро там, а в результате – фигвам.

Муж активности не выдержал, удрал. Дети активности не выдержали. Удрали. Для верности – в другой город, но Ольга Петровна четыре раза в год туда летала. Наверное, это главное ее достоинство.

Остальное? Тоже достоинства. И упаси вас бог сказать нечто крамольное в радиусе километра от мадам-с. Загрызут. С наслаждением.

Телефон пискнул. Яна вытащила его из кармана и улыбнулась. На экране светилась смешная детская рожица с падающим на лоб чубчиком.

Ее малыш.

Гошка.

– Добрый вечер, солнышко мое.

– Мама, добрый вечер.

- Как у тебя прошел день?
- Я мультик смотрел про машинки.
- И как звали машинок?

Гошка пустился рассказывать о том, что видел сегодня на планшете. Яна слушала и улыбалась.

Ее сын.

Ее маленькое чудо.

Ее вина.

Порок сердца, так звучал диагноз Георгия. Приговор?

Нет. Не приговор, если у тебя есть руки, силы, есть возможности. Даже полностью сердце пересадить можно, если найдется донор, а уж операции...

Не бесплатно, увы.

Но ведь реально!

Сейчас ее малыш лежал в больнице. Яна все отдала бы, чтобы быть рядом с ним, но в реанимацию ее не допускали. Хорошо, хоть планшет и телефон разрешили. Ругались, конечно, но разрешили.

И хорошо, что лечение проходит успешно.

Заслушавшись, Яна не увидела плотную тень, которая метнулась к ней из переулка.

Смяла, втокнула в темноту, дыхнула в лицо ароматом нечищенных зубов и перегара и прошипела:

– Бабло давай, сука!!!

Яна действовала спокойно и уверенно, как привыкла.

– Телефон возьмешь?

– Да!

– Бери. А я пока достану деньги.

Мужчина, явно наркоман, лет сорока по виду, понял, что сопротивления ждать не приходится, и чуть расслабился.

Лезвие ножа опустилось. И навстречу ему взлетели руки.

Телефон он и правда успел схватить. А больше ничего и не успел.

Четыре удара были нанесены – четко, как поставили.

Коленом в пах – отвлекающий, его обычно и ждут, пяткой в свод стопы – уже резко и жестко. Удар ладонями по ушам заставил его скорчиться, а добивающий, кулаком в горло, – опуститься навзничь... Сдохнет? Выживет?

Яну это интересовало меньше всего.

Второго врага, который подкрался сзади, она не заметила. И пропустила удар ножом в спину...

Холодно, как же холодно...

Яна повернулась к убившему ее человеку.

Она понимала, что удар смертелен, она видела такое, она знала...

Пара минут. Что она может сделать?

Только одно.

Слабеющая рука уронила сумочку. Из нее выпали несколько купюр – ей сегодня дали зарплату. Она хотела купить Гошке несколько игрушек – продукты у нее не возьмут, а вот игрушки она ему на планшет загрузить может...

Вторая рука скользнула в карман – не хотела, а придется...

Второй подонок шагнул, наклонился за деньгами...

Шило в руке Яны словно ожило. И нашло свою жертву.

Один удар.

Жесткий и сильный, в сердце – целилась туда, но слабеющая рука дрогнула. Впрочем, грабителю и этого хватило, чтобы свалиться.

– Сдохни, падаль.

Женщина упала рядом со своими убийцами. Первый, кажется, тоже кончался: наверное, она ударила слишком сильно... Плевать!

Гошка...

Ее малыш... он один останется...

Он в приют попадет...

ГОШКА!!!

Другой мысли у женщины в этот момент не было. И шевельнулись губы, шепча старое, откуда-то из детства взявшееся...

– Кровью и плотью, жизнью и смертью, душой и посмертием... я все отдам тому, кто защитит моего сына!

* * *

– Мадам Цветаев, я должен с прискорбием сообщить: даже если лечение пройдет удачно, внуков у вас не будет.

– Черт побери!

Дорогая швейцарская клиника сияла. Новизной, чистотой, дороговизной... Больницу она практически не напоминала. Но запах...

Хлорки? Смеяться изволите?

Дезинфекции? Тоже нет, здесь применялись самые передовые средства, которые не пахли антисептиком, да и проветривали здесь, и воздух озонировали, и...

Нет.

Здесь царил совсем другой запах.

Запах человеческого горя и боли.

Вопреки всем заявлениям материалистов, страдания тоже имеют свой... запах?... След? Ауру?

Здесь это ощущалось достаточно сильно. Даже в безумно дорогой клинике отделение для безнадежно больных – оно и есть отделение для безнадежно больных.

Сами больные, их родные, близкие...

Моложавой подтянутой женщине никто не дал бы ее пятидесяти пяти лет. Сорок? Да, возможно, может, даже тридцать пять. Пластические хирурги постарались.

Но стоило взглянуть ей в глаза...

Именно взгляд выдает людей. Хоть ты кожу с попы на голову натяни, а глаза все равно останутся усталыми, пустыми, безрадостными... старыми.

Сейчас глаза мадам Цветаеф, или Ольги Сергеевны Цветаевой, были именно такими.

Единственный сын...

Кровиночка родненькая...

Наркоман законченный.

Пока она работала, трудилась не покладая рук, приумножала и копила, сынок жил весело и счастливо. Тратил накопленное мамой, развлекался, валял дурака...

Это бы не беда. Накопила она столько – внукам правнуков на черную икорку хватит. Но в том-то и дело...

Мальчишка подсел на наркотики.

Она не заметила, а потом... потом было уже поздно. Какая-то хитрая синтетика...

Сына откачали, хотя он сейчас и напоминал овощ. Но...

Внуков у нее точно не будет. Эта дрянь действует и на репродуктивную систему в том числе...

И зачем тогда все это?

За что?!

Для кого она старалась?

– Постарайтесь сделать хоть что-то, доктор. И не ограничивайте себя в средствах.

– Поймите меня правильно, мадам Цветаев. Разум пациента поврежден, и, возможно, необратимо. Генетический материал... возможно, пройдет не один год, прежде чем он восстановится достаточно. Можно попробовать искусственное оплодотворение, но поверьте, дети будут со значительными генетическими отклонениями.

Ольга Сергеевна поджала губы.

Внуки уроды?

Еще только этого ей не хватало! Неизвестно, что получится, потом еще лечи их... и тоже... нет, это бессмысленно. Хорошо еще, если отклонения будут только физические... хотя и тут ничего хорошего. А если в психике?

Нет, лучше с таким не связываться.

Но если нет другого выхода?!

– Если я правильно понял, молодой человек вел достаточно беспорядочную сексуальную жизнь? – вкрадчиво осведомился доктор.

– И что?! – рявкнула разозленная женщина.

– Неужели у него не осталось ни одного ребенка?

Ольга Сергеевна замолчала, словно на стену налетела.

– Доктор... я обдумую этот вопрос. Обещаю, я его серьезно обдумую.

Русина. Звенигород

– Тор Дрейл, вы совершили не просто преступление. Вы совершили ошибку.

Сидящий в кресле мужчина беспокойно шевельнулся. Второй, расхаживающий по комнате, повернулся к нему – и словно раскаленную спицу вогнал. Настолько неприятен был его взгляд...

Роскошно обставленная комната – резная мебель, парчовые шторы, толстые ковры, хрусталь и золото – показалась слишком маленькой и тесной. Наружу бы – и удрать!

А ведь кто-то обманывается, считая тора Вэлрайо милейшим существом. Этаким добрым дядюшкой вроде деда Мороза.

Как же!

Несмотря на щечки-яблочки, кругленькое брюшко и умильный взгляд, сущность тора Вэлрайо не изменится.

Это опасная ядовитая гадина. К примеру, каракурт.

Они тоже кругленькие, и не слишком большие, и даже симпатичные... кто-то же любит пауков. Кстати, и сам тор Вэлрайо их тоже любит, у него живет несколько здоровущих птицеедов.

Брр, гадость.

– Я не считаю мой поступок ошибкой, тор Вэлрайо. – Слейд Дрейл не собирался сдаваться без боя. – Финансы императорской семьи Русины находятся в нашем банке, и...

– И взять их оттуда никто не сможет еще двести лет.

– Всегда можно найти... аргументы для самых несговорчивых.

– Тор Дрейл, вы не понимаете? – Вэлрайо заходил по комнате. – Когда Петер Седьмой обратился к нам с просьбой вывезти его и его семью из охваченной войной Русины, вы согласились.

– Но потом ее величество Элоиза решила, что принимать у себя свергнутого кузена слишком опасно, – резонно указал тор Дрейл.

– И это действительно так. Петер был обречен – и он должен был умереть. Но вот его дети...

– Претенденты на престол?

– Через пару поколений – уже наши претенденты, тор Дрейл. Покорные, послушные, воспитанные в нужном ключе... ворота на континент.

Слейд склонил голову.

Действительно, об этом надо было подумать. Что ему стоило подменить одну из великих княжон на двойника? Найти подходящую девку...

Их столько бегают, да и внешность у девушек не самая яркая...

– Моя ошибка, тор Вэлрайо.

– Ваша, тор Дрейл. И я советую вам ее исправить, пока еще не слишком поздно.

– Но...

– Пошлите за Петером кого-нибудь из своих людей. Не стоит спасать свергнутого монарха, но кого-то из его детей... почему нет?

Слейд медленно склонил голову.

– Повинуюсь, тор Вэлрайо.

– Надеюсь, у вас есть подходящий человек?

Тор Дрейл поднял голову – и на его губах внезапно заиграла улыбка.

– О да. У меня есть подходящий человек, тор Вэлрайо. Он – есть.

* * *

– Братья! Соратники!!! Сегодня над нашими головами развевается знамя свободы! Свободы от тирании, свободы от оков, свободы...

Мужчина лет тридцати прищурился на оратора.

Эх, выстрелить бы...

Из револьвера он его снимет одной пулей...

Нельзя.

Надо отдать должное жому Пламенному (хотя, конечно, никакой он не Пламенный, это партийная кличка, равно как и у него самого – Тигр), он умеет руководить всем этим быдлом.

Толпа подчиняется ему словно оплаченная продажная девка. Ложится под него после первых же слов, провожает восхищенными взглядами, вздыхает, радуется...

Да что там, все это стадо просто счастливо обратить на себя благосклонное внимание повелителя...

Ладно, пока еще – не повелителя. Просто первого среди равных...

Забавно, правда?

Как важно правильно назвать всю эту... глупость!

Испокон веков более сильный правитель свергал и убивал более слабого правителя. Лилась кровь, делились троны, меняли головы, короны и венцы... Но назови все это узурпацией – и на тебя ополчатся все окружающие страны.

Как же!

Обычный человек, более того, не тор, ни разу не тор, а вовсе даже жом^[2]. И в правители?! Не бывать такому!

А если поднять знамя Освобождения? Если пообещать всем и каждому равноправие? Свободу, равенство, братство? Власть народу,

свободу народу, волю народу... землю, воду, воздух... и прочную веревку, на которой его так удобно хоть водить, хоть вешать.

Главное – правильно назвать происходящее.

Жом Тигр, один из столпов Освобождения, посмотрел на часы.

Уже вечер. Уже... скоро? Или просто – уже?

Ничего, он вот-вот все узнает. Одним из первых.

Есть свои плюсы в том, чтобы быть в сильной стае, есть...

Жом Тигр, некогда просто жом Сергей Михеев, улыбнулся. Да, далеко его завела судьба...

Из родного села повела-закрутила... сначала с дядькой в город, когда голод был, родители его упростили уехать, не надеялись всех прокормить, потом его жизнь помотала, ох помотала... и воровство в ней было, и убивать случалось, каторга в ней была, и плети, и побег, церковно-приходская школа и ремесленное училище. Самообразование и прослушанные курсы университета за границей... чего не было?

Родного дома и не было.

Деньги он родителям присылал, весточки окольными путями получал, знал, что батьку в том году схоронили, что мамка плохая, что братья-сестры жизнь устроили, детей наплодили... а вот приехать...

Нет, не мог.

Боялся посмотреть матери в глаза.

Или не боялся? Не хотел?

Этого Сергей и сам не знал. И не хотел доискиваться до ответа. И домой ехать не хотел.

Намного приятнее стоять здесь, в тихом уголке, наблюдать за лицами людей на площади и понимать, что они – твои.

Ты можешь сделать с ними что пожелаешь.

Власть – заводит.

Сильнее страсти, слаще любви, слаще всего...

Власть и есть жизнь... и лишившись власти – ты лишаешься жизни. Как это, наверное, уже и произошло с отставным императором. Приказ жом Тигр уже отдал. А телеграф – отличная штука. Императора охраняют его люди, им хватит и намека.

Выполнят.

В стране не должно быть двух центров власти...

И по тонким губам мужчины скользнула хищная улыбка, как нельзя более отражающая его суть и подтверждающая партийную

кличку.

Тигр, как он и есть.

Плотоядный.

Голодный.

* * *

– Мы присягу давали, ты, мразь!!!

– Тор Алексеев, не горячитесь, – мужчина в мундире подполковника поднял руки, словно признавая правоту собеседника и сдаваясь ему на милость. – Вы не правы.

– Да что вы, милостивый государь? – Алексеев разглядывал его с отвращением, как экзотическое насекомое.

Вроде бы и экзотика, но какая ж она... гадкая!

Омерзительная!

– И будьте любезны не ехидствовать, полковник, – огрызнулся собеседник. – Я такой же офицер, как и вы! И пулям не кланялся!

– А что, штаб обстреливали? – иронично уточнил полковник Алексеев.

Был полковник, что называется, погибель девичья. Лет тридцати – тридцати пяти, плечистый, светловолосый, сероглазый, с обаятельной улыбкой, а уж если в седле... или на балу... или на параде...

Девушки штабелями падали.

Даже, говорят, одна из великих княжон, но – тсс! За такое могли и голову снять. Или загнать командовать взводом туда, где и медведи не ходили.

– Я бы попросил, полковник, – поджал губы собеседник. – Поймите, вы сейчас уже никому не поможете и никого не спасете... это нереально.

– Неужели, тор Орлов?

– Что вы сделаете? Броситесь за императорским поездом, попытаетесь его остановить? Но император уже приговорен, равно как и его семья. Вы ничего не успеете...

– Если я не спасу, так хоть отомстить успею. Или вы хотите отдать Русину – в руки этих?

Последнее слово было произнесено просто с неподражаемой интонацией. Отвращение, брезгливость, неприятие, даже смущение чуточку – о таком в приличном обществе и говорить-то стыдно.

– Полковник, согласитесь, Петер Седьмой разочаровал всех, кого мог. Его решения...

– Если вы так говорите, тор Орлов, полагаю, вы знаете и кого надо поддерживать? – понятливо кивнул полковник.

Тор Орлов улыбнулся.

Ну вот, а крику-то было... как девственницу уговаривать, честное слово! Все полковник правильно понял, и уговаривать практически не пришлось.

Да и в чем он соврал-то?

Петера действительно не спасти.

А значит, надо поддержать наиболее достойного из претендентов...

– Его высочество Гавриил станет отличным правителем, я даже не сомневаюсь.

– Гаврюша, значит, – с непонятной интонацией протянул полковник.

– Тор!.. – приподнялся подполковник Орлов. Но сделать ничего не успел.

В челюсть ему врезался тяжелый кулак.

Мужчина отлетел в угол, пару раз дернул ногами – и затих.

Полковник потер кулак. М-да... надо было осторожнее, опять печатка в палец впилась, синяк будет. Ничего, переживем.

Значит, его высочество Гаврюша, великий князь, будь он неладен, решил, что будет лучше смотреться на троне Русины?

Вот кто бы сомневался. Хочется ему корону, аж седалище свербит...

– Колька!

Денщик влетел пулей.

– Вытащи это отсюда.

– Тор... да как же это...

– И определи на гауптвахту. Пусть посидит пару недель.

Алексеев подумал секунду, а потом решительно рванул с плеч собеседника погоны.

– Вот так... будешь ты меня на измену подбивать, мразь!

– Тор... – Денщик даже попятился от такого поворота событий.

– Рот прикрой – и действуй!

Денщик подхватил бесчувственное тело – и потащил из кабинета.

Полковник Алексеев подошел к стене, посмотрел на карту.

Может, он и не успеет...

Где сейчас императорский поезд?

Последний раз вести они получили из маленького городка с названием Зараево. Наверное, туда и надо направить верных людей...

Еще он всякую паскуду не поддерживал!

Император Гаврюша!

Бред! Нонсенс! Издевательство!

ТЬфу!

* * *

– Все же это очень вульгарно...

Означенный Гавриил в этот момент прикалывал к одежде белую розу.

Символ Освобождения.

Розу ему срезали в оранжерее – в это время года они уже не цветут. Великолепный цветок сорта «Императорский звездочет» смотрелся как-то... своеобразно.

Белоснежный, с легкой синевой. За букет таких цветов по весу золотом платят – и радуются, что дешево достались. И такой цветок срезать в угоду быдлу?!

На какие только жертвы не пойдешь ради трона Русины!

И все равно – не смотрелось!

Наверное, потому, что на военном мундире любой цветок не слишком уместен. Другое дело – ордена... но его высочество великий князь Гавриил ни разу в жизни не воевал.

Генералом числился.

Но воевать?

Смеяться изволите?

Это же война. Там грязно, там всякое быдло, там... там так неэстетично!

Князь никому не признавался, но ему попросту было страшно. Это всякая плесень вроде жомов может рисковать собой. Их тысячи и миллионы, их не жалко.

А он?

Он один, он уникальный, он единственный... если его убьют, кто позаботится об империи?

Племянник не способен, а больше и некому... Не его же девкам? Это даже смешно! Император!

Пятерых девок наплодил, старшей двадцать пять, младшей пятнадцать, а толку? Ни одну из них даже замуж не выдать – порченная кровь. Все в мамашку свою пошли...

Угораздило братца жениться!

Не планировал никто, что Петер сядет на трон! У него были два старших брата, их и готовили, обучали, наставляли, натаскивали на власть, как гончака на дичь...

Никлас погиб в результате покушения.

Андрея сожрала чахотка.

И остался Петер. Не самый лучший, не самый умный, да к тому времени еще и женатый. И на ком!

На представительнице захудалого рода Шеллес-Альденских, которые во все времена славились одним и тем же. Не рожали они мужчин. Вообще не рожали. А если и появлялись в их семье мальчишки, так долго не жили. Сгорали в год-два от непонятных хворей... впрочем, последний такой случай и был-то лет сто пятьдесят тому назад. А с тех пор – никого.

Петеру разрешили жениться на любимой женщине только потому, что он был третьим, нужно было уж вовсе страшное стечение обстоятельств, чтобы ему – и на трон...

Так и получилось. Не рассчитал отец...

Эх, отец!

Что тебе стоило оставить трон мне, не Алексиусу? Алексиус, брат Гавриила и отец Петера, был неплохим императором, но очень уж мягким. Страшно сказать – он даже собирался смертную казнь отменить! И приговоры предпочитал без смертей...

Не расстрел, а каторга. Или высылка. Или...

Вот и доигрался.

Прилетела бомба – и напиговала свинцом и его, и Никласа. Чудом братец выжил, чтобы через пару дней помереть от яда.

Бомбисты, будь они неладны, в бомбу чего-то напихали да ядом все залили. И то чудо, что брат два дня продержался, успел распоряжения отдать.

А Андрей и того раньше умер. Вот и остался один Петер... болван.

Хоть дочерей бы замуж выдал, или еще как... да кто ж на них женится? В любом браке что надо?

Чтобы наследник был!

А эти... гнилое семя, дурное племя...

Предлагал Гавриил племяннику: возьми наследником Мишеля, моего сына... нет, уперся. Ну и поплатился, болван, за свои убеждения...

О, легок на помине...

– Мишель?

– Отец.

Сын был великолепен в форме кавалергарда. Гавриил искренне залюбовался отпрыском. Вот таким и должен быть истинный император.

Высокий, стройный, с черными кудрями, картинно падающими на высокий лоб, кареглазый, с ослепительной улыбкой...

Ум?

Да уж справится как-нибудь, если Петер справлялся...

О том, что Петер как раз и НЕ справился, Гавриил не подумал, вот еще не хватало. Вместо этого он приветствовал сына.

– Приколи розу. Ты откуда?

– Из Звенигорода.

– И что там?

– Принят манифест об Освобождении.

– Замечательно.

– Некто жом Пламенный выступает с речами.

– Пламенный... простонародье, – презрительно скривил губы князь.

– Да, отец.

– Что с полками?

– Третий и седьмой гвардейский на нашей стороне, я позволил себе послать гонцов к генералам Калинину и Логинову.
– Так... ответ был?
– Ждем.
– Поддержка Калинина нам не помешала бы... не помешает в нужный момент...
– Насчет Логинова я не уверен, все же Освобождение, а он из жомов...
– Да уж! Додумался братец, всякое быдло в генералы жаловать... запомни и не повторяй его ошибок! Быдло не знает благодарности.
Князь презрительно скривил губы.
Его сын послушно склонил голову.
Фигуры уже расставлены на доске. Но каков будет первый шаг?
Великий князь свой выбор сделал.

Русина, окрестности г. Зараево

– Мама́, нам надо бежать.
Княжне Анне всю ночь снился один и тот же страшный сон.
Она падает.
Ее толкает сильная рука, она падает в яму, и небо над головой все отдаляется и отдаляется, а потом его и вовсе закрывает нечто...
Темное, страшное... И она понимает: ее похоронили заживо.
Страшно...
Боже мой, как же страшно...
– Аннет, держи себя в руках.
Ее императорское величество Аделина сморщила точеный носик.
И Анна невольно вздохнула.
Мать очаровательна.
Недаром отец в нее влюбился, еще когда она была всего лишь княжной Аделиной. Женился, позабыв о проклятии, потом сделал императрицей.
Как ему ни говорили, что в роду будут только девочки, как ни убеждали, как ни ругался отец... то есть дедушка... Все бесполезно.
Ее величество действительно была очаровательна. Даже сейчас, в сорок с лишним лет, подарив мужу пятерых детей, она выглядела едва

ли не ровесницей старшей дочери. И тревога лишь добавляла ей очарования.

Точеное лицо, платиновые волосы, хрупкая фигурка...

Аня выглядела совсем иначе. Она пошла в отца. Те же каштановые волосы, те же карие глаза, вздернутый нос, круглое лицо, да и фигура скорее крепкая, чем хрупкая. У нее запястья чуть не в два раза толще маминых...

Она и Лидия, которую в семье зовут Диди, – копии отца, остальные три сестры похожи на мать. А они вот получились неудачными, так мама говорит. И мужа им найти будет сложно...

Хотя если бы ей разрешили...

Аня на миг нырнула в воспоминания, в самые заветные и сокровенные, черпая из них силу.

Вот она кружится на балу с молодым офицером, вот они целуются на балконе, а вот...

Это уж вовсе запретное, о таком и думать рядом с маменькой нельзя.

Но...

Именно оно придает сил и заставляет биться сердце.

– Маменька, мы должны уходить. Вы не понимаете...

– Нет, не понимаю.

Аделина Шеллес-Альденская решительно пресекала все бунты в своем семействе. Железной рукой.

– Нас убьют, – шепнула Анна то, что поняла уже давно. – Нас никто не отпустит, нас всех убьют...

И сама сжалась в комок от того, что произнесла.

Мать смотрела на нее как на дурочку.

– Анна, вы не в своем уме. Никто не осмелится поднять руку на императора.

– Бывшего императора, матушка. Бывшего...

– Мы просто уедем за границу, Аннет, и будем там жить...

– Маменька, если вы не хотите уходить, отпустите со мной хотя бы Нини. Не обрекайте ее на смерть, она ведь ребенок еще...

– Замолчите, Аннет. Идите почитайте Книгу Веры. Сейчас это вам необходимо...

Анна скрипнула зубами, присела в реверансе и вышла вон. А у себя в комнате заметалась, словно раненое животное...

Ах, отец, отец...
Почему никто не видит?
Не понимает, не чувствует?
Почему только внутри ее словно сжимается какая-то пружина и она чувствует себя зверем в ловушке? Почему?!

Анна прикусила губы.
Нет, просто так она не сдастся...
Ах, отец, что же ты наделал. Может, попробовать поговорить с ним? Где он может быть сейчас?
Странный вопрос.
Он молится.

* * *

Анна застыла на пороге часовни.
Несколько минут она смотрела на отца, который коленопреклоненно лобызал икону Помощи Скорбящим, а потом кашлянула и решительно вошла внутрь.

– Папа...
– Аннушка?
Отец был ей искренне рад.
Первенка, любимица, обожаемая малышка, копия папы...
Именно отец помог ей тогда... помог как мог и как сумел.
Ах, если бы...
Анна пробежала через часовню и повисла у отца на шее.
– Отец, умоляю, выслушайте меня!
– Да, Аннушка?
– Нам надо бежать.
Вот она и сказала это отцу. Сказала без разрешения маменьки.
Сказала...

Петер изумленно поднял брови.
– Бежать? Куда и зачем?!

– Отец, разве вы не понимаете, к чему все идет? – Анна едва не плакала. – Они убьют нас, они нас просто убьют...
– Аннушка, дочка, ты просто немного нервничаешь. Но не переживай, как только мы уедем отсюда, сразу дадим телеграмму

Гаврюше, и он нам поможет...

Анна согласилась бы себе левое ухо отрезать, лишь бы не посвящать дядю Гавриила в свою тайну.

Она терпеть не могла этого напыщенного, слащавого, заносчивого...

Гр-р-р-р!

Каких слов ни подбери, а все мало.

Анна прикрыла глаза и попробовала еще раз:

– Папенька, неужели вы не видите, к чему идет дело? Сначала нас согласились отпустить и даже предоставили поезд, чтобы добраться до побережья. Потом выяснилось, что тетушка Элоиза нас не примет, и мы задержались на неделю. Потом мы решили уехать в Ламермур, но выяснилось, что на путях идет ремонт. И вот в результате мы здесь, в Зараево, и никто о нас не знает. Сюда даже почта не доходит... мы в полной ИХ власти.

Петер ласково погладил дочку по каштановым кудрям.

– Аннушка, не переживай. Нам ведь все объяснили...

– Папенька, им нельзя верить! Умоляю...

Скрипнула дверь часовни.

Анна обернулась – и с одного взгляда поняла: поздно.

Непоправимо поздно.

* * *

На пороге часовни стояли двое молодых людей. Обоих она знала, к обоим привыкла. Оба давно уже были среди их охраны... Назовем вещи своими именами: среди их сторожей. Конвоя...

Этих людей волновала не безопасность императорской семьи.

Их волновало, чтобы никто не сбежал, Анна это отчетливо понимала...

Обычно они были...

Нет.

Сейчас они были другими. Напряженными. Будто на взводе, приготовились к прыжку. Словно...

– Пройдемте с нами, жом Петер.

Отец поднял брови.

– Что случилось? Обычно...

– Пройдемте, – повторил еще суше второй, тот, который постарше.

Более молодой (Анна даже знала – его зовут Дима, слышала в разговорах) посмотрел на нее – и отвел глаза.

Словно...

Словно ему было и стыдно, и больно, и сделать он ничего не мог...

Анна прикусила губу так, что ощутила во рту вкус собственной крови.

Неужели?

Неужели – конец?!

– Папенька, я боюсь...

Прильнуть к груди отца.

Она слабая, она хрупкая, она в слезах... и никто не замечает, что из-за пояса отца к ней в руку переключал парадный кортик. А там и исчез в складках платья.

Даже отец ничего не сказал. Видимо, растерялся.

А Анну словно какая-то сила вела.

Смерть?

Так хоть не овцой на бойне!

Ей нельзя умирать, нельзя...

Именно ей нельзя, но...

В доме они обнаружили всех родных, собранных в одной комнате. Анна прикусила губу.

Да, похоже...

Вот маман, недовольная – ее оторвали от вышивания. Вот Диди, вот Нини, Мими и Эсси. Растерянные, не верящие в худшее, и...

А вот и новые действующие лица.

Мужчина средних лет, с серым, невыразительным лицом, сидящий в кресле. Полноватый, волосы острижены под горшок, усы щеточкой... лицо лавочника или аптекаря. Лицо совершенно обычного человека, по которому скользнешь взглядом – и не обратишь внимания.

Если бы не глаза.

Они у него светло-карие, и такие...

Анна не сразу подобрала определение.

Такие глаза бывают у человека, которому все равно – убивать или нет. Он будет копать землю и резать людей с одинаковым выражением лица, он не различает.

Он даже не чудовище...

Бывают монстры, а бывают...

Бездушные.

Страшная сказка, рассказанная на ночь.

Бездушный, да...

– Для чего вы побеспокоили нас, жом...

– Жом Хваткий. Можете называть меня так, – откликнулся мужчина, не выказывая желаний встать даже из вежливости. Маменька кривилась от такого нарушения всех правил, но пока еще молчала. – Я прибыл сюда, жом Воронов, чтобы сообщить вам о принятом Комитетом Освобождения решении.

– Решении?

– В отношении вашей судьбы, жом Воронов.

– Слушаю вас?

Голос отца не дрожал.

А вот Анна...

Анна украдкой оглядывалась, но выхода не видела.

Они все в одной комнате, двери закрыты, рядом с ними стоят солдаты, вооруженные, и снаружи наверняка тоже.

Ах, было бы у нее оружие!

Анна ненавидела охоту, но здесь и сейчас она бы выстрелила в любого, кто встанет между ней и свободой.

Раньше надо было думать, дуреха!

Не полагаться на отца, на мать, не ждать милости от подонков, а решать самой... неужели вся ее решимость осталась там, в Звенигороде?

Дура, дважды и трижды дура!

Мужчина встал из кресла, медленно прошелся по комнате. И Анна видела: он наслаждается своей властью. Он счастлив... отчего?!

Ответ она знала слишком хорошо. Только признаться себе боялась.

Мужчина достал лист бумаги, вгляделся.

– Комитет Освобождения постановил, что жом Воронов и его семья виновны в преступлениях против народа Русины. Волей народа

жом Воронов, а также все члены его семьи приговариваются к смертной казни через расстрел.

Петер медленно поднял руку ко рту...

– Но за что?! Мы же все отдали...

Мужчина оскалился.

– Так-таки все?! А кто ответит за тех людей, в смерти которых ты виновен? Кто?!

– Я... Была война!

– Тобой развязанная и тобой проигранная, ты, ничтожество...

Петер словно съеживался на глазах.

– Но... вы не можете! – подала голос Аделина. – Небеса вас покарают!

– Я бы тебя...

Грубое слово заставило Анну поежиться – и отступить к стене. Потянуть за собой оказавшуюся рядом Нини. Хоть кого закрыть...

– Да брезгую, ..., и ...!

Аделина побелела как мел.

– Мразь!

– Детей хотя бы пощадите! – умоляюще произнес Петер. – Это же дети!

– Такие же мрази, как и ты! – рявкнул мужчина. – Хорош, жомы! Кончаем этих!

Анна толкнула Нини к стене, загораживая собой.

Она еще успела увидеть, как вскидывают оружие мужчины, как неправдоподобно медленно летят пули, а потом нечто ударило ее с дикой силой в живот, отбросило на Нини, выбило дыхание и сознание...

И в последнюю свою секунду она думала не о себе.

Единственной ее мыслью было:

Мне нельзя уходить!!! Кровью и плотью, жизнью и смертью, душой и посмертием... я все отдам тому, кто защитит моего сына!

Вне времен и миров

Яна открыла глаза.

«Я что, жива? А как?..»

Впрочем, долго радоваться неожиданному подарку судьбы она не собиралась. Перевернулась на бок и попробовала встать.

Странно, но у нее ничего не болело. А спина?

Этот подонок ее в спину ударил, она и ползать-то не должна сейчас.

А она?

Яна огляделась вокруг.

– Жеванные мухоморы!

И было отчего ругаться.

Больше всего место, в котором она оказалась, напоминало чертог Снежной королевы. Так, как представляли его советские мультипликаторы.

Острые грани кристаллов, блестящие ледяные полы, потолки невероятной высоты, все это блестит, переливается, декорировано какими-то звездами и прочей роскошью...

Яна ощутила себя плевком на роскошном полу и кое-как приподнялась на локтях.

– Не больно. Но ни фига не понятно.

И словно в ответ ей слева послышался стон.

* * *

Анна чувствовала себя замечательно.

Голова не болела.

И ржавый капкан в груди словно бы разжал свои когти... надолго ли?

Она огляделась вокруг.

Где она?

Где ее семья?

Что происходит?

Хм...

Явно происходило нечто странное. Непривычное...

Она находилась в роскошном зале – даже у них во дворце бальный зал был меньше. Но для чего предназначен этот зал, Анна понять не могла.

Он не бальный, не тренировочный, не...

Да он вообще ни для чего не годится со всеми этими сталактитами и сталагмитами! И это не природная пещера, в пещерах не бывает такой резьбы, а вон там, если она не ошибается, колонна украшена...

Бриллиантами?

Да камней такой цены у них в сокровищнице нет!

И это не страз, Анна понимала...

Да что здесь происходит?!

– Жеванные мухоморы!

Анна встрепенулась.

Она здесь не одна?!

Можно у кого-то узнать, что происходит?!

Девушка развернулась в ту сторону, откуда раздавался голос. Попробовала встать и пойти.

Это оказалось несложно.

Шаг, другой...

* * *

Две девушки смотрели друг на друга.

Молчали.

Оценивали.

Яна видела перед собой нечто непонятное. Какая-то странная девица, сейчас в монастырях и то моднее ходят! Длинные волосы уложены в прическу, коса заколота вокруг головы шпильками с какими-то идиотскими пчелками и цветочками, платье вообще неясно из какого века вынырнуло. Цвет мочи молодого поросенка, Яна в жизни бы такое не нацепила. Длинное, все в рюшечках и оборочках, с глухим воротом, клеш от груди...

Фигня какая-то!

Анна тоже была в недоумении. Чего бы она ни ждала, но...

Разве это – женщина?!

Разве женщины ТАК одеваются?!

Перед ней стояла девица непонятного сословия. Коротко остриженные волосы – актриса? Кожаная куртка, как у авиаторов, а потом... штаны?!

Женщина в штанах?

Да за такое проклянут! От церкви отлучат!!!

Ладно еще под юбку брюки надеть, но чтобы открыто?!

И что это у нее на ногах? Какие-то странные ботинки, еще и шнурки разноцветные...

Ничего не ясно...

Анна протянула вперед руку.

– Кто вы, тора? Мое имя Анна, я дочь тора Петера Воронова.

– Еврейка, что ли? – прищурилась Яна. – Я... я тоже, наверное... зови меня Яной. Мать у меня действительно еврейка, но мне, честно говоря, плевать, где она сейчас.

– Что такое еврейка?

На этот раз растерялась Яна.

– Ну... ты же сама сказала – тора?

– Ах, так вы из благородных? – Анна выдохнула с облегчением.

Странности начинали находить свои объяснения... наверное.

Объяснения девушек прервал тихий смешок.

– Вы обе – из благородных, хотя одна из вас и не знала об этом.

Девушки разом обернулись.

К ним подходила женщина.

Высокая, стройная, в длинном сером платье, которое оценила даже Яна. А Анна так и просто замерла в невольном восхищении.

Платье было словно сшито из бриллиантовых нитей и искрилось так, что глазам было больно. Но свою обладательницу оно не затмевало.

Идеально правильные черты лица.

Именно так.

Идеально правильные.

Высокий лоб, точеный нос, идеальной формы овал лица, словно рубинами выложенные губы – красота из тех, на которую хочется смотреть даже не годами – веками. Красота вне времени и моды.

Красота безусловная.

Громадные черные глаза на тонком лице – и при этом совершенно белоснежные платиновые волосы, уложенные в сложную прическу.

Матовая белая кожа без малейшего румянца.

А руки!

Хотите узнать, тор перед вами или жом? Смотрите на руки, они совершенно разные. И не из-за мозолей и шрамов, тор тоже может работать, а жом пребывать в праздности. Из-за строения рук.

У женщины были руки настоящей аристократки. Тонкие, изящные, с длинными пальцами, с идеальной формы ногтями... Единственное кольцо с черным бриллиантом в форме ромба только подчеркивало их совершенство.

Яна опомнилась первой. Анна все же была более робкой.

– А вы, простите, кто? Сестра милосердия?

Женщина от души расхохоталась. И вот тут вздрогнули обе девушки. словно за шиворот им по ледышке бросили.

– Я? Забавно. Так меня еще не называли...

– А как вас называли, тора?

Анна решила быть предельно вежливой. Что-то подсказывало ей, что оскорблять местную повелительницу смертельно опасно. А если так...

– Умная девочка. В вашем мире меня называют Хелла. А в мире твоей собеседницы – Хель.

Яна открыла рот.

Анна тоже.

Вот в этот раз у них реакция оказалась одинаковой.

– Не может быть!

Прозвучало так слитно, словно девушки год репетировали. Хелла или Хель рассмеялась снова, заставляя собеседниц поежиться.

– Да неужели? И почему?

– Потому что Хелла изображается как скелет в драной мантии, и с волчьей головой, – честно ответила Анна. А что? Ведь так и изображалась...

– Никакого вкуса у живописцев, – продолжала веселиться женщина. – Я не такая...

– Но и не состоящее из двух половин чудовище, – пробормотала Яна. Кое-что из скандинавской мифологии она слышала, и про Хель тоже. – Дочь Локи и Ангрбоды? Богиня смерти?

– Угадала, – кивнула... богиня? – Я действительно богиня смерти.

– А почему мы здесь? – уточнила Анна, начиная подозревать нечто нехорошее.

– Потому что вы – умерли.

Анна открыла рот и икнула.

Яна не икала. Но сказанное ею лучше было не цитировать, если только пьяному сантехнику под настроение.

– А почему я чувствую себя живой?

– Потому что вы в моих чертогах.

Яна потеряла нос. Но прежде, чем она решила задать следующий вопрос...

– За что именно нам такая честь?

Соображает соседка.

Хель смотрела несколько секунд, серьезно и вдумчиво. А потом махнула рукой.

– Садитесь, девочки.

Из пола принялись расти два кресла. Словно тюльпаны – выпустили ножки, раскрыли лепестки, и Яна осторожно опустилась на одно из них.

Удобно.

В меру мягко, в меру твердо, попу не натрешь, но и не провалишься.

– Спасибо.

– Благодарю вас.

Хель с иронией смотрела на девушек. Даже то, как они сидят...

Анна – вытянувшись в линеечку, спина идеально прямая, подбородок поднят, руки сложены на коленях, поза полна непринужденного изящества.

Яна – откидывается назад, пробуя кресло, потом наклоняется вперед и сосредотачивает все свое внимание на богине. Какое уж там изящество? Ноги раздвинуты, руки упираются в колени...

Разные девочки.

Очень разные...

И в то же время...

– Вы попали сюда потому, что в вашей родне были мои жрицы.

Два рта приоткрылись совершенно одинаково. Буковкой «О».

Яна опомнилась первой.

– Ну... наверное, возможно. Чисто гипотетически, к нам на Русь кто только не шлялся. Могли и оставить генофонд. А это как-то повлияло? Или повлияет на нашу смерть?

Анна покачала головой.

– Отец никогда ни о чем таком не рассказывал. А мы знаем свою родословную, на протяжении тысячи лет... это было раньше?

Хель снова качнула головой.

– Позже. Намного позже, еще двести лет тому назад. Мать первого царя из династии Вороновых принадлежала к роду моих жриц.

– Ой...

– Она принесла мне в жертву последнего сына прошлой династии, ребенка царской крови, и я позволила Вороновым занять престол.

– Ой...

Анна закрыла рот ладонью. Ее, кажется, затошнило.

– А у меня кто был? Не скажете? – Яна не удержалась. Любопытно же!

– А у тебя история идет в прошлое еще дальше. Фамилию Романовы слышала?

– Да их столько было...

– Последний император.

Яна выругалась еще раз.

– Вы серьезно? Это... вот это, которое страну просрало и до революции довело, – мой предок?!

– И самый прямой.

Кажется, богиня наслаждалась происходящим. Девушки ее определенно забавляли.

– Но – как?! У него же жена с гемофилией, мы, по идее, тоже должны... туда?

– Не совсем. Болезнь может передаваться девочкам – или не передаваться. Точнее, вы можете перенести ее своим детям – или не перенести. Рисковать никто не хотел, конечно же. Порченная кровь. Но одна из дочерей последнего императора все же решилась. Она полюбила, она родила ребенка от любимого человека и отдала его на воспитание. Не хотела, но любимый человек настоял. Он был ей не ровня, он понимал, что император его уничтожит... жениться точно не разрешили бы, а что будет с ребенком? Так что малыша отдали его родной тетке. Та была бездетна и не стала спорить с братом. Потом началась Гражданская война, великая княжна погибла, ее любимый тоже сгинул на фронте, а их ребенок выжил. Хотя приемная мать и не рассказала ему ни о чем. Так было спокойнее и безопаснее, в первую

очередь для малыша. И – да. Он родился полностью здоровым. Мальчик вырос, у него был сын, внук – и наконец родилась ты, Анна.

Яна фыркнула.

– Терпеть не могу это имя. Дебильное.

– Хорошо. Яна.

Яна медленно кивнула.

– Понятно. Предок у меня, конечно, дрянь. Ну и ладно, мне плевать два раза!

– Это твоя кровь.

Яна потерла лоб.

– Что сказали – спасибо. Но... я вам честно скажу, если б меня сейчас признали... на фиг такую родню! Кстати, а почему я тогда не Романова?

– А ты бы хотела жить с такой фамилией – ТОГДА?

Яна подумала и покачала головой.

Это как во время Великой Отечественной ходить в кожаном пальто и орать «руссиш швайн». Пришибут к чертовой матери.

– Твой предок тоже хотел жить. И поменял фамилию, благо это было недорого.

– Спасибо за разъяснения. Но все равно мне это... даже слышать такое – и то жутко. Уж простите.

– Понятно. А ты, девочка?

Анна вздохнула.

– Это – моя кровь. И...

– И история у тебя та же самая, верно?

Великая княжна кивнула с самым несчастным выражением лица.

– Да. Но...

Хель подняла руку.

– Предупреждая ваши вопросы – вы обе умерли. И перед смертью воззвали ко мне.

Несколько секунд девочки молчали. А потом...

– Ой...

– Ёпта...

– Осталось решить, что мы будем делать дальше, – с милой улыбкой добила их богиня.

Яна подняла руку, словно примерная школьница.

– Можно? – Дождалась благосклонного кивка и продолжила: – Я правильно понимаю, что есть еще какое-то решение? Кроме смерти?

– Правильно.

– У меня сын. И я не могу его бросить.

– И у меня сын. – Анна распрямила плечи еще сильнее. – Если что-то нужно сделать... только скажите!

Хель искривила губы.

– Сын... и у одной, и у второй... только вот матери думают о детях лишь на пороге смерти.

– Что?! – Яна даже подобралась. – Вы не смеете!

– Молчать, – ледяным тоном приказала богиня. – Ты забеременела по глупости. И вот это – твоя вина. Помнишь? Твои вечеринки в первый месяц беременности?

– Но я же не знала!

– Догадывалась. И надеялась, что само рассосется или будет выкидыш. Разве нет?

Яна опустила голову.

На колени капнула слезинка, вторая...

– Да. Дура была...

– И осталась. Вторая еще лучше – бросить ребенка на произвол судьбы... тебе рассказать, что сейчас творится в Звенигороде?

Анна выглядела не лучше.

– Я виновата.

Хель чуть смягчилась.

– Что ж. У вас действительно есть шанс. Вы потомки моих жриц, вы воззвали ко мне, вы пообещали – все. Поэтому я дам вам шанс.

Девушки резко выпрямились.

– У вас будет возможность вернуться. На год.

– На год?!

– Не перебивай.

Яна послушно заткнулась и даже рот себе рукой зажала. Чтобы не ляпнуть чего не надо.

Год?!

За этот год она моря выпьет и горы свернет! Лишь бы Гошка... да, была душой! И что? Никто и никогда не бывал?

И веселилась с парнем!

И не подумала.

И пила, и травку попробовала... ей же двадцать лет было! Даже девятнадцать! Второкурсница!

Чего от нее было ждать?! Гениальности Эйнштейна?! Так он в физике был гений, а в семье... Несколько жен, дети с отклонениями, куча любовниц... Гениальности это не отменяло, но жить-то с ним как?!

– Мое условие. За год вы должны спасти детей. Ребенок должен быть спокоен за свою жизнь. И если я сочту, что условие не выполнено, пеняйте на себя.

Девушки закивали.

– Ребенок должен быть здоров, обеспечен, устроен – надеюсь, это понятно обеим?

Опять согласные кивки.

– Второе условие – четыре жертвы.

Девушки переглянулись.

– Жертвы?

– Да. Сразу уточняю: человеческие жертвы. Петухов, попугаев и крыс из зоомагазина не предлагать. – Богиня явно издевалась. – Четыре человека, убитые... Впрочем, как и где вы их убьете – непринципиально. Можете просто сказать: тебе, Хель.

Девушки переглянулись.

Во взгляде Анны был ужас.

Во взгляде Яны...

У девушки была своеобразная биография. И она искренне считала, что жертва... К примеру, какой-нибудь милейший маньяк. Или педофил. Или просто убийца...

Яна подняла руку.

– Да?

– А моральные качества жертвы? Ну там... девственница или что-то еще...

– Безразлично.

Яна кивнула. Вот так, навскидку, она могла бы принести в жертву богине своего начальника, наркомана из соседнего двора и трех теток из жилконторы. Главное – отловить.

– Я никогда не...

Яна пнула соседку по ноге. Сильно.

– А...

– От этого зависит жизнь твоего ребенка.

– Я согласна.

Яна и не сомневалась. Нормальная мать за своего ребенка не то что маньяка порешит – она целый город напалмом зальет. И не задумается. Это – материнский инстинкт.

– А чтобы вы не думали, что я такой уж изверг... я могу помочь вам лишь одним. После принесения четвертой жертвы вам будет доступна сила вашего рода.

Девушки наострили уши.

Увы, полученное не обрадовало.

– Вы сможете приказать человеку умереть. Условие – вы должны быть рядом с ним и видеть его.

Яна задумалась.

Полезное, вообще-то, умение.

– А одному или несколькими?

– Одному. Только одному. А если несколькими – сама за ними уйдешь. Ко мне.

Улыбка у Хель была...

Брр.

Вроде и красивая, а жуть берет. Хотя ни клыков, ни крови, а вот поди ж ты.

Яна медленно кивнула.

– Быть рядом и видеть, кому приказываешь?

– Да.

– Это тоже будет... жертва?

– Да.

Яна медленно кивнула. Она поняла.

А вот Анна...

– Я... я никогда... я не знаю. Я постараюсь.

Хель пожала плечами.

– Старайся. К сожалению, отправить вас в родные миры я не смогу. Для своих миров вы умерли.

Анна сообразила первой.

– Получается... вы можете отправить меня – в ее мир, а ее – в мой?

– Да.

– Но мой ребенок...

– Ты позаботишься о ее ребенке, она – о твоём. Подведете друг друга – все умрете. И дети ваши погибнут.

Анна всхлипнула.

– Жоржи...

Яна подняла брови.

– Как зовут твоего сына?

– Георгий.

– И моего...

Женщины переглянулись, обретая нечто вроде... понимания. Яна даже телефон по карманам поискала, но телефоны магия не предусматривала.

– Ох... а как же она? Если она из невесть какого мира? Она ж даже сотовым пользоваться не умеет, она рехнется! – честно высказалась Яна в лицо богине.

– За себя ты не боишься?

– Боюсь. Но я умею разговаривать на универсальном языке – языке силы. – Яна пожала плечами.

– Думаю, это не окажется лишним.

– Эм-м-м... ваша божественность?

– Называй меня просто – Хелла. Так и быть.

– Спасибо. Скажите, а... я правильно понимаю, ее сейчас убивали? Вместе с семьей?

Яна невежливо ткнула пальцем в Анну.

– Да.

– А... я точно смогу что-нибудь сделать? Или меня штыками добьют? Я не икс-вумен, не росомаха и когтей у меня нет. Побуду там минуточку, да и обратно, к вам, люлей получать.

Хелла усмехнулась.

– Я знаю твое прошлое, девочка. Рука у тебя не дрогнет... а чтобы вовсе уж верно было – я дам тебе свое благословение.

– А...

– Оно для тех, кто будет убивать. Действует короткое время, но пока работает – твоя рука не будет знать промаха.

Яна кивнула.

– Спасибо. Это не лишнее будет. А Анне?

– Ей не нужно. Там ты уже постаралась.

– Все равно. Спасибо вам.

Богиня хмыкнула, но сказала о другом:

– Последнее, что я вам могу дать, – воспоминания друг друга.

– Спасибо, – от души высказалась Яна.

– Благодарю вас за милость, – вторила ей Анна.

– Еще вопросы ко мне есть?

Яна мотнула головой.

Анна не удержалась.

– Мы сейчас вернемся в мир. Я – в ее, она – в мой. Я должна спасти и устроить в жизни ее ребенка, Яна устроит моего. Ровно через год мы опять окажемся здесь. За этот год мы должны принести вам четыре жертвы. Убить людей. А... все равно когда?

– Совершенно. Можно всех четырех за один раз, – кивнула Хель.

– За это вы нам даруете магию. Мы сможем убить любого человека, просто приказав ему...

– Смотришь на человека и говоришь: именем Хеллы я забираю твою жизнь. И он умрет.

Девушки выдохнули.

Все же...

Чтобы так высказаться, надо озвереть. А то...

Вот представьте, наступил вам человек на ногу – и пожелали вы ему сдохнуть. У того и сердце разорвалось. Неправильно это как-то.

А если почти ритуал...

Это надежнее.

– Спасибо вам.

Яна вздохнула.

Не то чтобы ей нравился такой расклад, но...

– Нас точно нельзя каждую вернуть в свой мир?

– Вы мертвы для того мира. А еще... поглядите друг на друга.

Богиня плавно повела рукой. И перед девушками из пола выросло зеркало. Большое...

Яна глядела на девушек в зеркале.

Анна глядела на отражения...

Отражения были похожи как две капли воды. Правда, по-разному одеты, подстрижены и выражения лиц у них разные, поэтому и сходство в глаза не бросалось. Но в остальном...

Копии.

Те же каштановые волосы, те же карие глаза, те же улыбки.

– А это ваши сыновья.

Смена картинки.

– Гошка... – Яна всхлипнула, протянула руку к изображению, но дотронуться не посмела.

– Жоржи... – Анна всхлипнула почти одновременно с ней.

И мальчишки были похожи как копии.

Те же светлые вихры, те же карие глазенки, те же улыбки, даже зубы передние одинаковые – со щербинкой...

– Не важно, в каком мире это мой ребенок! – высказалась немного сумбурно Яна. И вдруг порывисто повернулась к Анне. – Ты мне Гошку сбереги. А я твоего откуда угодно вытащу!

– Он сейчас в Звенигороде... Обещаю!

– Положите руки друг другу на плечи, – громыхнул голос богини.

И отказаться не получилось.

Карие глаза встретились с карими, и между девушками протянулось... нечто.

Нити?

Воспоминания?

Яна застонала, чувствуя, как информация почти физически ощутимо переливается в ее разум... Больно.

Ничего.

Ради Гошки?

Вытерпит!

– У вас год! – громыхнул тот же голос.

И Яна почувствовала, что летит куда-то во мрак.

Глава 2

По лесу, по пустыне, в ранний и поздний час

Анна. Россия

Было больно.

Болела голова, болела спина, болело... Да все болело, откровенно-то говоря.

Анна всхлипнула и открыла глаза.

Память возвращалась медленно.

Неужели это – было?

Она...

Отец, маменька, сестры – и расстрел. Жестокий и беспощадный.

И последняя вспышка света – черная звезда.

И...

Анна поежилась. Неужели ЭТО – было?

Хелла.

Вообще, в Русине официальной религией считалась вера в Единого Спасителя, который снизошел на Землю и бродил по ней сорок дней и ночей, помогая людям и обучая их. А потом вознесся на небо...

А Хелла...

Сейчас это – демон ада. Но образование у Анны было хорошее, и она помнила.

Некогда небо населяли воинственные боги. Могучий Одаль, который разъезжает на огнегривом коне и поражает молниями нечисть, его ближайший помощник – бог войны, Рор, бог океанов и морей – Авьерт... И Хелла – среди прочих. Богиня смерти.

Это было давно, когда люди еще не знали истинной веры. Потом старые боги забылись...

Оказывается, не до конца.

И у нее в роду были жрецы Хеллы. Жрицы.

Страшно-то как!

Мамочки!

Рука сама метнулась сотворить символ Спасителя – лестницу, по которой он поднялся на небо. А в этом мире Спасителя нет. И символ другой... И рука повисла плетью на полдороге.

А можно ли?..

Анна кое-как поднялась.

Голова разламывалась и от своих воспоминаний, и от воспоминаний Яны, но сидеть здесь и пытаться все освоить? Ночью, на улице... Нет, это не выход.

Анна закусила губу. Память Яны была при ней, она подсказывала, куда идти домой, надо только дойти...

В подворотне раздался тихий стон.

Анна ахнула, огляделась вокруг...

Они пока еще были здесь. Те, кто напал на Яну. Те, из-за кого девушки поменялись местами. Здесь – и еще живые. Доживающие последние минуты своих жизней.

Анна ахнула, прижала ладонь к губам...

Рядом валялся нож.

Нож, на котором еще не высохла Янина кровь – ее кровь...

А ее ведь убили – здесь.

И шило, которым Яна пыталась защититься. У них же самооборону – нельзя, ножи – ай-яй-яй. А вот шило... несла в кармане, бывает. Случайно ткнула, не хотела плохого!

Рука сама прибрала его в карман, хозяйственно, привычно...

Оба мужчины были еще живы, и первый, и второй: шило оказалось коротковато, не достало до сердца. Но убить Яна пыталась всерьез.

А она... она – может?

Если бы Анна могла, она бы ринулась прочь. И, конечно, ничего бы не сделала. Только вот сил хватало пока только стоять. Анне казалось, что при первом же шаге она попросту упадет навзничь. Стоит только двинуться – и все.

Оставалось смотреть.

И...

Она может – убить?

Или нет?

Она...

Анна понимала, что у нее просто не хватит решимости. Вот так, беспомощных, безоружных... Яна бы смогла...

А еще – она должна Хелле...

Последнее было главным доводом.

Боги жестоки и коварны, и плодить долги богам – это нарываться на неприятности. А уж быть должной богине Смерти!

Анна даже охоту ненавидела лютой ненавистью. Убивать животных ради развлечения – гадко, гадко!!! А здесь – люди...

Но она слово дала...

Четыре жертвы...

Жоржи... Георгий, как и отец. Растрепанные волосики, круглые глазенки, вцепившиеся в платье маленькие пальчики...

Ее сын.

Здесь ли, там ли... Разве есть разница? Хелла не лжет.

Ради сына... она сможет?

Анна медленно опустилась на колени. Подобрала нож. И почти на четвереньках подползла к своим несостоявшимся убийцам.

Все княжны помогали в госпитале. Анна привычно провела рукой, нащупывая биение пульса... Есть.

Живой.

И... убить?

Ради сына.

Она должна остаться здесь на год, она должна сделать все, что угодно Хелле, ее вернули в мир...

Она справится.

Надо ударить точно в сердце. Вот сюда...

Сердце Анна тоже нащупала вполне профессионально.

Нож словно сам потянул ее руку вниз.

– Тебе, Хелла!

Тело под ее руками выгнулось, обмякло... раздался какой-то отвратительный булькающий звук – и Анна зажала уши.

Не слушать, нет...

И вытащить нож из раны.

Второй негодяй – еще жив?

Он был жив. И даже приходил в себя, стонал, пытался шевелиться, но получалось плохо...

Волной накатил ужас. Анна понимала, что здесь и сейчас она полностью беспомощна. Она не сможет защитить себя. А это здоровый мужчина, то ли пьяный, то ли в наркотическом дурмане...

Она ударила в услужливо подставленную спину.

Раз, и второй, и третий...

– Тебе, Хелла. Тебе...

Бессвязный шепот, срывающийся с губ.

И... неожиданный прилив силы. Словно она только что выпила бокал вина.

Сил хватило подняться.

А потом?

Вот оно – благословение Хеллы?

Анна действовала так, словно кто-то другой ее рукой водил. Она хладнокровно обыскала обоих мужчин, собрала все имущество в свою сумку, внимательно осмотрела закоулок с помощью фонарика в телефоне... м-да. Натоптала.

Но тут ничего не поделаешь.

Все проверить, все собрать, взять и нож и шило, завернуть в полиэтиленовый пакет, который Яна хозяйственно носила в кармане, и только потом отправиться домой.

Улики?

Какие-то идеи?

Мысли?

Только одна, как и у всякого испуганного, загнанного животного. Спрятаться, уползти, залечь в нору... Здесь и сейчас княжна Анна не сильно отличалась от загнанной лисы. Убежать и спрятаться. Спрятаться – и отлежаться.

Зачем она унесла с собой нож и шило?

Да она и в страшном сне на этот вопрос не ответила бы. Не осознавала еще. Действовала так, как подсказала память Яны. Интуиция Яны. Ее наука...

Вот и знакомый забор. И калитка.

Руки Яны все помнят, тело само нажимает кнопки кодового замка, само распахивает калитку ровно настолько, чтобы та не скрипнула, быстро и тихо проходит по двору...

Шаг, второй, третий...

Кажется, кто-то собирается выйти во двор, но уже поздно. Анна открывает дверь своего дома – и проскакивает туда.

И оседает на пол.

Сил хватило кое-как задвинуть засов изнутри – и поползти до убогой кровати. Упасть, не раздеваясь, и прижать к себе нож.

Все завтра, обо всем она подумает завтра, завтра... Сегодня и сейчас ее силы исчерпаны. Ей надо хоть немного поспать, все остальное потом.

Кошмары?

В том ужасе, в который превратилась ее жизнь, кошмарные сны попросту не котируются.

Анна провалилась в сон, даже не сняв ботинки. И не поняла, что успела в последнюю минуту.

На улице разразилась гроза. Да такая...

Форменный водопад.

Дождь ливанул в единый момент, промочив все и всех насквозь, смыв все следы и начисто уничтожив улики. Трупы, конечно, остались, но...

И лил он до утра.

А Анна спала – и во сне видела Яну. Видела отданную ей память...

* * *

Яна?

Нет.

Ее тезка. Анна.

Только вот родное имя никогда не нравилось Яне. Мать назвала ее в честь бабушки – своей матери, но Яна ее и в глаза не видела. Да и мать...

История семьи начиналась для Яны с того момента, как девушка из достаточно богатой семьи решила развеяться с компанией таких же сопляков. Съездить отдохнуть в заповедник.

Ага, прогулялась, называется.

В лесу главный – лесничий. Вот он, Петр Валентинович Воронов, и царил безраздельно в заповеднике.

Он был не в восторге от компании мажоров, но кто платит – тот и заказывает музыку. А их бабы... Манерные дуры и стервы.

Диагноз Воронов поставил совершенно правильно. Но...

Судьба бывает большой шутницей.

Ровно на третий день мать Яны поссорилась с парнем. Тому, видите ли, захотелось секса в коллективе, а девушка искренне считала, что раз уж она снизошла до убогого, то о групповухе не может быть и речи. Пусть любит ее и восхищается.

Слово за слово, бутылкой по столу...

Дело кончилось дракой, половину компании увезли в травмпункт, а Ангелина осталась в лесничестве. И как-то незаметно оказалась в постели лесника.

Хороша была – невероятно.

Яна мать помнила... и та до странности была похожа на ее императорское величество. Разве что волосы не прямые и серебристые, а золотые и кудрявые. А вот черты лица, фигура... Есть от чего сходить с ума мужчинам.

Конечно, это приключение ничем не кончилось бы. Мало ли кто и у кого в постели оказывается?

Если бы Ангелина не забеременела.

Если бы у нее не оказался отрицательный резус. А при отрицательном резусе аборт может потом и бесплодием обернуться. Случается. Если у женщины минус, если у мужчины плюс...

Если бы ее родители не уезжали за границу, в Израиль на постоянное место жительства, наплевав на дочку-свистушку.

И если бы Петр не оказался честным человеком, который предложил девчонке руку и фамилию.

Сердце?

Сердце он отдал маленькой Яне. Сразу – и навсегда.

Малышка росла папиной дочкой.

Сначала у мамы не было молока и папа выкармливал Яну козьим молоком, ради этого заведя козу и научившись ее доить.

Потом, когда малышка чуточку подросла и начала болеть, – выкармливал ее ягодами, выпаивал опять же молочком, растирал барсучьим жиром... Постепенно малышка превратилась в здорового и жизнерадостного ребенка, который носился хвостиком за папой.

Мама их бросила, когда Яне было пять лет.

Лесничество по-прежнему посещали охотники. И одному из них приглянулась жена лесника.

Что сказать?

Поохотился.

Добыл, порадовался, увез...

А уж как порадовался лесник, который понял за эти годы, что дельфин с русалкой вот ни разу не пара. Да он счастлив был!

Подписал все бумаги на развод и в качестве отступных получил квартиру для Яны. Не абы где, в областном центре. Хотел отказаться, но Ангелина уговорила.

Для дочери ведь!

Мало ли – захочет учиться, приедет... Опять же, квартиру можно сдавать, деньги класть на счет... поди, плохо? Считай – с нее единократные алименты. Раз уж девчонка с ним остается.

Петр внял и согласился.

Так он и делал все время. Сдавал квартиру, копил деньги для дочери.

Взять дочь с собой? Ангелина не могла и не хотела этого. Да и Яна не хотела. Стопроцентно папина дочка.

Папа научил ее ходить по лесу, скрадывать зверя, ставить и разряжать силки и капканы, стрелять и бороться, свежевать зверя и готовить еду на костре...

В четырнадцать лет Яна убила своего первого кабана, а это звери хитрые и умные, не абы что и кто.

Отряд спецназа с удовольствием принял бы Яну Воронову в свои ряды.

Учиться в школе? Заочно. Экстерном. По заданиям, по книгам, которые Петр привозил на заимку в огромных количествах, потом по интернету, когда он наконец появился в лесничестве...

Яна росла не дурочкой, но лесной девочкой.

Пройти по болоту? Пожалуйста!

Разобраться в сортах вина? Или сервировать стол? Смеетесь вы, что ли? Какие столы в лесу? Сказать – и то смешно!

Впрочем, в семнадцать лет идиллия кончилась. Отец настоял, чтобы Яна ехала и получала образование. Яна подумала – и согласилась. А что? Медиком она быть не хотела, ветеринаром тоже, а вот биологом... чтобы потом работать с отцом, вот здорово-то будет!

Так и решили!

Яна отправилась в областной центр и подала документы на биофак. Прошла, кстати, с первой попытки. Память у нее была – изумительная, сдать смешные экзамены в тестовой форме – да хоть шесть раз! Это же не энциклопедические знания, это простой список тем. Выучил – и гони на конях...

Квартира была, деньги на первое время были – и началась студенческая жизнь.

Казалось, все будет хорошо и спокойно. А потом грянула первая любовь.

Он!

Красивый, умный, модный, одетый от-кутюр, богатый, единственный сын у своей матери...

Сережа Цветаев.

Что он нашел в Яне?

Скорее всего, экзотику. Девушка, которая может и убить и освежевать кабана, – редкость в институте.

Что в нем нашла Яна?

Так она же раньше никогда с такими не сталкивалась! Красивые слова, как в романах, цветы, подарки...

Любовь!

Секс, конечно.

И – беременность.

Прекрасный принц обернулся склизкой жабой ровно в тот момент, когда предложил Яне пойти на аборт. Яна послала принца – и уехала к отцу.

Что там было дальше – она не знала, она просто перевелась на заочный. А что такого? Если можно? В деканате ей пошли навстречу и стали высылать контрольные работы.

Яна поблагодарила и стала отсылать их обратно. А заодно прикладывала к работам дары природы. К примеру, копченую лосятину. Или кабаньих окорок – если правильно приготовить, пальчики оближешь и язык проглотишь!

Так и училась, и неплохо училась.

Любовь?

Какая любовь?!

Гошка же!!!

Сын стал Яниной любовью с первого мгновения. Стоило только взять малыша на руки...

Яна сама кормила его, сама вставала по ночам, сама купала, пеленала... Ладно! Не пеленала! И малыш лягался и пинался в полную силу.

Дед тоже был счастлив. Георгий Петрович Воронов – плохо, что ли? Наследник, продолжатель династии...

Так что тут беды не было. А вот когда Гошке исполнилось четыре года...

Малыш простыл и заболел. Простуда перешла в пневмонию. Вроде бы вылечили, но Яна повезла его в областной центр – мало ли что? Вот в больнице анализы и взяли. И осложнением пошел порок сердца. Или не успели, или недолечили, или...

Кого тут обвинишь, кроме себя самой?

Состоялся семейный совет, на котором было решено следующее.

Лечение у нас, конечно, бесплатное. Деньги на счете есть, их не так мало, но этого не хватит. Потому – продаем квартиру и добавляем. Тогда уложимся.

Покупаем конуру для собаки – было бы где спать. Яна остается в городе рядом с малышом, носит ему передачи, зарабатывает, потом, когда лечение закончится, забирает его и уезжает в лесничество.

Да, отец остается работать лесником. Кому-то же и кормить всю компанию нужно?

Опять же, выйдет малыш из больницы, Яна его в охапку – и на природу. Ее на молоке да ягодах на ноги подняли – и мальчика поднимем! Никуда не денется!

Так и оказалась Яна в этой хибаре.

А ее малыш лежал в больнице, был прооперирован, прошел курс дорогостоящего лечения, сейчас проходил второй, и врачи считали, что через полгодика его можно будет выписывать.

Если все пойдет хорошо.

Если не случится ничего непредвиденного.

Если...

Замечательное слово, не так ли?

Его отец? Какой, простите, отец? Цветаев? Нет у малыша отца. Точка.

А вот мать...

Яна винила себя в болезни малыша.

Она ведь росла «лесной девочкой». Она практически ничего не знала о женском организме. То есть, чем занимаются мужчины и женщины, она знала, и про беременность, и про роды – попробуй не узнай, в лесу-то! Но к себе это не применяла.

Отец ей объяснил про критические дни, краснея и заикаясь (нелегкое это было для него дело), Яна прочла про все остальное – и успокоилась. А студенческая жизнь крутила и вертела.

И водочка в ней была, и даже травка... Когда Яна узнала, что беременна, – она сразу это прекратила. Но узнала она об этом только на третьем месяце!

Токсикоз?

Да она слова-то такого не ведала!

И... критические дни один раз пришли. Такое тоже случается. Не сразу отключились, а со второго месяца, Яна и не поняла ничего. Как тут сообразишь? Яна искренне считала, что, веди она более здоровый образ жизни, Гошка был бы сейчас здоров. И судя по словам Хеллы... Похоже, это действительно так.

Сейчас Яна делала для сына все возможное. Но лечиться ему еще долго.

А Анна...

Вот ведь проблема!

Жить-то Анне как?

Лишних денег у Яны не было вообще. Малыша хочется чем-то побаловать, подарок подарить, игрушку какую... а зарабатывать как?

В родном мире Анна ничего делать толком не умела.

Да, работала в госпитале. Но – как работала? Судна из-под раненых не таскала, полы не мыла, даже из операционной ее выгнали – дурно стало. Да и...

Анна сверилась с воспоминаниями.

В этом мире просто так работать в госпитале не пустят, нужен диплом. Как и в Русине, кстати говоря. Так что госпиталь отпадает. И платят там мало, едва ли на жизнь хватит, но уж точно не на сына.

Что она еще умеет?

У нее хорошие манеры. Она прекрасно танцует, поет, вышивает, разбирается в драгоценностях, умеет поддержать беседу...

По здравом размышлении Анна подвела печальный итог.

Ее готовили быть женой и матерью. А зарабатывать деньги ее попросту не готовили. Вообще. Никак. Банки, инвестиции... Ее потолок – благотворительный бал или вечер. Вот тут она в своей стихии. Она может идеально все организовать.

А вот вложить деньги, или как тут... кредит, заем... Нет, она с этим не сможет справиться.

Яна сейчас работала смотрителем полигона для страйкбола.

Следила за полигоном, выдавала оборудование, убиралась после игр в войнушку – да много чего надо было делать! Только вот получится ли у Анны?

С воспоминаниями Яны – получится. Криво ли, косо... вот именно, что криво и косо! Да и не заработаешь на этом достаточно, надо искать другую работу. Только какую?

Торговать? И навык нужен, и умение, и сноровка – Анна не обольщалась. Не умеет она это.

Но научится!

Понадобится – она всему научится! Ради своего сына...

Там, далеко, Яна позаботится о Жоржи. А она...

Анна вдохнула, потом выдохнула.

Ее сын – здесь.

Точка.

Ее ребенок, ее малыш, ее Георгий – он здесь. Из этого и будем исходить.

Ей надо сделать все для сына. Она справится.

Русина, окрестности г. Зараево

Яна пришла в себя рывком. Словно удар молнии.

– Проверь всех! Добей, если кто не сдох!

– А то! Ишь ты, кровопивец! Ты посмотри, сколько на нем всякого добра? Небось, в три слоя... нахапал у народа!

– А ты на баб глянь! Понятно, почему эту... штыком пришлось! На ней же как нагрудник из золота! И блестячки тут...

– Снимай и складывай в общую кучу. Потом опишем.

Голос был холодный и донельзя противный.

Яна рискнула приподнять ресницы.

Ага.

Она лежит головой к окну, голова, кстати, болит зверски, и не добила ее пока еще только потому, что она свалилась за кресло.

Удачно упала.

В комнате четверо.

Сколько в доме? Черт его знает... Одежда вся в крови? Не важно! Важно другое... револьвер!

У того, кто говорил, мужика в распахнутой кожанке, за поясом револьвер! И стоит-то как удачно, почти что в двух шагах, жаль, она пока дотянуться не может... Ничего, сможет!

Боже мой, почти револьвер Нагана!

Яна едва не расплакалась от умиления... ах ты моя прелесть! Попади ей в руки эта игрушка – она всех в расход выведет.

Спасибо, Хель!

А винтовки? Чем-то похожи на «мосинки», но немного другие. Форма? Отделка?

Дура, нашла время!

Главное, здесь есть огнестрельное оружие!

– Тут еще одна, за кресло завалилась. Щас проверю...

Кресло отодвинули в сторону, и к Яне начал наклоняться молодой (может, даже моложе, чем она) паренек. Совсем юный, еще молоко на губах не обсохло, лет двадцать сопляку. А на расстрелы уже берут.

На расстрел императора.

Проверенный, значит... Такого и убить не жалко.

Тело действовало как привыкло.

Дурашка, ну кто ж так поступает? Ногой бы перевернул... но тут неудобно, она лежит вдоль стены, на спину не перевернешь, если только пнуть... А он наклонился.

Дальше Яна действовала как автомат.

Кинжал в руке приятно придавал уверенности. И разрез на горле у парня тоже придал ей уверенности. Ровный, точный, кровь потоком так и хлынула – и Яна оттолкнула сопляка, перекатилась по полу...

Чертово платье!

Жеванные мухоморы, в жизни больше эти тряпки не надены!!!

Ничего, и так сошло.

Это тело не было тренировано, но танцевать на балах тоже, знаете ли, подготовки требует. И жизнь принцессы вовсе не настолько уж

легка и беззаботна, кое-какие спортивные навыки есть...

Яна выжала из тела все, что могла.

Крутанулась по полу, оказавшись вплотную с мужиком в кожанке, и подбила его под ноги.

Такого коварства от принцессы никто не ожидал.

«Кожаный» рухнул, словно дуб обвалился, а револьвер мгновенно оказался в руке у Яны.

– Тебе, Хель!

Выстрелы прозвучали негромко. Да и кто на них обратит внимание? Может, контрольные? Добивают кого? Они ждали, они наверняка на это рассчитывали...

Один труп, второй... «кожаный» неплохо приложился головой, но оставлять за спиной такого врага? Нет, Яна не могла так рисковать.

Третий выстрел, в упор. Вот так, отлично!

Эх, не сообразила она и первого Хель подарить! Дура! Ну ничего, авось не последние покойники...

Тело Яны было наполнено острой злой силой. Она медленно поднялась на ноги.

– Суки!

Пинок достался «кожаному», чтобы стравить адреналин.

Яна огляделась.

Так... в комнате четыре тела подонков (те, кто пытался ее убить, – по определению подонки) и своих... Петер, его супруга, четверо дочерей. Шестеро своих.

Где остальные негодяи?

Хотя и так понятно. Контролируют окрестности и уничтожают прислугу. Не сами ж императоры за собой ухаживали.

От окна раздался слабый стон.

Яна выругала себя debilкой – и бросилась туда.

Кто-то жив?

Отец...

То есть – Петер Седьмой.

Все верно, и император, и его супруга, и принцессы – все таскали на себе «золотой запас». Эдакие жилеты с подшитыми в них драгоценностями. Только вот не всем повезло.

Императрице пуля пробила горло – тут не поможешь. А отец...

Яна опустила на колени, бросила взгляд на рану...

Тоже не жилец. Чудом еще дышит...

– Ан... на...

– Я жива. Сейчас разберусь с подонками.

– Ос...

– Остальные? Прости, пап. Не успела, – Яна говорила как привыкла, но император не удивлялся. Сейчас, наверное, его бы и Господь Бог не удивил, разве что воскресить изволил бы.

– Моя воля, – император говорил почти шепотом, невнятно. – Кольцо... наследуй...

Кольцо на нем было только одно.

Здоровущий перстень – черный камень в звериных лапах. Что за камень?

А кто ж его знает?

Яна коснулась его руки.

– Клянусь. Они не уйдут безнаказанными.

Глаза Петера закрылись, словно ему безумно тяжело было держать веки открытыми. Потом медленно открылись – и поглядели на Яну.

И столько любви в них было.

Столько боли...

Нельзя сказать, что Петер Седьмой был плохим государем. Скорее – никаким. Ни плохим, ни хорошим, ни... Просто – никаким.

Но отцом он точно был хорошим.

Секунда – и из глаз ушло это выражение. И что-то еще... Душа.

Яна прикусила губу.

Всего одна секунда. Всего. Одна. Секунда.

И все же этот человек стал ей не чужим. Спи, Петер, я за тебя отплачу. С лихвой отплачу.

Яна прошла по комнате, быстро проверяя пульс у «сестер».

Три – мертвы. Четвертая...

Повезло самой младшей. Нини. Она же – Зинаида.

Яна пригляделась к ране. М-да... Повезло? Пуля на что-то наткнулась, отклонилась и все равно ранила мелкую, но не смертельно. Рикошет.

Крови много, а помереть – вряд ли... Болевой шок, похоже. Если пуля в плече... лишь бы в кости не застряла.

Ладно, потом разберемся. А пока...

Яна ухмыльнулась. Наклонилась к Аделине Шеллес-Альденской, нынче – мертвой императрице, и зачерпнула уже холодеющей крови.

– Уж простите. Надеюсь, вы меня поймете правильно... а эти придурки примут за восставшего мертвеца.

И Яна щедрой рукой ляпнула кровь на платье, потом на лицо...

Макияж в стиле «вамп». Стильно, дешево, быстро.

Проверила револьвер, перезарядила, без малейших угрызений совести вытащив патроны у «кожаного», сунула остаток патронов к себе в карман – и приоткрыла дверь комнаты.

Пока – щелочку.

Никого?

Тогда мы идем к вам!

* * *

Яна еще не знала, что в эту секунду глухо и протяжно зазвенел Царь-колокол.

Император умер – один звон.

Он плыл над столицей, густой, малиновый, протяжный и тоскливый. И выходили из домов люди, и жом Тигр ухмыльнулся, глядя в окно, а жом Пламенный прервал свою речь...

Колокол протяжно прозвенел – и стих.

Император умер.

Но прежде, чем кто-то успел сказать хоть слово...

Второй звон. Третий. Четвертый...

Да здравствует... император?!

Один удар колокола – на смерть. Три – наследник вступил в свои права.

Но – кто?!

Как?!

Корона и все регалии – здесь, ЗДЕСЬ!!! В столице, в Звенигороде, под присмотром... И короновать наследника никто не мог. Их вообще должны были убить всех!!!

КАК?!

Ответа не было. А слухи – слухи, считай, уже пошли.

Император умер.

Да здоровствует император!

* * *

Кого бы ни ждали убийцы...

Яна делала ставку на страх.

Все же не хрен собачий – императора убивать пришли. А значит, ждут всего самого неприятного.

Чего? А не важно, чего!

Это же император!

Он по условиям задачи настолько же далек от народа, насколько народ – от тараканов. Ладно, ладно, пример не совсем качественный, все же живут они рядом... но таракану до человека не дотянуться. Это уж точно.

Да и церковь тут какая-то есть, тоже свою функцию выполняет на совесть, учит людей прогибаться во всех интимных позах.

А теперь представьте.

Вот пошли ваши товарищи убивать царя. А тут спускается привидение, морда в крови, руки в крови, стонет, зубы скалит, к вам руки тянет...

Хоть на секунду рука дрогнет?

Однозначно.

А Яне больше и не надо было.

Трепет?

Угрызения совести?

Да вы, господа, смеяться изволите! Она в лесничестве росла, а там водятся такие животные – браконьеры называются. Твари опаснее волчьей стаи. Прوماхаешь ушами – и над тобой лопухи зацветут.

Яне и стрелять доводилось, и на мушке подонков держать, и кровь видела. До этого дня, правда, не убивала, ну так что же?

С почином, значитца.

А все остальное в пользу мертвых.

Первой жертвой Яны стал мужчина лет сорока, который стоял в конце коридора. При виде девушки он дернулся, едва папиросу не проглотил... Нет, не папироса. «Козья ножка», самокрутка. И, кажется, не с табаком. Яна всю наркоту не знала, но анаша похоже припахивала.

Замечательно! Наширялись – и на подвиги!

Револьвер послушно выплюнул пулю, помогая негодяю открыть «третий глаз».

Глаз открылся.

Яна даже головы не повернула, прошла мимо. Беспечность, конечно, но после пули в голову и так не живут.

Дом был не слишком большим, двухэтажным. Первый этаж – большая гостиная, столовая, библиотека, подсобные помещения: людская, кухня, кладовки...

Второй этаж – восемь комнат. Спальни, спальни... хватило на всех. И на императорскую семью, и на личного доктора его императорского величества, который так и не покинул своего монарха, и на верную мамину подругу, и на нескольких слуг... Слуги, правда, жили на чердаке...

Да, чердак и подвал.

Слуг согнали на первом этаже. Императорскую семью – на втором.

Яна помнила устройство этого дома, хотя отродясь в таких домах не бывала. Память Анны. Ее разум, ее знания.

Дверь в библиотеку была открыта. И шум оттуда слышался – туда Яна и пошла.

– ...Все?

– Да уж точно, небось слышал стрелялки?

– Ага. Страшно-то как, дядька! И девки там молодые, зря их...

– Девки! Анператорские дочки то, а не девки!

– Ну так можно б их сначала повалить, а потом стрельнуть!

– Ты молчи, дурак! Дойдет до Тигреныша – кровью умоешься!

Яна так поняла, что Тигренышем прозвали «кожаного». А что, похож чем-то. Глаза такие, медовые, волосы черные, кожа смуглая... Кавказец?

Здесь это называется «горец». И горы – не Кавказ, а Ферей. Ферейские горы, и здесь не кавказцы, а ферей.

Впрочем, мысли никак не мешали Яне. Шаг вперед, еще один – и упасть на колени в дверном проеме.

Риск, конечно. Но если она так не сделает...

Черт, ну не икс-вумен она! А как хорошо было бы! Пришла, всех перебила...

– Тебе, Хелла!

Пистолет не дрожал.

Их было двое. Всего двое. Мало.

Яна выглянула в окно.

Ага, а вот и автомобили. Местные, как принято здесь – больше похожи на кареты с колесами. Один, два... не так много!

Яна обратилась к воспоминаниям Анны.

Была охрана?

Была. Общим числом восемь человек плюс приехавшие.

Считаем.

Четверо наверху, двое внизу, а в каждом автомобиле может поместиться минимум четверо человек. Еще десятерых надо где-то найти.

Яна быстро оглядела комнату.

Бедный доктор Шеин. Бедная Санна. И слуги... дядька Архип, Венна, Тайра...

– Сенька, я тут...

Что он тут – договорить мужчина не успел. Яна стреляла без предупреждения.

– Тебе, Хелла.

И еще один труп валится на пол.

А где могут быть остальные brave рыцари Освобождения?

Дура.

Наверх пошли самые проверенные. Это понятно. Чуть менее проверенные остались со слугами. Несколько человек – хотя бы двое должны остаться в машинах. А есть еще конюшня, есть еще территория...

Это что – ей тут перестрелки устраивать? У Яны аж волосы на голове зашевелились от ужаса. Она не потянет! Она просто не справится, а умирать-то и нельзя. Никак нельзя...

Ладно.

Вряд ли кто пошел на территорию. Конюшня? Да, безусловно. И есть же еще храм...

Для начала надо обойти дом. А там разберемся, что делать дальше.

Яна злобно ухмыльнулась и принялась перезаряжать оружие. Интересно, не найдется ли у покойничков патронов для ее револьвера?

Еще одного?

Если будет – она готова их даже простить... немножко. И лично помолится за усопших. Можно даже два раза.

А если нет?

Хелла, приятного аппетита.

Показалось Яне – или она услышала рядом знакомый ледяной смешок?

Не важно!

Ага, а вот и еще один револьвер, правда, другой модификации, Яна с такими раньше не встречалась. Небольшой, явно для скрытого ношения...

Ладно.

С нее две молитвы.

* * *

В доме оказалось еще четверо негодяев. Два в кабинете, один на кухне, еще один в ватерклозете. А что – герои не люди, что ли? Живот прихватило у подонка от сильных чуйств!

Проблем у Яны не возникло ни разу. Она просто шла и стреляла.

Невероятно?

Вот что значит – инерция мышления! Даже убийцы от нее не застрахованы!

Император паршивый! Сам сдох, как баран на скотобойне, свою семью за собой утащил... и ведь все это восприняли как должное!

Этакое...

Благородная дама должна быть гибридом между трепетной нимфой и ледяной статуей, вот императорских дочек так и воспринимали. Скользили по дому этакие тени, которые даже по морде в ответ на наглость дать не могли.

Яна вспомнила, какими взглядами провожали девчонок охранники, – и взбеленилась.

Ненадолго, правда.

Она еще в лесничестве одного такого едва в болоте не утопила – природу пожалела. Еще змеи передохнут, лягушки потравятся, да и пиявок жалко.

А тут...

Ты – мужик!

Отец, наконец!

Да Янин отец, когда ему на Яну тот козел жаловаться начал, только и сказал: «Дочка добрая. У меня б не вышел ты из леса». Доходчиво получилось настолько, что ублюдок еще до конца дня уехал, половину барахла забыл, пришлось почтой отправлять. А тут что?!

Мало того, семью на убой притащил, так еще и рот открыть боялся?!

Ничтожество!

Яна быстро пересчитала убитых.

М-да, с Хеллой она уже расплатилась. Четверо есть, даже с перевыполнением плана. Всего десять человек, отлично.

А сколько надо?

Если б она знала, сколько приехали на авто! Но память Анны молчала...

Попробовать сравнить убитых с воспоминаниями?

Нет, бессмысленно. Анне так по мозгам шарахнуло, что картинки как сквозь кривое стекло видны. Ладно.

Надо бы наведаться к машинам и в часовню. А как? Идти по пересеченной местности? На виду у всех?

Хотя зачем же такие проблемы? Есть черный ход.

Вот туда Яна и отправилась.

О, замечательно!

У черного хода стоял еще один человек с оружием. Стоял, поглядывал по сторонам, остро так, серьезно...

Яна поступила, как рассказывали. Взяла в углу швабру, толкнула дверь, а сама отступила в темноту. В угол...

Мужчина поступил так, как она и предполагала. Повернулся, потом оглядел окрестности, толкнул дверь...

Ага, и прекрасно был виден черный силуэт на фоне светлого прямоугольника. Яна всадила в него две пули, как в тире – в живот и в голову.

Даже не задумалась.

Седьмой, девять осталось. Примерно.

Теперь в часовню.

Конечно, идти по прямой Яна не могла. Да и не собиралась. Она тут что – в мишени нанималась? До часовни было метров двадцать, не так много, но ведь пройти расстояние надо.

Яна плюнула – и принялась избавляться от юбок.

От лифа не надо – под ним жилет с драгоценностями. В изгнание император и его семья тащили на себе несколько килограммов ценных побрякушек. Чтобы уж точно не жить бедными родственниками.

Панталоны? Да по меркам двадцать первого века – это полноценные шорты-бермуды! Сойдет! Только вот... разрез, конечно. Да на самом интересном месте... ноги выше головы лучше не задирасть.

Память услужливо подсказала Яне, как они приехали в этот дом. Их специально решили поселить на отшибе, чтобы народ не расправился с семьей бывшего императора...

М-да.

Когда они вышли на вокзале, их встретила толпа. И не с цветами – в императора полетели гнилые овощи и тухлые яйца. И люди кричали, грозились их убить, говорили о своей ненависти...

На Анну это произвело тягостное впечатление.

Яна даже плечами не пожалала. Такие митинги она и сама могла организовать. «Флешмоб» называется. День дайте – и соберем толпу, которая будет кричать хоть «долой царя», хоть «свободу попугаям». Не знаете вы, что такое пиар-технологии!

Дом был удобен тем, что стоял на отшибе. Чей он был? Кто построил и дом, и часовенку?

Яна не знала. Не знала и Анна.

Повезло – рядом, в пределах видимости, жилья не было. Из города сюда надо было ехать где-то полчаса.

Вокруг дома – здоровущий сад. Яблоки, между прочим, хоть ты собирай да суши, а то компоты, варенья... да и на зиму сложить...

Яблоки Яна любила. Особенно «Жигулевские». Ты ж моя прелесть! Ладно, потом поедим. Рот аж слюной наполнился при мысли о сочном зеленом яблочке. Но это – потерпит.

Итак, надо добраться до часовни.

Пешком – никак. А вот ползком, чтобы не увидели...

Яна сможет проползти. Тут как раз еще изгородь зеленая, живая, удобная, пока не облетевшая...

Она улеглась на живот и поползла, матерясь на с-собачьи ветки и сучки. Ничего, тут недолго. Зато со стороны ничего не видно.

Так она и думала. Стоит у двери часовни мужик и...

ГАДЫ!!!

Нагло хрупает яблоком!

Дожевал, отшвырнул огрызок, едва не попав по голове ее высочеству, кстати говоря, и скрылся внутри.

– Вы тут закончили, ...?!

Ага.

Сколько Яна помнила, церкви страдали вот не особо за веру. А за церковную утварь. Это еще Генрих Тюдор обнаружил, что из крестов и чаш прекрасно получается золотая и серебряная монета. Ну а здесь – продолжили.

Кому-то крест – предмет культа, а кому-то и полкило драгоценного металла, за который колбаску купить можно. Второе Яне было ближе. Крест, если что, можно и из двух веточек связать – Господу оно без разницы. Он – услышит.

Яна протянула руку, нашарила яблоко – и бросила в часовню. Ну и попала, конечно. Прямым в дверь.

Долго ждать не пришлось, вскоре мужчина выглянул наружу.

Тишина.

Скрылся.

Следующее яблоко опять полетело по назначению. И еще одно...

Четверо в церкви.

Священника там, кстати, не было. То ли сбежал по-умному, то ли помер по-глупому. Яна это и узнавать не собиралась.

Опа!

Удача!

Двое мужчин вышли с ящиком в руках, явно тяжелым. Интересно, что там такое? Хотя нет.

Неинтересно.

Интересно убить их так, чтобы не увидели. А то...

Не с ее талантами и оружием перестрелку устраивать. Ей бы калашников да от пуза веером полоснуть – тогда бы по-другому

поговорили. А с парой пистолетов много не навоюешь. Ладно, револьверов.

А как тогда?

Яна решила, что двоих в церкви пока можно оставить, – и медленно, прижимаясь к земле, поползла за теми, кто тащил ящик.

Есть!!!

Когда они подошли к машинам, из жутких повозок вышли еще двое – и начали помогать загружать добро. Как – помогать? Сначала открыли ящик и посмотрели...

Яна прикусила губу.

Четверо. Она одна. Сможет? А что, есть выбор?

Сначала надо валить того, который ближе всех к машине, потом того, кто рядом с ним... Должна справиться.

Револьвер удобно лег в руку – и Яна тщательно прицелилась.

Выстрел. Не в голову, чтобы точно не промазать – в грудь. Потом контрольные проводить придется. И следующий выстрел.

Двое падают, третий пытается уйти в перекат, но Яна его достала. Четвертый... Всех бы так! Застыл на месте и оглядывается с открытым ртом. Да ты кто такой-то? Кто тебя вообще воевать взял? Пристрелить – секунда. Яна и не колебалась.

– Тебе, Хелла.

Почему-то Хелла произносилось легче, чем Хель. И верилось больше.

И...

Страшновато было даже вспоминать богиню. Это не тот кошмар рогатый, который снимали в кинофильме про богов. Она была реальная. И холод от нее шел... Жуткий...

Еще четверо. Осталось трое? Или сколько? Двое еще в храме...

Яна прикусила губу.

Выбора нет, надо брать «языка». Еще не хватало пулю в спину получить...

А скажет?

На «полевой допрос» времени нет, а жаль. Она бы с удовольствием кое-что опробовала из того, о чем говорили ребята на кордоне. Не одни ж богачи на природе отдыхают! Бывали у отца и спецназовцы... К Яне они отнеслись как к ребенку полка, накормили

мандаринами и травили при ней байки. И делали так каждый раз, когда приезжали... Так что наслушалась.

К машине она ползла.

Двое были готовы. Еще одного она лично дострелила, приставив пистолет к голове. Четвертый лежал и стонал.

Яна пригляделась и злобно оскалилась. Ага, пуля в кость попала. И у гада болевой шок.

Пинок по голове отправил мужика в беспамятство. Яна выдернула ремень из штанов, спутала ему руки, потом подумала, спутала и ноги... И закатила под машину. Не пришла еще пора спортивных машин, под которые никого не запинаешь.

Остались двое в церкви, потом можно вернуться и провести допрос. Сейчас некогда.

Яна поползла к церкви.

Сегодня ей кто-то ворожил. Может, Хелла?

Стоит у церкви мужчина, курит. И рядом с ним стоит еще ящик... Яна заколебалась, но тут и второй появился. Мужчина, не ящик. И что-то показал на ладони...

Ну как тут устоять?

Три выстрела – два трупа. Подойти поближе – и еще два контрольных. Перезарядить револьвер и проверить церковь.

Никого.

Яна медленно и осторожно поползла опять к машине. Не побежала, не пошла, а поползла, прячась от постороннего взгляда. Вдруг она чего-то да не знает?

К ее возвращению «язык» в себя еще не пришел. И Яна поступила весьма негуманно. Конвенции ее бы осудили, но она по-простому завязала негодяю рот курткой – и врезала ногой по ране.

Пришел в себя как миленький. И нашатыря не понадобилось.

Сначала смотрел непонимающе. Потом в глазах появилась злость, ярость даже.

Яна улыбнулась.

– Вот ты что думаешь, я с тобой разговаривать буду? Наивный человек, глупый даже... Зачем мне с тобой разговаривать? Вы мою семью убили, вы меня убить хотели... Видишь кровь? Поэтому я с тобой разговаривать не буду, я тебя резать буду. Медленно...

Яна как могла кровожадно улыбнулась – и одним движением вырезала на штанах мужчины «окно в наследство».

Нижнего белья он не носил. Мылся при рождении, не иначе. И впечатления не производил. Никакого. Сжался даже...

– Хочешь петь фальцетом? Если что – будешь пользоваться большим спросом. А еще есть такая полезная профессия – евнух... Отрезают все под корень. Между прочим, те, кому отрезали вообще все, ценятся больше. Можно только бубенчики отрезать, а можно вообще все хозяйство... Но мы с тобой спешить не будем. Мы будем резать постепенно, сначала одно яйцо, потом второе, а уж потом, медленно, по сантиметру...

Яна подняла кончиком ножа означенный причиндал.

– А хочешь – развлечемся? Берется тоненькая палочка, запихивается в твой организм... догадываешься – куда? Можно спереди, можно сзади, можно сразу и туда и туда, для остроты ощущений, – и поджигашь. Так здорово будет, ты не представляешь!

– М-м-м-м-му-му-му-му-у-у!!!

– Неужели ты против? Странно, а когда моих родных убивали, тебе это нравилось! И учти: ты – последний. Больше никого не осталось. Иначе я бы не уделяла тебе времени.

– М-м-м-м-му-му-му-му-у-у!!!

– Ты так хочешь со мной пообщаться? Ладно, я послушаю минуту. Но если услышу то, что мне не понравится... ты меня понимаешь? Вот и веточка подходящая лежит, грязновата, правда, но это уже мелочи. Заразу ты все равно никакую не подцепишь, какая у покойников зараза?

Сломался.

Яна была неотразимо убедительна, да и не делали так в этом времени.

Мужчина запел так, что в хор имени Пятницкого его бы взяли – влет.

Яна слушала, размышляла.

Итак, у нас в столице – Звенигороде – есть некий Комитет Освобождения. И там есть некто жом Тигр. Здесь, в Зараево, семью императора сопровождал его младший брат... или еще какой родственник, у них, у фереев, не поймешь. Но за свою родню они держатся крепко.

Янин собеседник, некто Михай Протасов, – из крестьян. Сбежал из деревни, потому как житья никакого не стало, кругом враги, денег нет, жизни нет...

Яна прослушала цикл жалоб на злого «анператора», который всю землю дворянам отдал, то есть торам, а те за аренду ломают...

Подумала, что надо бы узнать точнее. Может, здесь как в России? Сделали земельную реформу так, что хоть повесься – хоть утопись? Могли...

Хотя ей-то зачем? У нее задача проще. Не порядок наводить в Русине, а забрать сына и уехать. Уехать туда, где тихо и спокойно, поселить его у верных людей – и пусть живет.

Даже без мамы.

Увы – без мамы, так что людей надо подбирать очень верных.

Но в Звенигороде ему не место.

Яна историю знала в основном по романам Пикуля, но отлично понимала, что при революции в городе будет твориться бардак. Полный и окончательный.

Маленьким детям там не место.

Но о сыне она потом подумает, а пока...

Вот сегодня с утра на телеграф сообщение и пришло. Так и так, мол, стреляй их, братка! Всех, гадов, наглухо... Что при них найдешь – вези мне, в Звенигород, да смотри, чтобы никто не ушел!

– Какой милый человек, – хмыкнула Яна. – Ну ладно – отец и мать. А Зинаида? Ей же пятнадцать лет всего!

– А все одно – стрелять!

– За что?

– За то, что анператорская дочка! Такая же кровопивца вырастет!

И отвечал-то уверенно, без сомнений...

Яна прикусила губу. Вот сколько она родную историю помнила – Николай всех достал так, что явись там лично Христос, и то бы стрельнули...

Ну, может, помолились бы, а потом все равно стрельнули. А Петер?

Да кто ж его знает... потом подумаем. Массив информации, полученный от Анны, ломился в голову, стучал в виски, но не время расслабляться! Яна собрала себя в кучку и принялась задавать конкретные вопросы.

А именно: сколько охраны?

Кого ей еще ждать?

Где ближайший город?

Кто в управе поддерживает Комитет, а кто – императора?

Что творится в окрестностях города?

Она отчетливо понимала, что упустит половину всего важного. Да наверняка! Все не предугадаешь и не предусмотреть, и вообще, грамотно заданный вопрос уже содержит в себе половину ответа. Но его ведь надо грамотно задать!

Яна что-то может знать из личного опыта. А Анна? Тепличное нежное растение, которое и на бунт-то решилось один раз... Тоже мне – бунт!

Рывкнула бы на полстраны, что вступает в морганатический брак, и подите вы туда не знаю куда! Или – наоборот. Теперь уже знаю, куда именно, вот туда и подите!

Нет!

Вместо этого ее храбрости хватило только юбки задрать. А потом плакать и родного ребенка чужим людям спихнуть...

Замечательно!

Яна понимала, что несправедлива, что Анна не так и виновата, но... она-то поступила бы иначе!

Она!

Продукт другого мира и другого общества...

Яна снова задавила в себе попытки пофилософствовать и сосредоточилась на итоге.

Итак, что мы имеем?

Рядом, примерно в часе езды на авто, находится город Зараево. Выбран он не просто так, выбран он потому, что одним из первых встал на сторону Комитета Освобождения.

Тех, кто поддерживает императора, в городе просто нет. Если кто и есть, сидят они тихо, а молятся громко. Чтобы пронесло.

По окрестностям? Есть тут... контра!

Рассказывая о врагах трудового народа, Михай едва ядом не плевался.

Есть такой тор Изюмский. Вот он, гад нехороший, когда все началось, пинками выгнал из своего дома представителей Комитета, поднял в ружье личную гвардию и егерей, а поскольку он страстный

охотник и места здесь охотничьи, закрыл границы поместья и заявил, что первый, кто придет, – уедет на дрогах.

Ждем войска, одним словом. А то самим идти на пулеметы...

Опа?!

Яна резко заинтересовалась и получила ответ.

Пулеметов как таковых здесь нет. Свой Хайрем Максим нашелся, и пулемет он изобрел, но массового распространения машинка не получила. Потому как очень, очень дорого.

Можно.

Но – дорого.

Мировая война?

Яна порылась в памяти Анны – и выдохнула с облегчением. Мировой войны здесь не случилось. Вот конфликты с соседями – были. Эпидемия, голод, финансовые кризисы – да, были. А Первой мировой не было. Хоть тут обошлось.

А потому творение местного гения пока еще было не настолько распространено. Кстати – не в последнюю очередь благодаря Петеру. Заявил, придурок, что это негуманно и жестоко, войны не должны быть настолько кровавыми.

С одной стороны – придурок. Аргументы на уровне третьего класса сопливой группы детсада. Даже не школы, нет, там дети поумнее будут.

С другой...

Когда войска начали бунтовать и рвать когти к врагу, унося с собой оружие, пулеметов они практически не унесли. Не было их, пулеметов-то!

А вот у тора Изюмского – были. Закупился за границей...

Мало того что сам стрелял, не разбираясь в кого, так еще и соседи – такие же торы – принялись к нему примыкать. Нет бы к Комитету Освобождения, так они к нему, кровопийце...

Всех бы их... к стенке!

На этом запал Михая прошел, и он опасливо покосился на лучинку в руках Яны. Но девушка уже не собиралась его пытаться. Что ей нужно было, она узнала. А потом...

Потом – пусть без нее разбираются.

– Ты уж прости. Но – вы меня тоже не конфетами кормить собирались.

Глухо треснул выстрел.

Во лбу Михая появилось небольшое красное отверстие, голова парня откинулась назад.

Яна покрутила револьвер на пальце, подражая ковбоям из вестернов, перезарядила и сунула за пояс.

Ох, папа! Как же я тебе благодарна!

Но долго предаваться благодарности было некогда. Надо двигаться вверх. К Нини.

* * *

Зинаида пока еще не пришла в себя, так что Яна занялась неприятной, но необходимой работой.

Раздевала родных и близких, стаскивала с тел набитые драгоценностями жилеты.

Вот так.

Мародерство?

Ничего подобного, это ее наследство! Ну и Нини – тоже... черт! Идиотское имечко!

Зинаида... А какие уменьшительные можно придумать от Зинаиды? Вот лично Яна не любила этой манеры французить... Когда читала книги классиков, ее просто бесили все эти Натали, Пьер, Андрэ, Элен... Назвали тебя Наташей – так и будь ты Наташей. А эта пошлая смесь французского с нижегородским...

Вот честно, окажись Яна в 1917 году, примкнула бы она к красным... наверное.

Или нет?

Судя по тому, что она читала про императорскую семейку, про Распутина, про великих князей... примкнула бы! Это в последнее время принято грязь золотом засыпать, а в реальности все было очень и очень гадко. Ежели человек в день Цусимского сражения (Цусима, мать-перемать!!!) пишет, что было так скучно, так скучно, ходил, стрелял по воронам в парке...^[3] Казалось бы – да сдались тебе те вороны, они и ответить-то не могут, даже нагадить...

Ладно, это она опять отвлеклась... М-да, а груз-то приличный выходит. Килограмм двадцать драгоценностей тут точно будет. И как?

На себе потащить? Ага, может, еще и табличку на шею повесить? Ишак обыкновенный?

Еще и Зину на себе тащить... Хотя нет. Не Зину. Имелась у Яны некогда знакомая, так у нее сокращенное от Зинаиды было – Инна.

Почему бы – нет? Искать будут Анну и Зинаиду. Но не Яну и Инну. И вообще... Искать – будут?

А если...

Яна задумалась ненадолго, а потом быстро пробежалась по дому.

Ты ж мое чудо!

И керосинчик есть, и запасов горючего материала хватает – полыхать будет весело. Императорская семья? Уж простите, но тут как получается. Хотелось бы устроить похороны по всем правилам, священника пригласить, отпеть...

Ага, найдешь его по такой-то жизни! В церкви был, так удрал, теряя тапки, не захотел святым становиться. Это вот слуги, которые всю жизнь были рядом с императорской семьей, с ней и на смерть пошли. А духовник не пошел, ему своя ряса оказалась ближе к телу...

Ну и пусть его. Яна бы тоже сбежала, чего уж там!

Девушка сложила в углу жилеты с драгоценностями и принялась обыскивать тела «расстрельной команды».

Документы, документы, какие-то мандаты, постановления, приказы, деньги, немного драгоценностей из «реквизированного», оружие...

Одежда!

Яна подумала, что ее платье – милое, изящное и пошито просто чудесно, но в таком виде?

По империи?

Сейчас?

До первого сексуально озабоченного. А как известно, в беспокойные года процент таковых повышается по экспоненте. То ли обострение, то ли вспышки на солнце, то ли – вешать некому. Яна стояла за последнее.

Так... ладно!

Правильная одежда – важная составляющая успеха. Встречают по одежке, а потому...

Кожаная куртка.

Платок на голову.

Белая роза – у троих были тряпичные, правда, у двоих измазанные в крови, ну да ладно! Будем показывать и гордиться – лично стреляла, рука не дрогнула! Она даже не соврет, просто не надо уточнять, в кого именно стреляла.

Штаны...

Вот со штанами оказалось сложнее, но, пошарив по дому, Яна подобрала несколько комплектов «штаны-рубашка» подходящего размера. Что-то со слуг, что-то отцовское...

Да, отцовское...

Почему-то Петера она воспринимала именно так. Может, из-за внешнего сходства, может, еще почему-то... она не знала.

Вот Аделину Шеллес-Альденскую она не воспринимала вообще. Лежит тут... кукла Барби!

Сестер?

Жалко было девчонок. Яне любых девушек было бы жалко, попади они в такой переплет, чего уж там.

Зинаида?

Она тоже ощущалась как чужой человек. Ну, бывает.

Ладно, пора приводить девчонку в чувство.

* * *

Яна не стала ни будить, ни уговаривать, ни обливать сестру водой. Она просто занялась ее раной.

Влила в рот девочки примерно полстакана водки – та глотала в бессознательном состоянии. Промыла рану, сначала водой, потом водкой, перевязала...

Зинаида начала стонать еще на стадии промывания, а уж когда дошло до перевязки...

Наконец она открыла глаза.

– Анна?

Яна поморщилась. Ну не нравилось ей это имя! Не нравилось!!!

– Зинаида, зови меня Яна. А я буду называть тебя Зиной или Инной. Так проще.

– А...

Яна положила руку на лоб девочки, отмечая, что у нее все же поднимается температура. Пулю, увы, Яна удалить не могла. А без этого все равно скоро начнется воспаление. Нужен врач, и как можно скорее.

Проблема в том, что в Зараево им нельзя.

К Изюмскому? Судя по замашкам местечкового героя... Хотя...

Ей нужен врач. А где его найти? И как сделать так, чтобы потом этот лекарь не побежал с докладом в Комитет? Опять же, у любого врача есть соседи, родственники, есть кому донести... Хорошая благодарность – подставить ни в чем не повинного человека.

– Анни... что...

Яна вздохнула. Жалко девчонку до слез и соплей. Но и не сказать...

– Нини, милая, и мама, и папа, и сестры... все... – голос Яны невольно дрогнул.

Глаза девочки расширились.

– НЕТ!!!

Крик был таким, что стекла задрожали. Но Яна не мешала. Пусть кричит, все равно врагов рядом нет – живых.

– Анни, нет, ты же... это неправда? Я не хочу... так нельзя...

Яна плюнула на время и конспирацию и притянула к себе девчонку, прижала покрепче... И то прошло не меньше получаса, прежде чем девочка оторвалась от нее, попробовала вытереть заплаканное лицо.

– Анна...

– Яна. Нини, хорошая моя, родная, нам надо уходить.

– Но...

– Прошу тебя, ты должна меня слушаться.

– А...

– Я все сделаю, – продолжила уговаривать Яна. – Я справлюсь. Но ты должна мне помочь, или у меня ничего не получится.

– Я же... – Девочка смотрела на свое плечо.

Яна махнула рукой.

– Найдем врача, и все будет хорошо. Обещаю.

– Правда?

– Да. А теперь попробуй встать.

Зинаида послушно оперлась на Яну, застонала от боли, но приподнялась. Из глаз девочки катились слезы.

– Все будет хорошо, малышка, – погладила ее по волосам Яна.

– Да?

– Да.

Взгляд сестры упал на несколько холмиков, накрытых занавесками.

– Ан...

– Яна.

– Яна. Это...

– Да.

– Я хочу...

– Посмотреть?

– Д-да...

Яна покачала головой.

– Если ты хочешь – я покажу. Но лучше не надо. Поверь мне, Нини, лучше пусть они останутся в твоей памяти живыми. Улыбающимися, настоящими, тогда рано или поздно ты будешь вспоминать их – живыми. А сейчас... Не надо, сестренка. Верь мне.

– За что нас? Яна, за что?!

Яна пожала плечами.

– Ни за что, Нини. Просто мы кому-то сильно помешали.

– Кому?!

– Мне бы тоже хотелось это узнать, – кивнула Яна. Задумчиво так...

Вообще, на происходящее в Русине ей было наплевать.

Революция? Освобождение? Да хоть дрессировка хомячков! Развлекайтесь, господа! Вот чем хотите, с кем хотите...

У Яны есть ее ребенок, ей надо добраться до Гошки. А потом еще и вывезти его из Русины в безопасное место. И найти тех, кто будет за ним приглядывать.

Оставить малыша в Русине?

Такое Яне и в голову не приходило.

Здесь – революция.

Для тех, кто в танке или на пальме: любые социальные потрясения создают громадные проблемы для населения. И страдают самые незащищенные. Женщины, дети, старики...

А еще, если вот это начинается... фиг оно быстро закончится. К примеру, перестройка. Тридцатый год порядка нету. А тем, кто не помнит перестройку, – вот, пожалуйста. Недавний пример – Украина. И что бы кто ни говорил – быстро это не закончится.

Зинаида?

Яна решила, что девочку надо пристроить на лечение и в безопасное место. Не тащить же ее с собой в Звенигород? Нереально.

А для начала...

– Давай я помогу тебе одеться.

– Да... а во что?

– А вот в это.

– АННА!!!

Сказано это было таким тоном, что Яна даже испугалась. Секунд на пять. Потом махнула рукой и принялась показывать пример. Натянула штаны на обрезанные до состояния мини-шортиков панталоны и чулки. Натянула сапоги с высоким голенищем, потопала ногами. Великоваты, конечно, но это можно пережить. Велики – не малы.

Надела рубашку, подвигала плечами, чтобы та удобнее легла, и сверху накинула кожанку.

– Инна, нас будут искать. И лучше замаскироваться.

– Это... это ужасно!

– В природе, дорогая моя, гусеница притворяется веточкой, бабочка – листиком, а без защиты живет один скунс.

– К-кто?

– Скунс. Животное такое.

– А почему?

– Потому что с...ть он на все хотел, – хмыкнула Яна.

– Анна!!!

Яна махнула рукой, показывая, что раскаивается и больше не будет, и принялась одевать девочку. Осторожно натянула на нее рубашку и кожанку, надела сапоги...

Зинаида, измученная болью и оглушенная горем, не протестовала. Но Яна сильно не обольщалась.

Вот такое поведение – это следствие шока. Ее пытались убить, у нее убили почти всех родных... Ладно – просто всех родных. И истерики еще будут, и скандалы, и крики, и...

Да чего только не будет!

Это сейчас она более-менее поддается, потому что плохо соображает. Да и алкоголь, который она влила в малявку в качестве анестезии, начинает действовать. Хорошая штука – водка.

А вот придет в себя – и даст жару. Но пока надо пользоваться.

Яна медленно спустила вниз девочку, потом драгоценности. Прихватила оружие, нагрузилась на кухне провизией. Подумала – не забыла ли чего?

Вроде бы не забыла.

Итак, у нас есть – автомобили!

И слава богу, что они есть. С лошадыми Яна ладила, но править той же двуколкой уже не смогла бы. Ее потолок – телега, и с очень покладистыми лошадами. Теми, которые ведут себя прилично, не кусаются без надобности, не лягаются лишний раз, не... И где таких найти?

А вот с автомобилями Яна ладила.

Она ведь жила на кордоне. И на кордоне был «уазик». Старый, еще шестидесятых годов выпуска, ломающийся через два раза на третий так, что отец ругался нехорошими словами – и лез его чинить. Яна, конечно, помогала.

Оставалось разобраться в местном механизме.

Итак, автомобиль. На что же он похож?

Судя по запаху, работает на чем-то бензиновом. На керосине? Лигроине? Бензине?

Ага, а вот и канистра с чем-то... кажется, это все же лигроин. И канистра интересная, круглая, как жестянка, просто пробкой заткнута. Понятно, здесь еще нет автосервисов, и стандартов нет, и всего остального...

Яна обошла машину, разбираясь в конструкции. Больше всего ЭТО было похоже на карету, у которой оторвали лошадей. Зато впереди приладили нечто вроде водительского места.

Руль?

До круглого руля тут не додумались, торчало нечто вроде рогульки такой растопыренной, за рожки надо было братья и поворачивать.

Спидометр? Тахометр? Ага-ага, даже два раза!

Ключ? Замок зажигания? Опять мимо! Машина заводилась «с рычага». Яна так поняла, что надо было покрутить здоровущую ручку в районе капота, тогда она заводилась и ехала.

Были какие-то рычажки, кажется включение фар, что-то еще...

Яна решила осваивать все методом тыка и приступила ко второй машине.

Еще одна канистра ее порадовала. Жаль, машину нельзя будет взять с собой. Но выбора нет. Придется ехать на одной и рисковать...

Ну и ладно!

Яна знала историю, хотя и выборочно! И точно знала, что, когда создатель концерна «Мерседесов», Карл Бенц, создавал первое авто, жену он довел до ручки. Или – до амортизации?

До такой степени, что та погрузила в машину вещи и двоих детей – и уехала к матери. Заправлялась в аптеках, несколько раз ломалась, но ведь до мамы доехала?

По другой версии, она это сделала, чтобы привлечь внимание к авто мужа, и мигом стала популярной личностью^[4].

Но дело-то не в Карле Бенце. А в том, что мадам сама ехала – сама и машину чинила! Самостоятельно! Шпилькой для волос там что-то прочищала, подвязкой для чулок стягивала... иными словами, машины здесь явно чинятся с помощью ломика и растакой матери.

Яна готова была обеспечить и то, и другое.

Получится?

Не получится?

Начинать с чего-то надо, а дальше будет видно.

Эх-х, было у Яны одно искушение, было! Вот жутко ей хотелось погрузить трупы императорской семьи в машину и отвезти в Зараево. Прямо на площадь.

А там влезть на броневичок и – по классику!

– Товагишшшы! Великая Октябрьская геволуция, к котогой вы так стгемились, оплачена сполна! Тгупами женщин и детей! Вы довольны?

И поднимать на борьбу революционные массы!

Останавливала простая мысль.

Пришибут – да и все.

Если говорить о революции в России... да пристрелили бы там, хоть принцессу, хоть лично Николая, хоть кого. И ее пристрелят.

Поднять народные массы на борьбу?

Это возможно только в одном случае. Когда дошли все. И до точки. Когда дома шаром покати, детям жрать нечего, перспектив вообще никаких, война идет... Да, еще из-за границы должны это все качественно проплачивать. Последнее – обязательно.

Вот тогда и ярость благородная вскипает как волна (благодаря предусмотрительно подsunутым в воду кипятильникам), и идет волна народная, куда ее направят. Или война?

Яна и не помнила так-то.

И вообще – на фигу козе баян? Ей надо завести машину и обратиться отсюда куда подальше. А там уж разберемся. Но сначала – врач!

Вряд ли Анна одобрит, если Яна угробит ее сестру. Кстати – единственную оставшуюся в живых представительницу дома Вороновых и единственную наследницу.

Будем честны – Яны через год здесь не будет. Вообще нигде не будет. И единственным человеком, который имеет права на престол, останется Зинаида. Вот и надо ее вылечить – для начала.

Гошка?

Чисто гипотетически права у него есть.

Чисто практически?

Да только через Янин труп!!! Чтобы ее ребенка во всю эту грязь втянули?!

Ладно еще она бы осталась рядом с ним. Но она-то будет мертва. А судьба детей на троне...

Кто читал историю – вспоминаем. Павла, Иоанна... не живут на тронах дети. Просто – не живут. Так что – нефиг!

Захочет Зинаида – пусть правит, не захочет – пусть не правит. А сына не троньте! На ноль помножу!

Куда ехать?

Яна не представляла. Хотя бы потому, что не представлял этого и допрошенный.

Да, вон там, в той стороне – Зараево. Значит, им надо по дороге и в противоположную сторону. А дальше...

Решим по ситуации!

Яна погрузила все, проверила вещи еще раз и погладила Зинаиду по волосам.

– Сиди, детка.

– Я... Что ты хочешь сделать?

– Ничего хорошего, – вздохнула Яна. – Мне это очень не нравится, поверь мне.

– Анна?

– Яна. И прекращай оговариваться.

– Яна?

Яна сосредоточенно поджигала импровизированный факел. Керосин из лампы, палка от швабры и кусок шторы. Загорелось, словно так и надо было.

И Яна вошла в дом.

– НЕТ!!!

Позади остался крик Зинаиды, которая сообразила, что хочет делать сестра. Поздно, слишком поздно.

Яна начала со второго этажа.

Она шла – и поджигала. Шторы, ковры, мебель... Она не зашла в комнату, в которой лежали родные Анны. Не смогла.

Она не виновата в их смерти. Она не убивала. Эти люди для нее вообще никто!

Но...

Как же был силен инстинкт.

Как же хотелось сесть рядом с «отцом» – и завывать. Завывать жалобно и безнадежно.

И похоронить всех как подобает.

И не глумиться над останками.

И...

Погрузить трупы в машину, приехать и посмотреть в глаза той мрази, которая все это начала.

Мрази, какие ж мрази!!!

Но – нельзя.

То, что она делает, – самый лучший вариант. Если уж брать историю...

По-славянски.

За смерть родных она отомстила, тризну не устроила, но зато есть огненное погребение. И в погребальный костер идут и трупы врагов –

пусть на том свете прислуживают своим жертвам.

Смерть родных оплачена.

Почти...

Спите спокойно.

И Яна шла, а за ее спиной медленно поднимался, разворачивал крылья и скалил зубы огненный зверь. Он был еще маленьким, но вполне хищным, он пожирал дом и рос, разрастался, и когда Яна выбегала из дверей, за спиной ее раздавался вполне себе злобный рев демона.

Добыча!

Уходит!!!

* * *

Яна завела машину и вспрыгнула на водительское сиденье.

– Нини?

Бесполезно.

Яна пригляделась и медленно опустила ресницы. Сестрица лишилась чувств. Ну и ладно, ехать спокойнее будет. Некогда ей о чужих чувствах заботиться.

Яне позарез требовалось пристроить куда-нибудь эту трепетную ромашку и отправляться в столицу Русины.

В Звенигород.

Жар от горящего дома был такой, что волосы начали курчавиться. Яна хмыкнула и попробовала одну педаль, потом вторую...

Разобралась кое-как, эмпирическим путем, где газ, где тормоз, а вот как переключать сцепление... сразу она и не сообразила.

Всего здесь было две педали. Левая отвечала за коробку передач, нажмешь – включается первая передача, отпустишь – вторая. Правая педаль – тормоз. Задний ход включался рычагом. Яна это поняла, когда на нее злостно налетело дерево. Понаставили тут, понимаешь!

Зато теперь она знала, что это не ручник.

А с другого бока?

Ага, а вот это – ручник^[5].

Сложно?

Зависит от ситуации. Если не жалеть машину, вполне можно разобраться. И ехать себе по делам...

Яна и ехала.

* * *

Запас прочности у машины был неплохой, вот скорость подкачала, но для этого времени и места – вполне. Яна прикидывала, что они делали двадцать – двадцать пять километров в час.

Конечно, оно дикая новинка!

Никому и в голову не придет, что для Яны это не скорость. Девушка успевала управлять автомобилем, глядеть по сторонам и внимательно прислушиваться.

Но на дороге было тихо и спокойно. То ли никто здесь не ездил, то ли еще что... Хотя – что?! Вот куда можно ездить во время гражданской войны? Когда в стране бардак и императора убивают, как собаку бешеную?

Да никуда!

Если только по большой надобности, вроде врача привезти, священника, если уж вовсе безвыходность и безнадега. А так лучше всего сидеть на попе ровно и молиться, чтобы пронесло. Так поедешь да наткнешься...

Вот что замечательно размножается во время беспорядков – так это преступность. Шайки, лейки, водогрейки, что там еще в списке?

Да все!

Вся мразь, вся пена, все наружу выплывает и ищет, где пожить.

Есть такой замечательный фильм «Свадьба в Малиновке» – вот там отлично все это показано. Один налетел, второй налетел...

Куда-то ехать?

Жить, простите, хочется.

Так что Яна поглядывала по сторонам и думала, куда ее приведет дорога. А еще думала, что расстреливали их с утра, а сейчас уже время к вечеру. Где включаются фары – она нашла, так что поедет и ночью, насколько хватит сил.

Спать?

Да какой тут, ложки-матрешки, сон? Тут драпать надо! И быстро!!!

Вот что сделают в Зараево?

Эм-м-м...

Допустим самое худшее – оперативность и сообразительность врага. Там наверняка есть местный Комитет. Есть. Михай рассказал.

Итак, они направили этого... жома-как-там-его-кличка расстреливать семью императора. Пока он доехал, пока расстрелял, пока собрал трофеи, пока зарыл трупы или еще как пристроил – когда забеспокоятся?

Да уж не раньше завтрашнего дня.

Благо жом этот самый, по словам Михая, был братом какого-то столичного жома. И боялись его местные комитетчики как огня.

Выводы?

Итак, примерно сутки на расстрел.

Ах да! Если сегодня должны были расстрелять, то естественно собрать трофеи, отметить сие событие... проспаться.

Раньше завтрашнего обеда в Зараево так и так не забеспокоятся. Даже если кто пожар заметит. Дело абсолютно житейское, да и усадьба стояла весьма уединенно. За что и выбрана была – мало ли кто забредет да императору посочувствует... Такие вероятности следовало исключить.

Итак, обед следующего дня. Скорее всего, пошлют гонца с вежливым вопросом: дорогие гости, не пора ли сообщить о происходящем?

Такое торжество, такая победа народа... десяток человек расстреляли! Причем большая часть – бабы. Есть чем гордиться! Хоть сейчас медаль вешай!

Приедет гонец, и что он увидит?

А вот тут – простор для воображения. Потому как все тела Яна стащила в дом и подожгла – всех. Сколько дом гореть будет? Сколько пожарище будет держать тепло?

Ну, если дождь не пойдет, она бы там и завтра не покопалась, это точно.

Итак, приезжает человек, одна машина сожжена, второй нет, дом сгорел... где все? Неясно. Поедет докладывать.

Пока в Зараево решат раскопать пожарище – тоже время пройдет. Да и... не обязано начальство им отчитываться. Могло и на машине уехать до ближайшей паровозной станции.

В лучшем случае отобьют телеграмму в Звенигород, мол, так и так... пропал человек, совсем пропал. Оттуда гавкнут – и начнутся поиски.

Это – как вариант. Тогда у Яны примерно неделя, потом станет опасно.

Вариант второй, худший. Ежели в Зараево найдется умный, хваткий и опытный человек. А найтись он может.

Революцию делали не только накокаиненные матросы и всякая шантрапень. Там и вполне себе умные и серьезные личности были.

Тот же Сталин! Тот же Дзержинский, Коллонтай, Менжинский, Свердлов, Фрунзе, Молотов, Ворошилов... Перечислять – так язык отвалится.

Дураки?

Ага, всем бы такими дураками быть! Чтобы в горниле Гражданской войны не просто уцелеть – наверх выползти, надо не дураком быть, а личностью. Моральные качества – вопрос второй. Но без стержня там делать было нечего.

И Яна искренне считала, что власть в России сама довела народ до революции. Чего только один циркуляр «О кухаркиных детях»^[6] стоил. Делянов, с-собака страшная, постарался, такую свинью подложил императору, что хоть ты ему медаль давай. За самую выдающуюся гадость десятилетия – точно.

Яна точно знала: закрой кто ее ребенку дорогу к образованию... Она бы лично в того Делянова бомбу кинула. И плевать на все!

Вот и довели...

Ладно, это она опять отвлеклась. А если так – находится умный и хваткий. Тогда уже к вечеру завтрашнего дня пожарище начнут разбирать.

Посчитают трупы, прикинут хвост к носу и поймут, что кто-то из императорских дочерей спасся. Кто именно – могут и не понять.

Человек после пожара выглядит... неаппетитно. Максимум, что можно разобрать, – мужчина это или женщина. Если повезет. А может и не повезти. Но по головам пересчитают. И начнут искать двух женщин.

Яна подумала переодеться в парня, но потом отмела эту мысль.

Не получится. Это в романах героиня бодро нацепляет на себя штаны, проникает куда надо и не надо...

В жизни? Да разоблачат ее в той жизни в три минуты! Проколется!

А она – еще быстрее. Она же ничего, ничего об этом мире толком не знает! Не умеет себя вести, не знает жаргона, словечек, движений...

Бесполезно, одним словом.

Память Анны ей досталась, большое гран мерси леди Хель, но что в ней толку? Это – императорская дочка!

Ну знает Анна, как зовут любимого коня дядюшки! Знает, какой вилкой есть салат! Знает этикет, музыку, языки, кучу народа, способна идеально организовать быт...

И что?!

Все равно это ей не поможет! Она не может оплатить проезд, купить булочку, почистить картошку, она не знает, сколько стоит снять комнату на ночь, она НИ РАЗУ не общалась с кем-то за пределами своего сословного круга!

Показалось, что это песец?

Ну так оказалось, что не показалось!

И сестрица еще... вот куда ее денешь – такую неприспособленную?

В банку сдашь!!! В трехлитровую!!!

С собой тащить в Звенигород? Считай, приговор подписать обеим. За себя Яна не сильно волновалась, и к тому были предпосылки. А вот за Зинаиду, этакую трепетную орхидею-маргаритку, волноваться стоило.

Но куда ее можно пристроить?

А надо, надо...

Интересно, есть ли в этом времени газета «Из рук в руки»?

И дают ли в ней объявления, типа: «Отдам княжну в хорошие руки, воспитанная, умная, добрая, к лотку приучена»?

Яна хмыкнула.

Машина ползла по темной проселочной дороге.

Глава 3

Люди по ним ходят. Ходят по ним дроги

Анна. Россия

Анна спала и во сне проживала жизнь Яны.

Спала – и видела все...

Видела кордон. Видела уютный и теплый сруб, который грел на солнышке золотистые бока, видела любимые Янины поляны с земляникой, видела отца...

Видела, как Яна протягивает ему кружку с ягодами и как отец ловит ее и подбрасывает высоко-высоко. И девочка счастливо смеется.

И так был похож Янин отец на Петера...

Видимо, и вправду – кровь.

Через миры, через века...

Недаром говорят, что все миры суть отражения друг друга и в каждом из них мы проживаем свою маленькую жизнь.

Книга Веры считала это жуткой ересью, но говорили же, Анна помнила нянюшкины сказки...

Анна видела шубку из лисы, которую сшили Яне, и рыжую лисью шапочку. И видела, как в школе какой-то мальчишка сшиб с нее обновку.

Яна, недолго думая, треснула его кулаком в нос...

Завязалась драка, в которой девочка победила, попинала оппонента ногой и объяснила, что в следующий раз с него шкуру сдерет. А что? Ей сумочка нужна! И сапоги!

Кажется, мальчишку она напугала всерьез... а чему тут удивляться?

Яна росла в лесничестве, на кордоне. С детства она имела дело с собаками, с оружием, с машинами. С раннего детства...

Рядом с кордоном был комплекс отдыха. Не правительственного значения, а местный. Президенты туда отдыхать не приезжали, а вот местные власти его своим вниманием жаловали.

И местные бандиты.

И местные служители закона.

А дети – они такие дети!

Не подслушать? Не подсмотреть? Не влезть куда-нибудь любопытным носом?

Яна росла в прямом смысле слова «дочкой полка». Ей привозили сладости и игрушки, ее учили стрелять, учили собирать и разбирать оружие, чистить, набивать патроны, лить пули, учили...

Да проще сказать, чему ее НЕ учили. Хорошим манерам. Не то общество, знаете ли! А в остальном...

Стрелять? Пожалуйста!

Работать ножом? С легкостью! Хоть человека прирезать, хоть животное, хоть шкуру снять, хоть разделать... Кстати, готовила Яна тоже неплохо, но походно-полевые блюда. Изысков высокой кухни от нее ждать не приходилось, но шашлыки она делала отменные.

И в вине разбиралась, и самогон гнать могла, и починить что угодно...

Машины?

Она отлично водила машину! Могла ее собрать-разобрать, уж «уазик» – точно.

Будь у Яны хоть малейшие криминальные наклонности – Сонька Золотая Ручка в гробу бы извертелась. Но у Яны их просто не было.

Никаких.

Ей хотелось жить в лесу, хотелось заниматься тем же, чем и отец, она не мыслила себя где-то еще, конечно, она выбрала стезю биолога. А дальше – кто знает?

Вот Яна сдает экзамены. Вот показывает отцу свои результаты – почти везде высший балл. Вот видит свое имя в списках зачисленных в институт.

А вот и первая ее любовь.

Ах, как он был хорош! Анна во сне даже слегка позавидовала Яне. Сергей Цветаев был... потрясающим! Высоким, светловолосым, голубоглазым, великолепно одетым...

Он мог вскружить голову кому угодно!

А вот и объяснение...

«Мне твой ублюдок не нужен. Сделаешь аборт – приходи. Вот деньги...»

И Янино насмешливое: «Да пошел ты...» И точное указание, куда пойти. Очень точное и конкретное.

Кордон. И отец, который пожимает плечами. Осуждение? Вот этого в его глазах и нет, и не было. «Яна, внук – это замечательно! Говоришь, нет отца? Да и плевать – что мы, пацана не воспитаем?»

И зависть даже сквозь сон. Ах, если бы так сложилось у Анны!

Если бы...

Не сложилось.

Мир другой, а люди... люди те же. Те же страсти, те же эмоции, те же поступки...

Яне повезло больше, чем Анне. У Анны была большая семья, и никого близкого. У Яны семья маленькая, отец да она, но ближе и роднее людей Анна не видела. Яна могла доверить отцу – все.

А Анна?

Яна знала, что ее не осудят, не станут ругать, не оттолкнут, не предадут...

И Анна отчаянно завидовала ей. Может, так и лучше?

Не сорок кузенов и кузин, которым на тебя наплевать? А два-три человека, которые готовы отдать за тебя жизнь?

Но в том-то и дело, что Яна тоже до безумия любила своего отца.

Если бы встал вопрос – отдать ему почку или там прыгнуть с высокой скалы, Яна и не задумалась бы. Наоборот, явись к ней дьявол с контрактом – никуда бы бедолага не делся, пока Яна все не подпишет, а он все не выполнит.

Ради отца и сына Яна готова была...

На все?

Это еще слишком слабо сказано.

Переспать с кем угодно, убить, умереть, да хоть что! Даже жить, если понадобится. В любой позе и в любой ситуации.

Анна представила Яну на своем месте и хмыкнула.

Да, Яна, безусловно, справится. Можно только посочувствовать всем окружающим – это чудовище с них шкуры на просушку сдерет.

А справится ли сама Анна?

Здесь и сейчас, видя сон, она отчетливо понимала, что не сможет. Она не знает и половины того, что знает Яна. Не умеет. Не справится...

Она даже готовить толком... ну кому тут нужны устрицы? Или филе ягненка в тесте фило, или фуа-гра, или утка под прессом... Анна могла руководить кухонными рабочими, она знала эти рецепты, но как готовить на электроплитке?! Этого она не умела.

А как мыть полы?! Ладно еще – контролировать горничных, но самой?

Она не умеет!!!

И все четче сквозь сон оформлялась мысль.

Яну она заменить не сможет!

* * *

Когда Анна проснулась, солнце было уже высоко.

Болело – все.

Голова болела, мышцы ныли, страшновато было...

Вообще хотелось заползти под кровать и не вылезать оттуда следующие лет двадцать. Останавливала простая мысль: кушать захочется раньше.

Анна кое-как поднялась – и направилась на исследование новой территории.

М-да.

Много тут исследовать не получилось. Туалет порадовал, душ принес хоть какое-то облегчение, а стоящая в холодильнике банка консервов помогла наесться. Хотя раньше консервированную горбушу княжна не пробовала.

Ничего, страшнее бывает.

Все ощущалось словно во сне или в сказке. Вроде бы и с ней это происходит – и не с ней. И это притупляло отчаяние, смягчало горечь одиночества, помогало размышлять. Анна словно через стекло наблюдала за этим миром, а вот себя в нем пока не видела. Не могла определить свое место, не могла разобраться, не могла...

Но если бы она сейчас билась в истерике, было бы лучше?

Вчера ее убили.

Вчера убили всех ее родных.

Вчера она смотрела в глаза смерти. В буквальном смысле слова. Это было вчера.

А сегодня?

Ей подарили год жизни. Пусть странной, пусть непонятной, но...
Неожиданно на Анну волной накатило... облегчение?!

Да, именно так.

Пусть через год она опять пойдет к Хель – ничего страшного в этом нет. А вот здесь и сейчас – она свободна!

Свободна от всего!

От этикета, от манер, от титула, от своего долга – у нее больше нет никакого долга. Разве что перед сыном, но это – справедливо. Когда-то она от малыша отказалась. Сейчас пришло время все исправить, и она исправит. А остальное...

Как это оказывается, легко! Быть свободной!

И девушка рассмеялась, откинув назад голову.

Может быть, опытный психиатр и различил бы в этом смехе нотки безумия. А может, и нет. Пережить все, что пережила великая княжна, и остаться в здравом уме? Вряд ли это возможно. Но Анна была здорова, не билась в истерике и собиралась взять от жизни все возможное.

Много это?

Мало?

Не важно! Пусть будет это самое «все», а дальше – разберемся. Но первым делом – сын!

Анна сидела и размышляла.

Итак, вопрос. Ребенок сейчас в больнице. Денег хватит на операцию, но как быть с реабилитационным периодом? А потом еще как?

Ребенку надо как-то жить, где-то, с кем-то...

Ладно.

В лесу, на кордоне – проживет с отцом. Но ведь и отец не молодеет! Ему уже за пятьдесят! А случись что? Куда пойдет ее малыш?

Мало того, случись повторение ситуации? Сердце ведь...

Анна плохо себе представляла, что там надо, чего не надо, но...
Нужны деньги. Как их заработать в этом мире, она пока не понимала.
Запищал телефон.

Анна медленно взяла его в руки. С экрана смотрела счастливая детская рожица.

– Алло?

– Мам! Доброе утро!

Гошка чуть картавил. Не до логопеда было Яне.

– Доброе утро, солнышко мое.

Анна почувствовала... нечто.

Память Яны?

Нет.

Просто... Счастье. Теплое, уютное, свернувшееся клубочком в районе солнечного сплетения.

Ее сын.

Ее мальчик, ее кровиночка...

– Мам, а я сегодня вставал! Вот!

– Да что ты говоришь?!

Анна восхищалась, разговаривала, улыбалась, и понимала, что это – ее мир. Пусть на год. Ее сын. Неужели она не справится?

Да еще как!

И, поговорив с Гошкой, она решительно подошла к зеркалу.

М-да.

Растрепанные волосы, белое, словно мел, лицо, усталые глаза... да, вчерашнее происшествие не на пользу пошло.

В дверь постучали.

– Кто там?

– Яночка, открой! Это тетя Катя!

Щелк.

Картинка из памяти.

Седые волосы коротко острижены под каре и обрамляют доброе усталое лицо. Карие глаза улыбаются. Тетя Катя одного роста с Яной, но сейчас чуточку сгорбилась. Худощавая, но ширококостная, из-за чего она кажется чуть толще, чем на самом деле...

– Тетя Катя, доброе утро.

– Яночка, утро доброе. Как у тебя дела? Как самочувствие?

– Кажется, я приболела, – призналась Анна. Смерть же тоже можно считать?

– Неужели вчера под дождь попала?

– А может, просквозило. – Анна опустила глаза. Врать не хотелось, но и правду не скажешь!

– Ох, кошмар! Давай я тебе малинки принесу?

– Да есть у меня, тетя Катя. – Анна чуть улыбнулась.

– Ох, точно! Что ж это я, ты ж меня и угощала!

Анна развела руками. Мол – она.

Действительно, отец снабжал продуктами, так что на еду Яна тратила намного меньше. Варенья, соленья, копченья...

Перепадало и тете Кате.

– Яночка, ты уж осторожнее. Вечно ты идешь домой по темноте, а кругом разные гады...

– Что-то случилось, тетя Катя?

– Да! Ты представляешь, милиция по дворам ходит!

Новомодного «полиция» тетя Катя в упор не признавала. Или наоборот – старомодного?

– Зачем?

Анна почувствовала, как сильно забилося сердце.

– Говорят, двух человек убили! Совсем, до смерти убили!

– Ой! – натурально испугалась Анна.

– Да, и недалеко тут вроде! А ты по темноте ходишь! А тут эти наркоманы... Мишка, гад! Развел притон и дружков своих поваживает! И все знают, и никто ничего не делает...

Щелк.

Мишка.

Худое, невыразительное, чем-то похожее на паука-сенокосца существо, с вечно невымытыми волосами. Остальное тоже не мылось с рождения.

Наркоман, заодно и приторговывает...

Авторитетное мнение Яны – сволочь.

Живет в соседнем дворе. Там от него тоже все стонут, но участковый его не трогает. Почему?

Не загадка.

Данное чмо (человек, мешающий обществу, человек малообразованный, человек морально опу... отсталый, как аббревиатуру ни расшифруй – все в тему) является двоюродным братом жены участкового. А жена... Сложно с женой, и ссориться с ней неохота. Проще потерпеть, авось сам загнетса от передоза.

У Анны мелькнула МЫСЛЬ.

Или – у Яны?

Наверное, так могла бы подумать Яна, но Анна эту идею тоже поддерживала. Осталось только подобрать подходящий момент. А дворы-то соседние.

А забор...

Забор хоть и крепкий, но есть лазейки. Они всегда есть, Яна их знала. Анна теперь тоже. Осталось подкинуть хорошему человеку и нож, и шило. А там пусть объясняет полиции, как у него оказались данные артефакты.

Ага, осталось подкинуть.

Самое забавное, что днем это безопаснее. Если...

– Тетя Катя, спасибо. Я вот думаю, может, мне другую работу поискать?

– Давно бы пора! А то куда ж! Ходишь как пацанка какая, прости господи, штаны да майки!

Анна развела руками.

– На другое денег нет.

Тетя Катя оживилась.

– А ты зайди ко мне. Сейчас-то мне уж некуда, но в молодости я пофорсить любила! Глядишь, чего из платьев и подберем? Если не побрезгуешь?

– Тетя Катя, что вы! – возмутилась Анна. – Как вы можете такое говорить?

Слова слетали с губ непринужденно. Видимо, память Яны подсказывала, как поступать.

– Вот и ладненько. Обязательно загляни.

– Хорошо. Сейчас, еще обувь посмотрю...

– Да, уже пора убирать летнюю и доставать осеннюю, – кивнула тетя Катя.

И Анна отправилась в сарай.

На улицу было пока страшновато. А сарай...

Каждому частному дому квартирного типа положена сараюшная постройка. Иначе это сооружение и не назовешь. Такой длинный сарай, поделенный на отсеки. Одна квартира – один отсек. В клетушке, в которуюходишь полупригнувшись и чихая от залежей вековой пыли и трухи, хранятся самые важные вещи. Колесо от трактора, одна лыжа, куча драной обуви, несколько банок с неизвестно какого века вареньем...

Яна, купив свою клетушку, потратила три дня на разбор завалов и изрядно обогатила местную помойку. Теперь в клетушке хранились несколько чемоданов. Одежда летняя – зимой. Одежда зимняя – летом. Велосипед, несколько коробок с обувью, присланные отцом лесные дары. Те, что в банках.

Больше Яна там ничего не держала.

Анна к сооружению подходила с чувством глубокого внутреннего отвращения. Даже до ручки (хоть та и была чистой), дотрагиваться было страшно и неприятно. Но – надо.

Яна ходила всегда и везде в одной форме.

Джинсы, майка или свитер, короткая куртка, ботинки типа «говнодав». Дешево, удобно, стильно. В своем, неповторимом стиле.

Анна так ходить не могла и не хотела. Денег нет и не будет, значит, надо посмотреть, что есть у Яны. Вдруг что-то да подойдет?

И верно...

Можно многое сказать о Сереже Цветаеве, но жадным он никогда не был. Чего б мамочкины деньги и не транжирить?

Яна пару раз принимала от него подарки, чтобы порадовать любимого. Хотелось ему увидеть рядом с собой не «солдатику Джейн», а красивую девушку. А когда отношения закончились...

Яна хотела собрать подарки, да и отнести на помойку, но остановил практицизм. Вещи не виноваты, а денег на новые у нее точно не будет. Даже здоровый ребенок – это расходная статья, которая влегкую пробивает самый мощный бюджет. А уж больной...

Носить как-то не пришлось, но в чемоданах нашлись несколько предметов, которые искренне обрадовали Анну.

Первое – роскошное пальто, длинное, теплое, плотное, даже с капюшоном. Осеннее, темно-серое, из какой-то мягкой ткани. Анна на миг потерлась об него щекой.

Понятно, почему Яна его не носила, для такого пальто очень много всего нужно. А что есть еще?

Нашлись еще несколько вещей, которые Анна сильно одобрила.

Первая – брючный костюм. Жакет без рукавов, блузка и брюки. Конечно, страшновато такое надевать, но это лучше, чем матросские штаны и свитера жуткой вязки.

Вторая – платье. Увы – летнее. До пола, легкое, светло-зеленого цвета, в мелкий цветочек...

Анна решила дополнить его шляпкой и перчатками, и будет замечательно. А больше из одежды ей ничего и не подошло.

Майки? Джинсы? С точки зрения великой княжны, надевать такое недопустимо. Нет-нет, она все понимает, но... Это – одежда для работы в саду. К примеру. Для верховой езды, для охоты... Но не на выход!

С обувью получилось еще хуже. Нашлись только одни приличные ботинки, но на таких каблуках, что без слез не взглянешь. Вся остальная обувь годилась пинать поверженного врага, а эти ботинки были аккуратными, на тонкой подошве, с круглым носочком и каблуком-шпилькой. На таких Анна раньше не ходила, но – что поделать? Выбора нет.

Другой обуви тоже нет. И это все осеннее, на зиму нужно нечто другое.

Нашлись еще одни кожаные плетеные босоножки, симпатичные, из разноцветных ремешков, но – сейчас не сезон. Сейчас сентябрь, до тепла еще дожить надо.

Анна отложила понравившиеся вещи и выглянула из сараюшки.

Никого.

И из окон ее не видно.

Перчатки – на руки. Тонкие, целлофановые. И – одним движением руки – нож и шило переправляются за забор. Там стоит такая же сараюшная постройка, вот за нее они и попадают.

Найдут их там?

Не найдут?

Да кто ж знает...

Анна сотворила знак Единого и отправилась к себе.

Да...

Спасибо, Хелла.

Анна сильно подозревала – окажись она здесь просто так, без памяти Яны, ее бы в смиренный дом отвезли. Да и сейчас...

Она ощущала все как-то странно. словно сквозь легкую вуаль.

Эмоции были, но они не ранили, не заставляли кричать, корчиться от боли... определенно, Хелла постаралась.

И снова – спасибо.

Итак, ей надо устраиваться на работу. Сегодня она еще оглядится и подумает, а завтра – завтра начнет новую жизнь. А еще...

* * *

Остаток дня Анна провела на диване перед телевизором. Смотрела все подряд, от новостей до мультфильмов, и восторгалась.

Сто лет!

Если она правильно поняла мысли Яны, между ними разница в сто лет – и такие изменения! Потрясающе!

Телефоны, компьютеры, телевизоры, машины...

Ей будет сложно. Но... так интересно!

Анна была молодой женщиной, и ее манил притягивал новый мир, дарованный ей милостью Хеллы. Ну как тут не заинтересоваться?!

Ах, реклама...

К концу дня голова у Анны шла кругом. Но в то же время...

Как же счастливы женщины этого мира!

Они не знают корсетов, которые сдавливают все внутренности! Они не надевают толстые чулки и не мучаются с подвязками. У них есть тоненькие колготочки, которые словно растекаются по ноге. Правда, и рвутся они тоже замечательно, но... Насколько же это удобнее!

А еще...

Единственное, в чем пока не разобралась Анна, – это в странной одежде «с крылышками». Интересно, куда ЭТО клеится? А то реклама как-то не осветила этот вопрос...

* * *

Вечером к ней опять поскреблась тетя Катя.

– Яночка, ты ко мне не заглянешь?

– Да, конечно, тетя Катя. А что случилось?

– Да так, ничего...

Квартирка у тети Кати была не больше, чем у Яны. Но сейчас в ней и присесть было не на что, потому как все свободные поверхности (да и сколько их было?) занимала одежда.

Несколько блузок: белая, кремовая, сиреневая, розовая – самые ходовые цвета.

Две юбки.

Три платья.

– Остальное тебе точно не подойдет, а вот это примерь-ка, – кивнула тетя Катя.

Анна чуточку стеснялась, но – почему бы не попробовать? Юбки оказались впору. Обе длинные, до щиколотки, одна серая, вторая черная, примерно одного фасона, расходящиеся широкими клиньями от талии. Анне такой фасон нравился, он был привычен и удобен.

Блузки были чуть великоваты в груди, но это не страшно, можно чуточку ушить. Иголкой и ниткой Анна владела. Правда, чаще вышивала, но и шить доводилось, особенно в последнее время. И штопать тоже...

Последнее время у них практически не появлялось новых вещей, чулки прохудились, на нижнем белье прорехи...

Довольно!

Этого – не было!

Анна прикусила губу, приказывая себе не думать ни о чем, – и взялась за платья.

Платья были примерно одного фасона, различие в деталях, а вот принцип один и тот же. Облегающий лиф, тонкая талия, юбка-клеш. Тете Кате когда-то шел такой фасон, он всем к лицу, у кого есть талия. Различались они по цветам – белый в цветочек, синий и бордо. Одно летнее, одно с рукавами три четверти, одно зимнее, теплое. Летнее – легкое, до колена, с юбкой солнце-клеш, с рукавами «фонариком» и легкомысленным вырезом «лодочкой». Анне оно было к лицу, но выйти так на улицу?

Хотя здесь еще и не так ходят, Анна сама видела в телевизоре... позорище жуткое! Слов нет!

Как можно все – вообще все – выставлять наружу? Это не просто неприлично, это еще и некрасиво, и вообще... Тянуться друг к другу должны не тела, а души. Но в этом мире о Книге Веры никто не слышал, равно как и о ее заповедях.

Осеннее платье было также до колена. Рукава три четверти, воротничок под горло, молния на боку, аккуратная, с крохотным замочком, чтобы не выделялся. Поясок белого цвета, белый воротничок – и можно приколоть цветок или какое-нибудь украшение.

Да, сюда бы пошло что-то перламутровое... но здесь у нее все равно ни одного украшения. У Яны не было ни колец, ни цепочек,

ничего.

Крестик?

Яна его отродясь не носила. Лес же! Зачем его покупать – чтобы тут же посеять?

Зимнее платье было длиной до середины икры. Насыщенный цвет красного вина, даже чуть потемнее, ряд пуговичек спереди, вытачки на лифе, длинные рукава...

– Как тебе к лицу! Бери и носи, если нужно, – кивнула тетя Катя. Она смотрела с одобрением.

– А вы?

– А мне уж поздно такое носить. Не по возрасту, да и желания нет. Хотела отдать, а только кому? А так вот... и тебе хорошо будет, и мне... вот и сумочка есть. И комплект – берет, перчатки и шарф. Мне уж не по возрасту, а тебе, молодой, все к лицу.

Анна прикусила губу.

Спрашивать, сколько она должна?

Такие вещи княжна чувствовала спинным мозгом. Если она только попробует... Она сильно оскорбит эту женщину. Очень сильно.

Тогда...

– Благодарю вас за помощь. Я этого не забуду.

И сказано это было таким тоном...

Тетя Катя, которая собиралась махнуть рукой и сказать нечто веселое, вдруг покачала головой. А потом улыбнулась, хорошо так, по-доброму.

– Все будет в порядке, Яночка.

– Тетя Катя, называйте меня Анной?

– Надумала, значит?

Тетя Катя была в курсе нелюбви Яны к ее имени. Так что...

– Повзрослела, наверное.

– Может, и так. Странная ты сегодня... Анечка.

Анна развела руками, демонстрируя, что да, странная. Но это все еще она. И ответом ей стала улыбка, согревшая сердце великой княжны.

Один близкий человек у нее уже есть – в этом мире. Даже три.

Отец, сын...

Как это замечательно!

- Жом Тигр.
- Жом Пламенный.
- Проходите, друг мой, садитесь.

Жом Тигр послушно прошел и уселся, разглядывая оппонента.

Высокий лоб, гладко выбритое лицо, залысины, умные и яркие карие глаза, тонкие губы, темные жидковатые волосы... вроде бы ничем не примечательный человек. Такого на улице встретишь – пройдешь мимо. Но стоит ему выйти на трибуну... Народ взрывается воплями одобрения.

Как уж ему это удастся? Неизвестно, но толпу он держит в повиновении, как последнюю шлюху.

Последние дни ему явно дались нелегко. Вот и под глазами тени, и скулы словно карандашом обвели, и руки подрагивают – нервный тик...

Жом Пламенный резкими движениями разминал сигарету.

Тигр молчал. Большие кошки вообще неразговорчивые. Зато покушать любят. Много.

Оппонент так же разглядывал его, хотя знали они друг друга давно. Но надо же выдержать паузу?

В таких делах проигрывает тот, кто начал. Или...

Молчать Тигр мог часами и сутками, неделями и месяцами, так что Пламенный начал первым.

- Император.
- Мертв, – подхватил нить разговора Тигр.
- Но появился новый император. Откуда?

Тигр пожал плечами.

- Я не просто так провел эту ночь. Я ходил в главный храм.
- Так-так...

– С коронацией не все так просто. И с императором тоже.

– Наместник Бога на земле?

– Да, что-то в этом роде. Как пришел к власти император из династии Вороновых?

– Триста лет назад пресеклась старая династия. – Жом Пламенный не любил риторических вопросов, но в том-то и дело, что Тигр их тоже не любил. Если он спрашивает, значит, есть причина. – Народ бунтовал

несколько лет, потом на трон общим решением посадили первого Воронова...

– Не совсем так.

– Да?

– Было несколько условий, – кивнул Тигр. – Первое – Воронов был родственником старой династии. Пара капель их крови. Пара капель, этого хватило.

– Несколько условий?

– Второе – была принесена жертва.

– Жертва?

– Да. Ребенок императорской крови, как я понял, какой-то бастард, но тем не менее...

– И?

– Династию Вороновых благословила Хелла.

– Хелла... Языческие бабкины сказки, – хмыкнул Пламенный.

– Возможно. Но с этим хорошо складываются известные нам истины. Говорили, что в предках императора была жрица Хеллы.

– И что?

– Внимание, жом, внимание, – протянул наслаждающийся игрой Тигр. – Те королевские регалии, которые лежат сейчас в сокровищнице, не стоят и ломаного гроша.

– Почему?

Тигр даже залюбовался соратником. Ни шума, ни гама, конкретные вопросы по конкретной теме.

– Они драгоценные, там великолепная художественная работа, но нас интересует один-единственный камень. Черный, матовый, похож на гематит, но тверже любого алмаза. Он режет алмазы как стекло.

– Такого не бывает.

– Бывает. Один-единственный камень, который, по свидетельству историка, подарила основателю династии сама Хель. Когда принесли жертву, тело ребенка начало иссыхать прахом, а из его сердца на свет появился этот камень. Раньше он был вделан в корону, и именно с его помощью короновали нового императора.

– А сейчас?

– Вот. Жрец рассказал мне интересные вещи. На короне есть... нечто вроде шипа. Один раз его отгибают, во время коронации. Кровь

нового императора попадает на камень, и тот получает благословение Хеллы. Признание власти.

– Тогда почему мы так легко разобрались с Петером, если у него есть это благословение?

Тигр пожал плечами.

– Возможны несколько причин. Петер – тряпка, слабак, ничтожество, которое лишь по недоразумению родилось в императорской семье и нацепило корону. Ему бы угольщиком родиться, в самый раз было бы.

– И поэтому Хелла от него отреклась?

– А еще – императорская семья демонстративно верила в Единого Творца. Не в Хеллу. Вы, жом, сколько ее храмов знаете?

– Один. И тот... м-да.

– Я бы на месте богини обиделся.

– Допустим, богиня тоже обиделась. И лишила династию своего благословения. Один раз колокол звонит, когда умирает старый император. Три раза звонит, когда император выбирает наследника.

– То есть у нас есть наследник?

– Практически законный император. Царь-пушку в Борисоглебской крепости помните, жом?

– Да...

– К ней нет ни ядер, ни пороха. Она стреляет один раз, когда наследник принимает трон. Сама стреляет. Без помощи людей.

– Сказки. – Но выглядел жом Пламенный не слишком уверенно.

Какая магия?

Люди на машинах ездят, телеграфом пользуются, телефонируют друг другу, какие тут боги? Сказки все это! Чтобы народишко не бунтовал, ему и капают в уши воском...

Или – не сказки?

– Императорская семья это не афиширует. В курсе буквально несколько человек.

– Давно бы слухи пошли...

– Так слухи и ходят, – пожал плечами Тигр. – Слухи, сплетни... вы им много внимания придаете?

Жом Пламенный поежился. Много внимания? Да он и сам прекрасно такие слухи распускал! Хоть что сочинит, дайте время!

– Что мы можем с этим сделать?

– Боюсь, ничего.

Жом Пламенный нахмурился. Ладно, зайдем с другой стороны.

– Принимает трон? Как выглядит принятие наследником трона?

– Он дает клятву заботиться, беречь, может, есть и еще что-то, но жрец не знает. Сказал, есть ритуалы, но только императорская семья в курсе.

– Таким образом, у нас есть наследник, который признан богиней, но пока еще не принял свое наследство?

– Именно так.

– Если его убьют?

– Если он не передаст свое наследство никому из императорской семьи, линия крови оборвется.

– И что тогда?

Жом Тигр пожал плечами.

Что?

Да кто ж богов знает? Людей-то не всегда поймешь!

– Неизвестно. Страна очутится в подвешенном положении...

– Предлагаете принести жертву Хелле?

– Вполне возможно.

Жом Пламенный покачал головой.

– Нет. Я думаю, надо расспросить... кто у нас там? Гаврюшка?

Жом Тигр хищно ухмыльнулся.

– Он самый. Думаете, он что-то знает?

– Должен хотя бы догадываться.

– Что ж... можно и его расспросить. А я должен уехать.

– Жом Тигр?

Не то чтобы жом Пламенный был против. Слишком уж сильный соратник, слишком уж агрессивный... даже ему было тяжело глядеть в глаза Тигра, но...

Куда уехать?

И в такое время?

Зачем?!

– Я телеграфировал в Зараево. Если у нас происходит... то, что происходит, значит, Петер мертв. Но также – он передал кому-то ключ от престола.

– Сука!

– Безусловно. Вот мне и хотелось бы знать – кто, кому...

– Ваш побратим еще не отчитался?
– Я ждал телеграмму ближе к вечеру. Но... я волнуюсь.
Жом Пламенный не поверил.
Волнуется он, как же! Но с другой стороны...
– Вы хотите съездить в Зараево?
– Да. Даже самый хваткий человек может что-то упустить.
Жом Пламенный улыбнулся каламбуру.
– Что ж. Мне не хотелось бы вас отпускать, жом Тигр, но...
– Я вернусь, – заверил его человек в кресле. И улыбнулся.
И на миг жому Пламенному показалось, что у его собеседника совершенно тигриные клыки. Странно, правда?

Яна. Русина, где-то в дороге

Задница – это не деталь организма, а характеристика ситуации.
Милейший человек сказал, полковник ГРУ в отставке. Правда, он не совсем «задница» говорил, но это уже такие мелочи!
Вот здесь и сейчас Яна была с ним полностью согласна.
Она уже залила почти все горючее.
Она один раз меняла колесо, благо предусмотрительно погрузила себе пару запасных. Цельнолитые каучуковые шины – это, конечно, жуть! Тяжелые, неудобные и гремят просто врагу на радость.
Какому врагу?
А, не важно! Были б шины, враг найдется!
Нини лежала в машине трупом. У девчонки поднялась температура, и вообще она впадала в беспамятство через каждые пять минут. Врача по дороге не предвиделось. Населенного пункта...
Яна наострила уши.
Колокольный звон!
Отлично!!!
Церковь!
Церковь – это село, село – это люди, а где есть люди, там есть и врачи. Хоть травница какая или повитуха!
Яна потеряла руки. Ну а раз так...
Вперед?
Однозначно!

Яна принялась распахивать сестру.

– Инна, очнись! Нини!!!

Девочка наконец открыла глаза.

– Аннет...

Яна скрипнула зубами в ответ на идиотское имя (ну не нравится оно ей, не нравится!!!) и коснулась губами лба девчонки.

Плохо.

Тут не меньше тридцати восьми, а то и покрепче уже жарит.

– Нини, ты сможешь какое-то время побыть одна?

– Ан-нет?!

– Мне надо сходить в село, привести травницу. Или врача.

– А почему мы не можем поехать вместе?

– Потому что машина – это след. В таком захолустье это как белого медведя на веревочке водить, – разъяснила Яна. – Ты можешь какое-то время побыть одна?

– А если меня кто-то найдет?

Яна, недолго думая, сунула девчонке пистолет.

– Стрелять умеешь? Справишься...

Судя по круглым глазам Нини, в родственниках у Вороновых лемуры отметились. Мадагаскарские.

– Ты... ты что?!

– Смотри сюда! Вот так снимаешь с предохранителя и нажимаешь на курок. Главное, направляй в нужную сторону, а то себе что-нибудь отстрелишь.

– Я не...

– Вернуться хочешь? К милым и добрым людям, которые убили родителей?

Наверное, со стороны Яны это было жестоко. Но Нини перестала хлюпать носом и собралась.

– Н-нет...

– Тогда изволь за себя постоять. Поняла?

– А если я опять лишусь сознания?

– Придется тебе пока с ним не расставаться.

– Я... я...

Яна скрипнула зубами – и погладила девочку по голове. По белокурым пушистым локонам.

– Нини, детка, соберись. Я обещаю, все будет хорошо...

– А...

– Посиди, подумай, в какой стране ты хочешь жить? Мы вылечим тебя и уедем туда, обещаю... денег у нас хватит. Проживем как-нибудь. Замуж тебя выдадим, детей нарожаешь...

– А... а Русина?

– Мне жить хочется. А в этой стране нас с тобой просто за фамилию закопают.

– Аннет, все так плохо? Да?

Яна пожалала плечами. У нее пока не было возможности как следует перебрать память Анны, но, судя по освоенному...

Спасибо вам, гугл и интернет. Когда привыкаешь плавать в ваших волнах, начинаешь быстрее искать информацию, осваивать ее, осмысливать. Яна примерно понимала, о чем идет речь, – ну и хватит пока. В основах она потом разберется. А Петер...

Не то чтобы он был плохим монархом. Хорошим он тоже не был, так, серая скотинка. Другие с таким характером и досиживают, и уходят в мир иной под плач любящих подданных... Петеру не повезло.

С таким везением, как у него, и кондуктором-то в трамвае быть стремно – или билеты сопрут, или из трамвая выпихнут.

Начать с начала.

До брака с Аделиной – два неудачных романа. Один с разведенной дамой, второй с дамой полусвета. А поскольку был Петер весьма влюбчив и наивен, обе истории оставили ему шрамы на сердце.

Потом его взяла в свои ручки Аделина Шеллес-Альденская. Родня, скрипя зубами, дала свое согласие, все ж не куртизанка. Конечно, плохо, что сыновей у Петера не будет, но у него еще старшие братья есть...

Петер думал точно так же и править не готовился. Но угодил на трон. И тут же Аделина стала камнем на его шее...

Мало того!

Война с Ифороу, война с соседним Борхумом, клятые комитетчики, покушения на царскую семью...

Вроде бы и дураком Петер не был. Но звезды в момент его царствования сошлись в одно короткое слово.

Да, «звездец». А вы что подумали?

Вот и перетекала страна из одного кризиса в другой. А сюда же еще в комплект вороватых министров, родственничков-

уродственничков, которые тоже перли все, что гвоздями не приколочено, и интриговали...

Яна б на месте Петера давно им организовала экскурсию на фабрику колбас. В цех по убою скота. Так, с намеком.

Петер терпел и пытался урезонить всех словами.

Дотерпелся.

В итоге к нему его же генералы пришли и едва ли не силой заставили подписать отречение. Анна об этом мало знала, так, обрывки разговоров, Яна тоже не знала и злилась.

Не могла эта тетеха головой подумать! За себя боролась, не за чужого дядю! Яна б давно и разнос всем устроила, и сына забрала...

Ладно!

Не до того!

– Все не просто плохо, Нини. У нас... у нас – задница.

– Аннет!!!

– Что?

– Как ты... если бы мама!..

– Нини, успокойся и привыкай. С этого дня мы самые обыкновенные девушки. Без титулов и дворянства. Чем раньше ты с этим смиришься, тем будет проще. А пока... спорить со мной ты можешь? Значит, и в обморок в ближайшее время не шлепнешься. Пошла я в село.

– Мне страшно! – едва не заплакала сестра.

Яна указала пальцем на сумки.

– Там еда. Советую что-нибудь съесть, и отвлечешься, и полегче будет.

– Не хочу.

– А ты через не хочу. Тебе нужны силы. Все, я пошла.

Яна развернулась и направилась к деревне. То есть к селу. Разницу она отлично знала. Но... хоть убивайте – упорно путала эти два понятия. Для нее-то не было разницы, есть в деревне церковь или ее нет. Везде люди живут.

* * *

Великий князь Гавриил был в ярости.

Он метался по кабинету, швырялся предметами и крыл своего кузена такими словами, что, ей-ей, осколки ваз краснели.

Таким его и застал сын.

– Папа?

– Да?! – рявкнул Гавриил, не особо скрывая свое бешенство.

– Что случилось? Меня вызвала мама, сказала, что вы чем-то сильно недовольны...

– Недоволен?! Это еще мягко сказано!

Гавриил шваркнул об стену тяжелый малахитовый прибор для письма, заполировал креслом и почувствовал, что выдыхается.

Устал...

– Сукин кот!

– Кто, папа?

– Петер! Сволочь, сука, б..., п... ..ный!!!

Матерщина из уст великого князя неслась такая, что даже грузчики не стали бы перебивать. Стояли бы и восхищенно внимали. Отведя душу, Гавриил почти упал в уцелевшее кресло и кивнул сыну на столик с ликерами.

– Налей.

– Что именно, папа?

– Давай горькую настойку.

Мишель хмыкнул, но повиновался. Да, похоже, и впрямь что-то серьезное.

Отец вообще предпочитал ликеры или сладкие вина, хотя и тщательно скрывал свою слабость. Домашние знали, конечно. С посторонними Гавриил с удовольствием пил и водку, и коньяк, но дома... Ликерчик, да под хорошую сигару, а ликер должен быть тягучий и приторно-сладкий...

А сейчас – горькую настойку?

М-да...

Получив рюмку, Гавриил осушил ее одним глотком и протянул сыну.

– Еще...

Нормально говорить он смог после третьей рюмки.

– Петер, сука, сдох.

– Один удар Колокола, – кивнул Мишель.

Об этом уже вся страна знает.

– И даже сдохнуть нормально он не мог! Он назначил себе преемника! Б...

– Чем это чревато, отец?

Мишель не собирался слушать тут отцовскую матерщину весь вечер, у него и поинтереснее дела найдутся.

Гавриил хмыкнул.

Да, сына он во многое не посвящал. Вроде как и ни к чему было. Вот и не понимает мальчишка...

Разъясним.

– Тем, что никого другого короновать не смогут. Вообще.

– И что? Разве это препятствие?

– В нашей стране – да.

– Не понимаю. Папá, почему? – молодой человек действительно не понимал.

Гавриил вздохнул.

– Потому что дураков, которые готовы навлечь на себя проклятие Хеллы, мало.

– Проклятие Хеллы?

– Оно падет на убийц действующего императора.

– На убийц Петера?

– В том числе.

– На тех, кто отдал приказ, – или на тех, кто убил?

– На тех, кто убил, – сразу. На тех, кто отдал приказ... не знаю.

Тут сложная ситуация, Петер от престола отрекся. Сам. По доброй воле. А вот его наследник не отрекался. И тут...

– Что такое проклятие Хеллы? Папá?

– Смерть. О которой мечтают и умоляют. Но – не получают. И муки после смерти.

Гавриил отвечал с таким серьезным видом, что...

Шутить Мишелю не захотелось. И вместо этого он задал другой вопрос:

– Наследником может быть только человек с каплей нашей крови в жилах?

– Да.

– Или наследницей?

Гавриил задумался.

– Да, возможно и такое.

– Тогда...

Великий князь с умилением поглядел на сына. Ну не умница ли у него вырос? Как соображает!

А ведь действительно...

– Я постараюсь узнать. А ты... готовься очаровывать и влюблять.

Мишель кивнул.

Честно говоря, он уже пробовал один раз. С великой княжной Анной. Не повезло – та смотрела сквозь него, как сквозь стекло. Словно и не мужчина перед ней, а статуя.

Остальные княжны были слишком молоды, да и Петер... и чего он так дочерей стерег?

И Аделина... гарпия!

Ладно! С тех пор уже достаточно времени прошло, и он повзрослел, и девушки...

Разберется.

А вообще, это лучший метод наследования престола – жениться на наследнице. И кстати, она может и не нести порченную кровь своей мамы. Может родить и сына.

А если нет...

Ну так что ж?

У Мишеля-то проблем с этим не будет. Кого бы ни родила дражайшая супруга, все равно это будет сын. Есть способы позаботиться...

И молодой человек хищно улыбнулся.

Власть – вот что манит людей. Преступления? Да помилуйте, о чем вы? Какие преступления? Всего лишь здравый смысл.

Он рожден великим князем, он молод, умен, хорош собой, он был бы куда как лучшим правителем, чем Петер, – и его не подпускают к трону?

Это обидно!

А сейчас появляется возможность исправить ситуацию. Надо, определенно надо ею воспользоваться!

* * *

Не зная о матримониальных планах родственников, Яна топала по лесу – дело насквозь знакомое. Даже расплакаться хотелось. Почти как дома!

И комары такие же!

С-собаки летучие!

Впрочем, Яна сильно не переживала. Комары ее кусали, но недолго. Минуты три-четыре. Потом просто садились, летали, жужжали, но не нападали. Почему так? Яна не задумывалась. Отец вообще шутил, что на ведьму и комар не сядет.

Ноги привычно ступали по прелой листве и хвое – так, чтобы не производить лишнего шума, тело держало равновесие, руки уверенно отводили ветки от лица...

Лес...

Что бы ни случилось в жизни Яны – у нее был Лес.

Громадный, восхитительный, разнообразный, ласково касающийся ветвями лица, шепчущий ей сказки, приглашающий погулять и поиграть.

Дарующий подарки в виде ягодных и грибных полян. И просто полянок с пушистой и мягкой травой, на которых так чудесно дремать теплым летним днем. Уютных елочек, под которыми так хорошо пережить ненастье. Поваленных деревьев, на которых можно посидеть и отдохнуть...

В воображении девушки Лес был населен самыми разными созданиями. Иногда сказочными, вроде лесовиков и русалок, иногда вполне реальными – кабанами, волками, лосями... с кем-то она сталкивалась, с кем-то нет...

Лес...

Каждый раз новый, каждый раз удивительный, каждый раз – родной, вошедший в плоть и кровь Яны.

Ее чудо.

Ее судьба и счастье.

Жить в городе?!

Да она удавиться была готова! Если б не Гошка, ноги бы ее в городе не было! Заочно доучилась бы! Но мелкому требовалось лечение.

Москва?

А вот не всегда!

Иногда самые лучшие хирурги живут в провинции. Вот не нравится человеку Москва – и не едет он туда. И живет, и жизни спасает, и из Москвы к нему едут. И клиники оборудуют – под человека, потому как реально – золотые руки.

Такого Яна и нашла.

За Гошку она была спокойна, были б деньги... человек-то работает, но те же лекарства, те же аппараты, да просто – один день пребывания в клинике дорого стоит. Есть бесплатные места, но на них еще надо постараться попасть. Всегда находятся друзья, знакомые, соседи...

И ругаться-то язык не поворачивается – тоже ведь дети больные! Это Яна понимала. Не салон красоты – такие же сердечники.

Как-то там ее малыш?

Ладно!

Здесь и сейчас ее малыш в Звенигороде. И Яне надо туда попасть. Но...

Ну не может она просто так оставить эту безмозглину! Нини ведь совершенно непригодная. Вообще никакая.

Ребенок бестолковый, Гошка и то лучше к жизни приспособлен, чем она. Ни машину водить, ни строем ходить – вообще ничего сестрица не может. Умения? Никаких. На пистолет смотрит, словно тот кусается, – вот как с такими навыками выживать в революцию? Да никак!

Но ведь и не бросишь дуреху!

Вывод?

Устроить ее в безопасном месте и вернуться чуть позднее. А где такое место у нас? В деревне?

Ага, наивные чукотские девушки. Яна только фыркала, читая, как кто-нибудь прятался в деревне от врага. Ага...

Деревня – это свой, обособленный мир, в котором все друг друга знают. Мир со своей моралью, нравственностью, уставом, особенностями... да появишься там чужак, через неделю о нем вся деревня знать будет – через месяц весь район, а там и до врага дойдет. И помогать чужаку сразу никто не будет – с чего бы?

Мало ли какую наволочь принесет?

Внешне-то все будет выглядеть благолепно и пристойно, с чужаком будут здороваться, его будут угощать, может, и помогут в чем,

но стать своим...

Нет, по-настоящему своим ему не стать и через десять лет. Что-то останется, какие-то потаенные струны, и будут говорить...

Ладно. Это Яна отвлеклась, а вывод-то прост. Деревня не подойдет.

В поместье к кому?

Ой, что-то Яна сильно сомневалась. Поместье же что? Правильно. Убежище гнусных аристократов или, как их тут называют, торов. Их надо гнать, пинать и обязательно – раскулачивать. А дамочек помоложе еще и к делу приставлять. К хорошему, им понравится... по мнению победившего пролетариата.

Ну, понравилось или нет – история умалчивает, но оставлять беспомощную девчонку на милость неясно кого? Нет уж! Тогда проще ее сразу добить, чтобы не мучилась.

Город?

Как вариант.

Поселить где-нибудь, где потише, наказать не высовываться...

Жаль, что все близкие погибли... прямо ты хоть лови кого по дороге, или... Ох, вот еще проблема!

Ладно, разберемся. Для начала надо девчонку вылечить и доставить в цивилизацию. Снабдить документами и деньгами. Хотя бы...

Эх, жизнь-жестянка!

Рассуждения ничуть не мешали Яне добираться до села – и вот оно, раскинулось как на ладони. Яна прищуренными глазами обзревала дома.

Ей нужен дом бедный.

В богатый и зажиточный среди ночи постучись – так без ноги уйдешь. Ибо собака. Еще и брех на все село поднимется...

Нет, лучше бедный. Без собаки, коровы, ей нужно прийти и расспросить хозяина, а дальше видно будет.

Вот этот, похоже, подойдет...

Яна хмыкнула и направилась к покосившейся избушке на краю села. Там, в окошке, горел тусклый огонек. Не спят?

Вот и ладно...

Прасковья Ивановна смотрела на лучину.

Руки сами собой вытягивали шерстяную нить, пряли кудель, горела лучина, а мысли были темные, печальные...

Солдатка ни вдова, ни мужняя жена, оно и верно. Не судьба, а слезы горькие. Ни денег, ни счастья, ни мужика в доме...

Шесть лет прошло, как забрали Ванечку в солдаты.

Шесть долгих лет.

Только три раза на побывку и приезжал, вот на печи Вася да Ванечка спят...

По губам женщины скользнула горькая улыбка.

Говорят же, солдаткиным ребятам вся деревня отец. Если бы...

Нет у них отца. Мать одна, а много ли она сделает? В том году прибрала лихоманка свекра со свекровкой, а матушки у нее и до того не было. Отец после ее смерти еще раз женился, так мачеха падчерицу невлюбила. И то – где ж вы другое видели? Может, оно и бывает, что чужих детей как своих принимают, но редко. Очень редко...

Братья-сестры помогали, да чем тут поможешь? И лихоманка село проредила, и свои семьи у всех, да и небогаты они...

Чтобы на земле разбогатеть, надо пахать не разгибаясь. Земля потом поливается, тогда на ней все и растет. Да и когда вырастет... Мало за землей ходить, мало скотину кормить, ты еще поди продай все, да налоги заплати, да выкупные, да...

Надрываются крестьяне, а только долг на долг растет и растет... и конца-края ему не видно. А чем детей кормить?

Прасковья и так никакой работой не брезговала, и за скотиной ходила, и стирку брала, и в поле пахала-сеяла... да только много ли наработаешь, когда даже лошади нет? У соседа брать приходится, а тот еще и намекает...

Чуяло Прасковьино сердце, придется ей и на последнее унижение пойти.

Ради детей...

А узнает кто? Ворота дегтем вымажут! По селу не пройдешь...

А дети у нее на руках от голода пухнуть станут? И так уж какими муками их растит...

Да и Ванечка, муж любимый... Надолго ли та любовь сохранится, когда детей кормить нечем?

Оно понятно, что мужикам тоже тяжело, а женщинам?

Да вдвое!

Им не воевать, им детей растить, сохранять и сберегать. Они не только за свою жизнь отвечают...

И капают медленно слезы на кудель. Одна за одной, одна за одной...

Когда в окошко тихо постучали, Прасковья не сразу поняла, что происходит. Встала, приоткрыла ставню...

Стекла?

Были бы! Дорого это, не по карману, окно бумагой затянуто...

– Кто там?

– Я одна. Пустите, люди добрые, я вам добром отплачу.

И под бумагу проскользнула серебряная монета.

Прасковья поглядела на нее дикими глазами, а потом...

Потом схватила монету, сунула в самый надежный дамский сейф – и кинулась к двери.

Таких гостей отваживать не надо. На эту монету она столько всего детям купит... и муки на зиму запастись можно будет, и овощей прикупить...

Засов приподнялся, дверь скрипнула, приоткрываясь, и в дом вошла... женщина.

Но какая!

Прасковья в шоке уставилась на гостью.

Та была невысокой, худощавой, темноволосой, а еще... Она была одета в брюки и рубашку. И куртку поверх... Да разве ж бабы так ходят?!

Яна, а это была именно она, огляделась.

– Хозяюшка, скажи, лекарь какой в селе есть?

И в ладони Яны сверкнул рубль, лишая бедную женщину всякого соображения.

* * *

– Мамань? – вякнул с печи Ванечка-младшенький.

Яна прищурилась.

– Сын?

– Сыновья, – кивнула Прасковья.

– А еще кто?

– Простите, тора?

Прасковья не поняла, о чем ее спрашивают, и Яне пришлось разъяснить.

– Ты и ребенок – вся семья?

– Н-нет, тора. Еще сын есть.

– А муж?

– В солдаты забрали.

– Другая родня?

– Одни мы живем, тора.

Яна хмыкнула. А кажется, жизнь налаживается?

– Держи. Деньги тебе в любом случае пригодятся.

И в ладонь женщины лег еще один полновесный рубль.

– Благодарствую, тора...

– Яна.

– Тора Яна?

– Зови просто Яна, тор сейчас не любят.

Это Прасковья поняла. Нет, никак не любят... Но...

– Как же я так...

Сомнения женщины разрешил еще один рубль, положенный в мозолистую, корявую от постоянного труда ладонь.

– Яна...

Яна улыбнулась.

Деньги творят чудеса, кто бы сомневался? Что ж... за то, что убийцы снабдили ее деньгами, она тоже оказала им милость – они умерли безболезненно. И даже получили огненное погребение.

А теперь надо договариваться.

– Хочешь еще денег? Рублей пятьдесят?

Прасковья всхлипнула – и осела на пол. Ноги не держали.

Пятьдесят рублей, это ж... это ж на коровку сторговаться можно!

На телочку, молочную...

Яна поспешила поднять ее.

– Мамка? – высунулся с печи и Васятка.

– Все хорошо, – успокоила их Прасковья. – Обеспамятела я чуток, уж простите, то... Яна.

– Бывает. – Яна пристроила женщину за стол. – Но деньги не просто так тебе достанутся. Мне помощь нужна.

– Чем я...

Яна пожалала плечами.

Врать?

Лучше все говорить как можно ближе к правде. Только чуток сместить акценты.

– Мы с сестрой торы, тут ты правильно поняла. На наше поместье налетели, матушку с батюшкой убили, нас хотели ссильничать, мне удалось пистолет схватить...

– Ох ты ж...

Прасковья поверила безоговорочно. Бывало такое, она слышала. Еще как бывало... страшные времена настали, ох, страшные...

– Мы смогли сбежать. Но сестру ранили.

– Творец Единый!

– Сама понимаешь, лекарь нам нужен, а вот показываться людям не хотелось бы. Искать нас будут...

Прасковья прикусила губу. Дело оборачивалось другой стороной. Тора приехала, да и уедет, а ей тут жить.

– Может, сможешь показать, где лекарь живет? Я с ним сама договорюсь.

– Как не смочь, тора.

– Еще мне кое-что прикупить понадобится. Сможешь купить и принести?

– Смогу, Яна.

– Так и договоримся.

Яна выложила на стол несколько бумажных купюр, при виде которых глаза Прасковья жадно блеснули. Жалко девушке не было.

Крестьянская изба...

Хибара, она же халупа, разделенная на две части большой русской печью. Пара лавок, пара сундуков... Занавеска между двумя частями, убогая утварь на столе, прялка старая, Яна такую только в музеях видела. Потолки низкие, головой задеваешь, а ведь она невысокого роста. И то – зимой высокие потолки поди протопи! Нищета... гольная, кондовая и истовая. Страшная нищета.

Дети...

Глазенки с печи поблескивают... страшно им. И Яне было бы страшно.

Шанс выжить она им даст. Хоть и не слишком большой... Господи, если ты есть! Тебе на это смотреть не совестно?!

Ладно еще взрослые – мы сами с собой такое делаем, что иной маньяк от зависти заплачет. Но дети?! Им-то это за что? За грехи родителей?

Знаешь... а родителей спросить не хочется? Да любая нормальная мать пузом по колючей проволоке проползет, лишь бы ее ребенку хорошо было.

Ладно. Через год она в гостях у Хеллы окажется – вот и поинтересуется. А пока...

– Проводишь к лекарю?

– Да, конечно, Яна. Только... Вот ежели кто увидит...

Соображала Прасковья быстро. Действительно, баба в кожанке. Но и надевать платье, до которого дотронуться-то страшно было, такое оно ветхое...

Яна покачала головой.

– Нет. А если так? Скажешь, мужик приходил из леса?

Она чуть ссутулилась, поменяла походку, заправила волосы под фуражку, которую взяла в качестве трофея... надо отрезать эти лохмы, только мешаются!

Прасковья пожала плечами.

– Попробовать-то можно... скажу, молодой парень, лет шестнадцати, едва бриться начал.

– Вот-вот, – кивнула Яна. – Пойдем? Только задворками как-нибудь... у вас кто лекарь-то?

– У нас их двое. Фершал есть, только он во все дни пьяный, и травница есть, бабка Зюха. Вот к ней, может...

Яна подумала пару минут, покачала головой.

– Давай с фершала начнем. Если он пьяный, так, может, и меня не вспомнит?

– Ох, может и так быть, тора. Можно дойти, заглянуть...

Яна медленно кивнула.

Да, так лучше всего. Травница – это хорошо, но ей надо вынуть пулю, промыть рану, еще и антибиотиком хорошо бы... вы себе как это представляете?

Инструменты нужны и навыки. Ладно, навыки у Яны были, все же лесничество – это не женский монастырь. И пальба бывает, и

зверей лечить доводилось, и пули вынимать.

Сможет, но дайте инструменты! Обезболивающее, хоть какое. А в идеале – и обеззараживающее. На антибиотик Яна не рассчитывала, но ведь справлялись же... плесень, паутина... чем там еще?

Эх, избаловали нас пенициллином.

Рука-то не дрогнет. Но ведь мало пулю вынуть, надо еще и человека вылечить. А если в дороге, в пути... без толку. Разве что измучает девчонку – перед смертью.

Ладно, об этом она еще подумает.

* * *

Прасковья село знала. Яна шла за ней, стараясь сделать походку максимально приближенной к мужской. Но – тишина.

Оно и понятно, осень, вечера короткие, ночи темные, а работая на земле, не больно-то нагуляешься. Крестьяне сон ценить умеют, Яна знала.

Дом фельдшера был немногим лучше, чем у Прасковьи. Чувствовалось, что живущий здесь человек крепко выпивает. И давно.

Ни скотины, ничего...

И от дома сивухой несет...

Прасковья с Яной не пошла. Девушка толкнула дверь, сморщила нос от запаха сивухи – уже концентрированного.

Фу!

Несколько пустых бутылок на полу. Да не поллитровок, а таких... Как бы не трех-пятилитровок. Эх, сюда бы фонарик. Ее любимый, налобный, а не эту дурацкую лучинку.

Но – выбора нет.

Яна сунула лучину в поставец, осмотрелась... Так, ей нужны инструменты. Не пропил же этот гад свое добро? Или... Да нет, Прасковья бы сказала...

После недолгих раскопок черная фельдшерская сумка нашлась в сундуке.

Тело фельдшера нашлось рядом с сундуком. Именно что тело – человеком ЭТО назвать можно было с большой натяжкой. Яна

сморщила нос и принялась проглядывать склянки, найденные в том же сундуке.

Лауданум...

Хорошая штука, только дозировку Яна не знает.

Берем.

Карболовая кислота!

Кажется... ага, что-то Яна помнила. Биолог – он ведь и химию сдавать должен. А химия... фенол, он же карболовая кислота, использовался для дезинфекции.

Карболка отправилась в мешок.

Мародерить – так по полной программе!

И вообще... она даже не мародерит. Фельдшеру честно были оставлены несколько банковских билетов крупного достоинства. Если не пропьет – новый инструмент купит.

Травница так и не нужна будет.

Яна довольно улыбнулась – и покинула гостеприимный дом фельдшера.

Глава 4

Топчут песок и глину страннические ноги

Прасковья шла за девушкой и пыталась решить сложную моральную проблему.

Денег хочется.

У торы деньги есть. А у нее – нет. Зато дети есть... А вот если торе, к примеру, камнем по голове дать?

Искушение было очень большим. Очень...

Но...

Легко ли это? Убить человека?

Да еще такого, который тебе в глаза смотрит, на равных разговаривает... не было в Яне ни высокомерия, ни наглости. А вот хорошее отношение как раз было...

И кроме того...

Прасковья подумала, что это будет не так-то легко. Судя по движениям, по оружию на поясе...

Ох, не просто так оно у торы завелось. И в ее истории все не так гладко...

Нет уж.

Лучше, от греха подальше, не трогать эту опасную женщину. И целее будешь. Деньги – это, конечно, хорошо, а только вопросы у односельчан и так возникнут. И откуда, и чего...

Нет, не сможет она, да и ни к чему такое.

И Единый накажет...

Словно почувствовав взгляд и мысли спутницы, Яна оглянулась. Блеснули в улыбке белые зубы.

– Спасибо тебе, жама. Может, мы больше и не увидимся. Но если останусь рядом – загляну завтра ночью.

– Что вам нужно будет, тора?

Яна подумала пару минут.

– Жаропонижающее. От горячки, от лихорадки... травы. Может, провизии на дорогу.

Яна подозревала, что пока у нее нет выбора. Можно бы попробовать ехать вперед, но...

Сейчас глубокая ночь. Пока она отоспится – утро, а то и день. Пока пулю вытащит, пока рану обработает... да, промедление – плохо! Но... ладно, даже если она с рассветом это сделает, все равно им с Нини надо прийти в себя и поспать. Поесть...

Яна кивнула своим мыслям. А потом вытащила еще несколько купюр. Кажется, там и больше получилось, чем пятьдесят рублей... ну да ладно!

– Что-то поесть в дорогу и травы для лечения. Хорошо?

– Да, тора.

– И – молчание.

Прасковья медленно опустила глаза. Об этом тора могла и не говорить.

Она пришла да и ушла, а Прасковье здесь жить. Если кто узнает...

Если узнает...

Страшно!

Да и деньги... По деревенским меркам то, что ей дали... это много! Очень много. За такое... Молчать надо!

Крепко молчать!

А травница...

А что ж не сходить? Сказать, что у нее что-то спину ломит или...

Травница тоже молчать будет. Дуры травницами не бывают, они вообще долго не бывают.

– Я ждать буду, тора.

– Яна. Просто – Яна.

Кто кого провожал до околицы? Яна – Прасковью? Прасковья – Яну?

Женщины старались не привлекать к себе внимания. Прасковья скользнула к себе в дом, прижала покрепче дверь, цыкнула на малышню, которая высунулась с печи, и сунула руку за пазуху.

Купюры грели душу...

Сколько их?

Сколько дала тора?

Читать Прасковья не умела, но цифры знала, поди не знай...

Десять, двадцать пять... еще десять и опять двадцать пять. И еще двадцать пять... Почти сто рублей.

Прасковья пошатнулась и почти упала на колени перед иконами.

Творец Единый, счастье-то какое!!!

ЖИЗНЬ!!!

Деньги? Нет, жизнь для ее детей. Коровку она не купит, а вот козочек – может. За ними и ухаживать легче, и дешевле они, и козье молочко пожирнее будет, да и неприхотливые они, и чесать их можно...

Корова-то, почитай, рублей шестьдесят стоить будет, может семьдесят! А козочек за ту же цену штук пять купить можно, если козлятами брать...

Так она и сделает.

Козы, несколько цыпляток на развод... и проживут они и зиму, и лето... а может, добрая тора и еще денег даст.

Прасковья не знала, что сорвало Яну с места. Подозревала, что история, рассказанная ей, далеко не полна, но уточнять – не хотела!

Она сходит к травнице.

Она купит молока и хлеба.

Она подождет к ночи добрую тору и отдаст ей все. И поможет.

И – помолится за нее.

Пусть Единый творец спасет девушку от беды, как она спасла сейчас семью Прасковьи. И грех на душу брать не пришлось...

Единый, спаси и сохрани дочь твою Яну...

* * *

Не подозревая о душевных терзаниях Прасковьи, Яна шла по лесу. Быстро, уверенно, привычно... И как кто-то может заблудиться в лесу?

Яна точно знала, где оставила машину, и выходила к ней словно по азимуту.

Лес...

Ее дом.

Ее родина.

Звери? Вот уж кого Яна отродясь не боялась. Это в городе на вас могут напасть – просто так. В лесу – нет. Все подчинено жестким законам. Законам природы, выживания, продолжения рода... А не так,

чтобы два обдолбыша, которых в мусорное ведро надо было выкинуть ДО зачатия, нападали потому, что им на дозу не хватает!

Тьфу!

Яна только надеялась, что Анна не растеряется и души подонков отойдут Хелле. А она готова была пожелать богине приятного аппетита. От всей широкой души!

Звери...

Да зверям до людей, как крабом до Пекина!

Был в жизни Яны случай...

Ребенок же! Вот и утянулась с заимки в лес. Мать не уследила, девочка за ограду и выбралась. Тем более что одна малышка нигде не ходила, компанию ей составлял здоровущий кавказец Полкан. С ним ребенка отпускали хоть куда – и убережет, и обратно приведет...

Яна ягоду как раз собирала, Полкан отлучился по своим собачьим делам.

А там овраг. И щенки!!!

Ну как было не поиграть с малышами? Яне тогда самой-то лет пять было, даже меньше... конечно, она начала гладить щенят, тискать, потом поползла за ними...

Ну и собачку-маму потискала заодно. Красивую такую, пушистую...

Собачка так ошалела, что даже кусаться не стала. А уж когда малышка к соскам полезла...

Дети же!

Что такие, что сякие... щенки – они и есть щенки, хоть человеческие, хоть волчьи. Правда, угощать нахалку не стала, отпихнув лапой, но девочка не обиделась. Понятно же, ее дома покормят, а щенкам молочко нужнее!

Потом пришел папа-волк и тоже немножко ошалел от такого прибавления в семействе. Но в измене маму не заподозрил. Только вытащил малышку за платье из норы, причем ребенок весьма уходить не хотел, отпихивался лапами и собирался оставаться на ночь. Еще и чесал папу-собачку, и уверял, что они все замечательные...

Вздыхнул папа-собачка почти по-человечески и потащил ребенка в сторону заимки, резонно предполагая, что от людей ничего хорошего не дождешься. Где-то на опушке Полкану с лап на лапы передал, и тащил Яну домой уже Полкан^[7].

Когда Яна рассказала об этом дома, у мамы был шок. А отец орал...

Девочке крупно повезло. Она попала в тот короткий период, когда волки кормили детей молоком. А вот парой-тройкой недель позже молодняк могли и поучить охотиться. На ребенке. Но сложилось так, как сложилось.

Что дало это Яне? Отец не знал. Да и Яна не знала. Но лес она ощущала всем телом. Как себя. И заблудиться для нее было немыслимо.

Вот и машина.

Нини ей ничего, часом, не отстрелит?

Нет... Девчонка лежала поперек сиденья. Обморок. И жар... Да, откладывать нельзя. Яна посмотрела на небо.

Скоро рассветет.

Она попробует вытащить пулю, а потом поспит.

* * *

Военно-полевая хирургия в экстремальных условиях.

Это – о ней.

Яна приготовила операционное поле. Кое-как распихала сестру... чтобы влить в нее бутылку крепкого вина.

– Аннет?

– Пей давай!

– Это...

– Пей!

Нини давилась и кашляла, но выпила и отключилась. Яне того и надо было.

Опий? То есть лауданум? Что-то Яну сомнения давили... и страшновато. Лучше она потом на ком другом поэкспериментирует. Кого не жалко. Не на родной сестре...

Ох-х-х-х-х...

Память Анны, видимо! Родная сестра?

Да Яна отродясь никого, кроме отца и Гошки, в родных не числила! А вот Анна...

Слабый отец, авторитарная мать и сестры. Которые находились под тем же прессом, что и она. И с которыми Анна сильно дружила. Которых любила...

Ладно. О любви потом, потом... Яна стиснула зубы.

Солнце едва ползло по небосводу. Кажется, сегодня ему тоже хотелось спать.

Яна срезала с девчонки бинты и принялась промывать рану. Спиртным, конечно. Эх, сюда бы хоть что из аптечки! Двухстороннее зеркало, крючок... Ничего нет! Хоть пинцет нашелся, и то слава богу.

Яна вытащила кусочки одежды и кое-как, матерясь, подцепила пулю. Девчонка даже сквозь сон дергалась. Еще бы... А пуля, с-собака, скользкая! А пинцет, с-собака, неудобный...

Подцеплять пришлось еще три раза.

Справилась.

И рану промыла еще несколько раз, и повязку наложила. Но умоталась – собакой!

Так, что, закончив все процедуры, Яна плюхнулась рядом с сестричкой на сиденье машины и уснула. И плевать, что солнце на небе...

СПАТЬ!!!

Убью, если кто разбудит!

И пустой угрозой это не было.

Усталость там, озверелость, неудобства – пистолет удобно пригрелся под правой рукой девушки. Сначала стреляем, а уж потом разговаривать будем.

* * *

Сон...

Во сне Яна видела жизнь Анны.

Не отрывками, урывками и огрызками, как раньше. Она видела всю картину, и была та печальна.

Аделина Шеллес-Альденская и Петер Воронов породили на свет пятерых дочерей.

Пятерых.

Анна – старшая, потом Мария, или Мими, Лидия – Диди, Александра – Эсси и Зинаида – Нини, для домашних.

Анна и Лидия копии отца. Мария, Александра и Зинаида – матери. Очаровашки. Было на что повестись Петеру. Белокурые волосы, с каким-то inferнальным серебристым отливом, серебристые глаза, словно ртуть... добавьте точеный профиль и хрупкую фигурку.

Мало?

Ах да, еще титул и приданое. И мужчин можно бы штабелями складывать.

Да и у Анны с Лидией внешность была не так чтобы плохой. Лично к своей Яна претензий никогда не имела, а ведь копии, господи, копии!

Каштановые волосы красивого оттенка, карие глаза, ближе к шоколадному тону, этакий горький шоколад, улыбка – и Яна неотразима. А румяные щеки не нуждаются в косметике.

Рядом с Аделиной ее фигура кажется слишком грубой?

Ну так посмотри на остальных!

Ты нормальная живая женщина, а не эльф! Толку-то в той хрупкости? У тебя все пропорционально, есть грудь, есть попа, есть талия... да-да, и искать их не приходится, все четко обозначено. Чуть больше огня в глазах, чуть больше самоуверенности – и Анна была бы неотразима. Но...

Аделина Шеллес-Альденская...

Ей бы мужиком родиться. Вот уж у кого яиц на целое гнездо хватало! Петер рядом с ней терялся, тушевался и выглядел законченным подкаблучником. Ему бы с таким талантом в лавке работать, так нет! На трон пристроили!

Жена быстро уселась на спинку трона, поставила свой каблучок на макушку мужа, и больше он оттуда так и не вылез.

А семья...

Аделины и на семью хватило! С избытком...

Постоянно повторяемое «Дочь моя, вам, конечно, не повезло с внешностью...» могло загнать в депрессию и кого поумнее Анны.

И с внешностью не повезло. И с умом, и с обаянием, и с ловкостью, и с грациозностью... Аделина не давала девчонкам спуска, умело воспитывая в них все возможные комплексы и добавляя парочку неизвестных даже психологам. Еще бы!

Она, такая очаровательная, – и рядом девушки. Мало того что три из них не хуже матери, так ведь моложе! А разве такое может быть?

Дочери – у молодой и очаровательной Аделины? Которую в юности звали «Ледяной фиалкой»? Невыносимо!

Просто невыносимо!!!

Вот и прессовала маменька дочек до такой степени, что те сами себя не помнили. Разве что строем не ходили. Но сидели тихо, лишний раз никуда не вылезали и от мужчин шарахались.

Да, тяжелый случай...

Анна помнила, как за ней попытался ухаживать кузен Мишель. Ага...

Да девчонка так растерялась (ЗА НЕЙ?! УХАЖИВАЮТ?!), что даже мяукнуть не могла в ответ. Стояла колодой, глазами хлопала, какой там слово сказать? Не упасть бы! А там и маменька почувяла неладное. И налетела бодрым крокодиллом.

Кузену чуть уши не отгрызли, Анну пилили вдоль и поперек...

Яна, которая видела это во сне, только тихо шипела. Ее б туда! Мигом бы проверили, идет ли к нежному образу Аделины сломанный нос! Дура, дважды и трижды дура! У тебя девки на выданье, их еще с пяти лет сговаривать надо бы! Мужиков-то титулованных на всех не хватает! А ты что?

Занята? Эго чешешь?

Вот и чеши отсюда!

Хотя... ладно! Не так уж много было желающих породниться. Аделина и ее семейка... сыновей-то у девчонок не будет! Или помрут в младенчестве...

Оригиналов, типа Петера, еще поискать надо – и то днем с фонарем. Вторые-третьи сыновья, а какие они бывают? Ох, не всегда умные...

Русские сказки слышали?

Старший умный был детина, средний был и так и сяк, младший вовсе был дурак. Это ж не просто так! Первенцу всегда больше внимания и заботы достается, а к младшему ребенку отношение больше утилитарное. Спокойное даже...

По-разному бывает, но часто такое случается.

На лето Анну вообще сослали в деревню. Ну, это так называлось... миленький дворец на взморье, в глуши, в Эрляндии,

вдали от света и балов... там как раз жила мать Петера, вдовствующая императрица Мария. Жила очень скромно и уединенно, потому как впала в глубокий старческий маразм. Поэтому двора при ней не имелось, только несколько придворных дам и лекари. До Анны никому дела не было.

Тишина, тоска, скука...

Оттого Аделина дочь в Эрляндию и отправила. Не умеешь себя в строгости держать? Сиди, пока не научишься! Маменька так и приговорила.

И – зря.

Там-то Анна свою любовь и встретила.

Молодой поручик, высокий блондин, голубые глаза, умение говорить комплименты и великолепно танцевать – что еще нужно для счастья?

Тор Алексеев. Илья Иванович.

Илюшенька...

Дальше – по классике о поручике Ржевском и Наташе Ростовой.

Мадам, разрешите поцеловать вашу ручку... ах, это уже не ручка? Пардон, промахнулся. Исправлюсь.

Так душевно исправился, что к концу лета Анна поняла – она в тягости. И едва не взвыла.

А что делать-то?

Рожать, вестимо...

И тут у поручика поперла карьера. С помощью Анны, конечно, там слово, здесь письмо – и вот он уже не поручик, а штабс-капитан. И капитана вскорости обещали.

Алексеев резко пошел в рост. И беременная великая княжна...

М-да.

Рост?

Разве что под землю. И расти будет трава. Из него.

Молодые люди крепко задумались. Отказываться от княжны Илья не хотел, но... что с ним сделает Петер? Да и Аделина не останется в стороне...

Сожрут!

Они-то хотели сначала дорастить Илью хотя бы до штабс-офицеров, хотя бы до майора, лучше до подполковника, а как тут? Ребенка обратно не запихнешь. Он наружу вылезет.

А еще Анну могли со дня на день призвать обратно во дворец. И вскорости раскрыть. Ладно – первая пара месяцев. Там могут и не заметить ничего. А месяца с третьего становится уже опасно.

Срочно надо было выкинуть что-то, чтобы Анну оставили в Эрляндии. И влюбленные придумали элементарную схему.

Анна написала трогательное письмо отцу, умоляя забрать ее из Эрляндии. Дескать, надоело, умирает от тоски, погибает во цвете лет, вся в слезах, вся в печали...

Петер снизошел и разрешил дочери приехать.

И на первом же балу та произвела фурор.

Ради себя Анна не дернулась бы. Так дальше мать бы ее и топтала. Но ради ребенка? С которым неизвестно что сделают?

Могли и отнять, и отдать на воспитание, и... да, и удавить в том числе. Разные слухи ходили. Младенцы – существа хрупкие, вот так недосмотрят за малышом, а тот и задохнется в колыбельке. И позора нет, ребенка-то нет...

ЕЕ ребенка!

И Анна блистала. Она была великолепно, она сделала все, чтобы затмить Аделину, и ей это удалось. Илюшка во многом поспособствовал. Подговорил своих друзей, знакомых – и Анна ни единого танца не стояла на месте, к ней постоянно подходили, ей говорили комплименты, ей улыбались, ей льстили – и Анна отвечала там же. Светилась от счастья...

Результат?

Гнев матери.

«Вы не умеете вести себя в обществе, дочь моя. До лета вы останетесь в Эрляндии, а дальше будет видно!»

Отец впервые попробовал отстоять дочь – к немалому ужасу последней. Еще бы! Она беременна, и останься при дворе...

Девушка бросилась в ноги Петеру.

Хотела рассказать все – Илья отговорил. Пришлось отцу преподнести другую версию событий. О своей симпатии Анна рассказала, не скрывая. Умолчала о ее последствиях.

Петер задумался. Дочку он любил, но спорить с женой? Страшновато...

Анна предложила сама альтернативный вариант. Она уедет в Эрляндию, а любимый папенька поможет Илюше с карьерой. Может,

тогда маменька посмотрит на него более благосклонно?

Отец подумал и согласился.

Анне было восемнадцать лет.

Туда, в Эрляндию, приехала сестра Ильи. Вдовая и бездетная. Старшая сестра.

Лебедева Ирина Ивановна.

Она быстро стала любимой компаньонкой великой княжны, богатый штат слуг был невелик, всего восемь человек, не считая приходящих, она принимала роды, и ей же отдали ребенка.

Правда, записали его на Анну.

Воронова Анна Петровна – мать.

Кто догадается, что это *та самая* Анна?

Обошлось это в несколько украшений, которые Анна украла (будем называть вещи своими словами) у матери. И не жалела. Все равно мать, дорвавшись до короны, обвешивалась побрякушками как сорока-маньяк. Она и не помнила всего, что у нее есть, просто ей нравилось, что в гардеробной стоят несколько шкатулок с драгоценностями, ее это радовало. Анна улучила момент и взяла пару колец и заколок попроще.

Малыш, получивший имя Георгий Ильич Воронов, отправился с любящей тетусшкой в столицу. Вскоре туда приехала и сама Анна.

Видеться почти не получалось. Разве что мельком, мимоходом, Ирина Ивановна узнавала, куда отправлялась императорская семья, и держалась на пути следования. Пару раз Анне удалось подержать на руках своего сыночка, всего пару раз.

Карьера Ильи шла вверх, он был уже майором, еще немного, и влюбленные могли бы разговаривать с родителями Анны.

Или – не могли?

Яна видела память Анны. Да, для нее Илья был и оставался благородным героем. А для Яны?

Было у девушки подозрение, что предприимчивый тор воспользовался случаем. Понятно, что хлопот с императорской дочкой не оберешься, но он сделал выбор. И получил свой выигрыш.

Ребенок?

Ребенок пристроен, да и не болит у мужчин так душа, как у женщин. Сколько раз бабы на этом попадались? Ах, я беременна, ах, я

положу ему на колени дитяtko, ах, его сердце обязательно растает... Ага, надейся и жди.

При виде красного орущего червячка в пеленках (еще и гадящего с завидной регулярностью) у мужчины обычно просыпается не любовь, а желание сбежать куда подальше.

К примеру – охотиться на мамонта на крайнем Севере. Или на носорога на крайнем Юге. Это уж потом, когда с ребенком можно будет разговаривать, играть, когда он начнет выдавать что-то осмысленное... Там возможно пробуждение инстинкта. А пока это личинка человека.

Вот и у Ильи никаких восторгов не возникало. Видели-то девушки одними и теми же глазами, а вот истолковывали все по-разному. И Яна в воспоминаниях не заметила у Ильи дикого счастья от отцовства. Скорее, радость, что все так разрешилось.

Да и письма...

Много не напишешь, поэтому Илья писал их на адрес сестры. Ей же Анна отдавала и свои письма. Страстные, горячие, искренние. А вот его...

«Душа моя тоскует в разлуке, как цветок без солнца...»

Сравнения затасканные, фразы избитые... так не пишут любимой. Так пишут лишь бы отписаться. Хотя Яна, может быть, и несправедлива. Может, там действительно любовь.

Но...

Стреляйте, убивайте... не верилось!

А потом все полетело кувыркoм.

Проигранная война с Ифороу сильно ударила по реноме Петера. Потом покушение, в результате которого погиб его дядюшка – великий князь Василий. Погиб не один, с супругой, великой княгиней Ольгой. Бомба не разбирает, кто там, где там...

Потом по стране прокатилась серия терактов, стачек, забастовок...

Следующим и последним пунктом стала война с Борхумом.

Для себя Яна перевела так.

Сначала Япония (Ифороу тоже было островным государством), потом оживились революционеры, потом подключились немцы. Соседушки, чтоб их там!

Первую войну Петер проиграл с треском и блеском, потеряв Валенские острова. В результате недовольны оказались моряки,

рыбаки, да вообще – все население.

После возмущений стало ясно, что торы смертны так же, как и жомы, а поймают ли убийцу? Это еще вопрос! Убийцу великого князя Василия не поймали, как ни старались. Или просто НЕ старались?

Потом активировался Борхум.

Яна видела это глазами Анны. Госпитали, в которых бывали Аделина с дочерьми, милосердная помощь раненым... и – отец.

Который устраивает балы, который ничем сильно не обеспокоен...

Мать твою так!!!

Собака страшная, ты царь – или погулять вышел?!

Чисто для справки – Вторая мировая война. Вот Яна не могла представить товарища Сталина – на балу. Работающего по четырнадцать, восемнадцать, двадцать часов – могла. А вот танцующего, гуляющего, стреляющего по воронам в парке – да, было у Петера и такое развлечение, история повторялась, – не могла!

Война – это промышленность! Заводы, фабрики, бюджет, бумаги... Это адова каторга руководителя. Поесть и то некогда! А уж все формальные обеды и мероприятия...

Ах, организовали санитарный поезд, на паровозе которого расписались все великие княжны. Ах, они бывали в госпитале... Да толку-то!

Без них бы еще госпиталь и лучше работал! Это как президента на объект загнать, козе понятно, что работа встанет! Его ж принять надо, пыль в глаза пустить, начальству засветиться...

Людей лечить? Смеетесь, что ли? Очки надо зарабатывать, перед начальством прогибаться! А люди и так не подохнут, они у нас крепкие!

Тем более ни к чему серьезному девиц и так не допускали, наверное, чтобы не угробили людей. Нет, Яна была решительно против таких мероприятий.

Что может сделать великая княжна во время войны?

Да что угодно!

Была и такая императрица – Елизавета, и Екатерина, а княгиня Ольга, если кто помнит, вообще лично на поле боя явилась. И не постеснялась. Христианство там, всепрощение... древлянам расскажите, ага?

Ладно, ядом плеваться можно долго. И Яна с удовольствием бы это проделывала. Еще и мишень повесила.

Знаете – почему?!

Да потому, что о ситуации в стране Анна (ОВЦА!!!) не знала ничего!

Даже не так.

Попросту – НИЧЕГО!!!

Когда была война с Ифороу, ей было двенадцать лет. Тут понятно – гувернантки, хорошие манеры, да и родителям сильно не до детей. Как могла цветочно-гувернанточная барышня самостоятельно разобраться в политике? Газеты, что ли, читать? Так, во-первых, они все врут, а во-вторых, девочке их не давали.

То ли дело вышивка, музыка, хорошие манеры... да Анна на пяти – ПЯТИ – музыкальных инструментах играла: фортепиано, флейта, скрипка, арфа и немного могла на гитаре (не комильфо, но могла). Знала восемь языков... интересно, оно как-то передается при переходе?

Яна отлично знала русский родной, русский матерный (то есть разговорный), ну и английский. Разговаривала неплохо, читала-переводила со словарем. Учили с отцом итальянский, серьезной практики не было, но словарный запас был.

Яна прислушалась к себе.

Все же язык Ифороу, Борхума, Лионесса, Ламермура – и так далее, они местные. Анна будет знать те языки, что и Яна.

А Яна?

Однако!

Спасибо, Хелла!

Нельзя сказать, что языки возникали из ниоткуда и укладывались в памяти, но Яна ощущала, что при незначительном усилии – она заговорит. И неплохо. Жаль, всего год отпущен. Не успеет она правильно этим багажом распорядиться.

Организовать ужин на сто пятьдесят человек за два дня? Невероятно, но Анна была на это способна. А Яна? Никогда. Лучше расстреляйте сразу.

И какая политика при таком воспитании? Девушке в голову вкладывалось, что это – мужское дело.

Когда была война с Ифороу – было рано. Когда было покушение – было очень страшно, но толком ничего сделать Анна не успела – влюбилась. И по уши... И какая тут война с Борхумом? Да девчонку только одно интересовало – чтобы любимый на нее не попал!

И ведь пристроила.

Илья Алексеев практически не воевал. Судя по воспоминаниям любимой – не должен был... Полком он командовал сейчас... Яна порылась в памяти.

Точно, полковником он стал, и влюбленные собирались, как только окончится война, так сразу же... война еще и окончиться не успела...

Это что – у меня еще и война?!

Яна едва во сне на полметра не подскочила.

Собаки страшные, вы что творите?! У нас враг на рубежах, а в стране революция?! Да за такое стрелять надо, вешать и головы рубить! Ивана Грозного на вас нет!!! И Малюты Скуратова!

Так, а каким полком любимый-то командует?

Ой, ля-ля-ля... Да-да, проглатывая первую букву.

Гвардейский кавалерийский полк.

Яна нахмурилась. Но хоть это в Анну вдолбили, материться не пришлось.

Значит, так.

Всего полков шестьдесят. Четыре кирасирских, двадцать драгунских, девятнадцать уланских, двадцать гусарских. Казачья конница и пограничники не засчитываются, а зря. Что казаки на конях могли выделять – уланы и драгуны тихо плакали в сторонке.

Но это уже мнение Яны.

Анна выбрала для любимого кирасирский полк – почему?

Да потому что расквартирован он был неподалеку от Звенигорода. И на войну не попадал. Оно и логично.

Вообще, вот это разделение на кирасир, драгун, улан, гусар – оно все было сбито в ноль, когда появился хороший огнестрел. С тех пор готовили гвардию примерно одинаково. Для чего?

Разведка, прикрытия, помощь, доставка... Чему учили? И действию холодняком, саблей, шашкой, чем там по форме полагалось, и стрельбе в строю...

В строю!!!

Яна едва не застонала. Ей это вообще даже думать было – как ножом по известному месту! В строю!!!

Да всю жизнь лучшее место – окоп! Окоп выручит! А с изобретением пулеметов кавалерия становится просто пушечным мясом.

Но – нет!

Традиция, однако!

Единица – эскадрон. Шесть эскадронов – полк. Три полка – бригада, три бригады – дивизия. В одном эскадроне сто сорок три человека.

Выглядит, конечно, шикарно! Если кто гусар по телевизору разглядывал – да, именно так! Цветные мундиры, выпушки, галуны, лампасы, погоны... Во всей этой амуниции на параде – самое место. А на войне?

А на войне лучше военно-полевой формы, стиль милитари, еще не придумали.

Анна пристроила любимого в Кавалергардский Ее Величества Государыни Императрицы Анны полк.

Анна – бабушка императора. Вот в ее честь и полк назван был, дедушка хотел сделать любимой приятное. Полк шикарно выглядел, имел свои знаки, свои галуны и великолепно смотрелся на парадах, сопровождая повсюду свою повелительницу!

А вот Аделине он не нравился.

Наверное, потому, что бабка Петера к моменту свадьбы еще была жива. И когда внук ей невесту показал, рявкнула презрительно: «Ты ничего приличнее найти не мог?!» В девяносто лет себе можно такое позволить, понятно, но Аделина сильно обиделась.

Анну так и называли, кстати, чтобы бабушку задобрить.

Не получилось.

Внучку та один раз в жизни видела, а ее мать и вовсе видеть не хотела. К старости вдовствующая императрица стала невыносима, в лицо называла сына Гаврюшу – Гов... так, она его ТАК – НЕ НАЗЫВАЛА!!!

Это – сплетни, и точка!

Анна так и думала, правда-правда.

Сына Алексеуса бабуля окрестила тряпкой, а внука Петера... Такие слова дамам и вообще знать не положено. Хотя Яна знала. И

сильно подозревала, что она бы с прабабкой Анны сработалась. Жаль, что та умерла лет пятнадцать назад. А бабка, Мария, ни на что годна не была. Сидела себе в Эрляндии в глубоком маразме и сидела.

Понятно, на войну этих романтических кавалергардов не отправили. И полк...

Полк! Почти тысяча человек стояли неподалеку от столицы, словно оловянные солдатики, которых позабыли вынуть из коробки.

Козлы, Бонапарта на вас нет!

Так вот, Анне было не до войн, надо было любимого пристраивать. Потом опять не до войн, а потом и поздно стало. Слишком поздно...

Как поняла из ее воспоминаний Яна, Наполеоны все же нашлись. Увы, по одному они даже на лошадь Бонапарта не тянули, так что действовать предпочли целым комплектом.

Итак, идет война.

Его величество танцует на балу в имении под Звенигородом.

В Звенигороде народ озверевает окончательно.

То ли само по себе раздолбайство, то ли помощь со стороны... в столице нет хлеба. Из-за какого-то сбоя (вот не сойти Яне с места, такие сбои хорошо проплачиваются!) не подвезли продовольствие.

Народ начинает бунтовать, а когда узнает, что император танцует на балу у пригласившего его князя Иванова, окончательно срывается с цепи.

И начинается...

Толпы народа осаждают царский дворец, требуя хлеба, начинается шум, гам...

Стрелять в толпу? Ага, один попробовал. В ответ полетели не камни, нет. Динамитные шашки. Кого-то разорвало на части, кого-то...

А что – гвардейцы не люди?

У них так же есть семьи, дети, и они так же голодают...

Через два дня гарнизон Звенигорода перешел на сторону восставших – и события помчались галопом. Звенигород был захвачен полностью. Революционеры объявили Освобождение и создали Управляющий Комитет.

Временный, понятно.

Поскольку воевать Петер не годился **ВООБЩЕ**, ни боком, ни каком, к нему явились сразу несколько человек. Генерал Орловский,

который (с-собака!) вообще разослал всем полкам телеграммы, чтобы не вздумали идти на столицу и отбивать ее.

Тор Земской, который был выбран председателем Комитета... так, а кроме того он кем был? А, понятно. Член Государственного Совета. Было и такое учреждение при императоре. Даже полезное... иногда.

Второй товарищ, тор Ройзен, был оттуда же. Вот эти трое Буонапартиев и убедили Петера подписать отречение.

Дальше было почти по Маяковскому: «Которые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время!»

В Звенигород явился некто жом Пламенный.

Память Анны могла подсказать немного. Вроде как революционер, жил за границей, потому как в стране его посадят в три счета...

Посадили, ага.

В кресло диктатора.

Называлось это, конечно, не так. Он создал Комитет Освобождения, провозгласил стандартные лозунги для дураков: «либерте, эгалите, фратерните»^[8] – и был с восторгом принят дураками.

М-да...

Уж сколько раз твердили миру, но ищет мышь дорогу к сыру...

Лично Яна точно знала – если тебе говорят о свободе, значит, собираются поиметь. А если еще о равенстве и братстве – то в особо циничной форме.

Что там у нас в классике кинематографа? «Я атаман идейный, и все мои ребята, как один, стоят за свободную личность»^[9].

Точно сказано.

Вот жом Пламенный и стоял за свободную личность. И для начала (чтобы подчеркнуть все три пункта программы) объявил об аресте императорской семьи.

За преступления против Государства и Народа.

Народ с радостным визгом подхватил обвинения.

Яна, наблюдая воспоминания Анны, лишней раз подумала, что идиоты – неискоренимы. Нет бы подумать: а на какие, собственно, денежки гуляем? Вот у пана-атамана нема было золотого запаса, у батяки просить пришлось. А тут откуда?

Так заграница финансировала, вестимо.

И конечно из добрых чувств!!!

Не рассчитывая ничем поживиться, не надеясь на выгоду, просто чтобы все стали равны и свободны! Аж умиление берет, на слезу прошибает... Как люди о соседях-то заботятся! Вот она – дружба народов в действии!

А идиоты радостно орут: «СВОБОДА!!!» – и бегут на площади. Нет бы подумать – если человека финансируют за границей... Вы вот много о соседях заботитесь? Нет? А то прогуляйтесь к соседу по лестничной клетке, полы у него помойте, в магазин ему сходите... некогда? Своя семья есть?

А в большой политике оно примерно так же. Никто вам, дуракам, помогать не обязан! В чужой стране костер разжигают, чтобы кто-то на нем крупно нагрел руки! И не рассчитывайте, с вами этот загадочный кто-то и копейкой не поделится!

Яна это точно знала. И поэтому всякие митинги, демонстрации и прочие разводки ей были попросту непонятны. Ходить, тратить время и силы, чтобы кто-то себе очки записал, а кто-то бабло получил?

Ага, щас!

Ладно еще когда она была студенткой – подрабатывала, подписи собирала на выборы! Так там платили! А все остальное, господа, не к ней!

В Звенигороде людей, прошедших перестройку, гласность и демократию, попросту не было. Так что народ ломанулся на улицы. Требовать свободы.

Под это дело жом Пламенный начал брать под свою руку полки.

А Петера с семьей повезли за границу.

Как Яна поняла, Петер просил только об одном – уехать. И жить за границей, как обычный человек, с семьей. Никогда не претендуя на трон Русины.

Ага, кто ж ему поверит?

А куда хотел уехать Петер?

К кузине Элоизе... та-ак? Это у нас что за зверушка? И нельзя ли туда Нини или Гошку?

Яна покопалась в воспоминаниях донора. И скрипнула сквозь сон зубами.

Нет, нельзя. Никак нельзя.

Кузина Элоиза была правительницей островной страны с красивым названием Лионесс. А еще она была двоюродной теткой Аделины Шеллес-Альденской, отсюда и кузина. В паутину сложных родственных связей Яна даже не полезла, ну их к черту! Она весь год потратит, только чтобы в этом разобраться!

Петер вел с ней переговоры о переезде, перевел туда приличные средства, в банки, посол Лионесса, тор Дрейл, Слейд Дрейл, был согласен на переезд, обещал корабль, уверял, что ее величество готова предоставить эскорт и замок для проживания...

Но – потом передал письмо от кузины.

Анна не знала, что именно в нем написано. Так, догадалась. «Простите, дорогой кузен, я бы рада, но парламент не одобряет, да и народишко взбунтоваться может. К чему им такие плохие примеры?»

Петер быстренько передумал на тему Лионесса и собрался в Ламермур. Направление то же, только до Лионесса плыть, а до Ламермура – дальше ехать.

Не доехали.

Императорский поезд перехватили, объяснили все поломкой путей – и отправили их в Зараево. Где и продержали, кормя «завтраками» почти два месяца. С печальным, но предсказуемым результатом.

Что в это время происходило в столице?

В стране?

В мире?

Анна – НЕ ЗНАЛА!!!

Мало того, ее это просто не волновало. Ее волновал только сын. Она несколько раз написала Ирине Ивановне, ответа не получила, но умоляла ту узнать, куда отправится императорская семья, и тоже уезжать. И побыстрее...

Но что-то Яна сейчас сомневалась, что Анну послушают.

Человек – такая зараза... всегда надеется на лучшее. Говорят, в газовые камеры люди шли – и то надеялись, что пронесет. Скорее всего, неведомая ей Ирина Ивановна будет сидеть на попе ровно и молиться, чтобы все обошлось. У нее тут родители, брат, еще по мужу родня, так куда бежать?

Зачем?

Император уезжает – так это его проблема! И Анны. Бери да оставайся, кто ж тебе мешает?

А где у нас Ирина Ивановна?

В Звенигороде она. В Звенигороде-колокольном...

То есть нравится, не нравится, а до столицы ей добираться надо. С этой мыслью Яна и проснулась.

* * *

Слейд Дрейл на данный момент был занят. Он разговаривал с молодым мужчиной, при виде которого Яна бы восхищенно выдохнула: «Какая встреча, это вы, поручик!»^[10] Копия. Такая же кудрявая, усатая, только если киношный был положительным героем, то этот, похоже, отрицательным.

– Тор Дрейл, вы понимаете, что от меня требуете?

– Да, жом. Вполне понимаю. Вы должны добраться туда, куда освобожденцы поместили императорскую семью, забрать одну из великих княжон – и уехать в Лионесс.

– Это невозможно.

– Я знаю, для вас нет невозможного.

– Хорошо. Это очень, очень дорого.

– Полагаю, казна Лионесса выдержит и ваши цены, и ваши расходы, – пожал плечами тор Дрейл.

Он подозревал, что половину расходов ему придется оплачивать из собственного кармана, но... стоило вспомнить тора Вэлрайо, его ледяные, гадючьи глаза...

Когда-то давно, еще малышом, тор Дрейл наткнулся на гадюку. Несколько секунд змея смотрела на мальчишку, словно размышляя, укусить – или нет, потом развернулась и уползла. Но то ощущение тор Дрейл запомнил на всю жизнь.

Противное такое... словно кишки морозом сводит.

Вот тор Вэлрайо вызывал у него такое же чувство...

Жом Алоиз Зарайский, аферист, альфонс и вор, был лучшей альтернативой. Этаким русинский вариант Остапа Бендера, он давно был на заметке у лионессцев. Нет отбросов, есть кадры. А данный кадр вызывал у женщин совершенно необъяснимую симпатию.

У любых женщин, от шестнадцати и до девяноста лет.

Они влюблялись, они верили, они доверяли проходимцу свою честь... да ладно – честь! Семейные капиталы, вклады, счета, бумаги...

Лионессцы щедро платили за информацию. А для деликатного поручения...

Почему нет?

Жом вполне подойдет.

– У меня будут большие расходы, – заметил Алоиз, закуривая пахитоску. – Судите сами, пока дорога, пока я узнаю, где император, пока подберусь...

– Я же сказал – все будет оплачено.

– Аванс?

– Пятьсот рублей.

– Смеяться изволите?

– Сколько вы хотите? – скрипнул зубами тор Дрейл, понимая, что дешево не отделается.

– Прибавьте нолик.

– ЧТО?!

– А когда я вернусь с княжной, прибавите еще нолик, – безжалостно припечатал жом. – Итого пятьдесят тысяч.

– Да за пятьдесят тысяч рублей поместье можно купить!

– Рублей? Любезнейший тор, лионесских фунтов! Ненадежен нынче рублик, чует мое сердце, уезжать придется, тут-то мне ваши денежки и пригодятся.

Тора едва удар не хватил.

Но...

После долгих торгов сошлись на сорока тысячах фунтов. Пять тысяч жом получил в качестве задатка и, довольный, распрощался. А тор Слейд, ругаясь, отправился на следующую встречу.

Вот мерзавец, а?

Куда этот мир катится, никто не желает работать за интересы Лионесса! Всем деньги подавай!

Кругом одни сволочи!

Яна все рассчитала правильно.

Практически.

Не учла она телеграмму от жома Тигра, которая прилетела поздно вечером и придала начальнику зараевского Комитета энергии и работоспособности. Вот на этой волне начальник, жом Отважный, и отрядил гонца в поместье, чтобы посмотрел, отчитался и доложил о выполнении приказа.

А то как же!

А уж он так и телеграфирует жому Тигру, мол, выполнен приказ, расстреляны кровопийцы...

Трое конников отправились в поместье. Вернулись они уже под утро со страшными вестями.

Поместье сгорело. Рядом остов сгоревшей машины... одной. Кто там еще сгорел? Что произошло? Непонятно.

Жом Отважный представил, что с ним сделают в столице, облился, вопреки своему прозвищу, холодным потом и отправил туда уже два десятка верховых, с приказом – разобрать и разобраться!

Сам бы поскакал, но мало ли что? Мало ли кто? Лучше держать руку на пульсе, а не сидеть в глуши.

Доблестные освобожденцы приехали, поняли, что сами не справятся, и помчались в ближайшую деревню. Пока уговорили крестьян, пока приехали обратно, пока более-менее остыло пепелище, которое бодренько горело половину ночи...

К вечеру только-только начали разбираться, что к чему. А осмысленные результаты обещали быть не ранее утра, а скорее, завтрашнего вечера.

Жом Отважный телеграфировал в столицу, получил оттуда рявканье жома Пламенного и принялся суетиться в два раза сильнее. Разослал телеграммы, призывающие к бдительности, на всякий случай разрешил обыски в поездах...

Он бы искал!

Но кого?

И где?

И...

Вот ведь отродье императорское! Даже сдохнуть как следует не могли, гады!!!

Жом Пламенный получил телеграмму, но не сильно удивился.

Понятно, надо взгреть идиота. Разжаловать? Потом, позднее.

На своей должности Отважный справится очень неплохо. Товарища по Комитету жом знал вдоль и поперек и доверял ему, насколько возможно. Отважный был как раз таким кадром, о котором мечтает каждый руководитель. Достаточно инициативным, чтобы не сидеть на месте, но слишком тупым, чтобы крутить свои интриги. Плюс преданность, которая тоже не последняя в хозяйстве.

Нет, снимать Отважного рано, но пропесочить надо.

Тигр уехал еще утром – хорошо. Пламенный себе даже не признавался, но рядом с Тигром ему было не по себе. Вот как рядом с тигром. Рыжим таким, в полосочку, с когтями.

Спору нет, он умен, он лидер... да, именно так.

Начинал Тигр с грабежа банков, а потом предложил свои услуги Комитету. Точнее, когда Комитету потребовались деньги...

Пламенный до сих пор помнил тот разговор. И насмешливые слова Тигра: «Работать я с вами буду. Но без идеологии».

Этой точки зрения он и придерживался.

Грабежи? Пожалуйста... Экспроприации? Со всем нашим удовольствием! Любые операции на благо Комитета, но не забывая о своей выгоде.

Пламенный знал, что часть денег и ценностей соратник утаивает, отправляя на счета за рубежом. Скорее всего, в том же Лионессе. Или в Ламермуре.

Но что поделаешь?

Пламенный просто вел учет, полагая, что соратник будет у него «на крючке», когда понадобится. Все равно другого компромата на Тигра найти не получалось.

Кто он?

Тигр.

Откуда взялся?

Не ваше дело.

Чем занимался ДО того как?

Тоже не ваше дело.

Имя?

Тигра знали как Сергея Михеева. Но было ли это имя настоящим?

Конечно, нет. Имена и фамилии он менял, как брезгливый тор – перчатки. Алексей, Александр, Игорь, Иван, Симеон, опять Алексей... Пламенный подозревал, что это зависит от документов, которые удавалось достать. И на любое имя Тигр откликался одинаково охотно, не путая, как его зовут здесь и сейчас.

Речь, движения, манеры – все выдавало в нем человека образованного, возможно даже тора. Но узнать подробнее о его прошлом не получалось.

Тигр появлялся везде абсолютно спокойно, не рассчитывал, что его кто-то узнает... Не тор?

Или просто жил за границей?

Или у него не осталось никого из родных?

Кое-какие ответы удалось получить от его побратима-ферея. Тигреныш проговорился, что они жили в горах – и что у них больше никого не осталось. Но – и только.

Пламенный подозревал, если Тигреныш погиб – Тигр сорвется с цепи.

Что ж, тем лучше. Можно считать, что проблемы с наследником у них уже нет. Никакой. Тигр его (ее?) за брата на части порвет. И хорошо, что его какое-то время не будет в Звенигороде.

Тигр был опасен.

Пока Пламенный вербовал сторонников в Борхуме и Ламермуре, пока вел секретные переговоры в Лионессе, Тигр вместо него управлял Комитетом Освобождения.

Вместо. Него.

То есть – он может и заменить Пламенного. При нужде. Есть только одно препятствие: Тигр не стремился к высшей власти.

Вообще.

Вот его побратиму это было в удовольствие – покуражиться над пленными, помучить кого, показать, в чьих руках жизнь и смерть... Пламенный видел это, и не раз.

А Тигру...

Его это словно бы не касалось. Неинтересно. Не важно. Надо убить? Убьет. Надо помучить? Будет мучить, но без наслаждения, словно человек неприятную работу выполняет. Так надо – и все.

Брезгливость? Отвращение? Неприятие чего-либо? Это уж точно не про Тигра, он никогда не боялся запачкать когти в крови. Но с таким равнодушием...

Жом Пламенный не мог понять, что ему нужно!

Что?!

А непонятный человек – опасен. Очень опасен, в свете его, Пламенного, гениальных планов...

Пусть едет.

Пусть разбирается с убийством побратима.

И пусть не лезет в его, Пламенного, дела. Так все целее будут. А уж когда Пламенный прочно перехватит вожжи и сядет на трон... ах да, на трон сесть невозможно?

Так это не препятствие!

Вместо империи устроим республику. Ламермурцы так уже не первый век живут и довольны по уши. Те, кто у власти, конечно. Но кому какое дело до быдла?

Если ты не можешь пробиться, это твои проблемы! Нет сил лезть наверх? Тогда оставайся внизу и не открывай рот, если тебя изволят топтать ногами! Поделом тебе!

Пламенный улыбнулся.

Он и сам не был тором. Обычный жом, но вот ведь! И идет впереди, и ведет за собой тех, кто умнее, образованнее, ведет аристократию... что там, кстати, пишет один из аристократов?

Пламенный разорвал конверт и вчитался.

Улыбнулся. Даже посмеялся немного.

Вот ведь идиоты!

Гаврюша искренне считает, что все затеяно, чтобы посадить его на трон! И выражает свое недовольство ситуацией! Мол, все вышло из-под контроля, извольте найти наследника и срочно его устранить! Или...

Что – или?

Гаврюша не сможет сесть на трон? А ему кто-то собирался предлагать?

Ослики бывают очень полезны. Покажи им морковку, помани вкусной целью – и они уже бодренько цокают копытцами. Вот и Гавриил...

Пара встреч – не с Пламенным, конечно, с его доверенными людьми. Немного сожалений – ах, какая жалость, что вы не император! Вы бы правили намного лучше племянника и трон могли бы передать сыну, а не бестолковым бабам... это ж надо! Прерывать прямую линию наследования и передавать корону по бабской линии, как... как подцепленную у портовой девки болезнь!

Несколько намеков – и вот Гаврюша бодро летит в ловушку! И помогает Освобождению, и разговаривает с военными, и затрудняет работу ведомств, чтобы племяннику было сложнее... хотя там и трудиться сильно не пришлось, главным врагом Петра был сам Петер...

Безмозглое ничтожество.

Ничтожество, у которого не хватило даже ума найти себе грамотного советника. Бывали в истории слабые короли, бывали императоры, которые не отличались умом, но если они находили себе советников... о, их страны процветали. Пусть даже советников ненавидели всей страной!

На советников, кстати, и покушались. Не на короля. Их ругали, их презирали, в них плевали, а короли оставались в истории как мудрые и справедливые правители. Вот если бы Петер нашел себе такого советника...

Да что уж!

Если бы он себе нашел такого Тигра! Хотя бы!

Пламенный не любил соратника, но признавал – Тигр разбирается в политике не хуже его. Просто ему это...

Как он изначально сказал – без идеологии, так и придерживался этого принципа. После того, как он пристрелил одного, самого недогадливого, остальные отвязались.

Именно Тигру принадлежала идея использовать уголовные элементы – на одних нарах спали, из одной миски баланду хлебали. Вот и пусть поработают.

Именно Тигр несколько раз спасал Пламенному жизнь.

Но... зачем?

Когда не знаешь, что нужно человеку, начинаешь нервничать. Сильно нервничать. Пусть опасный соратник побудет поодаль от эпицентра событий.

Пламенный довольно кивнул и принялся писать Гаврюше.

Пусть великий князь пока будет спокоен. Авось да и пригодится?
А нет... пули у нас недороги. Разберемся!

* * *

Безвременье и безнадежность.

Что чувствуют марионетки, когда хозяин долго не вынимает их из пыльного темного ящика?

Вот это, наверное, и чувствуют. Давящую, темную, тяжелую... даже не тоску. Неопределенность.

Мерзкое чувство, когда твоя жизнь зависит от других. Ты сам себе не хозяин, тебя словно и вообще нет, и никто твои интересы не учитывает. Никто...

Всем наплевать на марионетку.

А она лежит, и руки-ноги чуть подергиваются, словно у паука-сенокосца. Только вот сделать марионетка ничего не может. Ничего...

Вот так себя и чувствовал полковник Алексеев.

Никак.

Безвременье накрыло его своим удушливым облаком, проникло в каждую клеточку тела, отравило, одурманило...

Что делать? Куда идти?

Он не знал. И не мог отдать команду людям, которые ждали его решения. Новости приходили одна другой хуже, но решиться на что-то полковник никак не мог, а приказов не было. И предложений тоже больше не было.

Ничего.

И как тут что-то решить?

В Звенигород? К освобожденцам?

Он присягу давал! И то, что Петер отрекся, дела не меняет. Полковник-то не отрекался, значит – предательство. Да и...

Кому там служить?

Быдлу?

Вот еще не хватало!

Гаврюша?

Да от одного имени Алексеев испытывал омерзение. Знали в армии, что это за фигура. Петер, конечно, бездарь и недоумок, но хоть

не воровал! А Гаврюша-то тащил вагонами и возами!

Нет, только не он.

Но... третьего не было дано. И сидел тор Алексеев в штабе и ждал хоть какой команды...

Яна сказала бы: «Не Буонапартый». Именно так, с ехидством.

Анна сидела бы рядом с ним и плакала.

А сам по себе Алексеев...

Что он мог?

Только ждать. Ждать, пока один из часовых не доложил, что к расположению полка приближаются несколько человек. Верхом.

В мундирах императорской армии. Алексеев подумал пару минут – и приказал пропустить беспрепятственно.

Хоть что бы узнать! Все лучше, чем эта мучительная неизвестность.

* * *

– Ваше высокопревосходительство!

Тор Алексеев вытянулся по струнке – и было отчего!

Он, конечно, тор, а мужчина, стоящий перед ним, из простых. Но все выслужил себе сам. И звания, и чины, и титул, и потомственное дворянство...

Антон Андреевич Валежный, сын простого крепостного крестьянина. Да, вот так. Отдали того крестьянина в солдаты, а он служить стал. Да так, что до майора дослужился. И чин себе выбил, и пенсию, хоть и невеликую, и сына оставил... конечно, для Антона и дороги другой не было.

Служить Отечеству.

Служить верно, служить честно, служить вот уже двадцать лет... в войне с Борхумом он дослужился до генеральского чина. А вот потом...

Петера тор Валежный ненавидел.

Ненавидел люто, истово, искренне, просто потому, что ладно бы правитель! Но Петер же, с-самка собаки, полез в главнокомандующие! А еще его родственнички!

Главнокомандующие?

Простите, говно-командующие!

Сколько ребят погибло, сколько ушло в безнадежные атаки, сколько... Да не одна тысяча! Но что там Петеру думать?

Валежный криком кричал, требовал оружие, одежду, лекарства, сражался с генеральным штабом, как лев, сам ел из солдатского котелка...

И, в отличие от Ильи, был боевым генералом. Не парадным полковником, как называли за глаза Алексева. Боевым.

Настоящим.

Петер его попросту не слышал. Петеру пели в уши дядюшки, пели в уши племянники, пели в уши... да все! Кроме тех, кого надо было слушать!

Результат?

Поражение за поражением.

Конечно, когда Петера заставили подписать отречение, тор Валежный принял это с восторгом. А вот потом...

С его точки зрения, вместо Петера надо было посадить на трон кого-то другого из Вороновых.

Кого?

Да как вариант выдать замуж за правильного человека одну из императорских дочек, и пусть правит. Это было бы в какой-то мере правильно. А когда началась безобразная свара, плюнул тор Валежный на порог и при всех в три слоя обложил Комитет по матушке.

За что и был посажен в Звенигородскую крепость. Месяц он там отсидел, потом появился жом Пламенный и, зарабатывая себе очки, генерала выпустил.

Благодарности, правда, за это не получил.

Генерал так же, при всех, прямо поинтересовался, какие планы у жома Пламенного. Услышал про свободу, равенство, братство – и поинтересовался еще раз, кто править будет. Опять услышал про свободу, равенство и братство, плюнул на порог вторично – и ушел. В этот раз – беспрепятственно.

Не верил Валежный во все эти высокие идеалы.

Равенство?

Да позвольте, люди априори не равны друг другу! Кто-то выше – кто-то ниже, хотя бы и ростом. Сильнее и слабее, умнее и глупее,

добрый и злой, жадный и щедрый, ленивый и трудолюбивый... о каком равенстве речь?

Братство? Вспоминаем историю из Книги Веры, про двух братьев, один из которых убил второго. Братя, да...

Свобода? А свобода одного вообще заканчивается там, где начинается свобода другого. И мера твоей свободы определяется твоими способностями.

Нет, не верил Валежный в лозунги. Не верил...

А сейчас вот объявился на пороге полковой канцелярии и смотрел на Илью, подкручивая ус.

– Что делать думаешь, тор?

– Тор генерал...

– Без чинов, разрешаю...

Алексеев показательно развел руками.

– Не знаю, тор. Отправил своих людей в Звенигород – пока вестей нет.

– Какие тебе вести нужны?

– Да хоть бы – что с царской семьей.

Валежный помрачнел.

– Плохо с ними. Петер мертв.

– Что?!

– Тор Алексеев, я понимаю, вы любимец Петера, но его больше нет.

– Что?!

– Его. Больше. Нет.

Алексеев побледнел, словно мел. Эти новости сюда еще не дошли. Нет?!

– А... семья?

– Пока неизвестно.

– Простите, тор.

Илья не смог оставаться в комнате, выбежал на крыльцо, впопыхах хлопнул дверью. Ветер ударил в разгоряченное лицо.

Анна...

Карие глаза, растрепанные волосы, робкая и одновременно нежная улыбка...

Анна...

Первый их танец. И она – такая уязвимая и нежная, с маргаритками в темных волосах. Рука в руке...

«Илюша, я тебя так люблю... я никогда не была так счастлива!»

Анна над крохотным кулечком из пеленок...

«Наш сын, Илюшка! Наш малыш... я умру без вас!»

Анна...

И теперь – ее нет?

Да что... Да гори оно все огнем!

А что делать?

Гаврюша?! И Анны нет... И... Делать-то что?

Уходить? Куда?

Или...

Илья метался взад и вперед, не зная, что предпринять.

Анна, Анна...

Любовь?

Он не знал, любовь ли это. Но что-то важное ему эта принцесса дала, что-то такое, без чего его мир никогда не будет полным.

И прежним тоже не будет.

На плечо опустилась тяжелая рука.

– Успокоился, тор? Пошли, продолжим разговор.

Валежный.

Илья опустил голову и пошел за ним, словно телок на веревочке.

В канцелярии Валежный налил коньяка в стакан, протянул Илье, сам взял второй.

– Давай, на помин души... хоть и не любил я Петера, а все ж не стоило бы им так-то...

– А как – стоило?

Коньяк обжег горло, хлестнул по нервам.

– Не знаю. Сейчас и не скажешь уже...

– Тогда о чем тут говорить?

– О нас. Русина осталась, даже если Петера нет. И кто-то должен ею править.

– Вы?

Валежный покачал головой.

– Нет. Мое дело сражаться, страну я погублю наверняка.

– Тогда к чему весь разговор, тор?

– К тому, что власть надо брать. Петер успел оставить наследника.

– Что?!

– Это правда.

– И... кого?

– А вот это неизвестно.

И Валежный, и Илья знали, что под этим подразумевается. Пока стоит Русина, пока есть законный наследник – никому другому на ее престоле не сидеть. Погибнут в несколько лет. Вот если бы наследник сам кому престол передал...

Петер отрекся?

На словах-то да. А магия таких вольностей не признает. Император может потерять голову, но не корону. Перед смертью Петер мог передать наследство – так он и сделал, и магия этот выбор приняла. А до того – простите. В глазах высших сил он был императором, он им и остался.

Илья опустил руки.

– Но если так...

– Скажи, Илья... ничего, что я так? Я тебя лет на двадцать старше...

– Ничего, Антон Андреевич. Все хорошо, – безжизненным тоном отозвался Илья.

– Не хорошо. Но что мы можем сделать – это взять Звенигород под свой контроль. А потом передать власть законному наследнику.

– Антон Андреевич...

– Эти крысы, что сейчас пируют в Звенигороде, как на тушедохлой коровы, добровольно власть не отдадут. Явись пред ними хоть сам Творец, что они сделают?

Илья невесело хохотнул.

– А мы что должны сделать?

– Я еду к войскам. Ты со мной?

Илья помолчал пару минут. Но что его ожидало? Анны нет. Сын в Звенигороде, он получил от сестры телеграмму, она собирается уехать в деревню, но чуть позднее. Бойтся голода, в Звенигороде все же можно достать хлеб, да и ребенок... Георгий достаточно болезненный малыш, врачи и лекарства должны быть под рукой. И потом, все это долго не продлится. Может, пару месяцев, может, год... но не больше, правда же?

Потом народ выберет себе нового императора, и тот будет править разумно и справедливо.

Илья не был пока ни в чем уверен, но ведь такой кошмар и впрямь не может длиться долго, правда? Да и Звенигород – хорошее место. Столица же!

За сестру он покамест был спокоен.

А самому?

Что его ждет?

Да ничего хорошего, можно даже не сомневаться! Ничего! Либо он переходит на сторону Гаврюши, либо на сторону освобожденцев, либо – Валежный предлагал третий путь, который позволял сохранить хоть каплю уважения к себе.

Они офицеры!

Они присягу давали...

– Приказывайте, ваше высокопревосходительство, – вытянулся в струнку Илья, давая понять, что беседы «по душам» закончились. – Все исполню.

– Приказ – идти на соединение с семнадцатым гвардейским. Сейчас подпишу приказ, будешь командовать. Оттуда телеграфируешь.

– Куда, выше высокопревосходительство?

– Мне. Я отправлюсь вот сюда, – палец с желтым крепким ногтем ткнул в карту. – Здесь стоит Ферейский полк. Мы должны установить контроль над югом Русины. Если получится – можем начинать наступление уже зимой.

Илья подумал пару минут.

– Справимся ли?

– Маловато, конечно. И дезертируют многие, и у освобожденцев частей хватает. Но должны справиться.

Илья кивнул еще раз.

– Приказываю удерживать Подольский округ до моего подхода.

Илье оставалось только поклониться. Коротко, по-военному.

Валежный потратил вечер, разьясняя ему маневр. А когда наступило утро – уехал.

Илья проводил генерала и дал приказ собираться. Выступать. Сам отправился на гауптвахту – и выпустил Орлова.

– Вы свободны, тор.

За время своего сидения тор изрядно отошал и пообносился, но злости поднакопил – на троих.

– Вы хоть представляете, что делаете, Алексеев?

– Отчетливо, – оскалился Илья. Пока была неопределенность, он и подвис. А когда стало ясно, что делать, – сорвался с тетивы, словно стрела. И не собирался останавливаться, пока не напьется крови.

Илья был исполнителем, исполнителем талантливым, но увы – не лидером.

– Его высочество вас в пыль сотрет!

Илья чуть склонил голову.

– Передайте его высочеству мои уверения в совершеннейшем к нему почтении. Обещаю прислать ему самую лучшую ступку – и пестик.

– 3-зачем?

– Для личного употребления.

Не обращая больше внимания на титулованного холоуя, полковник вскочил в седло.

– Песню запевай!

Тор Орлов скрипнул зубами.

Полк уходил. И явно – на войну. Но куда?

Ох, как же он провалил поручение. Что ему скажет великий князь?

Тор Орлов предчувствовал опалу. А не хотелось, ой как не хотелось...

* * *

Жом Тигр в этот момент сидел в вагоне-люкс. И думал, что сюда только сигары не хватает.

Рюмка дорогого коньяка, сигара...

Курить ему не нравилось. Ну и другие соображения были. Запах табака отлично выдает курящего человека. Некурящий человек его унюхает за версту. Ни к чему...

Табак – это зависимость, а зависимостей жом Тигр избегал всю свою сознательную жизнь. Насмотрелся...

Впрочем, вспоминать сейчас детство и юность ему не хотелось. А вот подумать о брате...

Что с ним?

Жив ли?

Хотя сердце покалывало еще вчера. И было, было у Тигра подозрение...

Что ж.

Если брат мертв...

Самого себя Тигр тоже не обманывал. Брат был единственной его привязанностью. Единственным родным и близким человеком – человеком, с которым они прошли через ад каторги, человеком, который полностью его понимал... Пусть жестокий, пусть неуравновешенный, пусть хоть какой, но безмерно преданный и отчаянно верный своему брату. А это дорогого стоило.

Тигр прикрыл глаза.

– Жом Тигр...

Услужливый лакей кланялся, и только потому не упал в обморок. Таким гневом и яростью вспыхнули глаза Тигра, которого отвлекли...

– Выйди вон, – голос был холоден и равнодушен. – Выйди вон и не смей входить без вызова.

Лакей вылетел за дверь так, словно за ним настоящий тигр гнался.

А жом вытянулся на мягком диване и нагло скинул ботинки. Не принято? Так носки меняйте чаще! Или портянки!

Хотя здесь и сейчас – носки. Тигр мог выглядеть как угодно, но сейчас ему хотелось выглядеть аристократом. Дорогой чесучовый костюм, шляпа, которая сделала бы честь даже великому князю, идеально повязанный галстук, сияющие, словно солнце, ботинки...

И вагон, которым раньше он пользоваться права не имел.

Мечтать не мог, особенно в свете указа о посконном быдле, который закрывал крестьянам дорогу к образованию, навеки оставлял в навозе...

Он – имеет и право, и силы, чтобы отстоять свое право. Он зубами его у судьбы вырвал! Из глотки выгрыз!

Но не стоит о грустном. Он – здесь, а его враги...

Их уже нет. И это радует...

Жом Тигр коснулся колокольчика, и когда появился испуганный халдей, приказал принести рюмку коньяка, лимон, графин с ледяной

водой и какую-нибудь закуску.

Когда все было доставлено, он запер за лакеем дверь, сбросил пиджак и улегся на диван. Достал из чемодана книгу и погрузился в чтение.

Да, страшный порок одного из столпов революции...

Он обожал читать.

Причем – все подряд, от текстов статей жома Пламенного, до дешевеньких дамских романов. Обожал читать настолько, что забывал обо всем.

Брат знал.

И еще одним тайным пороком жома Тигра была мечта о собственной библиотеке. Громадной. Заставленной книгами от пола до потолка... И чтобы посреди этой библиотеки стол, кресло – и никто не мешал...

И любовь к букинистическим магазинам, и желание время от времени копаться в старых инкунабулах, и мечта расшифровать папирус Лемана...

Ах, разве найдешь для этого достаточно времени?

Но вот эти несколько часов – они его. И Тигр сделает все, чтобы их не потерять.

Что бы ни случилось с братом, волноваться уже не стоит. Если он мертв – волноваться поздно. Если жив – волноваться рано. А когда он приедет, тем более не стоит волноваться. Надо будет действовать.

А коли так – не будем терять время. И Тигр погрузился в увлекательное чтение.

История древних курганов...

Деревянные идолы на их вершинах – и старые кости под идолами. И зеркала, которые почему-то клали в могилы – и обязательно разбитые, – и сломанные стрелы...

Поля, мелькающие за окном, ледяная вода, которую время от времени меняли на еще более холодную, выпитая для настроения рюмка коньяка...

Короткие минуты безмятежности.

Безмятежности – в глазе бури.

Глава 5

Всяк на большой дороге – переодетый князь!

Русина, село Грязнухи

Что делает проснувшийся с похмелья человек?

Правильно, ищет, где похмелиться.

Вот фельдшер так и поступил. Начал искать, чем похмелиться, увидел на столе деньги, и цепочка вмиг сложилась.

Деньги.

Опохмелка.

Новая водка... да не паленое пойло бабки Сюры, а хорошее спиртное, с акцизной маркой, из сельской лавки. Он человек образованный, уважаемый, и всякое пойло пить не должен!

Так что фельдшер цапнул купюру (не преминув спрятать остальные) и отправился за алкоголем. Купил несколько бутылок дорогой водки, закуски и отправился к себе.

Откуда взялись деньги?

За какие заслуги их оставили?

Знаете, вот вы эти вопросы задавайте, когда человек в себя придет! А когда он с похмелья...

Это слишком сложно для восприятия. Главное – деньги есть, их много, их надолго хватит. А потом – потом будет видно. Он человек культурный, воспитанный, столичное обхождение знает, не то что местное быдло, – вот его кто-то и уважил... и дальше уважать будут. Наверное.

Эх, хорошо пошла!

* * *

– Как ты себя чувствуешь?

Нини поежилась.

– Знобит...

– Это у тебя температура. Ничего, пройдет.

– Правда?

– Точно.

– Анна...

– Яна. Зина, меня зовут Яна, запомни это. Всех подведешь...

– Яна... дурацкое имя.

– Конечно, Нини куда как лучше. На собачью кличку похоже, – ехидно парировала Яна. И тут же смягчилась, видя, как наливаются слезами глаза девочки. Чего она окрысилась на малявку?

Ведь тепличная же девочка, судя по памяти Анны, они все здесь такие...

– Яна... что мы дальше будем делать?

– Ехать вперед. – Яна даже плечами пожала в удивлении. – Доедем до ближайшего крупного города, к примеру... Что у нас там впереди? Ирольск?

– Да, вроде бы. Я не помню...

– Я помню. Примерно. Ирольск мы проезжали, народу там много, город очень крупный, вот там и остановимся.

– Остановимся?

– Конечно. Мне надо будет съездить в столицу, а ты подождешь меня в Ирольске.

– В столицу?!

Яна чуть поморщилась.

Выдавать все свои планы этой девочке она не собиралась. Та хрупнет, словно сухое печенье, при первом же нажиме. И без нажима хрупнет...

Лучше помолчать.

Но кое-что рассказать придется.

– Зинаида, ты помнишь, в каком мы положении?

– Да. Мама... папа...

Девочка захлопала носом. Яна пересела к ней поближе и обняла малышку.

– Ну все, успокойся... они теперь у Творца и смотрят на нас с облачка. И больно им не было. Правда.

– Да?

- Выстрел – и все. Они даже не поняли, что умирают...
- Яна, а как ты уцелела? Как я уцелела? Я же ничего не помню...
- Яна ехидно фыркнула.
- Скажи маме спасибо.
- Маме?
- Ну да. За защитные драгоценности.

Зина ничего не понимала. Яна смилостивилась и принялась объяснять внятно и на пальцах, как Гошке.

– Мама придумала защитить драгоценности в платье. Пули на них наткнулись, в моем случае пуля вообще срикошетила, а в твоём скользнула по украшению и застряла в теле, не повредив жизненно важные органы. Синяк, конечно, у тебя знатный. И рана поболит, и шрам будет. Зато – жива.

О том, что выживших добивали штыками и прикладами, а девочек вообще хотели пустить по кругу, Яна говорить не стала. Обойдется ребенок без такой правды жизни.

- Жива... живы...
- Если ты об остальных – я не успела их спасти.
- Ты?
- Я, Зина. Я... я перестреляла нападавших и забрала тебя. Вот и все.

– ТЫ?!

Глаза у девочки были большие, круглые...

Яна пожала плечами с раздосадованным видом.

– Я... помнишь – меня в Эрляндию отправляли? Чуть не на полтора года?

– Помню... да, помню, – кивнула головкой Зина. И тут же поморщилась от боли. – Это же давно было!

– Давно – и недавно. Там скучно, сестричка. Бабушка не знает, на каком она свете живет, ее фрейлины – скопище старых гримз, вот мне и пришлось искать, чем заняться. Отставной военный научил меня стрелять и метать ножи в цель. Но поскольку это умение не пристало великой княжне... как ты думаешь, мама одобрила бы?

- Никогда!
- Вот. Пришлось молчать.
- Зина округлила глаза.
- И ты молчала?

- Лидия знала. Все.
- Это ТАК странно...
- Зато живы остались.

С этим спорить было сложно.

- А теперь что?
- А теперь все зависит от нас. Для начала надо остаться в живых.
- А мы...

– Будет погоня. Наверняка. Я подожгла дом и угнала машину, нас будут искать.

– Ой...

– Поищут да и успокоятся, никуда не денутся. У меня сейчас план такой: мы пробираемся в большой город и находим, с кем уехать за границу. В тот же Борхум или Лионесс.

– Как... как кто?

– Инкогнито, Зина. Сначала – инкогнито, потом посмотрим, что будет твориться в стране. Мне бы тебя отослать, а дальше будет видно.

– Меня? Почему?

– Помочь ты мне не сможешь. А вот проблем будет много, – честно ответила Яна.

– Ты... ты хочешь от меня избавиться?

Яна закатила глаза.

Давно она с подростками не разговаривала, теряет квалификацию. Итак, приступим.

– Зиночка, детка, я не смогу ничего сделать с этими подонками, пока ты в опасности. Я не хочу, чтобы ты рисковала жизнью... ты должна продолжить наш род, род великих императоров...

Два часа ушли в расход.

Но – уговорила, уболтала, убедила.

Зина согласилась остаться в Ирольске и, если получится, отправиться оттуда в Борхум. Или... да хоть бы куда!

Фамильные драгоценности у нее есть, документы при девушках, а фамильное сходство с Шеллес-Альденскими у Зинаиды налицо. Придется перекрасить, кстати. И загримировать. В таком виде ее на улицу выпускать нельзя – во время революций мужики с катушек слетают и от крови пьянеют. Безднаказанность развращает, а девчонка-то симпатичная. Так сделаем из нее Страшиллу, жаль, что с мудростью не получится!

Уедет за границу – и Яне руки развяжет, и сама будет в безопасности.

Практическая сметка у сестрички есть, рано или поздно сама решит, как лучше.

Или обнародовать свое спасение, или прожить жизнь тихо и спокойно...может, даже и второе выберет. Яна бы точно выбрала, да вот беда – год!

Какая уж тут тихая жизнь?! Спасибо, Хелла... это без иронии. Хоть год, а мой! Надо рвать по максимуму! Эх, зажжем!

Что там было сказано у господ революционеров? Из искры возгорится пламя? Вот-вот. Рецепт прост. Спички, бензоколонка и немного фантазии. Совсем чуть-чуть фантазии...

* * *

«Гвардейский полк имени Величества императрицы Анны ушел Подольский округ. Был Валежный».

Телеграмма жома Пламенного не порадовала.

Вот чего им, сволочам, на месте не сиделось? Чего им надо было?!

Гвардейцы, м-да...

Казалось бы, невелик и ущерб, и полк тот... невелик, да – кусач. Кто был на стороне освобожденцев?

Во-первых, все запасные полки. Практически все.

Во-вторых, части, расположенные в Звенигороде и под ним. Всего около пятидесяти – пятидесяти пяти тысяч человек.

Понятное дело, партия намного больше, и людей в ней уже под полмиллиона, но – кто?! Крестьяне, рабочие, всякая наволочь, которая сражаться будет только за одно дело – спасение собственной жизни.

А вот полки с фронта...

Те, кто дезертировал с фронта, были на стороне освобожденцев. Кое-кто в полках – тоже. Остальные либо резко против – этих не так много. Либо – колебались.

Петера никто не считал достойным, но и Пламенного тоже. И тут неоценим становился Гаврюша – на первое время. Ему бы...

Может, и не поверили бы, но хоть преемственность власти бы увидели. А там уж можно работать без суеты, организовать базу, подтянуть верные части...

Был бы переворот!

Но в свое время! Годика через два! И народ бы весь был ЗА Пламенного.

А сейчас как?

За Валежным – пойдут многие. И что с ним делать прикажете?

Жом Пламенный усмехнулся.

Нет человека – нет проблемы, не так ли? И он знает, кому поручить решение этой задачи.

* * *

Ночью Яна отправилась к Прасковье.

Женщина уже ждала ее.

– Тора, доброй ночи.

– Доброй ночи, – кивнула Яна. – Что скажете?

– Вот, возьмите, тора, не побрезгуйте.

Яна посмотрела на стол и присвистнула.

– Жама, вы – сокровище.

И было за что благодарить. Две большие ковриги свежего хлеба завернуты в тряпицу, крынка молока, лук и чеснок, десяток яиц – вареных?

– Печеных, – пояснила Прасковья. – И вот еще...

И рыбка. Сушеная. Погрызть – милое дело.

Яна крепко обняла женщину.

– Благодарю, жама.

Впрочем, объятиям Прасковья предпочла еще один кредитный билет. Крупный такой, четвертную...

Низко поклонилась.

– Благодарствую, тора Яна.

– Фершал ничего не сказал?

– Васятка за ним приглядел, говорит, он еще водки купил, дрыхнет теперь...

– Тьфу...

Яна брезгливо поморщилась. Гнать бы такую алкашню из профессии, только вот кого на его место? Ты поди кадры подготовь, да выучи, да условия предоставь... помнила она, как в России старались заинтересовать молодежь деревенской жизнью. Программы всякие, спонсорство...

Не особенно оно помогало!

В деревне ж как?

Вкалывать требуется! Выходные там, праздники, а корове плевать, она неграмотная. У тебя Рождество или, там, Пасха, а ее все равно доить надо. Хоть ты над ней молись, хоть постись, а сена не запасешь – так и подохнет. И на поле вкалывать кверху попой...

Это вам не тяп-ляп-менеджеры, которые при удаче могут вообще не работать.

Видела Яна и таких. В универмаге неподалеку от ее дома как раз такая деревенская деваха работала, по уши счастливая, что из родной деревни вырвалась. Работы от нее дожидаться было нереально. Разве что облает вдоль и поперек!

– Еще вот это, тора...

Прасковья на радостях была награждена еще одной четвертной.

На холстинке лежали травы, которые отлично были знакомы и самой Яне. Чабрец, душица, исландский мох, зверобой... перечислять все было долго. Но Яна знала и как применять, и где...

– Спасибо тебе.

– Пусть Единый вас сбережет, тора.

Яна потерла лоб.

Она, конечно, уходит. Но...

Имеет ли она право уйти вот так? Или надо хоть какой совет дать тетке? Вроде не дура, понять должна.

– Прасковья, ты деньги лучше не показывай. Страшные времена идут, темные. Ежели продукты купишь – покупай то, что спрятать можно. Понимаешь? Что в подвале полежит, в сундуке, что прикопать можно, что не отберут... императора, говорят, свергли...

– Да, тора. – Прасковья слушала внимательно, старалась понять. Да и не дура она, просто мышление другое. И – страшно. Такое подумать!

Это как свой гроб выглаживать!

– Власть меняться будет, налеты будут, погромы. Ежели увидят, что ты лучше других живешь... Я бы тебе вообще посоветовала бросать все и бежать, но ты ж не уйдешь отсюда, верно?

– Дом мой здесь, тора. Матушкина могилка. Да и муж сюда вернется...

«Если вернется», – хотелось сказать Яне. Но промолчала. Нечего такой мудростью делиться, за нее и лопатой по хребтине могут протянуть, чтобы не каркала. А потому...

– Деньги не показывай и молчи про них. Ничего такого не покупай, помалкивай и слушай. Если есть возможность что купить не здесь, а в соседнем селе да потихоньку домой принести – так и сделай. А еще лучше – укрытие какое в лесу себе устройте, чтобы чуть что – схватить ребят да и туда. Ни на какие собрания лишний раз не ходи, ничего не слушай. Целее будешь.

– Это что ж... война, тора?

Яна врать не стала.

– Война, Прасковья. Самая страшная, брат на брата пойти может, отец на сына, родные друг на друга руки поднимут, семьи расколет, государство дрогнет. А тебе детей поднимать... вот попомни мои слова, придет время – порадуешься, если обережешься.

Прасковья медленно кивнула.

– Я запомню, тора...

Яна уложила все в принесенный с собой мешок, попрощалась – и ушла.

Прасковья повертела в руках деньги.

А и то...

Госпожа говорила, а она смотрела на тору и понимала – не врет. Может, молчит о чем, но не врет.

– Мам, – высунулся с печи Васятка. – Мы о том году в Змеином Логе хорошую нору нашли, и поместимся, и снаружи не заметит никто...

И рывкнула бы раньше Прасковья, чтобы дети в Змеиный Лог не бегали (ой, не просто так он назван), еще б и подзатыльник отвесила.

А сейчас...

– Завтра ходим с тобой, покажешь, что да как.

По осени и в Змеиный Лог можно, осенью змеи сонные, не до людей им. А если на какую и наткнешься – пусть кусает. Известно же,

к осени гады свой яд теряют, закон такой...

А люди туда все равно не ходят. Гиблое место, что для скотины, что для человека...

А она пойдет. И плетень поправить чуток надо. Чтобы отодвигался удобнее: случись что, детям на задний двор шмыгнуть – и в лес нырнуть.

Страшно.

А все ж она и пойдет, и сделает...

Императоры там, политика, война...

Ей детей сберечь надо! Остальное ее не волнует!

Анна, Россия

С утра Анна одевалась особенно тщательно.

Юбка, блузка, волосы уложить в красивый узел. С последним было сложнее всего. У Анны волосы были малым не до пояса, а Яна таких отродясь не носила. До плеч – максимум.

Обычно волосы она стягивала в непритязательный хвост, но для Анны это было неприемлемо.

Пришлось заплести несколько боковых прядок в тонкие косички, потом подколоть все волосы в узел. Аккуратно, пряди не выбиваются...

Надо бы к хорошему куаферу. Но с этим Анна решила не торопиться.

Это при дворе у них был свой мастер. А здесь, с памятью Яны, она понимала, что, во-первых, дорого, а во-вторых, еще найди хорошего куа... называем правильно. Парикмахера. Проще пока ей мастерить прически из того, что есть.

Ботинки оказались неожиданно удобными. Каблук был непривычен, но с этим Анна справится. Главное – идти медленно и спокойно, не бежать, не торопиться...

Страшно...

Анна боялась этого мира, боялась этих людей, и привычный облик становился ее защитой.

Осанка, улыбка...

Косметика?

Позвольте, но красятся только продажные женщины!

Даже если и не только, Анна к краске не привыкла. Значит, и начинать не надо. А вот форму бровей она бы поменяла, сделав их не такими широкими, но пинцета у Яны не было...

Осознав, что она всеми силами оттягивает момент выхода на улицу, Анна разозлилась сама на себя.

Да что ж ты за тряпка! От тебя жизнь твоего ребенка зависит, а ты...

Девушка расправила плечи и решительно направилась на улицу.

– Янка! Утро доброе!

– Здравствуйте, Андрей Владимирович, – поздоровалась Анна. – Как ваше здоровье? Как самочувствие?

Было у соседа такое... лечиться он обожал! И смотреть по телевизору разные оздоровительные программы, и делиться со всеми окружающими своими ценными знаниями...

Яна обычно не слушала. Извинялась – и убегала.

Анна вежливо потерпела минут десять, потом поняла, что лекция о чудодейственной пользе запаренного капустного листа может продлиться долго, и воспользовалась своими навыками. Светская беседа, знаете ли, подразумевает и умение вовремя отделаться от нежелательного собеседника. Вежливо и не обидно.

– Андрей Владимирович, вы рассказываете очень интересные вещи. Но мне еще кота найти надо...

– А чего его искать, твоего мерзавца мохнатого?! Весь вечер у нас вчера продрых!

– А я переживаю!

– Не переживай. Томка вчера курицу запекала, вот его на запах и притянуло. Сlopал шею и крылья, да и завалился спать.

Анна кивнула.

Память Яны подсказала, что кошек соседи любили. Своих не заводили – так и понятно. Возраст уже такой... надо не только о себе думать. Еще и о животном, которое после твоей смерти может на помойке оказаться – и каково ему там придется?

А тут вроде и кот есть, и официально он Янин – найден такой компромисс.

– Андрей Владимирович, я вам сейчас для него корм оставлю, вы уж его покормите, хорошо?

– А ты опять на весь день?

Анна кивнула.

Яна работала два через два, завтра ей уже выходить на работу. Но...

Анна в тире работать не хотела. Надо доехать, уволиться, а потом поискать новое место работы. Только вот...

Что она умеет делать?

Петь. Играть на музыкальных инструментах, шить, вышивать, готовить, красиво сервировать стол, управлять прислугой – кем она может пойти работать с таким багажом знаний?

В музыкальную школу?

Анна подозревала, что туда ее не возьмут. Необходим диплом об образовании, которого у Яны не было. Какая музыкальная школа? Вы что?

Несколько аккордов на гитаре, которым научили посетители лесхоза, – уже роскошь! А сдать экзамен тоже будет не так просто. Играть Анна умела, но даже нотная грамота двух миров сильно различалась.

Официанткой?

Надо обдумать этот вопрос.

Но умение красиво сервировать стол и умение подавать на стол – это все же два разных умения. И...

Не возьмут ее в дорогое кафе.

А в дешевое и смысла идти нет, подсказывала память Яны. Денег не заработаешь, а вот проблем себе наживешь. Тут и больные ноги, и больная голова, и больной желудок, и скандалы с посетителями...

Да-да.

В кафе обычно включают музыку. Хотя большей части посетителей хочется посидеть в тишине, но кому важно их мнение? А как у персонала голова порой болит, кто бы знал. Даже если не обращаешь внимания на шумовой фон, все равно – барабанные перепонки страдают. И готовят в кафе не так чтобы хорошо и не из лучших продуктов. Даже в дорогих ресторанах такое встречается. А уж сотрудников кормить! Смешно!

Так что Анна находилась в недоумении.

Куда идти, куда податься... Где может пригодиться такой сомнительный набор знаний и умений? Она пока не знала, поэтому

задачу определила себе не слишком большую.

Дойти до работы и уволиться.

Посидеть в кафе и выпить чашечку кофе.

Купить газету с объявлениями о работе и проглядеть ее. Там же, в кафе.

Заодно она посмотрит на людей, увидит, как они ведут себя в естественной среде обитания, может, применит нечто для себя. Да и...

У нее этого никогда не было!

Дворец – да!

Дворцы, приемы, балы, благотворительность, госпитали...

И только одного не досталось Анне. Кусочка времени для самой себя и тихого места, чтобы никто не трогал. Чтобы никто не обращал на нее внимания. Чтобы было только ее...

Никогда не складывалось.

А... хотелось.

Выйти из дворца, пройтись по площади, поговорить с людьми, может, побывать на ярмарке, покататься на карусели, сгрызть ядовито-розовую конфету...

Сейчас у нее есть такая возможность. Только ярмарка и конфета заменены на торговый центр и кофе.

Анна попрощалась с соседом и вышла за ворота, провожаемая удивленным взглядом. Она не знала, но шла-то она тоже по-другому! Яна двигалась быстро, порывисто, почти бежала, наклонялась при ходьбе чуть вперед, размахивала руками – джинсы и свитер диктовали свою культуру движений.

Анна шла плавно, ровно, с идеально прямой спиной – стакан на голову поставь, так он удержится, – не размахивала руками, движения были полны спокойного достоинства, которого так не хватает людям, привыкшим жить от минуты до минуты и урывать время...

Именно – урывать.

Хватать кусками, рвать на части, не жить, а ловить минуты...

Да и каблуки и длинная юбка – все добавляло своей привлекательности. Анна медленно шла по улице.

До развлекательного центра, в котором работала Яна, можно было дойти минут за двадцать. Яне.

Анне потребовался почти час.

Она шла медленно, внимательно смотрела по сторонам, потом подошла к киоску с газетами и купила себе экземпляр. Да, конечно, кто сейчас ищет работу в газетах, когда есть интернет?

Но ищут.

И Анне это было привычнее.

Она шла и разглядывала людей, улицы, машины и троллейбусы. Опиралась на подсказки Яниной памяти, но...

Общее впечатление было – все бегут.

Бегут, не оглядываются, не разгибаются... а живут-то они когда?

Просто – живут?

Не находят времени, чтобы посмотреть на небо, на солнце, чтобы улыбнуться встреченному на улице ребенку, чтобы коснуться губами ветра и ощутить ответный поцелуй...

Да как так можно?

Бегут быстрее, живут быстрее, вот и сгорают раньше. А есть ли что вспомнить?

За что горели?

Анна не могла этого понять. Она неспешно шла, даже шествовала по улице, и никто не решался ее оттолкнуть, задеть, отстранить – наоборот, ее старались обходить стороной.словно вокруг девушки образовалась зона отчуждения.

Впрочем, Анна ничего странного в этом не видела. Так было всю ее жизнь, почему сейчас должно быть иначе?

Вот и развлекательный центр.

Громадное здание?

Э, нет. Вот ничего громадного Анна в нем и не увидела. Она жила в таких дворцах, в которых поместилось бы с десяток торговых центров. Поэтому никакого смущения или нервозности не было. Наоборот...

Убогая отделка, отвратительное несоответствие цветов, а качество! За такое батогами бить надо! Плитки под каблучками шатаются, перила ободраны... а запах!

Ужасно!

Просто ужасно!

Какие там испуги? Анна даже чуть нос сморщила, хотя это было вне всяких правил приличия.

Быстро, шумно, бестолково... кажется, в этом мире везде так? Бедные его обитатели.

Организован развлекательный центр тоже достаточно бестолково. Кафе почему-то внизу, хотя так приятно посидеть на балконе, выпить чашечку кофе... сейчас, конечно, осень, но кому может понравиться подвал?

А тир почему-то на втором этаже. И где логика?

Анна медленно поднялась, вошла в знакомую стеклянную дверь.

– Девушка, вы к нам?

– Добрый день, Андрей, – приветствовала сменщика Анна.

– ЯНКА?!

Большие круглые глаза были неопишутемы.

– Виктор Иванович у себя?

– Д-да... А ты вообще как?

Анна молча прошла мимо парня и исчезла за дверью с надписью: «Служебный вход». Интересно, что надо ответить на его вопрос? Вообще – человек? Вообще – так?

Виктор Иванович был на своем месте. Не то чтобы Яна с ним конфликтовала... скорее, мужчина принял девчонку потому, что специалистом она была хорошим. Но друг друга они не слишком любили. Виктор Иванович считал, что в дополнение к своим обязанностям Яна может с ним спать, хотя бы иногда, а Яна полагала, что у женатого мужчины таких мыслей возникать не должно.

И вообще, бабы и оружие?

Фу!

С другой стороны, Яна была «изюминкой» тира. Конкуренты ничем подобным похвастаться не могли, о чем девушка и напоминала хозяину время от времени, когда взгляд, падающий на гибкую фигурку, становился уж вовсе неприличным.

– Добрый день, Виктор Иванович.

– Яна? Добрый день.

Мужчина лет пятидесяти пяти на вид приподнялся из кресла и опустил обратно. Анна рассматривала его словно впервые. Но – вежливо, исподтишка, как приучили.

– Что случилось?

– Вы позволите?

Девушка прошла к креслу для посетителей, села. Тоже – как приучили. Примерно на половину сиденья, спина прямая, хотя и не напряженная, ноги поставлены под углом девяносто градусов к полу, ступни и колени сдвинуты. Руки вольно лежат на коленях, ладонь на ладони.

Никаких «нога на ногу», никаких «разваляшек» в кресле, дамская сумочка отправилась на спинку стула. Все это спокойно, непринужденно, словно так и надо.

Виктор Иванович смотрел с немалым изумлением.

Обычно Яна даже не садилась, а металась по кабинету, пока не выбьет, что надо. Более того, она никогда не ходила в юбке! Да он и представить себе не мог ничего подобного!

А шея?

Оказывается, у его сотрудницы не только попа есть, но и шея, и подбородок, и ресницы...

Слов не было.

– Я... да, позволяю.

От неожиданности мужчина даже петуха дал, сам от себя такого не ожидая.

Выглядел Виктор Иванович для своих лет очень неплохо. Ездил на охоту, бегал на лыжах, регулярно посещал спортзал и недостатка в хорошеньких девушках не испытывал. Средний рост, поджарая фигура, благородная проседь в темно-русых волосах, большие серые глаза – что еще надо мужчине для успеха?

Ах да. Деньги. Но это ведь тоже было!

А на Яну не действовало. И сейчас мужчина испытывал... неловкость? Определенно. Как-то не так себя вела девушка, неправильно.

– Виктор Иванович, к сожалению, я должна уволиться.

Рот у мужчины открылся. Потом закрылся – и несколько минут Виктор Иванович выглядел как филиппинский долгопят. Выразительно вращал глазами и открывал-закрывал рот. Потом поинтересовался:

– И куда уходишь?

– Виктор Иванович, вы меня сразу отпустите – или попросите две недели отработать? – Анна решила не отвечать на неудобный вопрос.

– Тебя Мишка переманил? Измайловский?

– Меня никто не переманивал. Я собираюсь поменять профессию, – вежливо ответила Анна.

– Ты поэтому выглядишь как училка?

– Мой внешний вид не является предметом обсуждения, – чуть жестче отрезала Анна. Вот еще не хватало!

А как она должна ходить?

Как рабочий – в штанах? Как девица легкого поведения – в юбке, которая ничего не прикрывает? Видела уже такое на улице. Даже смотреть неприятно.

– Да чего ты! Давай я тебе зарплату подниму на... двадцать на пятнадцать процентов! Оставайся!

Анна покачала головой.

– Виктор Иванович, к сожалению, это не решит моих проблем. С вашего позволения, я напишу заявление сегодня.

Мужчина нахмурился.

– Если решила – отговаривать не буду. Но ты зря. Надумаешь – приходи обратно, обговорим условия. – Прошедшийся по телу Анны липкий взгляд четко намекал, в какой позе будет происходить обговаривание.

– Я запомню ваше любезное предложение. С вашего позволения.

Заявление Анна написала еще дома, сверяясь с образцами. А как иначе? Вдруг она писать не умеет как местные?

Хотя что-то она все равно сделала неправильно, Виктор Николаевич смотрел на несколько каллиграфически выписанных строчек, словно чудо увидел.

Ой!

Анна только сообразила.

Яна же ТАК не писала! У нее почерк был хуже, и вообще, она бы написала все прямо здесь. Но... Дело уже сделано. Осталось разве что подписать и дату проставить.

Виктор Иванович нахмурился, но расписался.

– Завтра-послезавтра отработаешь, потом свободна.

– Благодарю вас.

– За расчетом послезавтра подойдешь.

Анна встала со стула, чуть склонила голову.

– С вашего позволения.

И вышла за дверь.

Виктор Иванович проводил ее задумчивым взглядом.

Вот не знал, что Янка и так умеет! А смотрится... Королевна! Невольно вспоминались старые фильмы о жизни аристократов, Джен Эйр и почему-то Анна Каренина.

Виктор Иванович перевел взгляд на бумагу.

Да, почерк! Быстрый, изящный, с завитушками... Он достал заявление о приеме на работу – и нахмурился.

Заявления он распечатывал на принтере, Яна вписала только фамилию, имя, отчество, паспортные данные и расписалась. Быстро, небрежно – ничего общего с этой... восточной каллиграфией.

Не хотела?

Или... сняла маску?

Подпись вроде та же самая. А почерк другой...

Но как держится! Виктор Иванович покачал головой. Потом представил такую Яну – с ружьем, склоняющую голову к прикладу... и почувствовал внезапное... вдохновение.

Однако...

А может, еще и не уволится?

* * *

Не подозревая о мыслях своего начальника (почти бывшего), Анна зашла в небольшое кафе с названием «Кофейня».

Прошла внутрь, огляделась. Маленькие столики, диванчики и стулья, длинная стойка и барные стулья... Естественно, Анна заняла маленький столик в углу. Там она могла видеть всех, а вот на нее почти не обращали внимания.

Полистала меню, наугад выбрала кофе и пирожное и принялась листать газету.

Училка...

А может, и правда?

Анна вспомнила свою гувернантку, госпожу Славскую. Ольга Валентиновна обладала манерами королевы, взглядом голодного василиска и добротой аспида. Анна себя такой не считала.

Но... а чему ее учила Ольга Валентиновна?

Да именно этому! Манерам, этикету, следила за рационом, за занятиями... может Анна так поступать?

Чисто теоретически – да. А практически? Если ее наймут. Быть гувернанткой? Обслуживать?

Анна покусала губу. С одной стороны – она не представляла себя в подчиненном положении. С другой – а что она еще умеет? Да и учитель – не слуга. Жаль, не все господа были с этим согласны.

Но кто мешает Анне развернуться и уйти?

Она действительно практически ничего не умеет. А работать в тире...

Может, стоит попробовать? Что она теряет?

Но... оружие – это не ее.

Анна подумала и принялась листать газету.

Объявления «Требуется гувернантка» попросту не было. Были вакансии воспитателя. Причем как для отдельного человека, так и для группы лиц.

Были объявления агентств по найму.

Было объявление, которое также заинтересовало Анну. Музыкальный центр набирал преподавателей, а играть и петь она все же умеет... Но есть и минус. Вряд ли произведения этого мира совпадают с произведениями ее мира. С нотного листа она сыграет, а если и запись нот не совпадет? Яна-то музыкальную школу не заканчивала...

Как тут оправдываться? Что делать?

Оставить для начала, но...

Анна машинально ковырнула ложечкой пирожное, положила кусочек в рот. И скривилась. Тесто клеклое, пирожное несвежее, крем... за такой крем надо вешать!

Нет! Это слишком милосердно!

Накормить им повара – пусть помрет в страшных мучениях!

Кофе, как ни странно, оказался приличнее пирожного. Анна сделала пару глотков, потом заметила потеки на чашке и скривилась еще сильнее.

«Жалобная книга» – подсказала память Яны. Или позвать администратора. Не хотелось ни того, ни другого, но есть ВОТ ЭТО? И платить деньги, которых и так не особо много?

Даже не в деньгах дело.

Из Анны старательно выбивали непокорность, собственное мнение, характер – все то, что, по мнению матери, не нужно женщине.

Анна была идеальной дочерью, женой, матерью, тихой, безропотной, скромной, покорной... а что требуется от нее здесь и сейчас?

То же самое?

Но...

Глаза жома Тигреньша были хорошо памятны Анне.

Опять молчать? Опять все терпеть, опять глотать обиды? Или попробовать встать, расправить плечи – и... ладно! Рывкнуть у нее не получится, но хотя бы настоять на своем? Сможет она справиться с подобной ситуацией?

Надо попробовать.

Анна подошла к стойке.

Кофейня была практически пустой, только сидели за столиком неподалеку парень с девушкой. Но те были заняты друг другом и не обратили внимания на Анну.

Анна медленно поставила на стойку тарелку и чашку.

– Администратора позовите, девушка.

Девушка-бариста смерила Анну презрительным взглядом.

– Зачем?

Анна выдохнула и расправила плечи. С дерзостью слуг она сталкивалась и справляться с этим умела.

– Любезнейшая Алла Игоревна, будьте добры позвать администратора.

– Э...

– И немедленно.

По кофейне словно стужей повеяло.

У Аделины получалось намного лучше, будь здесь ее величество – нерадивая обслуга уже мчалась бы за администратором, но кое-что умела и Анна.

Вежливость – и никаких сомнений в своем праве отдавать приказы. У Анны сомнений и не было.

Алла Игоревна сама не поняла, как ноги сделали шаг, второй, а потом она громко позвала:

– Михаил Николаевич! Вас!

Мужчина, который вышел по ее зову, Анне решительно не понравился.

Молодой, лет тридцати – тридцати пяти, чуть пониже Анны, но в два раза ее толще, с черными волосами, словно прилипшими к голове, и выпуклыми серыми глазами. Дорогой костюм сидел на нем... нет, не сидел.

Бывают люди, которые носят любые вещи с привычной безмятежностью и душевным спокойствием. А бывают люди, на которых любые вещи сидят как на вешалке.

Михаил Николаевич не носил костюм. Он выставял его напоказ! Гордился им!

Посмотрите, люди, какой я костюмный!

Я купил себе *дорогой костюм!*

Вы должны мне завидовать! Ну позавидуйте же мне!

Анна посмотрела на менеджера. Вот как есть – приказчик в третьесортной купеческой лавке! И волосы зализаны чем-то жирным и блестящим – у них бриолином пользовались. И взгляд заискивающий, бегающий...

Обслуга всегда остается обслугой. И речь не идет о тех, кто занимается чем-то подобным в силу обстоятельств. Речь идет о халдеях по духу.

– Сударь, в вашем кафе отвратительное питание и ужасное обслуживание. Прошу вас, попробуйте это пирожное...

Михаил Николаевич пожал плечами.

– Ну, щас...

Взял чистую ложку, отколупнул кусок пирожного и сунул его в рот. Двинул челюстями, напоминающими ковш экскаватора.

Зря.

– М-мать!

Это был достаточно вольный перевод его выражения. Анна поморщилась, Алла, наоборот, пригляделась.

– Чего?

Мужчина взвыл и сплюнул прямо на ладонь...

Пирожное было с орехами. А вот если орехи плохо почистить... кусок скорлупы попался Михаилу под зуб. Зуб не сломался, но, судя по всему, десна болела. Поди укуси!

– Надеюсь, вы понимаете, что это несъедобно, – мягко произнесла Анна.

Мужчина поднял на нее злые глаза.

– Ты! Приперлась тут...

– Я не буду подавать в суд на ваше кафе. И не буду рассказывать об этом отвратительном инциденте. Но советую обратить внимание и на повара, которого давно пора гнать в шею, и на девушку, которая вместо работы болтает по телефону, и на грязные столики, и на плохо вымытую посуду, и на отсутствие салфеток... перечислять можно долго. Всего вам наилучшего.

Анна развернулась и вышла из кафе.

Несколько секунд Алла молчала. Потом...

– И что это было?

Администратор обложил ее трехэтажным матом – и направился на кухню.

Вот козлы!

Сколько раз он говорил, чтобы следили, что в кастрюлю кладут! Уроды!!!

* * *

Анна вышла из кафе с ощущением... победителя?

Она вступила в бой с обстоятельствами.

Она не проиграла.

Никто не заподозрил в ней... чужака. Никто не тыкал пальцем, не кричал: «Держи ее!» Никто не сомневался в ее праве говорить и спорить.

А если так...

Она обязана справиться. И победить!

Не так уж и страшен этот мир! Да, в нем есть техника, телефоны, телевизоры и реклама. А в Русине – нет. Но люди везде одинаковы, и нерадивые слуги – тоже.

И проблемы одни и те же...

Она справится.

Теперь она знает, что справится.

– Надо уезжать.

Жом Лейва поправил шляпу и посмотрел на жену, словно ожидая возражений. Но та и не подумала спорить.

– Надо уезжать.

– Я поговорю с родителями. Ты переговори со своими родными. У нас есть возможность уехать, помнишь Марка?

– Да.

Жама Аллея Лейва кивнула, глядя на мужа. Эта невысокая, полная женщина, с черными волосами и такими же яркими черными глазами, никогда не спорила с супругом. Зачем? Они и так хотели одного и того же, думали об одном и том же, мечтали, стремились...

К чему?

Есть и такие мечты. Тихо и спокойно прожить свою жизнь, вырастить детей, увидеть внуков...

Борха Лейва всю жизнь был хорошим портным, как и его отец, как и его дед. Жил в Ирольске, работал, зарабатывал... И все было, в общем-то, неплохо, пока не началось... ЭТО.

И тут Лейва почувствовал – беда.

Нутром почувствовал, как когда-то его дед, успевший унести ноги из Ферейских гор ровно за два года до того, как там *полыхнуло*.

Кто не успел, там и остались, озверевшие горцы резали всех, не разбирая – мужчина, женщина, ребенок... А вот Лейва успел. Осел в Ирольске, детей вырастил, внуков увидел, правнукам вот порадоваться не успел.

И теперь достойный его потомок нутром чувствовал: надо бежать.

Бежать далеко, быстро, заметая хвостом следы. Любые деньги платить, но бежать первым.

Почему?

Потому что будет шанс устроиться на новом месте. Всегда есть ниша, которую ты можешь занять, всегда, в любой стране, при условии, что в твоих руках крепкое ремесло. Но если приехавших – немного.

А если их тысячи?

Десятки или сотни тысяч?

Любая ниша забьется. Но у Борхи уже будет какая-никакая, но жизнь. Связи, опыт... Справится! Деду тоже тяжело было.

Надо уезжать.

И родных с собой увозить, пока есть возможность.

Борха не врал жене. Его старый приятель, Марк, гонял паровозы по ветке, он и пообещал поговорить.

Ламермур.

Да, для начала – Ламермур. А оттуда можно и подальше убраться. Борха так и собирался сделать. Были и запасы, и кое-какой жирок под кожей...

Родных бы уговорить!

Да, будет много людей, вагон придется брать. Но вместе они справятся. Он, Аллея, их четверо детей, его и ее родители, братья, сестры, племянники – общее число человек под сто выйдет, как бы не больше. У них в Ирольске крепкая община.

Но...

Борха понимал, что надо уезжать. А захотят ли поехать остальные? Предложит он всем. А кто согласится?

Но уговаривать надо, уговаривать он всех будет... Потому что дедовский нюх говорил Борхе: пахнет кровью.

Большой кровью, страшной...

Мужчина коснулся щеки супруги.

– Начинай собирать вещи.

И жена медленно прикрыла темные глаза. Она будет собираться.

Россия

– Анна Петровна Воронова?

– Да. Здравствуйте.

Анна смотрела чуточку удивленно.

Мужчина, стоявший рядом, был ей совершенно незнаком. И память Яны никаких откликов не давала.

– Оперуполномоченный, капитан полиции Лейкин.

Мужчина достал из кармана красную книжечку, махнул ею в воздухе и попробовал закрыть. За секунду.

«АТАС! МЕНТЫ! Всем улыбаться!» – завопила память Яны. Перед глазами Анны мелькнула какая-то картинка с... пингвинами? А потом память посоветовала «делать ноги, и быстро!». Анна советы проигнорировала и решила действовать как учили ЕЕ, а не Яну.

– Позвольте, я прочитаю, – остановила капитана Анна.

– Пожалуйста.

Анна чуточку прищурилась.

– Олег Андреевич Лейкин. Рада знакомству. Что вам угодно?

– Побеседовать, Анна Петровна. Уделите мне немного времени?

Анна огляделась.

До дома оставалось буквально метров сто... и безумно хотелось спрятаться. Удрать, ни с кем и ни о чем не разговаривать...

Нельзя.

Всю жизнь было нельзя, и сейчас ничего не поменялось.

Девушка склонила голову.

– Олег Андреевич, я вас внимательно слушаю.

– На чашку чая не пригласите?

– Простите, Олег Андреевич, я не считаю это приличным, – отказала Анна. – Какое у вас ко мне дело, жо... уважаемый?

Чуть не оговорила, не обратилась как привыкла. Надо следить за собой.

Но воспитание!

Въедается в кровь и в кости, становится привычным, как дыхание.

– Скажите, вы поздно возвращаетесь с работы?

Вот оно!

Анна собралась.

– Да, достаточно поздно.

– Когда вы возвращались домой – позавчера, – вы ничего подозрительного не видели? Не слышали?

Анна задумалась.

– Сложно сказать. У нас не самый благополучный район. И я слышала, нашли два трупа... вы поэтому?

– Ничего от вас не скроешь, Анна Петровна, – весело улыбнулся мужчина.

Анна улыбнулась ему в ответ.

Олег Андреевич вообще ей понравился.

Чем-то он был похож на Илью. Внешне... Те же светлые волосы, широкие плечи, разве что глаза карие. А улыбка похожая, легкая, почти мальчишеская. Возраст примерно тот же... Простая одежда – джинсы и свитер, кожаная куртка и кроссовки, сидит на нем легко, ладно, аккуратно. Чувствуется, что ему нравится его работа. Тяжелая, но необходимая.

– Я не знаю, что можно считать подозрительным. У соседа шумели – так они постоянно шумят.

– У соседа?

– Через забор, – пояснила Анна. – Там Михаил живет... не знаю его фамилии. Он принимает наркотики, приглашает друзей, они регулярно гуляют.

– В тот вечер тоже?

– Кажется, да.

– Проверим... а что-то еще?

Анна развела руками.

– Не зная, что именно случилось, я не могу рассказать вам то, что, возможно, вас заинтересует.

– Вот два трупа нашли.

– Они местные?

– Нет. Наркоманы...

– Тогда точно – друзья Михаила. Устроил наркопритон на дому.

– Разберемся, – кивнул капитан. – А больше у вас тут никто не торгует? Не употребляет?

Анна подумала.

– Я мало кого знаю. Мне некогда общаться с людьми, у меня своих проблем хватает. Михаил. Кажется, через две улицы, на Савринской, живет некий Евгений. Вот он тоже приторговывает. Так говорят. Лично я стараюсь держаться от всего этого подальше. У меня ребенок в больнице. И надо бы к нему заехать.

Олег Андреевич покивал.

– А вы где работаете?

– В тире, в развлекательном центре. Но буду увольняться, – честно высказалась Анна. – Тяжело.

– В тире?

– Выдавала ружья. На это не надо таланта или способностей, – пожала плечами Анна.

– Но с оружием надо уметь обращаться.

– Я выросла в лесу. Мой отец лесник. С оружием я обращаться умею, – соврала Анна. Ладно, не соврала, просто рассказала биографию Яны. Но... искренне надеялась, что ей не придется брать оружие в руки. Она даже на охоты не ездила – неприятно.

– С огнестрельным – или с холодным тоже?

Сильно забило сердце.

– С холодным тоже, но меньше. Как любая женщина – порезать мясо, почистить овощи.

– А-а... но вы ошибаетесь. Это не каждая женщина умеет.

Анна пожалала плечами еще раз. Она – умела.

Готовить принцесс тоже обучали. Надо ведь не просто командовать, надо знать, что именно делают слуги. Так что Анна много чего умела. До Василия, их повара, ей было далеко, но дайте возможность – и она в грязь лицом не ударит.

Василий...

Еще одна жертва бессмысленной войны. Верный слуга, почти друг, почти член семьи, который отказался покинуть своего императора и до последнего был рядом. Чтобы вот так все закончилось...

Видимо, Анна помрачнела, потому что Олег тронул ее за локоть.

– Все в порядке?

– Простите. Минутная рассеянность. О чем вы еще хотели меня спросить?

– Больше ни о чем. Скажите, вам не страшно идти домой? По темным переулкам?

– Страшно. Поэтому я и меняю работу, – призналась Анна. – Это на первое время, пока выбора не было, а сейчас я хочу подумать о чем-то более спокойном. У меня сын, ему нужна мать.

– Да, я в курсе. Как дела у вашего малыша?

– Операцию провели, теперь выздоравливаем.

Анна спокойно отвечала на вопросы, стараясь не раздражаться. У человека работа. Такая работа.

Помогало плохо, все же она действительно – убийца. Выручало воспитание. Спокойствие, хорошие манеры и приличествующая сдержанность. Принцесса не может вести себя как крестьянка!

Неизвестно, что подумал Олег, но больше вопросов не последовало.

– Что ж. Тогда я прощаюсь...

– Прощайте.

Общаться Анне не хотелось. С Олегом Андреевичем. А вот другое...

И руки сами достали из кармана телефон, чтобы набрать заветный номер. И услышать самое чудесное на свете слово. Самое заветное и невероятное слово.

– Мама!

Глава 6

Треплются их отрепья всюду, где небо – сине

Русина, Зараево

Жом Тигр смотрел на пепелище.

И как же гадко было на душе... как же темно и тоскливо.

Тела лежали в ряд. Кого-то опознали, кого-то не опознали... сколько должно быть в доме? Императорская семья, штук пять слуг... может, кого и не было, где ж теперь узнать?

Сколько было людей у брата? Давали двенадцать. Вроде бы число трупов почти совпадало.

Не хватало двоих.

Но – кого?

Пожар-то разошелся не на шутку. И бушевал малым не сутки... а обгоревшие трупы – зрелище... своеобразное. Сильно обгоревшие. И определить, чей именно труп обгорел, было просто нереально.

Вроде как Петера?

Или нет?

Или...

Полицию освобожденцы сами разогнали, вместе с экспертами. А отряды защиты населения, которые они формировали...

Понятно, можно крестьянину показать труп. А он определит – чей?

Квалифицированный специалист мог бы зафиксировать общие параметры: рост, вес при жизни, следы переломов костей, пулевые отверстия в костях (если есть). А там уж и сличать, и проводить параллели... но где ж его возьмешь, специалиста?

Так что двоих человек не хватает, а кто это может быть? Да хоть бы и сам Петер с супругой! Запросто!

И кто стал наследником? Мог здесь быть кто-то еще?

Самое ужасное, что мог. Более того – был. Но кто?

Как?

Не императорская же дочка перестреляла его людей? Справилась с его братом, который на медведя ходил, один на один волка брал... у которого рука бы не дрогнула.

Но его – нет.

А два человека ушли... явно с кем-то!

А машина?

Тоже не просто так! Тигр пытался себе представить кого-то из императорских дочек за рулем – и разум отказывался повиноваться.

Не бывает так!

Нелогично!

Значит – что?

Значит, кто-то решил выручить императора. Или, что вернее, – его дочерей. Ну к чему какому-нибудь честолюбивому тору живой Петер? Все равно с него никакой пользы, вред один! За что Петер ни брался, все шло прахом.

А вот его дочери – материал благодатный и благодарный.

Спаситель в сверкающих доспехах, юная прекрасная дева, вырванная из зубов злобного дракона... тигра... слезы, сопли, розы, мимозы...

Вполне вероятно.

Итак, надо искать людей, которые налетели отрядом...

Если бы хоть раньше спохватились! Но – осень! Беглецы-то из-под туч ушли, а вот над Зараево вчера ливануло, окончательно остужая пепелище, а заодно смывая все следы.

Жом Тигр злился, но – не было следопытов на службе революции. Пока – не было. И когда еще появятся...

Итак, что мы имеем?

Вполне возможно, что за домом, где проживал опальный император, следили. Возможно, с целью выкрасть кого-то из великих княжон. Когда увидели, как туда направляется его брат... Что можно было сделать?

Или доложить по команде, или выбрать удобный момент – и перебить всех. Но для этого нужно... хотя бы человек пять. Хотя бы! Пять хорошо обученных хватких человек, которые застанут его брата врасплох. Иначе он справился бы, и не из таких переделок выходил.

Допустим, когда началась пальба, когда брат отвлекся... они напали. Перестреляли всех внизу, пошли на второй этаж...

Почему брат не вышел навстречу? Почему не среагировал на выстрелы? Или его оглушили? Или он был чем-то занят?

Скорее, второе. Допустим, он верил, что его люди справятся. Или добивал императорскую семью. Проверял, чтобы все было хорошо сделано... он был старательным, его брат.

И – не успел.

Ворвались...

Нет, тогда не сходится. Если брат проводил контроль, выживших остаться не должно было. Но зачем тогда унесли тела?

Чтобы плодить самозванок?

Тоже вариант. И любую княжну он объявит самозванкой. Но... себя-то не обманешь!

Наследник назначен. И жив, иначе колокол прозвенел бы еще раз. Значит, жив кто-то императорской крови. Примем, что живы два человека, – и задумаемся, где они могут быть. Как вариант – две княжны. Но может быть и Петер с кем-то из княжон.

– Карту, – распорядился Тигр.

Перед ним тут же появилось запрошенное.

Тигр прикинул расстояния, подумал пару минут, ткнул пальцем.

– Что здесь?

– Поместье тора Изюмского.

Тигр сделал стойку, не хуже пойнтера.

– Изюмского? Подробности?

Подробностей ему досталось больше, чем Яне. Даже та, что тор... Оп-па! Не женат!

А значит...

Чисто теоретически – мог и умыкнуть девчонок.

– Связь с династией Вороновых?

– Вроде как есть. Какая-то он там семнадцатая родня... то ли его прабабка, то ли прапра... неизвестно. Но вроде как капля крови в его жилах есть.

Был бы жом Тигр кошкой – у него бы хвост ходуном ходил.

– Готовьтесь к штурму поместья. Мне нужен тор Изюмский.

Градоправитель, он же глава Комитета Освобождения города Зараево, едва в обморок не грохнулся.

– Жом Тигр, невозможно!

– Почему?

Ответ был прост. Войска! Силенок не хватит! У Изюмского свое войско, хоть и небольшое, но обкатанное, пулеметы, там... страшно! Оно конечно, если прикажете – так пойдём, но жить охота! Очень!

Жом Тигр задумался.

Не то чтобы он заботился о шкуре градоправителя – пусть ее хоть на барабан натянут. Но...

Если класть людей, то и дело надо сделать! А если и людей положишь, и толку не будет...

– Готовьтесь к штурму. Я выезжаю в Ирольск, вернусь с подкреплением, тогда и разберемся.

Глава Комитета закивал.

В Ирольск!

В Звенигород!

В... да хоть куда!

Лишь бы подальше от его города! И чем дальше, тем лучше... ох, принесла нелегкая!

Русина, Ирольск

Яна шла по улице.

Оглядывалась, смотрела по сторонам во все глаза.

А чего стесняться? Если на то пошло, ей меньше года осталось! Чего церемониться? Кто о ней как подумает? Да подумайте, если делать нечего! А у нее дел – до ушей!

Как она тащила Нини до Ирольска...

Долбаная машина! Долбанные дороги! Долбанные освобожденцы. Долбанные...

Вот не было у нее другого эпитета. И крыла она всех матюгами по-черному! Их бы сюда! Одни проблемы бедным девушкам устраивают! Вот черт! И что ее дернуло Нини вытаскивать? Но ведь вытащила, и привезла с собой, и бросить права не имеет...

Сейчас девочка сидела в комнате, запертая на два замка снаружи – и на большой засов внутри. А Яна разгуливала по городу.

Все было странным.

Привычным – и одновременно новым.

Мостовая – где камни, где брус, где доски. Асфальта нет... Зато грязи – жуть!

Дома.

Дома все разные, все индивидуальные, все своеобразные, в неповторимом стиле «разваляй-малина», как это называл отец. Когда дом строится без согласования с соседями, без единого архитектурного плана... Потом администрация хоть и пытается все это привести в единый конгломерат, а все же соседство дворца с саманными домами и чуть ли не землянки с церковью дает своеобразный эффект.

Церкви, кстати, закрыты.

Забавно, неужели и здесь освобожденцы что-то не поделили с религией? Хотя чего удивляться? У человека есть три опоры – семья, вера и закон. И если их выбить...

Все!

Перед тобой глина, лепи что хочешь!

Человеку нечего терять, не за что бояться, ему и смерть-то не страшна! Все равно ничего нет!

Вот, считаем. Веру – гнать. Закон... закон – менять. Остается семья, с этим сложно что-то поделаться. Но устроить концлагеря могут и здесь додуматься. И заложников брать, и террор устраивать. Это что хорошее человеку подсказывать надо. А на пакости все повадливы.

Люди...

Да, люди.

Красиво одетых вообще нет. И модных тоже. Ходят солдаты, ходят женщины сомнительного свойства – все с белыми цветами на груди, ходят нищие, торговцы, разносчики... но в целом город затаился. Он ждет той или иной развязки. Ему страшно...

Яна могла интерпретировать это именно так.

– Какая з...

Несколько грубостей не заставили ее даже повернуть голову. И не такого наслушалась, бывало. А вот шлепать ее по заду было не нужно. На такое рефлекс у девушки срабатывали мгновенно, и вне зависимости от мозга.

Яна перехватила наглую конечность – и ловко выломала нахалу пальцы.

– Ау-у-у-у-у! Пусти, сука!

Яна прищурилась.

Рядом с ней оседал в грязь парень лет двенадцати – пятнадцати, этакий вихрастый Петька. Только что Чапаева не хватает.

Рука вывернута, пальцы на излом – сломать парочку, так живо отучится тянуть руки куда не надо.

– Тебе что – шлюх мало?

– Пусти, с-сказал!

И еще кое-что добавил. Зря.

Яна повернула руку.

– Жду извинений.

– Ну...

– Руку тебе сломать?

– Я не хотел!

– Верю. – Яна отпустила пальцы – и протянула мальчишке руку. – Вставай, давай. И не делай так больше, а то покалечат!

На ее хорошее отношение мальчишка ответил плохим: попробовал подставить подножку.

Зря. Яна среагировала чуть раньше – и пацан полетел носом в большую грязную лужу. Яна пошла дальше. Вот ведь... все настроение испортил, болван! Сразу и от города отвлеклась, и проблемы навалились...

Куда ж сестру-то пристроить?

И здесь не оставишь! Яна просто по улице прошла – и то достается, а сестренка куда как красивее... надо бы ей хоть какую хламиду подобрать. У старьевщика, или в ломбарде, или еще где? Или вообще на заказ сделать, чтобы девчонка втрое толще себя казалась? С прокладками и накладками? Замаскировать красоту.

Да, и себе не помешало бы что поудобнее.

К портному?

Однозначно!

* * *

К поместью тора Изюмского жом Отважный поехал лично. Ну как – к поместью? Тор был резко против непрошенных визитеров и отгородился от них радикально – баррикадами и окопами. А дороги

перекрыл особенно. Выпустил егерей, которым приказал стрелять без предупреждения, вооружил всех обитателей поместья...

Это – его дом!

И никакая сволочь по нему в грязных сапогах разгуливать не будет, тем более какие-то освобожденцы! Гнать и еще раз гнать!

Вот до баррикады жом Отважный и доехал. Остановился метрах в ста. И лично махал белым полотенцем, прибитым к палке, пока его не заметили.

– Кто идет? Чего надо? – рывкнули из-за баррикады сразу несколько голосов.

– Глава Зараевского Комитета Освобождения, жом Отважный! Я хочу поговорить с тором Изюмским!

– Тор сказал – гнать всех освобожденцев в шею, как чумных крыс! Вали отсюда, крысятина!

Жом Отважный скрипнул зубами.

Сволочи! Пристрелить бы вас, да вот беда – самому потом тоже живым не уйти. Вон он, пулемет, стоит на повозке. И крутится преотлично – во все стороны. Тут его и накроет!

– Ты хозяину доложи, что я приехал! А лучше письмецо передай!

С той стороны баррикады помолчали.

– Ждать будешь – или завтра за ответом приедешь?

– Завтра приеду! – Жом Отважный понимал, что можно здесь и ночь простоять.

Письмо было надежнее. В письме он предлагал личную встречу и обсуждение вопроса престолонаследования.

Если тор Изюмский причастен к исчезновению наследницы...

Жом Тигр ждал Отважного неподалеку. Сам он к баррикаде не поехал...

«Побоялся, сволочь», – зло подумал Отважный. Хотя отлично знал – это не так.

Не побоялся.

Просто просчитал вероятности. И свою ценность для дела Освобождения. Для жома Тигра выходило так, что, если Отважного пристрелят, на его место другого найти несложно. А вот если его... Не хотелось бы. Смерти Тигр не боялся, но *глупой* смерти не хотел.

– Вы отдали письмо?

– Да, жом.

Тигр кивнул.

Со штурмом Изюмского решили подождать, сначала стоит попробовать договориться. А уж потом...

Освобожденцев не так чтобы мало, но... важно не количество, а качество. А вот качественных войск у них раз-два и обчелся.

Вчерашние крестьяне, новобранцы, голь перекатная, профессиональных полков практически нет. Есть дезертиры, но толку-то с них? Дезертир по определению все сделает, чтобы НЕ воевать! Какие там вооруженные конфликты?

Вот и получается – вроде бы народу много, а под ружье загнать и некого. Если сейчас снять войска из Ирольска, весь округ, считай, останется без пригляда и нежной освободительной заботы.

А вдруг людям покажется, что их и освобождать не надо?

Этого Тигр допустить не мог. Оставалось ждать – и надеяться на собственное чутье. Утешало одно: чутье его ни разу не подводило.

* * *

Получив письмо, тор Изюмский прошел три стадии последовательно.

Первая – мать их так, обнаглели! Гнать, тварей, в шею!!! Палкой!!!

Вторая – не гнать, а расстрелять к лешьей матери. Из пулеметов!

Третья – поговорить. Расстрелять всегда успеет, а вот пообщаться... Потом ведь и не узнаешь, что им надо! Когда убьешь – поздно спрашивать!

Так что записка отправилась в обратную – и на следующий день встретились четыре человека.

Жом Тигр со спутником и тор Изюмский. Также со спутником.

Сошлись у баррикады, оглядели друг друга над наваленными бревнами, рук, естественно, друг другу не подали. Первым начал Изюмский.

– Добрый день, любезнейший... Тигр?

– Доброго дня, тор Изюмский.

Тигр был спокоен.

Ему ли злиться? Он держит этого глупца в своих лапах! Просто потребуется больше времени и сил, но если он захочет – здесь никто не спасется. Так к чему сердиться?

А вот тор Изюмский не был так спокоен, как старался это показать. И тоже понятно. За ним – его дом, его люди. А за Тигром никого нет... Кому нечего терять – нечего и бояться.

– Что привело вас ко мне в гости?

– Важное дело, тор Изюмский. – Тигр смотрел жестко, внимательно. – Убит жом Воронов.

Тор Изюмский даже сразу не понял. А потом задохнулся от возмущения.

– ЧТО?!

И Тигр понял: не знает.

Не он.

Есть вещи, которые не сыграешь... Можно и его обмануть. Можно. Но – не так. Не выжил бы жом Тигр, не умея читать в людских глазах и душах.

– Жом Воронов был приговорен Комитетом Освобождения к аресту. Возможно, к высылке из страны – решение не было принято. Но когда наши люди в очередной раз привезли в дом продукты – увидели пепелище. И нашли убитых...

Тор Изюмский словно выцвел в единый миг.

Император убит...

Плевать, что Петер – дрянной император. Но... кто поднял на него руку?! Кто посмел?!

– Кто?!

Жом Тигр покачал головой.

– Если бы мы знали!

– И вы... – Тор Изюмский понял, о чем речь, и побелел от ярости. – Вы решили, что это я?!

– Я обязан был проверить все варианты, тор. – Тигр говорил ровно и учтиво, но непреклонно.

– Можете проверять. Если бы я знал, что его императорское величество здесь, я бы все сделал, чтобы его вырвать из ваших лап.

– Не сомневаюсь, тор.

– Я этого не делал. Хотя понимаю, что клятвы – бесполезны, но тем не менее. Мне жаль, что я не успел. Не знал...

Тор Изюмский и сам не замечал, что почти оправдывается. Но такова уж была особенность Тигра... Жом смотрел на него в упор – и под взглядом ледяных глаз хотелось опустить голову, шаркнуть ногой, словно маленькому провинившемуся мальчику, потеревить пряжку пояса или засунуть руки в карманы... Это явно не подобало взрослому человеку.

Но – все же, все же...

– Я приехал, чтобы в этом убедиться. – Жом Тигр сверкнул глазами. – И если бы вы это сделали... я бы приказал стереть ваше поместье с лица земли.

Мужчины скрестили взгляды, словно молния ударила в землю. И тор Изюмский не выдержал первым, отступил, опустил взгляд. Показалось ему на миг, что и правда – из глаз мужчины смотрит большая хищная кошка. И все равно ей, кто ты. А вот какие у тебя потроха...

Тор Изюмский прикусил губу.

– Послушайте... он все же император. И его надо похоронить достойно.

Жом Тигр безразлично пожал плечами.

– Вы хотите этим заняться?

– Да. Если вы...

– Я распоряжусь. Тела уложат в гробы и привезут сюда. К этой баррикаде. Распоряжайтесь похоронами, но я пришлю двоих наблюдателей.

– Я не пушу их дальше склепа.

– Пусть так. Но я должен убедиться, что все будет сделано достойно.

– Присылайте, – кивнул тор Изюмский.

Жом Тигр откланялся – и зашагал к своим людям.

Тор Изюмский глядел ему вслед. Потом тоже развернулся и зашагал по своим делам. Ему предстояли хлопоты по погребению последнего императора Русины.

Последнего ли?

– Я думал, он откажется разговаривать. Или соврет. – Жом Отважный напоминал Тигру большую осеннюю муху. Прихлопнуть бы – так ведь размажется и все вокруг заляпает.

Противно...

– Вы поняли, что от вас требуется?

– Отправить тела узурпатора и его семьи к этому...

– Да.

– Но зачем, жом Тигр? Или... а... я понял! Чтобы наши люди там все осмотрели!

Жом Тигр только что головой покачал.

Вот ведь дурак, прости Творец!

– Жом Отважный. Вы отправите все тела императорской семьи, детей и слуг. И подберите еще двоих девчонок... желательно, тоже обгоревших. Подходящего возраста.

– Но позвольте...

– Если таковых нет в городском морге – возьмите два тела и как следует их опалите, что непонятного?

– Но зачем?! Тор Изюмский что – будет кому-то говорить?!

– Потому что мне не нужны самозванцы! – рявкнул жом Тигр, уже не сдерживаясь. – Я не хочу, чтобы через год Русина дрогнула под нашествием Петера Воскресшего или его дочек... а так – тор Изюмский осмотрит тела, похоронит всех, и слухи разойдутся.

– Но там же... А... я понял, жом! Должен сказать, вы гениальны!

Настроение испортилось окончательно.

Жом Тигр и сам это знал... хотя бы догадывался. Но такие простые вещи должны приходиться в голову не ему! А Отважному! Что ж за жизнь – на местах оставить некого!

Ну хоть похороны императорской семьи теперь не на нем. Надо только распорядиться перевезти тела как можно демонстративнее.

Похоронить брата – и в столицу.

Эх, побратим...

Но тебе всегда было безразлично, что станет с твоим телом после смерти. Какая разница, где траве расти? Никакой.

Пусть будет Зараево... прощай, брат. Теперь Тигр – одиночка.

Расчет получен.

Деньги на карточке. Анна, пользуясь памятью Яны, перевела крупную сумму ребенку. Пусть купит себе игрушку.

Онлайн...

Анна уже оценила и телефоны, и компьютеры, и даже интерактивный тир. Но работать там она не хотела.

Не ее.

А потому было отпечатано резюме, сложены в тонкую пластиковую папку все документы, и Анна начала свой поход по агентствам.

И все быстрее понимала, что придется ей, наверное, вернуться в тир.

Она явно поторопилась.

«У вас есть диплом музыкальной школы? Нет? Ах, самоучка?»

«Сертификаты об образовании?»

«Курсы повышения квалификации?»

«Свидетельства?»

Бумаги, бумаги, бумаги... Анна готова была скрипеть зубами. Помогала только с детства вколоченная выдержка.

Ходьба, ходьба, ходьба...

«Мы вам позвоним».

«Мы будем иметь вас в виду».

«Мы подумаем над вашей анкетой и, возможно, что-то да подыщем».

Даже Анна понимала, что это – отговорки. Вряд ли она кому-то нужна. И все же...

Агентство «Мэри Поппинс» она оставила напоследок. Не по размеру или престижности – по дальности. Оно было расположено в новом районе города, и транспорт там ходил просто отвратительно. Так что в агентство она добралась ближе к вечеру.

М-да.

Красота!

Плитка под мрамор, кожаные диваны, стены с вензелями... И лозунг: «Мы найдем для вас идеальных соотрудников».

Анна посчитала обстановку проявлением дурной роскоши. Но она уже успела понять, что в этом мире подобное – норма. Аристократов выбили, а нувориши... им еще обтесываться не одно поколение.

Девушка на ресепшен (за стойкой у входа) улыбнулась Анне заученной улыбкой.

– Здравствуйте. Вы к нам по какому вопросу?

– По вопросу работы, – спокойно отозвалась Анна.

– Я сообщу о вас Диане Дмитриевне. Ждите.

Тон похолодел на пару десятков градусов. Это – не клиентка, пользы никакой... Но в такие игры Анна тоже могла играть. Прищурилась, расправила плечи и устроилась на диване, настраиваясь на долгое ожидание.

Зря.

Дверь хлопнула.

В агентство вошел, почти влетел мужчина, который тащил за собой девчонку с раскрашенными радугой волосами. Пихнул ее на диван рядом с Анной.

– СИДИ!!!

И скрылся за дверью.

– Козел, – фыркнула девушка – и выдула здоровущий пузырь из жвачки.

Анна с любопытством покосилась на девушку.

Симпатичная.

Наверное...

Как-то сложно сказать, видя малиново-сине-зеленые волосы, стоящие торчком, макияж в стиле «крутая панда», да и одежда... в той жизни Анна бы решила, что перед ней циркачка. Не иначе.

Майка в стразах с дырками, джинсы с дырками, грязные, все в надписях и наклейках, ботинки вроде тех, что предпочитала Яна, мало того, на красавице надеты серьги-кольца-цепи в таком количестве, что можно ювелирный магазин открывать.

Еще и картинки на руках... татуировки?!

На женщине?!

Ужасно!

Других слов у Анны просто не нашлось.

А потом она представила себя в таком виде, на приеме... представила глаза матери... да, эта картина навсегда бы осталась в истории Русины.

А Анна после такого явления – в сумасшедшем доме.

Девушка покосилась на нее.

– Чего фыркаем?

Анна не стала скрывать.

– Представила, как отреагировала бы моя мать, надень я все то же, что на вас.

– И как? – заинтересовалась девушка.

– Закрыла бы меня в психушке, – честно ответила Анна.

– Не повезло. – Девица выдула еще один пузырь, который прилип к щекам, соскребла с них лохмотья, пропустив парочку, и опять сунула в рот. – Сильно шнурки давят?

– У меня обувь без шнурков.

– Ну ты раритет... предки, перенсы, родаки, родители...

Анна покачала головой.

– Они умерли.

– Че, бывает... у меня мать умерла, а папахен ваще токсик, постоянно меня чекает и шеймит, никакой жизни...

Анна поняла примерно треть сказанного.

– У вас и отец болеет? Примите мои соболезнования.

– Не болеет! Он у меня просто криповый.

– Креповый?

Про ткань Анна знала, но какое отношение она имеет к людям?

Девушка тряхнула разноцветной гривой.

– Не въезжаешь?

– Простите, – Анна улыбнулась краешками губ.

– Ну да, по тебе и видно... ты бы папахену понравилась.

– Мне это должно польстить? – Анна откровенно не была уверена.

Девчонка (теперь Анна видела, что она совсем молоденькая, не старше Нини, лет четырнадцать, наверное) фыркнула.

– Криповый – кошмарный, токсик – всю жизнь отравляет, чекает – проверяет, шеймит – ругается, поняла?

Анна подумала пару минут.

– Криповая терминология.

И они с девочкой дружно рассмеялись.

– Кира, – представилась девочка, протягивая Анне руку.

– Анна. Очень приятно.

– Ауф.

– Уф?

– Ауф! Круто, кайф, клево...

– Крипово, – подсказала еще раз Анна.

И девушки опять рассмеялись.

– Жвачку будешь?

Анна подумала, потом покачала головой.

– Не стоит.

– Не отравлено.

– А зачем? – Яна знала ответ, а благодаря ее памяти, и Анна была в курсе, просто всплыло не сразу. – Кушать отходы нефтедобычи с сахаром?

– Фу!

– Жвачка в основном состоит из каучука, а его получают из нефтепродуктов. И сахар. Зубы портятся, кожа, желудок... Вот у тебя на щеке прыщик, думаю, это последствия избыточного употребления сахара. Или химикатов.

– Не занудствуй.

– Не буду. Приятного аппетита. За керосином сходить? Запить?

– Не скипидарничай.

– Не буду.

– Кира?

Девушки, словно по команде, подняли глаза вверх, на мужчину. Анна медленно поднялась.

– Добрый день.

Кира встала рядом с ней, оказавшись даже чуть выше Анны – еще и из-за ботинок на жуткой платформе.

– Ты чё, пап?

– Не чёкай.

– Не агрись.

Анна качнула головой и дотронулась до руки девушки.

– С вашего позволения, я пойду.

– А если не позволю? – мужчина интересовался с какой-то подковыркой.

Анна посмотрела на него.

М-да.

Не Илья.

И даже не Олег.

Среднего роста, сантиметров на пять-семь повыше Анны, когда она на каблуках, то есть в целом – сантиметров на десять, может, чуть больше. Волосы темные, с легкой проседью, плотное телосложение, дорогая (это сразу видно по качеству материи и шитья) одежда.

Лицо?

Непроницаемое.

Чем-то мужчина был похож на Жана Марэ, в его лучшие годы. Только черты лица чуточку поглубже, никакой слащавости. Даже глаза, хоть и зеленые, больше всего похожи на два осколка бутылочного стекла.

– Тогда я выслушаю ваше предложение, – спокойно ответила Анна.

– Вы считаете, у меня есть какое-то предложение?

Анна позволила себе легкую улыбку.

– Вы не похожи на человека, который пристаёт к бедным девушкам из спортивного интереса. Более того – при дочери.

Да, глаза у Киры и у брюнета были одинаковые. Может, и волосы тоже, но под краской не видно.

– Хм.

– Ауч! Папахена срезали!

Кира исполнила пару движений из танца племени мумба-юмба. Кажется, даже копьем потрясла.

Мужчина хмыкнул и повернулся к женщине, стоящей чуть позади.

– Я хочу вот эту.

Анна тоже перевела взгляд на женщину.

Бизнес-леди. Значение этого термина Анна уже успела уяснить. Светловолосая, ухоженная, стройная, в дорогом костюме с юбкой... юбки там практически не было.

– Борис Викторович, девушка не является сотрудницей нашего агентства. Поэтому мы не можем нести ответственность за ее квалификацию.

Мужчина пожал плечами.

– Комиссионные я вам заплачу. Девушка, вы сюда зачем пришли?

– Я хотела устроиться на работу.

– Секретаршей?

– Гувернанткой, – спокойно поправила Анна.

– У вас есть диплом? – сморщила нос женщина. – Сертификаты?

Анна посмотрела прямо на нее.

– У меня есть диплом биологического факультета. Курсы по лесоведению, лесоводству и лесоустройству. Если вас интересует, что я умею как гувернантка – вам придется поверить мне на слово. Специальных курсов я не заканчивала. Я могу работать с детьми, у меня есть навыки в области хореографии, я хорошо знаю этикет, играю на музыкальных инструментах, могу привить ребенку хорошие манеры и поставить правильную речь.

– У нас в лесу прививают хорошие манеры?

– Я не знаю, как обстоят дела в вашем лесу. Простите, уважаемая, – Анна едва успела заменить привычное «жама», – не знаю вашего имени.

На скулах женщины появились некрасивые красные пятна.

Борис Викторович улыбнулся.

– С какими детьми вы хотите работать?

– У меня нет личных предпочтений.

– В таком случае вы наняты. К моей дочери.

– ОНА?! Папахен, ты ошизел?!

Кира возмущалась вполне искренне. За что и получила подзатыльник.

– Помолчи.

Помолчала. Но пузырь выдула такой, что жвачка даже на волосах осталась.

– Как вас зовут, девушка?

– Воронова Анна Петровна, – представилась Анна.

– Аня, значит. Аня, я собираюсь жениться. И хочу, чтобы к моменту свадьбы из этого чучела получился человек. Сможешь?

– Сможете, – спокойно поправила Анна. – Если вы хотите, чтобы я привила вашей дочери хорошие манеры, будьте любезны следить и за собой. Дети – отражение своих родителей.

Танец мумба-юмба повторился.

Борис Викторович посмотрел на дочь – и более грозно на Анну.

– Не стоит мне хамить, девушка. А то вы даже работу уборщицы не найдете.

Анна поступила умно. Промолчала.

Борис Викторович обернулся к блондинке.

– Меня все устраивает. Договор принесите.

– Да, господин Савойский. – Она повернулась к Анне и процедила, глядя как на врага народа: – Надеюсь, паспорт у вас с собой?

Анна молча достала и протянула маленькую книжечку. Что ж, работу она нашла, остается выяснить условия.

* * *

Условия, как оказалось, были царские.

Проживание в особняке Бориса Викторовича – чтобы иметь постоянный доступ к своей подопечной. Особняк небольшой, всего около тысячи квадратных метров, но место есть. В доме для прислуги Анну не поселят, все ж не прислуга, а нечто среднее.

Питание за столом работодателя.

Оплата... Анна пока еще не очень хорошо разбиралась в местных ценах, но если ей собираются платить в четыре раза больше, чем в тире, наверное, это неплохо.

Один выходной в неделю, о котором надо предупреждать за два дня.

Минусы?

Как Анна поняла, главным минусом была сама Кира. Которой глубоко наплевать и на гувернанток, и на учителей...

На все.

Девушка независимо жевала жвачку, пока они ехали в поместье.

Да, особняк Бориса Викторовича стоял за городом, на берегу реки. Небольшое поместье – около двух гектаров земли, пара домиков...

С точки зрения Анны – ни о чем.

Даже замок в Эрляндии, в котором доживала свои дни вдовствующая императрица Мария, – и тот был в несколько раз больше. А уж остальные дворцы...

Так что никакого смущения девушка не испытывала. Никакого благоговения, наоборот...

Нувориши.

Вчерашние корсары и висельники, которые схватили свой кусок и успели удрать от возмездия. И теперь хочется им и лоск навести на шкуру – а как? Это тоже надо уметь и знать. Иначе получится нелепо и

смешно. А еще есть дети, которых надо было воспитывать своевременно. Иначе...

Да, вот так и получится – иначе.

Кира была ребенком от второй жены Бориса Викторовича. Всего? Жен было четыре штуки. С первой разошелся – после того как разбогател, супруга из пролетариата его уже не устроила. Вторая родила Киру и принялась прикладываться к бутылке. Спилась, была выброшена, умерла. Третья подседа на наркотики, четвертая попросту изменяла.

Сейчас Борис Викторович собирался жениться пятый раз – уже ради объединения капиталов. И не хотел, чтобы его молодую супругу третировала дочь не намного младше возрастом.

Потенциальной супруге сейчас было восемнадцать, Кире – четырнадцать. Самому Борису Викторовичу – сорок четыре года.

Анна комментировать не стала. Это – не ее дело!

Ей бы поработать, забрать Гошку, уехать к отцу... да хорошо бы еще денег за это время заработать достаточно, чтобы малыш ни в чем не нуждался после ее смерти.

Кирой с детства занимались воспитатели. Лет до двенадцати все было хорошо, потом понеслось.

Пьянки, гулянки, жуткий вид, наркотики...

– Наркотики? – насторожилась Анна.

– Травка. Но все равно неприятно. Еще раз увижу – положу в клинику на детоксикацию.

Кира независимо фыркнула. Сильно выводить отца из себя она опасалась, понимала, что тот может быть скор на руку.

Анна покосилась на девочку. Поставила себя на ее место.

А потом нащупала потихоньку ее руку – и пожала. Не бойся, я с тобой...

Несколько секунд ей казалось, что Кира выдернет пальцы. Но – нет. Не выдернула. Пожатием на пожатие не ответила, но это уже дело времени.

Главное – есть контакт.

Дом Анну не потряс. Видала она дворцы и побогаче. Так что смотрела вполне равнодушно. И на мраморные полы, и на стены с медальонами, и на тяжелые люстры, и на вазы...

Борис Викторович, видимо, ожидал другой реакции, но...

– Как вам мой дом?

– Очень... броско, – подобрала Анна правильное слово. – Чувствуется, что вы старались.

Мужчина поглядел внезапно остро.

– Но вам здесь не нравится.

Анна пожала плечами.

– Мне не должно нравиться в вашем доме. Мое дело – ваша дочь.

– Емко сказано. Что ж, посмотрим...

Анна промолчала.

Но вспомнила о другом.

– Борис Викторович, я не успела собрать вещи. Мне даже переодеться не во что.

– Вещи соберете на выходных. Пока дадите Розе Ильиничне свои размеры и список необходимого, а она пошлет водителя в город.

– Благодарю вас.

– Не за что. А вот и Роза, наша домоправительница.

– Домомучительница, – фыркнула Кира. И ушла.

Борис Викторович примирительно улыбнулся.

– Роза, не обижайся. Ты сама все понимаешь.

– Конечно, Борис Викторович.

Дама Анне не слишком понравилась. Невысокая, с основательной нижней частью и более тощей верхней, она напоминала тумбочку. Коричневая форма только подчеркивала это сходство. Волосы коротко подстрижены и уложены в модную прическу, руки с маникюром, но без лака, а лицо доброе-доброе...

Анна невольно насторожилась. Навидалась она таких – до смерти сыта будет!

– Это Роза Ильинична, наш добрый ангел, – аттестовал ее Борис Викторович, отчего дама зарделась и пробормотала нечто кокетливое. – А это Анна Петровна, гувернантка и воспитательница для Киры. Розочка, помоги ей, хорошо?

– Конечно, Борис Викторович. Будет сделано.

– И отправь в город водителя, купи ей одежду.

– Хорошо, Борис Викторович.

– Тогда – до встречи за ужином. В восемь вечера, и не опаздывайте.

Мужчина ушел, и Анна осталась один на один с Розой Ильиничной. Молчание затягивалось.

Экономка пристально разглядывала девушку, склоняя голову то в одну, то в другую сторону. Потом все же решила напасть.

– Почему у вас нет вещей?

– Потому что Борис Викторович не дал мне заехать домой и собрать их. Мы отправились сюда прямо из агентства.

Взгляд экономки чуть смягчился.

Опять же, кого она видела перед собой? Не современную девушку в мини-юбке и с боевым раскрасом. Анна была одета в длинную юбку и глухую блузку, пальто достаточно дорогое, равно как и ботинки с сумкой, волосы уложены в узел, на лице ни грамма косметики – кто сейчас так ходит?

Да никто!

Или это маскировка? Посмотрим...

– Пойдемте, я вас провожу в вашу комнату.

– Благодарю вас.

Комнату Анне отвели в начале коридора, на третьем этаже. Небольшую, но вполне удобную, с личным санузелом. Правда, ванны не было, только душ, но Анна была этим даже довольна. Ничего, в ванне она еще найдет возможность полежать – потом. На этаже она есть.

Главное, что она ни от кого не зависит.

– Устраивает?

– Да, вполне. Вы очень любезны.

Привычные обороты легко слетали с языка. А вот Роза Ильинична задумалась. Все же в наше время мало кто употребляет подобные анахронизмы.

– Я пришлю к вам водителя. Напишите список необходимых вещей и передайте ему.

– В списке будут и достаточно интимные вещи.

– Не переживайте. Роман работает у нас не первый год и видел всякое.

– Благодарю.

- У вас есть еще какие-то пожелания?
- Лист бумаги и письменные принадлежности.
- Все есть в столе в вашей комнате.
- Тогда не смею вас задерживать.

Прозвучало серьезно.

Роза Ильинична развернулась и сделала шагов пять по коридору, прежде чем сообразила, что происходит. Ее – ЕЕ! – отослала прочь какая-то соплюшка. И даже не прилагая никаких усилий. И она послушалась!

Это – как?!

Но обернувшись, экономка увидела только закрытую дверь в комнату.

Ломиться было глупо, выяснять отношения – еще глупее. Оставалось махнуть рукой и отправиться восвояси. Но – запомнить.

* * *

Комната была небольшой, но удобной и уютной. Прямоугольной формы. У двери – шкаф. В дальнем углу комнаты кровать, у окна – письменный стол. Ковер на полу, тумбочка с настольной лампой у кровати. Рядом со шкафом дверь – вход в санузел. Все предусмотрено.

Не роскошь, но...

Ей ли жаловаться? После того, как они с Лидией жили даже в меньшей по размерам комнате – вдвоем? И спали на одной кровати?

А здесь она одна, и все аккуратно, оформлено в коричневых и бежевых тонах...

Анна решительно выдвинула ящики письменного стола – и порадовалась обретенной бумаге и ручкам.

Итак... что ей нужно.

Немного. Сменную одежду на несколько дней и гигиенические принадлежности. Будем считать это униформой.

Как оказалось – приоритеты Анна расставила правильно, водитель постучался в ее дверь буквально через десять минут. Получил список, кивнул и ушел. Ни здравствуйте, ни до свидания...

И ладно!

Анна посмотрела на часы и направилась в санузел. У нее есть совсем немного времени, чтобы привести себя в порядок.

* * *

Где столовая, Анна не знала. Но и заблудиться не боялась. Не дворец в Звенигороде... пойдём на шум и найдем.

Вот и нужная комната.

Анна решительно толкнула дверь.

Небольшой зал, стол человек так на тридцать, стулья...

За столом – пятеро человек.

Сам Борис Викторович во главе стола. Рядом с ним Кира – с одной стороны, неизвестная Анне девушка с другой. Рядом с Кирой молодой человек, рядом с девушкой мужчина лет пятидесяти... Ее отец?

Сложно сказать.

Сходство есть, но смутное. Девушка похожа на куклу, из тех, что показывали по телевизору. Черные волосы блестят, словно гляцевые, большие серые глаза, пухлые губы, красивое лицо. Красное платье ей очень идет. И выглядит дорогим.

Мужчина похож на быка. Массивный загривок, покатый лоб, мощный нос... фигура, кажется, тоже на уровне, плечи такие, что Борис Викторович выглядит хрупким и изящным.

Кира недовольна и на девушку смотрит зло.

Потенциальная мачеха?

Вполне возможно...

Молодой человек рядом с ней особого интереса к соседке не проявляет, чисто номинальный. Анна это отчетливо видела. Так, без души...

М-да.

Сложно будет.

Но... Анна и не из таких положений могла выйти с достоинством. Хорошие манеры – серьезная заявка на победу. А потому она чуть склонила голову в приветствии и улыбнулась.

– Добрый вечер, дамы и господа. Приятного аппетита.

– Анна Петровна, – радушно улыбнулся ей хозяин. – Проходите, присаживайтесь.

– С вашего позволения, – согласилась Анна, проходя к указанному месту – рядом с «быком». Каблучки простучали по полу, несколько секунд Анна использовала правильно – встретила взглядом с мужчиной – и подняла бровь. Почему вы сидите, любезнейший?

Понято было правильно.

Анне отодвинули стул и помогли сесть. Хотя выражение лица...

И как он это сделал? А главное – зачем?! Сам не понял, но – в каждом из нас есть нечто, заложенное давно, еще в детстве. Когда в той же школе учили началам этикета. Раньше – учили, хоть и не везде. Подать девочке руку, открыть дверь, пропустить вперед, отодвинуть стул...

Анна легко разобралась с салфеткой и столовыми приборами и приступила к еде. Для начала посмотрела на Киру.

Девочка ответила хмурым взглядом.

Анна улыбнулась ей и демонстративно расправила плечи. Ну-ка! Чего ты прячешься, как улитка в раковину?

Кира нахмурилась сильнее, но плечи расправила.

– Позвольте представить, учительница моей дочери, Анна Петровна. Анна Петровна, рядом с вами Игорь Иванович, мой партнер, это его дочь, Лиза, и сын – Иван.

– Подлиза, – прошипела Кира.

Анна скорее прочитала это слово по губам, чем услышала.

– Рада знакомству.

– Учительница? – надула губки Лиза. – Боря, что такого натворила Кирюся, что к ней учителя ходят на дом?

– Анна – учитель хороших манер.

Анна прикусила губу.

Вот зачем так унижать своего ребенка? Знаете ли, обидно...

– Тогда понятно, – тут же ударила в открывшееся подбрюшье Лиза. – С такой прической, да и вообще...

Кира оцетинилась. Покраснела, стиснула кулаки, но прежде, чем она успела открыть рот, заговорила Анна.

– Борис Викторович заботится о своей дочери. И мечтает дать ей воспитание, с которым она будет чувствовать себя комфортно даже на приеме у королевы Великобритании. К сожалению, современные школы делают упор на образование и забывают о хороших манерах.

Кира расправила плечи сильнее.

Ответный укол пришелся очень удачно. Теперь покраснела Лиза.

– А ваша квалификация позволяет учить подобным вещам? Вы бывали на приемах у английской королевы?

Анна мило улыбнулась девушке.

– Моя квалификация позволит даже организовать прием у ее величества. И я готова научить Киру Борисовну всему, что знаю сама. Она умная и талантливая девушка, она отлично справится. А что до некоего подросткового эпатажа – один мудрый человек сказал: «Тот, кто в юности не был бунтарем, в старости будет мерзавцем»^[11].

– Да, – хмыкнул Игорь Иванович, благополучно пропустивший подоплеку разговора, – и мы в юности... Борька, помнишь?

– Да... было дело. И кольцо в носу было...

– А мне ты пирсинг запрещаешь! – возмутилась Кира.

– И буду запрещать! Ты не африканский вождь!

– А зря!

– Да, им не приходится изучать этикет, – кивнула Анна. – Но, Кира Борисовна, я слышала, у них практикуется людоедство. Неужели вы готовы скушать на обед своего врага?

Кира улыбнулась Анне. Почувствовав союзника, девочка явно приободрилась.

– Я бы побоялась отравиться.

– Везде есть свои опасности.

Дальше было проще. Застольная беседа в основном велась между мужчинами, они говорили о каких-то акциях, производстве, курсе валюты, ОПЕК... Анна не понимала и половины.

Ее делом была Кира.

Она поддерживала беседу ни о чем с девочкой, предлагала попробовать то одно, то второе, интересовалась составом блюд и ловко выключала Лизу из беседы.

Невеста Бориса злилась, но найти повода придраться не могла. Ее не игнорировали, на ее вопросы даже отвечали, ей улыбались... и она себя чувствовала отстраненной от разговора. Даже Ивана Анна спрашивала то об одном, то о другом, а ее – нет!

Нерасчетливо?

Но Анне было наплевать.

Ее дело – Кира, а через год не станет и самой Анны. Так чего ради оглядываться на друзей или врагов? Вежливость – тоже оружие. Так ан

гард!

* * *

После ужина мужчины отправились в курительную, беседовать о делах.

Лиза явно собралась отыграться на Кире, но Анна была начеку. И тут же завела с Кирой беседу о парфюме, потом переключилась на цветы, выразила желание посмотреть цветов в ботаническом саду...

Лиза скрипела зубами, но...

Куда деваться?

Пришлось ей терпеть. Грубо влезть в беседу? Да кто ж рискнет? Это не на коммунальной кухне склочничать, сейчас везде камеры, и у стен есть уши. Нажалуется малявка – и не видать тебе жениха как своих ушей. А вежливо влезть в беседу ей Анна просто не дала.

Когда нет ни мобильных, ни интернета, ни радио, ни телевидения – остается только устное общение... Анну учили, натаскивали, тренировали, и хоть она не считала себя гением, но безусловно владела некоторыми приемами.

Лиза была обречена.

Когда через два часа Игорь Иванович забрал недовольную дочку, Кира повернулась к Анне.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности.

– Как ты ее! Ваще лампово!

Анна пожала плечами. И предложила:

– Хочешь, научу?

– Эм-м-м... не знаю...

– Ты что-то теряешь? – коварно поинтересовалась Анна. – Сейчас ты – бунтарь, и все твои выходки воспринимаются как детские. Перерастешь, поумнеешь... ведь так?

Кира насупилась. Кажется, Анна попала не в бровь, а в глаз.

– Намного интереснее вежливо и аккуратно раз за разом усаживать гадину в лужу. Светски и любезно.

– У меня так не получится.

– Почему?

– Ну...

– Что ты теряешь, если попробуешь? Подумай над моим предложением. Я тебя много чему научить могу.

– Чему, например?

– Вести дом. Устраивать приемы, сервировать стол, аранжировать цветы, подбирать одежду и украшения, правильно вести себя в свете... Кем ты хочешь стать?

– Журналисткой.

– Журналистам многое надо уметь и знать. И общаться со всеми слоями общества, и не испытывать неловкости в любой ситуации. Думай, я не стану настаивать.

– Я подумаю.

Анна не улыбнулась. Не стоило сводить на нет всю работу. Вместо этого она кивнула еще раз.

– Подумай. Потом поговорим. А пока – желаю вам спокойной ночи.

И – реверанс.

Официальный, придворный, благо длинная юбка это позволяет.

– Ауч!

Подняться и улыбнуться. Как учили.

– Это тоже входит в курс обучения.

– Вот этому, Кира, обязательно научись, – посоветовал ее отец. – Танцевать вы тоже можете?

– Разумеется, – кивнула Анна. Правда, немного другие танцы, но это уже никого не касается. – Борис Викторович, у меня есть небольшая проблема, о которой я сразу не подумала. У меня остался дома кот. Соседи его покормят, но я не хотела бы взваливать на них содержание животного.

Мужчина задумался, а потом махнул рукой.

– Перевозите кота сюда.

– Борис Викторович, это не породистый выставочный экземпляр, это дворовый кот, привыкший к свободе.

– Хм... тем более. Прислугу я предупрежу.

– Благодарю вас. Я съезжу за котом, как только вы позволите.

– Съездите завтра. Заодно и вещи заберете.

– Благодарю.

Анна еще раз поклонилась, на этот раз уже едва-едва, в качестве любезности, и отправилась к себе в комнату. Борис Викторович проводил ее взглядом.

– Учись, малявка! А то отрастила лохмы!
Забавно, но впервые Кира на него не обиделась.

Глава 7

Сталкивает их цепи... Парная колея

Русина, Ирольск

Борха шел домой.

Длинный день, тяжелый день...

С утра – родители. Не то чтобы они против переезда сына – семейство Лейва было легким на подъем. Но сами-то они переезжать никуда не собирались! И сыну не верили.

Не может смута долго длиться!

Глупости это!

Вот придет новый император, и все встанет на свои места. Обязательно.

Когда придет? Скоро, наверное...

Не то чувствуешь? Так ты и ошибаться можешь... бывает. Зачем сразу паниковать? Зачем дергаться? Никуда отъезд не убежит, да и зима скоро...

А Борха понимал: может быть поздно!

Родителей он не убедит... Что ж! Хоть свою семью спасет!

Еще и брат... идиот! Шейва Лейва! Смотрит воловьим взором, хлопает глазами... Бор, ты чего? Все будет хорошо...

Будет, понятно!

Вопрос – сколько с вас шкур сдерут до того момента? Особенно если вы принадлежите к эфроям, нации, которую не любят по определению.

За что?

За все.

За повальную грамотность, за повальную чистоплотность, за собственную веру, за следование обычаям... За все. Ибо единственное, чего не прощает один человек другому, – это видимых отличий. Как триггер срабатывает – чужак! Порвать! Убить!!! И – готово.

Начинается возмущение, недовольство, негодование, потом погромы, убийства...

Много чего было в истории эфроев, что им не хотелось вспоминать. А только и забывать не стоило, если не хочешь получать по лбу теми же граблями, да раз за разом...

Борха носом чуял беду и хотел сбежать. Сегодня днем встречался с одним жомом...

Освобождение там или оледенение, но люди таки хотят красиво одеваться, и им нужны хорошие портные. А Борха был именно таким. Костюмчик здесь, блузочка там, пальто тут... Так связи и заводятся. И жом Сокол готов был помочь своему портному выехать из Ирольска. Более того, даже из Русины. Подорожная до Свободных Герцогств была выписана с избытком – аж на пятнадцать человек.

Пятнадцать!

Всем бы хватило! Надо только вписать – кого! А едет шестеро... может, еще сестра с мужем и двумя детьми...

Творец, за что караешь людей слепотой?

Задумавшись, Борха сразу и не заметил темную тень, выступившую из подворотни.

– Эй, ты, а ну хилий сюда!

Мужчина дернулся, метнулся туда-сюда, но позади подходили еще две тени.

– Глянь, эфрой.

– Точно!

– Жирненький гусь!

– Щас мы его оциплем... карманы выворачивай...

Борха задрожал.

Драгоценное разрешение!

– Я отдам... я сам все отдам...

– Отдашь, куда ты денешься! – Один из мужчин поигрывал дубинкой. И Борха вдруг отчетливо понял: никто его отпускать не собирается. Сейчас подождут, пока он разделется, чтобы не пачкать одежду, по нынешним временам и это ценность, а потом...

Творец, за что призываешь?! Помилуй душу мою!

– Раздевайся, – подтвердил его предположения третий.

– Торы, я все отдам. Прошу вас, только отпустите...

– Кочан капусты тебе торы, – огрызнулся грабитель. – Ну?!

– Умоляю, пощадите! – всхлипнул Борха, надеясь уж вовсе непонятно на что и принимаясь расстегивать пуговицы пальто.

За что и получил дубинкой под ребра, воздух с шумом вырвался из груди, эфрой согнулся вдвое, и его вырвало.

– Шевелись, ...!

Борха понял, что это конец.

Но...

– И какого хрена тут творится?

Звонкий женский голос прорезал мрак переулка, словно клинок. Негодяи шарахнулись, потом оглянулись – и успокоились. В начале переулка стояла девушка.

Невысокая, симпатичная, кажется, с хорошей фигуркой, руки в карманы, ноги расставлены... Поза уверенного в себе человека, который ничего не боится.

Но как?!

– Слушь, чикса, хилый сюда. Мы тебя пригреем, – заржал один из грабителей, тот, который стоял ближе всех к Борхе.

– Да, давай к нам, баб нам не хватает, – поддакнул второй.

Третий просто отпустил непристойность.

Девушка фыркнула.

– Считаю до пяти. Те, кто не сбежит, – здесь и лягут. Один.

Ответом ей был еще более густой мат.

Борха задрожал. Его тоже поторопили матом – и взмахом дубинки перед носом. Наверное, он бы обмочился от страха, но...

– Пять!

И что-то негромко, но отчетливо захлопало.

* * *

В гробу бы Яна видела тот Ирольск.

А куда деваться? Здесь есть железнодорожная развязка, здесь есть возможность отправить с кем-нибудь Нини... с кем и куда? Вот вопрос!

Яна подыскивала попутчиков уже третий день. Отчетливо понимала, что еще до-олго провозится... и куда деваться?

Не бросишь малявку и не отправишь абы с кем. Это как убить...

Но и найти сразу кого-то порядочного – нереально. Быстро найти – и то чудом покажется.

Вот кто бы Яне объяснил, в какое место уползает порядочность, когда начинаются беспорядки? Люди сразу вспоминают, что своя шкура ближе к телу, что они произошли от обезьян и что съеденный банан лучше несъеденного. И начинается такое...

Ей-ей, мечтаешь стать удавом Каа и сожрать всех этих бандерлогов! Цинично сожрать, с костями и тапочками! И не получить несварения желудка...

Увы. Мечты, лишь мечты...

Мимо переулка Яна вообще прошла чисто случайно. И только чье-то бормотание заставило ее сменить курс.

Так бы она и наплевала на все. Подумаешь – грабят! Не убивают же!

Или – уже? Звук удара, всхлип...

Яна махнула на все рукой – и свернула в переулок.

Ну да.

Трое бандерлогов ощипывают местного Маугли. Кто б сомневался? Ну а раз свернула... дальше Яна не колебалась. Или ты – или тебя. Или проходи мимо, или стреляй первой.

Закон Дикого Запада в действии. Закон Дикого Запада – действенен!

Яна честно предложила подонкам убраться дальше, чем она видит. Но ее словам не вняли. Увы.

Первую пулю получил тот, кто стоял ближе других к Яне. Вторую тот, кто был ближе к пострадавшему. Третья досталась третьему. Насмерть. А нечего дергаться, когда в тебя стреляют! Яна целила в грудь, а попала в лоб. Мужик как раз пригнулся, собираясь броситься на нее, и словил пулю прямо в макушку. Целилась бы – так не попала! Судьба.

– Тебе, Хелла. Приятного аппетита.

Спасенный застыл памятником самому себе.

Яна цапнула его за руку.

– Ноги!!!

Сунула револьвер обратно в карман – и потянула за собой пострадавшего. Кто его знает... выстрелы все же. Городовых тут с начала революции нет, но мало ли кто набежит на поживу?

Лучше убраться с места происшествия.

* * *

Борха двигался за женщиной, как сомнамбула. Ноги переставлял, но разум включился намного позже, в какой-то забегаловке.

Яна лично поставила перед ним рюмку с выгонкой.

– Пей!

Борха опрокинул ее – и охнул. Отправил в рот ложку квашеной капусты, выдохнул... в голове чуть прояснилось, потом тепло ударило в желудок, разошлось по телу, перестали дрожать колени.

– Спасибо вам, тора!

Яна скрипнула зубами.

Маскируйся, не маскируйся, а в ней за версту узнают тору. И это не волосы – косу она убрала под куртку. А что тогда?

– Не за что. Пойдем, провожу до дома. А то опять прицепятся...

– Тора, вы...

– Вооружена и очень опасна, – хмыкнула Яна, вспоминая плакаты.

– Вы мне жизнь спасли!

Яна пожала плечами. Спасла – и спасла, не все ж ей убивать? Пусть и доброе дело на ее счет запишется.

– Все в порядке, жом. Не переживайте так, все будет хорошо... вот, выпейте еще рюмку – и я провожу вас до дома.

Борха послушно хлопнул еще одну рюмку.

Непьющему эфрою хватило.

И адрес назвал, и разрешил Яне себя провожать, и всю дорогу жаловался на родных.

Не понимают!

Уезжать не хотят!

Он разрешение достал! Деньги на отъезд есть! Что еще нужно?!

Нет, не хотят... а свою голову людям не приделаешь. Но как это обидно, когда родные тебя не понимают! Как больно!

Как несправедлива жизнь!

* * *

– Нини, можешь порадоваться.

– Да?

- Может быть, на днях ты уедешь.
- Куда? Яна?!
- В Свободные герцогства. В Альден. Советую.
- Яна!
- Ты против эфроев ничего не имеешь?
- Эф-ро-ев?
- Ага. Поедешь с ними. Перекрасим тебя, загримируем, и поедешь.
- Яна, это невысказано!
- Можешь оставаться. Погибнуть здесь – оно куда как лучше. И главное, так благородно! Может, потом даже канаву позолотят!
- Какую канаву?
- В которую твой труп сбросят! Золотым забором обнесут и зевакам показывать будут.
- Ты злая...
- Не я такая, жизнь такая.

Нини надулась, но Яна не собиралась обращать внимание на ее нежные чувства. Лапами грести надо, лапами! Надо уезжать – поедешь! Хоть чучелом, хоть тушкой, как в том анекдоте! И с эфроями, и загримируешься, и по-эфройски заговоришь! Понадобится – еще не так раскорячишься!

Но раз уж девчонке требуется время смириться с обстоятельствами – пусть. Получит она пару дней, а потом Яна впихнет ее в поезд – и переведет дух.

Хоть один человек из жизни Анны будет в безопасности. И можно будет рвануть в Звенигород.

* * *

– Творец, прими душу чада своего в ладони свои, обереги ее и сохрани для долгой дороги...

Поминальная молитва читалась с душой.

Старенький священник молился за несчастного императора и его семью и сам чуть не плакал.

Как же так?

Как же это?

Тор Изюмский не плакал. Не клялся отомстить, не ругался, не...
Он был занят. Он слушал доклад.

Да, стоило бы отдать последний долг мертвому императору, но Петер УЖЕ мертв, ему уже все равно, а под началом тора живые люди. Которые от него зависят.

Значит – нужна информация. Вот ее для тора и добыли.

Картина складывалась интересная.

Петер с семьей и несколькими доверенными слугами, не бросившими господина в беде, жил в небольшом доме, за городом. Выезжать им не разрешалось, продукты доставляли на дом...

Потом приехал человек из Звенигорода. И с ним несколько вооруженных (доверенный сказал – оборуженных, но сути это не меняло).

Зачем?

А вот затем.

Император – это не просто человек, это символ. Поди найди того, кто руку на символ поднимет! Здесь провинция, здесь нравы не настолько вольные.

А в столице кого хочешь найти можно. И руку поднимут, и ногу...

Итак, приехали вооруженные люди, поехали к императору – и пропали. Кто-то их всех перестрелял. И император тоже погиб. И его семья.

И – как?

Как что произошло? Кто-то был в доме – посторонний? Ходят слухи, что кто-то спас нескольких дочерей императора. Вроде как двух не хватает...

Или не спас, а просто увез тела?

Но Тору Изюмскому, что интересно, доставили семь тел.

Император, императрица и пятеро дочерей. Слуг тоже доставили, но отдельно.

Освобожденцы стараются исключить все возможности? Сделали все, чтобы предотвратить появление самозванцев?

Или...

Сделали все, чтобы не поверили настоящим правителям.

Тор Изюмский побарабанил пальцами по стене. Сложно, м-да... И что делать? Как быть? Хотя он и так знает.

Отпеть и похоронить несчастных. И отправить телеграмму знакомому. Известие о гибели императорской семьи заинтересует людей. Главное, подать все правильно.

И начать поиски.

Говорите, второй машины не было рядом с домом? А куда она уехала? Где заправлялась?

Для машины нужен керосин, его надо где-то покупать... хотя по этим следам не пройдешь, керосин нынче товар ходовой. Если кто машину видел... надо разослать людей...

Но если императорскую дочь – пусть одну! – увезли на машине, могли и догадаться никому ничего не показывать. Пришел человек, купил керосин, а машина ждет в лесочке или еще где...

Как это все сложно!

А еще...

Императора убили.

Страна полыхнет, узнав об этом. И не освобожденцам потушить тот пожар. Но если есть кто-то из императорской семьи...

Кто-то есть...

Кто-то жив...

Определенно, иначе бы освобожденцы на переговоры не пошли. А значит, надо известить всех. Пусть ищут, пусть знают...

Тору Изюмскому предстояло много работы.

Русина, Звенигород

– Что у нас с продовольствием?

Вот вопрос!

Создавая проблемы Петеру, Пламенный не учел, что последствия разгребать придется ему. И...

Крестьяне собрали урожай. Сложили в амбары. И – все.

Ярмарки не проводились – опасно. Зерном не торговали – не получается. Нет покупателей, не на чем его вывозить... Заводы потихоньку вставали, города сами себя никогда не обеспечивали, а подвоза из деревень не было... в городах может начаться голод.

Ладно, все города Пламенного не интересовали. Но Звенигород, в котором он и сам располагался?

Он взлетел на волне бунта, а вторая волна может накрыть его с головой – и утопить.

И что делать?

Вариантов было два.

Либо налаживать хозяйство – долго и тяжело.

Либо принять меры сейчас. А именно – послать... продотряды, к примеру. Которые поедут по деревням, выгребая все зерно... конечно, с приказом заплатить, он же не зверь! Правда, платить особо и нечем, но позднее – обязательно. Выписать долговые обязательства, которые можно будет обналичить в следующем году... или через пару лет.

А еще хорошо бы ввести карточную систему и спецпайки. И поощрять особо отличившихся. Веселее работать будут!

Все равно торов теперь нет, крестьяне им ничего не должны, считай, их от кабалы избавили. Вот и пусть помогут своим освободителям!

Жом Пламенный подумал пару минут, потом коснулся колокольчика.

Секретарь заглянул внутрь.

– Жом Тигр еще не вернулся?

– Нет, жом Пламенный.

– Тогда найди мне жома Урагана.

– Урагана, жом Пламенный?

– Абсолютно точно.

Секретарь исчез, а жом Пламенный задумался.

Не наломают ли они дров? Но тут главное – удержаться. Если они какое-то время протянут, то справятся, во власти – как с норовистой лошадью, оседлать сложно, удержаться первое время еще сложнее, а потом она постепенно покоряется седоку, и можно даже расслабиться. Но это потом, потом...

– Звали, жом?

Ураган вошел в дверь без стука. Высокий, худощавый, с темными волосами и выпученными глазами фанатика, горящими внутренним огнем, он производил впечатление абсолютно безжалостного человека. Да таковым он и был, верный пес Освобождения...

Пламенный даже иронизировал про себя, что нет другого настолько закованного в цепи освобожденца, как Ураган.

А еще – настолько неудержимой силы, которая подхватит, закрутит – и не отпустит. Снесет, свернет горы, высушит моря... сила!

Урожденный тор, более того, происходящий из семьи священника – и такое... уродится же!

– Звал. Жом Ураган, у меня есть для вас задание.

– Слушаю, жом Пламенный?

– Жом Ураган, если мы ничего не предпримем, в стране вскоре начнется голод. И мы должны быть к этому готовы.

Ураган слушал начальника... ладно, соратника (мы все равны в своем освобождении!), внимательно и серьезно. А когда жом Пламенный договорил, произнес лишь одно слово:

– Полномочия.

– Любые, – успокоил его жом Пламенный.

– Войска?

– У нас их не так много, сейчас около девяноста тысяч. Вам я могу выделить два полка. Берете?

– Лучше, чем ничего... откуда начинать?

Жом Пламенный немного подумал, подойдя к карте Русины. Провел пальцем...

– Вот отсюда? В Карунской области испокон веков были самые богатые урожаи. Начинайте отсюда и постепенно смещайтесь к востоку.

– Слушаюсь, жом Пламенный.

– Сегодня на общем собрании мы дадим вам все полномочия. Не подведите Освобождение, жом Ураган.

– Жизнь положу!

Мужчина вышел.

Жом Пламенный только головой покачал.

Жизнь он положит. Ага, кто бы сомневался. Только – сколько жизней и чьих?

* * *

– Тор полковник, вам письмо!

Полковник Алексеев принял конверт не без дрожи. Времена такие, плохих новостей дождешься быстрее, чем хороших.

И вестовой скакал...

Илья решительно сломал печать и развернул бумагу.

*«Дорогой братик.
В Звенигороде беспокойно. Говорят, что
императорскую семью убили.
Говорят, что Петер успел назвать наследника.
Говорят, будет голод и беспорядки.
Я хочу перебраться к родителям, в наше имение. Там
более-менее спокойно, Жоржи попьет парного молочка,
окрепнет на свежем воздухе...
Если что – пиши в имение.
С любовью.*

Твоя сестра Ирочка».

Что ж, в чем-то Илья был с ней согласен. Да по всем пунктам...
Но...

А если Анна жива?

Илья решительно отогнал эту мысль.

Не может она быть жива.

Не может.

А если и выжила – простите, это курам на смех! Какая из нее наследница?! Анна, хрупкая, нервная, с тонкими запястьями и вечно испуганными карими глазами, его нежная лань, его ручная девочка...
Наследница?

Нет, как это ни печально, но – так уж вышло. Анна умерла, на этом все. А сам он...

У него есть приказ, он будет стоять до конца. Родители сэберегут и Жоржи, и Ирочку, все у них будет хорошо. А у него...

Что будет – то и будет.

Илья не задумывался о будущем. У него есть приказ, у него есть цель. Больше ему и не надо было.

Анна, Россия

- А как твоего кота зовут?
- Сталин. Но на Смайлика он откликается.
- А кто такой Сталин?

Борис Викторович, присутствовавший при этой сцене, только головой покачал.

- Поколение ЕГЭ.
- А ты не знаешь, где у компа мать, – огрызнулась девочка.

Борис Викторович сдвинул брови, но Анна уже вмешалась:

- Кира, я тоже не знаю ничего о родителях твоего компьютера.

Поэтому мы можем обменяться ценными сведениями.

Девчонка фыркнула в чашку.

- Ауч! Родителях! Ты жжешь!

– Полный ауч, – мирно согласилась Анна, видя, что складки на лбу работодателя разглаживаются. – А кот – похож.

- На смайлик?

– На Сталина. Усы, глаза, масть... вот трубку не курит, а так бы – копия.

Котья действительно был здоровущий и мощный. Его Гошка подобрал, судя по воспоминаниям Яны. Увидел кота на дереве, начал просить мать... Яна полезла, сняла хищника, потом решили оставить у себя, пока хозяева не найдутся... Так и не нашлись.

Кот был красивый. С густой шерстью, торчащей, как щетина у кабана, с громадными желтыми глазами и роскошными усами. Черными, понятно, как и весь котьяра. Такого ночью увидишь, креститься начнешь.

- А кто хоть такой Сталин? Ну правда?

Анна покосилась на хозяина дома.

– Борис Викторович, вас не затруднит просветить нас? Как молодых и глупых?

Мужчина оценил ее усилия. И не отказался. Короткая лекция заняла десять минут и в комплекте с мороженым пошла на ура. Кира слушала, потом подвела итоги:

- Чел был мощный.
- Лучше и не сказать, – согласился ее отец. Анна промолчала.

Ее ведь взяли в дом не только ради воспитания. Еще хорошо бы, чтобы девочка нашла общий язык с отцом. Она чем-то похожа на Нини...

Анна уйдет. Но хоть кому-то она добро сделает.

– Роза Ильинична, – вспомнил мужчина при появлении экономки. – У Анны есть кот, Сталин. Она его сегодня привезет, позаботьтесь, чтобы все были в курсе, а зверь – поставлен на довольствие.

Судя по лицу экономки – она в восторг не пришла.

Анна посмотрела на нее.

– Он умный. Приучен не гадить где попало, не дерет мебель и ловит мышей.

– У нас нет мышей.

– На сухой корм он тоже согласен, Роза Ильинична.

– Закупите, – распорядился Борис Викторович. И бросил на стол несколько купюр. – Кира, съездишь за котом, возьмите машину, прокатитесь в ветполиклинику, пусть животному сделают все прививки. Здесь не город, нахватает клещей...

Анна об этом не подумала. Наверное, потому, что Яна клещей подхватывала. Вытаскивала, махала рукой и двигалась дальше. Подумаешь, проблема! Клещ! Ха!

– Благодарю вас, Борис Викторович.

– Шофера зовут Роман.

– Роман?..

– Андреевич. Смирнов. Роза Ильинична, распорядитесь. И если что-то нужно в городе – дайте ему список.

– Спасибо, Борис Викторович.

Господин Савойский махнул рукой – и вышел из столовой. На работу...

* * *

Кира вертелась как на иголках. Девочке было интересно, любопытно, и вообще...

В каком-то смысле ее жизнь была весьма ограничена. Элитная школа, в которой по пять человек в классе, у всех одинаковые дома, родители, интересы... Поселок – тоже все предсказуемо. А больше-то ничего и не было.

Спорт? Тренируйся, дома есть спортзал, тренер придет. Музыка? Танцы? Да хоть спортивное фехтование! Все на дому!

Удрать?

Ага, все такие умные стали, сами бы попробовали! Это звучит красиво, а в реальности... Интернет – и тот обрезали, на некоторые сайты не войдешь, часть фильмов не загрузишь. Как объяснила Кира, отец постарался. Нанял какого-то компьютерщика, устроили серверную, чтобы подростковые мозги не смущать...

Анне это ни о чем не говорило. Но... по ее опыту – надо было не запрещать, а наоборот – разрешить. Только под присмотром.

К примеру, Яна не курила и не пила. Могла, и меру свою знала, но – неинтересно. Ее отец ничего дочери не запрещал, наоборот, сам дал сигарету. Только не смоли бычки под елкой, это вульгарно... Яна выкурила парочку, удовольствия не получила, а раз не запрещают – чего напрягаться?

То же и с вином.

Первый раз Яну напоил ее отец.

Наливали ей по требованию, просто ограничивали по количеству вина, не больше бокала, но однажды, когда ей исполнилось шестнадцать, отец разрешил не сдерживаться. Яна напилась в стельку, проблевалась наутро и запомнила ощущения.

И норму свою тоже знала.

И напиваться не хотелось.

А зачем? Не запрещают же, неинтересно...

Разве что наркотики Яна не пробовала. Но тут опять ее отец постарался. Свезил дочку на экскурсию в психушку и в морг. Дешево, сердито, доходчиво... Ладно, травку она все же попробовала – и до сих пор себя корила.

А вот Анне запрещали все. Особенно предостерегали от мужчин. И?

Гошка-то существует!

* * *

Вот и дом. Временное пристанище.
Кира смотрела квадратными глазами.

– Хочешь пойти со мной? Или в машине посидишь?

– Схожу, – тут же отозвалась девчонка.

– Сколько вам потребуется времени? – спросил водитель.

– Минут тридцать, может, чуть больше. С вашего позволения, я загляну к соседям – и дам точный ответ. Если кот на месте, то я соберусь быстро. Если нет – поищу его по соседям.

– Заглядывайте, – разрешил водитель.

Анна подождала, пока ей откроют дверцу, подадут руку – и только потом подмигнула Кире и вышла из машины.

– Перенимай.

У Кире так не получалось, но какие ее годы?

– Можно подумать, у меня ног нет.

– Кира, ты совершенно не умеешь лениться.

– А?!

Ладно бы – учиться. Этого Кира ожидала. Но лениться?

– Допустим, тебе скажут – ты не умеешь... вязать свитера. Что ты скажешь?

– Пошлю куда подальше...

– Кира, ты не права. Надо сказать – да, я не умею, научите меня, пожалуйста. Во-первых, ты уймешь зануду, во-вторых, получишь свитер, в-третьих, при определенной ловкости, его свяжут для тебя и за тебя, а ты сможешь поленишься и почитать книжку. Или поиграть в игрушку...

– Хм.

Роман Андреевич фыркнул. Но на Анну покосился с уважением.

Вроде молодая, а кажется, не дура.

Водитель по определению один из самых осведомленных людей в доме. Вот и Роман, который работал у Савойского уж лет десять, кабы не больше, был в курсе всех проблем работодателя.

Ну не везло тому с бабами. Не б..., так шлюха, не шлюха, так идиотка. Специально они ему попадались, что ли? Одна даже с Романом заигрывать пыталась, пришлось послать. Мало ли что с такой намотаешь, лечись потом! А девчонка, конечно, все это видела.

И не радовалась.

Сначала-то было неплохо, пока мелкой была, лет до десяти. С ней и бабка возилась. Но потом мать Савойского умерла, а девчонка, за которой не стало пригляда, принялась дурить. Оно и неудивительно.

Раньше бабка от нее мачех гоняла, и девчонке нервы трепать не давала, следила, внимание уделяла... Кира себя не чувствовала заброшенной. А потом – понеслось.

Отец целый день на работе, мачеха гадостей наговорит, да еще подростковый возраст... одно к одному, и пошла чудить. Отец ей слово – та пять. Может, и не со зла, но с девочками тоже надо уметь обращаться. И побежала по семье трещинка...

Лизка еще... Роман ее видел. И понимал, что стервочка она та еще, любви к девочке от нее не дождешься... но хоть бы не пакостничала? Ан нет! Надо самоутвердиться! За счет кого? Понятно, Киры.

Девчонка раз сорвалась, два сорвалась, хамить начала...

Роза Ильинична от Анны была не в восторге, а вот Роман постепенно приглядывался. А вдруг? После вчерашнего и начал, когда горничная, подававшая на стол, рассказала ему, что происходило. Хищная девочка оказалась, а с виду: одуванчик одуванчиком.

Анна тем временем вошла в ворота.

Да, убогость...

Ну так что же? Человек может подняться над своим окружением, просто он не часто это делает. Свинюшкой и в грязи куда как удобнее, чем ракетой – и к звездам. Это ж трудиться надо, работать, преодолевать себя. А не просто развалился – и хрюкай!

И не успела она оглянуться, как на нее налетела Ольга Петровна.

– Яна, у меня к тебе серьезный разговор!

– Добрый день, Ольга Петровна. Слушаю вас внимательно.

– А, да. Добрый день, – поздоровалась активистка, которая элементарно забывала про все правила приличия. Не до того, понимаешь ли, когда душа алчет мировой справедливости! – Яна, у меня к тебе вопрос. У тебя лишние вещи есть?

– Ольга Петровна, а зачем вам мои ненужные вещи? – осторожно уточнила Анна.

Мало ли что?

– У нас в соседнем доме поселилась такая милая семья, такие хорошие люди... приехали из... ох, откуда ж они приехали? А, из Керчи! Он татарин, даже мулла, она татарка, у них шестеро детей, вот я им ненужные вещи собираю...

– А у них своих нет?

– Есть, но мало, конечно!

Анна подумала, что может пожертвовать пару джинсов. Если там шестеро детей...

– Сколько лет старшему ребенку? У них мальчики, девочки?

– Старшему, мальчику, двадцать шесть, второму сыну двадцать четыре, дочери двадцать два...

– Скажите, тетенька, а работать ваши татары не пробовали?

Кира вошла во двор и теперь стояла у Анны за плечом. Ольга Петровна поглядела на нее как на врага трудового народа.

– Ты не понимаешь?! Они же недавно приехали! Только дом купили... кто ж их возьмет на работу?

– На дом деньги есть, а на шмотки нет?

Такого вопроса «Безумная активистка» не предусмотрела. Но и не растерялась.

– Последнее выгребли, не иначе!

Кира серьезно кивнула.

– Отцу на фирме постоянно уборщицы требуются. И дворники – текучка. Если мусульмане – так пить не будут?

Ольга Петровна пожала плечами.

– Не знаю... наверное.

– Я поговорю с отцом. Как фамилия ваших татаров? Татаровьев?..

– Татар, – поправила Анна.

– Пофиг. Так как?

– Мамедовы.

– Учту... Фирма – «Савой плюс».

Под это дело Анна потихоньку смещалась к дверям дома Селюковых. Постучала.

Тамара Амировна открыла почти сразу.

– Яночка! Доброе утро!

– Утро доброе, Тамара Амировна. Скажите, мой кот у вас?

– А то как же!

– Посмотрите, чтобы не успел сбежать? Пожалуйста? Я работу нашла с проживанием, кота беру с собой.

– Яночка, так ты и дома теперь не будешь?

– Буду, – кивнула Анна. – Один день в неделю у меня выходной.

– Это хорошо. А что за работа? Сколько платят?

– Домашний учитель. Вот моя подопечная, – Анна показала глазами в ту сторону, откуда доносился голос Киры. Тамара Амировна оценила – и покачала головой.

– Ох и оторва! Намаешься ты с ней, Яночка!

Анна улыбнулась.

– Я тоже не подарок.

– Но и не проклятие.

– Кира – тоже не проклятие. У любого человека бывают сложные времена.

– Ну да, ну да...

Анна пожала плечами. Высокие разговаривающие стороны остались при своих мнениях.

– Я соберу вещи, пожалуйста, не выпускайте Смайлика?

– Хорошо.

– И... Тамара Амировна, что тут за Мамедовы? Очередная инициатива Ольги Петровны?

Женщина закатила глаза.

– Ох, Яна... Это кошмар!

Почему-то Анна и не сомневалась. На ее памяти, те, кто громко кричат, никогда ничего полезного не делают. Насмотрелась во дворце – хоть список составляй. Чем громче слова, тем мельче дела, закон такой. Судьба.

Кисмет.

Означенные татары действительно были из Керчи. О причинах переезда не распространялись, но...

Мулла, который глава семьи (хотя кто его знает, был ли он муллой?), выпивал и колотил супругу. Старший сын работал грузчиком. Средний и еще один средний не делали ничего, даже грузчиками не работали, дочери сидели дома и якобы помогали матери, младший...

Младший был еще мал. Хотя пятнадцать лет – вполне сознательный возраст, можно уже и мозги отрастить, и руки^[12].

Андрей Владимирович с ними уже разговаривал на эту тему. Нечего тут водку пьянствовать и дисциплину хулиганить! Своей шантрапы – отгрузить некому, еще и понаехали тут? Уж простите!

Коли ты гость, так веди себя как гость. А забывшего вежество хама могут и пинком под копчик попросить.

Анна подумала, что это надо будет рассказать Кире. И пошла собирать вещи.

В рюкзак (не было у Яны под рукой чемодана!) отправились вещи, которые отдала ей тетя Катя. И Анна потащила его к двери.

Потом передала Роману Андреевичу и достала переноску для кота.

– Красавец! – искренне восхитился водитель зверюгой.

И верно, в коте было килограмм десять, Яна как-то взвешивала. И это не жир! Это мышцы. Мощные, литые мышцы дворового кота, который и за крысой, и от собаки (а иногда – и на собаку!), и на дерево, и через забор...

Кот охотно пошел на руки к хозяйке, но в переноску не захотел.

– Да и не страшно, – махнул рукой Роман Андреевич. – Удержите, если что?

И держать не пришлось.

Кот развалился на заднем сиденье так, словно всю жизнь в машинах ездил. Попробовал запустить когти в кожаный чехол, получил по лапам и с недовольным видом принялся вылизывать хвост.

Кира тискала его, и на раскрашенной мордяхе было столько счастья... Анна искренне не понимала – почему девочке раньше ничего не разрешили? Завела бы хоть хомяка... так нет же! Не дали!

Но почему?!

Русина, Ирольск

Яна махала рукой вслед отъезжающему вагону и сама себе напоминала мадагаскарских пингвинов: улыбаемся и машем!

Какое счастье!

Вот уж воистину – купи козу, а потом убери козу! И будет, будет тебе счастье! Настоящее!

В виде скинутой с рук Нини...

Хелла, наверняка твои шуточки! Нет бы всех прибрать, так ведь даже ты эту соплюшку выплюнула... пардон!

Яна поежилась, словно рядом почудился смешок богини. Хотя чего там? Если боги развлекаются за счет людей, так они за ними и наблюдают.

Еще и подарки дарят... Собственно, подарок Яна получила, но опробовать было не на ком. Не ходить же по улицам и не убивать для краш-теста?

«Именем Хеллы я забираю твою жизнь...»

А еще – убить можно одного человека за один раз. Можно и больше, но тогда Яна благополучно помрет, а ей еще рано. У нее еще дела.

Надо в Звенигород.

Но это она еще устроит. Ох, как же на душе сразу легко и спокойно! А как все грустно начиналось!

* * *

До Ирольска они доехали. С проклятиями и матюгами, но Яна дотащила до места и машину и девчонку. А потом как?

Да просто!

Машину столкнула в овраг и как следует забросала ветками, чтобы не нашли, девчонку и саквояж с драгоценностями потащила чуть не на себе. Благо по дороге крестьянин на телеге попался, подвезти согласился. Нини тушкой лежала на телеге, Яна топала рядом с телегой и развлекала мужика светской беседой.

Заодно и информацию качала.

И думала, что жизнь-то идет вразнос...

В деревнях не было денег. Но продукты были, урожай сняли, все в сараи сложили.

А в городах не было продуктов. И везти их крестьяне побаивались. На дорогах беспокойно, грабят, насилуют, что хотят – то и делают... власти-то нет!

Ваське Зерняю, так звали конкретного крестьянина, в город ехать пришлось. Сын болеет, лекарство нужно. Фершал сказал, что в городе есть... вот и поехал мужик. Погрузил пару мешков с зерном, там продаст, лекарство закупит, да и домой.

Яна слушала с грустью.

Что будет дальше, она примерно представляла, были примеры.

Революция.

Голод.

Продразверстка.

Голодные бунты, смерти, нищета...

Яна мрачно думала, что она бы таких революционеров за ноги на фонарях вешала. Понятное дело, хотят-то они как лучше. И Петер – дрянь правитель.

Но... страна воюет. Даже сейчас они воюют с Борхумом.

Вопрос.

Что надо сделать с человеком за бунт в военное время? Неподчинение приказу, удар в спину... Понятно, в мирное время у освободенцев и шанса б не было. Когда все хорошо, тихо, спокойно, когда народ пашет-сеет, он таких умников пинками со двора гонит. Еще и собак спускает.

А вот когда плохо...

Тут и находятся крикуны... за язык бы их да на солнышко. Общее у крикунов одно. Виноват всегда правитель, его надо свергнуть и посадить хорошего. На роль хорошего... эм-м-м... как бы... ну если вы настаиваете... я, может быть, и подумаю... ДА!!!! ДА!!! ДА!!!

Лично у Яны, воспитанной простыми нравами на заимке и в лесу, всегда был один вопрос.

Какая собака проплатила восстание?

За чей счет банкет?

Сейчас она бы это тоже узнать не отказалась. Кто проплачивает освободенцев? Листовки, методички, брошюры, бомбы, переезды, перевозки, документы...

Вот ноль она в экономике, а так бы точно раскопала.

И не поверили бы ей. Стопроцентно.

Ладно, ее это не касается! Ей Нини пристроить, в Звенигород отправиться, Гошку забрать... а дальше?

А ее какое дело? Ее здесь все равно не будет. И кстати – Гошку можно отправить именно что к Нини. Пусть заботится. Девчонка явно умнеет, рана и сопутствующие обстоятельства резко мозги прокачивают. Вот и сейчас лежит, изображает из себя дохлую лебедь, но слушает внимательно. И молчит. Главное – молчит.

Яна-то прекрасно с жомом Зерняем беседовала. Дело привычное, где кордон, там и деревни, а крестьянство... в чем-то оно не изменилось. И плевать, что царя свергли, что коммунистов закопали...

пшенице – плевать. И корова сама себя не подоит, и собака лает так же...

Темы были привычные.

Озимые, всхожесть, погода, скот... жом расслабился окончательно и даже посоветовал девушкам, куда бы им спервоначалу ткнуться.

Яна и ткнулась.

Жом Зерняй снял им номер на постоялом дворе, а потом уж Яна прошла по городу – и перетащила сестренку в доходный дом жамы Желтобрюховой. Нынче дохода у дамы не было, жильцы разбежались, и двоих девушек она приняла сначала с некоторым опасением... кого может тянуть в город при революции? Девочек легкого поведения, точно!

Получила от Яны убедительные разъяснения, что они – НЕ ТАКИЕ! И первого, кто перепутает, лично Яна пристрелит. Вот из этого самого револьвера и пристрелит! Желтобрюхова поверила. Что ж не поверить после демонстрации револьвера – Яна его держала спокойно, привычно, и оружия не боялась. Такое люди подмечают легко.

Иной за оружие схватится, как за последнюю надежду, гуляет оно у него в руках, пляшет, а то и вовсе каменеет, какое там – курок нажать? Не выронить бы!

А Яна оружие держала спокойно. Оно давно стало продолжением ее рук. Правильное у Яны было отношение к оружию. Спокойное. Почти как у кардинала Ришелье, который приказал написать на пушках «Ultima ratio regum». Последний довод королей.

Довод, да.

Но – последний.

А до того мы и мирно договориться попробуем, но если что – не обессудь.

Жама Желтобрюхова это спокойствие оценила. Получила оплату за месяц вперед. Порадовалась. И стала опекать Нини как родную.

А Яна принялась шляться по городу.

Волосы под куртку, штаны, шапка, оружие... то ли девка, то ли парень – унисекс. Но точно вооруженный и опасный, шпана к ней старалась не вязаться.

А Яне позарез надо было познакомиться с кем-то, кто гоняет паровозы. Или ездит на них... проводник, машинист, да хоть кочегар!

Ей надо пристроить Нини на поезд! В идеале отправить малявку в Герцогства, но если не получится, то хоть куда удрать.

Бесполезно.

Словно отводил кто.

Яна почти слышала смех Хеллы, когда судьба подарила ей встречу с портным Борхой.

Гопников Яна пристрелила. Кажется, всех насмерть, но ей было глубоко плевать. Не доросли здесь еще до адвокатов, которые любую законную самозащиту представят неспровоцированной агрессией. А вот с ее точки зрения – планета чище будет.

И портному Яна помогла добраться до дома без задних мыслей. А когда узнала, что он портной, даже порадовалась. Сама она шить не умела, а кое-какой гардероб ей был необходим.

Вот и пришла на следующий день, с деньгами и заказом. Благо деньгами ее покойные освобожденцы снабдили – хоть новое авто покупай!

Борха ее принял как родную, а вот с заказом огорчился. Мол, простите, тора, помочь не могу. Уезжаю. Могу рекомендовать двоюродного брата, он хоть и похуже шьет...

До брата Яна уже не дослушала.

Уезжает?! Как?! Куда?! С кем?!

И самый главный вопрос – нельзя ли с вами?!

Борха тоже долго не думал.

Яна показала ему рубиновую брошь и пообещала отдать, если Нини благополучно окажется в Герцогствах. Как узнает?

А телеграмму отправите. Благо телеграф пока работает. Вот, условимся, на имя кого, что, как... А если что...

У вас тут, господин Лейва, родственники остаются, так? Рука у Яны не дрогнет. Им и брошь пойдет, если что. Найдут возможность переправить.

Нельзя сказать, что Борха пришел в восторг. Но... брошь была дорогой, Яна – убедительной, а подорожная все равно выписана на большее, чем надо, число людей.

Яна порадовалась и пошла убеждать Нини.

И тут – началось!

– Почему?!

– Потому что так надо!

– Я не поеду!

– Почему?!

– Потому что не хочу!

– Зинаида, прекрати немедленно! Ты что – не понимаешь?! Здесь ты в опасности!

– А ты?!

– А я могу о себе позаботиться!

– Вот и обо мне позаботишься!

Яна ругалась.

Угрожала.

Пропросту орала благим матом.

Бесполезно. Когда на Нини находило вдохновение, она становилась достойной дочерью и последовательницей Аделины Шеллес-Альденской. Или – целого стада упертых ослов!

Наконец Яна поняла, что без правды не прорваться, и решилась.

– Зинаида. Ты должна уехать, а мне необходимо остаться. И – помолчи. Я слышала все твои доводы, а вот ты сейчас услышишь от меня то, что все поменяет. У меня есть сын.

Немая сцена.

И только ветер, ветер, ветер от ресниц...

Наконец Зинаида опомнилась. И даже квакнула нечто вроде: правда?! Но как?!

Яна пожала плечами – и честно рассказала. А вот так!

– А папа?

– Знал.

– А мама не знала...

– Если бы узнала – она бы с меня шкуру тонкими полосками спустила.

Нини от души расхохоталась. Впервые за все это время.

– Да, мама бы никогда не одобрила... Но, Анна, как же так?! Что ты теперь будешь делать?!

– Поеду в Звенигород.

– Как?!

– Мой сын там. Возьму и поеду, на поезде, к примеру.

– Я могу с тобой...

– Не можешь. Зиночка, милая, ты копия матери. Мало того, ты не умеешь притворяться, не умеешь ругаться, не умеешь выживать...

– И когда ты всему этому научилась?

– Тогда же, когда и сына сделала. И родила.

– Анна! А он – здоровый?

– Достаточно... А что?

– Но... Тогда твой сын получается прямым наследником отца.

Яна покрутила пальцем у виска.

– Ты с ума сошла? Мы не были женаты, Гошка – бастард, это если красиво. Некрасиво – ублюдок. И ты думаешь, ему дадут править?

– А кому еще?

– Мало ли кого в нашей семье тянет к трону...

Нини покривилась, вспоминая отдельных представителей, – и промолчала. Впрочем, надолго ее не хватило.

– Аннет, но в самом деле...

– Нини, послушай меня внимательно. Я должна ехать к сыну, это – не обсуждается. Ты – должна уехать из страны. Одна я пройду где угодно, а вот ты можешь пострадать. Уже пострадала. Ты до сих пор слаба, и как еще обернется это ранение... тебя бы хорошему доктору показать, да где такого найдешь! Здесь – точно не получится!

С этим Нини не спорила. Что верно, то верно.

– Я не хочу...

– Ты поедешь не просто так.

– А как?

– Ты повезешь с собой наши драгоценности.

– А...

– Да, дорогая моя. Я составлю список действий и заставлю тебя выучить его наизусть. Поедешь, положишь деньги и ценности в ячейку банка, продашь что-нибудь малоценное, выберем – что именно, купишь себе домик...

– Анна!

– И будешь ждать нашего приезда. Не афишируя своего местопребывания.

– Но...

– Ни-ко-му! Му-му – никому! Поняла?!

– Вообще никому?! Но там же дядя, тетя...

Яна закатила глаза.

И вот с такими представлениями о жизни эта маргаритка беспомощная собирается в Звенигород?! Ы-ы-ы-ы-ы!!!

Да ее на первом же повороте сожрут местные козлы, сплюнут ошметки в стороны и пойдут дальше.

– А кто отказался пустить нас в Лионесс?

– Э-э-э...

– Думаешь, в Борхуме будет лучше?

– Я же в Герцогствах...

Ах да! Родные земли Шеллес-Альденских!

– Нини, поверь на слово, пока в Русине творится этот бардак, о себе лучше не заявлять. Ты станешь не просто мишенью – ты станешь... Да убьют тебя просто! И все!

– Убьют?

– Конечно! Единственная наследница престола Русины! Законная! Догадываешься, что получит твой супруг? Да тебя убьют, просто чтобы никто этого не получил! Не доставайся ты никому!

– А ты? Ты же старше. Или...

– Я старше. Но я же не... я не могу выходить замуж.

– Кого это смутит, когда речь идет о троне?

– Никого. Но я-то отобьюсь. А ты?

Вот тут крыть было нечем. И Нини сдалась.

После долгих разговоров и уточнений девушки выработали простой план.

Нини едет в Свободные Герцогства. Яну так и тянуло съязвить на тему «Неуловимого Джо» и «Свободных Герцогств». Завоевывать залюбишься, а ловить... А оно кому надо?

Промолчала.

И принялась объяснять Нини дальше политику партии. Прибыть в герцогство – после долгих споров выбрали определенное, то, которое подальше от Шеллес-Альденских. На берегу моря – если что, на корабль, да и ноги куда подальше!

Девушки прикинули – и последней точкой сбора выбрали Ифороу. Там их вряд ли будут искать. Но в Ифороу Нини отправится, если у нее не получится прижиться в герцогстве. А пока – пусть попробует. Положить все драгоценности в банк. Купить дом. Ждать Яну.

Если в течение года ничего не произойдет – тихо жить еще пять лет. Потом, когда Нини будет двадцать один, пусть уже разбирается

сама. Но раньше этого времени замуж не выходить.

Имени своего никому не открывать, волосы красить, кожу красить...

Да!

Уж для каких целей в аптеках продавалась настойка грецкого ореха – неизвестно. Не на перегородках настойка, а именно что на зеленых грецких орехах. То ли ею компрессы делали, то ли от чего лечили...

Яну это не интересовало.

Она прикупила и настойку, и басму, и принялась за рисование.

Через два дня Зинаиду Воронову не узнал бы никто. Даже мать родная!

Смуглая кожа, черные широкие брови, черные волосы, черные же ресницы... вот уж что было сложнее всего окрасить! Но – надо!

А то, что немного краски на кожу попало...

А и неплохо!

Выглядит, как родимые пятна, достаточно уродливые... главное, чтобы к Зинаиде не привязались из-за ее внешности. Так что – даешь покраску!

Яна красила Зинаиду целенаправленно.

Руки, ноги до колен – мало ли что? Шея, плечи, часть груди. Если дойдет до большего, там уже будет все равно – и так провалились.

Дальше – одежда.

Из Зинаиды делали толстушку.

Еще бы!

Прежде драгоценности распределялись на семерых, а теперь их надо навьючить на одну! С ума сойдешь!

Было и кое-что еще.

Сама Нини.

Выдать Золушку за принцессу? Нереально! Но и обратное – тоже равно невероятно. Руки, ноги, манеры, характер движений... а речь? Если девчонка ни слова по-эфройски не знает? Что с этим делать? Первый же вопрос – и она расколется!

А потому...

Кого не любят люди?

Инвалидов.

Да, это гадко, противно, нетолерантно, но в глубине души у каждого сидит страх: «А если я?..» И человек шарахается от убогого как черт от ладана. Вот и надо из Нини сделать такую убогую. Классическую. Слепую.

Даму с собачкой.

Слепая по определению не читает и не пишет. Она разговаривает, но и только. А лучше всего сделать из девушки контуженную. К примеру, эфройку по имени Райса, которую изнасиловала и покалечила пьяная солдатня. Ударили по голове, вот она и ослепла. И разумом немного... того. Вы уж простите убогую...

Заодно и фамильные Шеллес-Альденские голубые глаза замаскируем. Которых не может быть у эфройки.

Нини была в шоке, но другого выхода у них не имелось.

А поскольку слепые не могут самостоятельно передвигаться...

Яна почесала затылок, вспомнила кое-что из родной истории – и подобрала на помойке собаку. Здоровущего кобеля, которого и нарекла Полканом.

Как и все дворняги, Полкан оказался на редкость умным парнем. Еще бы – кормят, даже мясом! Спать кладут в тепле! Гладят и разговаривают! Когда еще так повезет истинному дворянину (от слова «двор») в восемнадцатом поколении? А что дрессируют и на поводке ходить заставляют с девчонкой-прицепом, так пусть развлекаются двуногие. Зато пайка и подстилка гарантированы!

Собакен терпел, когда его уродовали еще больше. Выстригали проплешины, изображали лишай и гнойники. Потом прикрыли все безобразие попоной. Больно ему не было, а внешность – внешность вопрос крайне спорный. Он – мужик! Ему не на подиум... тьфу, слово-то какое похабное! Интересно, что оно означает? Но если хозяйка так говорит, наверное – это что-то плохое. И там – не кормят!

Да, за несколько дней не добьешься идеальной согласованности. Но Яна... После случая с волками собаки ее принимали за свою, что ли? Слушались – это факт. Никогда на нее не лаяли. Вежливо обходили стороной, а чтобы кусаться... Такого вообще не было!

Полкан не стал исключением. Уж что он там своим собачьим чутьем почувствовал? Душу? Благословение Хеллы?

Яну собакен мгновенно возвел на пьедестал.

Нини досталась роль у подножия. Но если Яна приказала, значит, будем охранять. И беречь, и не подпускать никого, и вообще – вести себя как образцовый пес.

Команды «сидеть», «лежать», «фас» и «рядом» Полкан освоил. А остальное...

Если вы поругались с ротвейлером, не факт, что это проблема ротвейлера.

Яна была за сестру спокойна. А еще...

Нини вручили несколько килограммов вяленого мяса. И она обещала перед пересечением границы накормить Полкана мясом с камнями. С теми, которые не повредят собаке желудок.

Так, на всякий случай.

Копаться потом в собачьем дерьме? А это тот случай, когда деньги не пахнут! Девушки сошлись именно на этом – и сборы продолжились.

И сегодня Яна провожала не тоненькую блондиночку пятнадцати лет от роду!

Сегодня она махала вслед толстой брюнетке лет двадцати – двадцати пяти, с прыщами и родимыми пятнами, которая держала за ошейник здорового кобеля... и глаза брюнетки были скрыты темными очками.

Яна долго вдалбливала Нини, что глаза должны быть закрыты в присутствии посторонних людей. Обязательно!

Страшно, жутко, орут на тебя, орут рядом с тобой... Пока не бьют по морде и не принуждают открыть глазыньки – держи их закрытыми! Терпи!

Дело в пластике, моторике – у зрячих и слепых она совершенно разная. Абсолютно.

Если будут открыты глаза, Нини никогда не натолкнется на препятствие – она его обогнет. Она не споткнется на кочке, она будет прямо держать голову, а слепые больше полагаются на слух, и у них такой характерный наклон головы... опять же, неуверенность в движениях рук, сама аура слепого человека... человека, который привык быть зрячим, а оказался слепым.

Это не сымитируешь.

Но если закрыть глаза, то можно хотя бы сыграть – и не быть освиственным.

Нини послушалась. Получалось плохо, но девочка хотела жить. И упорно тренировалась.

Полкан помогал по мере сил.

Яна искренне надеялась, что они еще увидятся. Казалось бы, что тут сложного? Доехать до столицы. Забрать Гошку. Уехать из этой столицы, и пусть развлекаются чем хотят! Пусть хоть техно всем составом танцуют! Но...

Вот ни разу Яна не сомневалась, что Хелла приготовит какой-нибудь сюрприз. Ну НЕ МОЖЕТ эта дама без пакостей, не может! Недаром у нее в мире Яны такая родословная!

Ладно еще мать-великанша, хотя это посмотреть надо! Но ведь у нее отец – бог огня. Это по официальной регистрации. А по неофициальной – большего пакостника, чем Локи, на всю скандинавскую мифологию не найдешь. Уж на что асы были непринужденными личностями – и их достал! А это еще надо было умудриться!

И чтобы дочка не в папочку?

Яна не знала, как там у богов происходит рождение-зачатие-оплодотворение, не ее это дело – богам свечки держать. Но генетику еще никто не отменял!

Так что в пакостях она не сомневалась.

Утешало только одно.

Если вы поссорились с ротвейлером...

А Яна сейчас опаснее любого ротвейлера. Ей достаточно остаться с человеком один на один – и пожелать ему всяких приятностей. И получит человек или инфаркт, или инсульт, или еще что хорошее, и помрет, и никто Яниной вины не докажет. Даже если она будет орать во весь голос: «Приказываю умереть именем Хеллы!»

Да хоть на площадь выйди!

Кто ж в такое поверит?

Яна многообещающим взглядом посмотрела на поезда.

Денек она себе даст отдохнуть. Поваляться на кровати и всласть отоспаться. А потом – Звенигород! Что там у нас из революционного фольклора? Такое, памятное?

О!

Варшавянка!

*На бой кровавый,
Святой и правый
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!*

И вихри враждебные...

Вот насчет крови и тиранов Яна была решительно против. Тоже повадились мебель портить! Троны они кровью врагов обагрят! А оттирать кто будет? Оно недешево стоит, это не скамейка в харчевне...

Народное достояние портить?

Яна вспомнила бессмертного «Ивана Васильевича» – и фыркнула.

Ладно!

Отоспаться, отлежаться пару дней – и собираться. Держись, Звенигород, мы с тобой еще позвеним мальчишками-колокольчиками. Держись! Я иду!

Глава 8

Так по земной пустыне, кинув земную пажить и сторонясь жилья

Анна, Россия

Утро началось с истерического визга.

Орала Роза Ильинична, и КАК орала.

Вдохновенно! Люстра над ней дребезжала хрустальными подвесками и грозила развалиться от резонанса. Анна вылетела из комнаты как была, в одной ночной рубашке, даже халат не прихватила.

Виновником визга, пусть и косвенно, был Сталин.

Котяра был представлен окружающим, поставлен на довольствие и ознакомлен с территорией.

Прогулялся по особняку, мимоходом повалялся на белом кожаном диване, поточил когти о фикус (очень уж соблазнительно стоял) – и исчез.

Куда?

Как оказалось – на охоту.

На лестнице, между вторым и третьим этажом, была аккуратно, даже художественно уложена здоровущая крыса. Вот на нее и наткнулась Роза Ильинична. И то, что крысятину была дохлой, ничуть не улучшило ситуацию.

КРЫСА!!! А-А-А-А-А!!!

Так и получилось! Страшно же!

Спас экономку от эпически кошмарного и ужасающего (почти Ктулху!) зверя лично Борис Викторович, который тоже прибежал на визг и набросил на монстра подушку. Да, вот такая компания.

Борис Викторович – в одних трусах. Неглиже...

Анна – в одной ночнушке, достаточно условной.

Кира – в пижаме с каким-то монстром Dagon. Что это за животное, Анна не знала, но надеялась, что тут такие не водятся.

Такой вот комплект.

Водитель приезжал с утра из города, две служанки и кухарка жили в коттедже на территории поместья. Это Розу Ильиничну поселили в главном доме, как экономку. Ну и Анну, все же гувернантка – не простая прислуга, да и быть рядом с Кирой ей требуется постоянно, 24/7.

Сама Роза Ильинична была уже одета по полной программе, в привычное черное платье, но ситуации это не смягчало. Кто ж знал...

Убрав травмирующий фактор, Борис Викторович огляделся и принялся командовать, как и всегда:

– Кира, к себе и оденься. Анна Петровна, оденьтесь тоже. Роза Ильинична, давайте я вас провожу вниз. Дадите мне совок и веник, и я уберу эту гадость. А где виновник торжества?

Сталин обнаружился неподалеку. Котяра сидел на перилах лестницы и с интересом разглядывал людей.

Хорошие люди. Уважительные!

Вон как его добычу высоко оценили! Восторг!

Анна сообразила, что стоит в неподобающем виде, охнула и умчалась к себе. Кира заржала – и сгребла кота в охапку.

– Пошли, добытчик, я тебе колбаски дам! Взамен дичины!

Борис Викторович кивнул – и повел вниз экономку.

* * *

– Никогда у нас крыс не было!!!

– Точно?

– Борис Викторович, чем хотите клянусь! Никогда!!!

– И продукты никто не подгрызал? Ну не пахло – ладно, но признаки наверняка бывали?

Роза Ильинична чуть смутилась.

– Так ведь деревня, тут и полевки есть, и еще кто... Ну похозяйничали пару раз в сарае с продуктами, так ведь случается! Дело житейское! Но чтобы такого!

– Как видите, кот бывает полезен.

Роза Ильинична поежилась. Но обвинять Анну в том, что та привезла с собой крысу, не стала. Крыса была явно дворовой, самой обыкновенной, серой, только что сильно отожравшейся на дармовых

харчах. А может, и правда? Они твари умные, так просто и не увидишь, и не поймашь, и территория большая...

– Да уж.

– Ага, гляньте, какой он классный!

Кот с урчанием уплетал хамон, показывая, что за такое питание он крысами всех обитателей дома обеспечит. Морда у него была при этом самая умильная.

Роза Ильинична покачала головой, но промолчала. Борис Викторович ушел во двор – выкидывать в помойку здоровущую крысу. И хвост у нее был длиннющий.

Бррр!

Анна спустилась вниз через десять минут. Юбка, блузка, разве что волосы укладывать не стала, подколола с боков.

– Еще раз доброе утро. И простите за неподобающий внешний вид. Я испугалась, поэтому и вылетела в чем спала.

Роза Ильинична только рукой махнула. Бывает...

Кира фыркнула.

– Подумаешь!

– Очень интересный внешний вид, – подколол Борис Викторович. – Я бы сказал – занимательное зрелище. Очень.

– Обеспечивать вас занимательными зрелищами не входит в мои должностные обязанности, – отрезала Анна. – С вашего позволения... Кстати, Кира, не корми кота хамоном. Ему столько нельзя.

Кот посмотрел на Анну как Сталин на Троцкого.

Как нельзя?! Почему нельзя? Мне нельзя? Это вам нельзя, а мне не только можно, но и нужно!

Ну, знаете ли...

Кира независимо фыркнула – и отправилась к себе. Кота, правда, прихватила.

Обожравшийся тиран не возражал. Он хорошо погулял, поохотился, теперь бы еще поспать.

* * *

– С утра сегодня было клево! Розка чуть не облетела, когда крысу увидела!

Кира фонтанировала восторгом, а вот Анна не радовалась.

– Кира, так ведь человека можно и до смерти довести. От испуга!

– Вот и замечательно! Ты ж моя умница! Ты ж мой вождь народов!

Коту досталась еще пара поцелуев в усатую морду. Он не возражал.

Анна сочла за лучшее перевести тему. Не ей, с ее посвящением Хель, говорить про этику жизни и смерти. Сама-то она...

И ведь ни о чем она не жалеет. Только надеется, что в том мире Яна тоже жива и здорова. Да, это подразумевает смерть всей команды убийц! Но туда им и дорога!

– А что за монстр был у тебя на пижаме?

– Вы че, Лавкрафта не читали? Он очешуенный!

– У него проблемы с кожей?!

– Нет, вы че! Вот, смотрите!

– Красивее говорить не «че», а «что».

– А мне плевать, – привычно надулась Кира.

– Я не настаиваю, – мягко заметила Анна. – Просто учти, Елизавета и иже с ней не простят тебе подобных оплошностей.

– Мне и на них плевать.

– Но лучше это делать сверху вниз, не так ли?

Кира насупилась, но крыть было нечем. Презирать всегда легче, если над тобой не смеются. Поэтому она независимо вздернула нос и фыркнула:

– Так что? Смотреть будете?

Анна послушно смотрела на фото всяких монстров. Со щупальцами, с тентаклями, с рогами и копытами, слизистых и чешуйчатых...

– Может, расскажешь мне вкратце?

Кира просияла.

Монстры!

Это же...

А Лавкрафт вообще полный отлет башки!

И на голову Анны вылился целый водопад сведений о самых разных чудовищах. Причем большую часть лекций Кира еще иллюстрировала картинками или фильмами, прокручивая самые интересные кадры. Анна решила, что болен был не только автор, но и

сценарист и режиссер... Хотя тем, кто видел войну, ужастики можно не показывать. Они такие милые... почти белые и пушистые.

– Ой...

Кира щелкнула по очередной иконке.

– А это Ктулху! Ой...

Вместо приличного (хотя и со щупальцами) монстра на экране возникло такое... зрелище с участием шести человек, одной собаки и одной козы... вот появишься там лично Ктулху – его бы и не заметили.

Анна воззрилась на Киру, открывая и закрывая рот.

Девчонка покраснела.

– Ну что?! Интересно же, вот мне Пашка и скинул...

Зрелище продолжалось. Анна выдохнула:

– Милостью Хель!

Выражение, которое она слышала давно, в детстве, которое сейчас почему-то вылезло из подкорки...

И этого хватило?

Компьютер вдруг мигнул и погас. Из-под клавиатуры ноутбука потянулся гадко пахнувший дымок.

– НЕТ!!!

Кира с воплем отчаяния бросилась реанимировать почивший компьютер. Но – увы. Наглухо.

Анну она, конечно, не подозревала. Словами с компьютером ничего не сделать, это понятно. А Анна молчала.

Она-то как раз была уверена в своей вине. Но... лучше о таком промолчать. Спокойнее будет.

Где-то в безвременье

Ледяные чертоги.

Холодное мерцание кристаллов и граней.

И женская фигура, скользящая среди льда и тишины. Сейчас она не старается принимать человеческий облик – и причудливо перетекает из одной формы в другую. Это настолько жутко, что человек бы сошел с ума от ужаса, только увидев нечто...

Но – кто сейчас видел богиню?

Внимание ее привлек прямоугольный черный предмет, появившийся на полу чертогов. Компьютер смотрелся здесь настолько неуместно... Словно козла притащили на прием к английской королеве.

Но, в отличие от королевы, Хель заинтересовалась, почуяв свою магию.

– Любопытно...

Провела рукой над устройством – и быстро разобралась. Если и не в принципах работы, то в использовании. Не было ни жестов, ни слов, просто над прямоугольником загорелся экран – и по нему потекли картинки.

Монстры заставили богиню от души смеяться. Нашли кем и кого пугать!

А порнография – удивленно приподнять бровь.

Однако...

Давно она не посещала тот мир. Какие там... затейники расплодились! Пора, пора.

И посетить, и перетряхнуть свой мир, кажется, там надо предусмотреть место для самых затейливых. А заодно можно создать пару монстров. Почему нет?

Они такие милые...

Русина, где-то в дороге

Жом Тигр привольно раскинулся на диване в личном вагоне.

Хорошо!

Раньше в нем ездил кто-то из великих князей, а сейчас вот едет жом Тигр. И это очень приятно. Это правильный круговорот власти и денег.

Глоток крепкого элитного спиртного, книжка – пока он в дороге, решений принимать не надо. А до завтра он успеет и отдохнуть, и расслабиться, и подумать о своем...

Скоро поезд прибудет в Ирольск.

Позади остался городок Зараево, в котором нашел последнее пристанище его побратим. Жом Хваткий, для своих просто Тигреныш,

закончил свой жизненный путь. И Тигр на его могиле пообещал отомстить.

Кто бы ни убил его брата, он ответит!

Он жестоко поплатится и будет рыдать кровавыми слезами. А Тигр найдет свою добычу, рано или поздно. Жом Отважный клялся, что перероет небо и землю, опросит людей, пройдет по деревьям, и Тигр ему верил.

Дело-то государственное, на нем можно хорошо руки погреть, жом Отважный такие дела носом чуял. Он сделает все возможное и невозможное.

А жом Тигр соберет ниточки в единый клубок и встанет на след.

Мстить легко, если у тебя есть деньги, власть, если сила за тобой... это не то, что двадцать лет назад... тогда он сопляком был, а сейчас вошел в силу. Он справится.

Ты будешь спать спокойно, брат.

Поезд приближался к Ирольску.

Жома Тигра ждали в столице.

Русина, Ирольск

– Жом Лейва, вы совершили чудо!

Яна не скупилась на комплименты.

Хоть и говорил Борха, что брат его шьет хуже, но Яне вполне подошло. Более чем.

Хотела она ни много ни мало брючный костюм. То, что не шили на женщин. То, что было ей необходимо.

В платье она одеваться не станет, но и штаны-куртка...

Это отличная одежда, но не для ее целей. Они останутся с Яной, но надо и еще кое-что.

В результате на свет появилась короткая приталенная курточка из парусины. Не слишком обтягивающая, но формы она подчеркивала отлично. А главное, под нее можно было надеть теплый свитер из козьего пуха. Белый, уютный... Стоил он дорого, но грел!

Какие там норки-дырки-соболя? Курточка, подбитая мехом, для непродуваемости, свитер для тепла – и отлично! До поздней осени Яна так проходит, а зимой будет видно.

И брюки.

Да, тоже парусиновые. Достаточно свободного покроя, расклешенные от тонкой талии, с прорезью в кармане. А как вы хотите револьвер доставать?

Яна сильно думала над приобретением обреза. И решила, что при первой же возможности обзаведется полезным артефактом. А пока – кобура. На бедре, закрепленная системой ремней.

Вторая – на щиколотке.

Высокие ботинки, которые попали в руки сапожнику семейства Лейва, тоже претерпели изменения. Стали чуть пониже и обзавелись кусочками металла в носке и металлической же набойкой на каблуке. Кто не знает – шикарный аргумент в споре. Кость голени так сломать – уметь надо, но поверьте, даже при неумении... аргументировать враг все равно вас не догонит. А потом неделю прохромает.

Кроме того, Яна обзавелась жилетом и еще одним свитером. Рубашками и нижним бельем. Белье пришлось покупать местное, шелковое, и безжалостно укорачивать. Панталоны? Отрезать им штанины по самое это самое – и превратить в шорты.

Корсет? Яна подумала да и махнула рукой. Носить эту дрянь она не будет, это уж точно. Грудь у нее своя была не слишком большая, да и у Анны не то чтобы крупная. А еще принцесса ребенка не выкармливала, так что грудь и форму не потеряла.

Нечего себя упряжкой утягивать! Обойдемся!

Яна была готова к приключениям в Звенигороде. Но вот вопрос – как туда попасть?

Хотя чего она усложняет?

Пойти узнать, какие поезда идут в Звенигород, – и поехать.

За деньги, зайцем или еще как...

Это она решит на месте. Ей надо в Звенигород – и она там окажется. А все остальное и все остальные – к Хель! Приятного аппетита, богиня!

Яна еще раз поблагодарила портного, переделась за ширмой, сложила свои старые вещи в небольшой чемоданчик – и отправилась на вокзал. Чего тянуть?

Пансион она оплатила, если не вернется, хозяйка убытков не понесет.

Ценностей у нее здесь никаких нет. С собой разве что пара колец. Одно то, которое ей отец отдал, зашито в специальный кармашек на нижней рубашке, и еще одно – с некрупным рубином. Мало ли – продать придется. Пара брошек.

Нини клялась, что эти – не из драгоценностей короны. Может, матушкины, может, еще откуда... она не знала, но брошки были не особенно дорогие и не слишком тонкой работы. Можно продать при нужде. И все.

Остальное увезла Нини. Яна подумала, что будет молиться за малявку. Той же Хелле, раз уж боги существуют и даже принимают активное участие...

Боги слышат наши молитвы?

Отлично! Хелла, ты попала!

А вот и вокзал.

Деревня неподалеку от Зараево

Прасковья оглядела найденную мальчиками поляну.

А ведь и правда – хорошо!

От села не так чтобы далеко, но расстояние достаточное. Змеиный Лог. Девки-бабки сюда не ходят, детей не пускают... а место – удобное.

Сырой овраг, и вот удача – большой выворотень. Дерево упало так, что половину оврага накрыло, а корни его образовали нечто вроде пещеры. Решешь землянку устроить – так и трудиться почти не придется, кое-где настелить крышу да щели законопатить. А много ли сил у женщины да у двоих мальцов? Считай, их и нету...

Казалось бы, да и махнуть рукой, и бросить все – деды-бабки наши жили, не тужили, так и мы проживем. Но что-то в голосе странной торы не давало Прасковье успокоиться.

Что-то не давало ей сидеть тихо.

А потому втайне, через подругу, были куплены несколько мешков с крупой, с мукой. И постепенно, с мальчиками, Прасковья переправила их в землянку.

Сколько пришлось приложить сил, чтобы зверье не добралось! Сколько потрудиться! Но...

Постепенно все обретало форму.

И очаг, сложенный из камней на скорую руку, и несколько горшков, и кое-какое тряпье, те же одеяла – хорошее Прасковья взять не решилась, а вот что поплоче, старое, драное...

Не слишком-то она верила, что этим придется воспользоваться.

Но...

Страх гнал ее вперед.

Тот самый страх, что побуждал запасать соль и спички, сахар и керосин, тот страх, который властно гнал прятать запасы, тот инстинкт, который приказал не покупать скотину – только овощи, зерно, то, что может долго лежать. И даже подруге Прасковья не говорила всей правды.

Надо, да...

Так случилось, у нее слюбилось, дело-то молодое... и мужа нет... потому и прячется, чтобы ворота дегтем не измазали. А деньги оттуда же. Полюбовник дал да приказал чего купить... Не только себе, еще и ему.

Откуда деньги?

Да откуда ж ей знать? Перепало ей чего, и то уже хорошо...

Подруга приняла это вранье безоговорочно. И Прасковья подозревала – рано или поздно она не удержится, понесет по селу. А и ладно!

Бабы за мужиками последят, за ней посмотрят, никого не увидят – да и отлипнут! Или скажут: бросил.

Слухов и сплетен Прасковья не боялась. Твердо знала, что муж в них не поверит. А хоть бы и поверил... сколько она его не видела? Уже не дней – лет! Тяжелых, каторжных...

Она тут не мед ложкой хлебает! А злые языки уж всяко не страшнее голодных детских глаз. Не страшнее пропавшего от голода молока, не страшнее просьбы твоего ребенка – даже не о мясе. О кусочке хлеба... А ты его дать не можешь!

Всякое бывало в ее жизни...

Так что... Прасковья с мрачной решимостью прятала продукты, обустривала землянку и в сотый раз объясняла все детям.

Куда идти.

Что делать.

Зачем...

Да, она допускала все. И в том числе, что ее в какой-то момент не окажется рядом. Мальчишки справятся. Родня их не бросит, а вот так... оно надежнее.

А часть денег Прасковья все одно спрятала. Даже не в избе – прикопала в сарае, в стайке с наземом... Положила в жестяную коробку от леденцов, завернула в платок да и прикопала ночью, оглядываясь, чтобы никто не видел. Без света, при луне...

Мальчишки тоже о том знали.

Прасковья надеялась, что обойдется. Но с юга шли странные слухи, с севера...

И частенько, заходя в церковь, Прасковья ставила лучинку перед образом Творца. За тору Яну. Пусть Творец посмотрит на нее – и сохранит в своих ладонях.

Пусть у нее все будет хорошо...

Как же ей было страшно!

А зима неумолимо надвигалась.

Русина, Подольский округ

– Солдатушки, бравы ребятушки...

Песня гремела и звенела в воздухе.

Илья со своим полком входил в Подольск.

Сражаться даже не пришлось – когда местный Комитет Освобождения услышал про идущий к ним Кавалергардский Ее Величества Государыни Императрицы Анны полк, то... вульгарно удрал!

Пошло и скучно смотался из города с такой скоростью, что на лошадях не догнать. Да Алексеев и не собирался.

Его задача какая?

Идти на соединение с семнадцатым кавалерийской гвардии полком, принять командование на себя, занять Подольский округ и удерживать до подхода основных сил.

Почему Подольский?

Да по самой простой причине: здесь одна из самых важных транспортных развязок. Считай, больше половины поездов проходит именно через этот узел! Именно через Подольск!

Перережешь Северную железную дорогу – и, считай, оставишь освобожденцев без снабжения. Отбивать, конечно, будут, Илья не питал иллюзий. Но...

У него есть приказ.

Он будет держаться.

А потому первое место, в которое направился Илья, – это к градоправителю. В шикарный особняк на центральной площади.

Не дошел.

Примерно за две улицы до особняка полковник Алексеев был атакован обтрепанным мужичком самого затрапезного вида, который кинулся ему в ноги.

– Господин, радость-то какая!

Естественно, напугал коня, естественно, Илье пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать жеребца. Не то чтобы дурака жалко, но конь потом нервничать будет, и копыта отмывать...

– Ты с ума сошел, что ли, дед?!

– Господин, счастье-то какое! Пришли!

Дед выпрямился – и вцепился в упряжь коня.

– Мы уж и не ждали, и не чаяли, и тора как на глазах таяла, а вы пришли...

Илья понял, что лично ему счастья не видать, – и смирился. Посмотрел на деда, спешился.

– Давай, рассказывай.

* * *

Савелий Лукич, он же дед Савва, был дядькой прежнего градоправителя – тора Измайлова. Воспитывал тора с малолетства, любил как родного, а уж когда тор женился, когда у него дети появились, когда его градоправителем сделали...

Счастье – было!

Ага, а потом пришли освободители паршивые...

Собственно, дед Савелий крыл их такими словами, что услышь его освобожденцы – мигом бы отказались от своих идей. Какое там освобождать – догнать и запинать нахала!

А то ж!

У него дом, семья, считай, сын, дети и внуки... и его кто-то освободить будет? Да тьфу на вас, уроды подболотные!

Пришли...

Тора Измайлова расстреляли.

Когда Савелий рассказывал о том, как захватывали управу, как тор Измайлов защищал ее с немногими верными солдатами, как лично спрятал деда Савелия в потайной комнате, приказав позаботиться о жене и детях, как тора расстреляли на площади...

Слезы катились по морщинистым щекам, мочили густую бороду.

Илья молча слушал. Утешение? Тут не поможет, разве что отомстить пообещать.

Савелий дождался, пока все закончится, и выбрался из управы через окно на заднем дворе. И опрометью помчался к хозяйке.

Успел вовремя.

Тора Измайлова похватила драгоценности, деньги и детей – в произвольном порядке, и успела удрать из особняка за час-полтора до визита освобожденцев.

Особняк запылился в ту же ночь.

Савелий снял меблированную комнату на окраине и кое-как обеспечивал семью тора. Уехать бы отсюда, но...

Тора Измайлова, будучи дамой некрепкого здоровья, заболела. Свалилась с нервной горячкой. Дочь и сын сидели с ней, Савелий добывал еду, получалось не так чтобы очень хорошо, но хоть вчистую голодать не приходилось.

Все было хорошо... ну, насколько оно могло быть в такой ситуации. Но в меблирашки занесло одного из людей Свина.

Кто такой Свин?

Так сутенер, вестимо! Котьяра, главный по Подольску, все его знают, у него два борделя, и несколько улиц он держит. Девочки ему мзду платят...

Тора Измайлова – дочь, а не жена – как раз ходила за водой. И...

Да, именно так. Кто защитит красивую девушку в это нелегкое время? Некому помочь, некому позаботиться... Савелий пытался защитить, но получил под дых, а когда пришел в себя...

Бросился на поиски.

Брат?

А что восьмилетний мальчишка сделать-то может? Разве что сам пропадет!

– Нашел? – коротко спросил Илья, который опасался нового словоразлива.

– Как не найти, тор? Она в «Кабаньей лежке», у Свина.

– Вот как?

– Обычай у него такой, каждую новенькую, значитца, через себя пропускать. Чтобы он первым, а уж потом, опосля него, и в бордель, к девкам продажным... разве ж так можно с торой?! Она руки на себя наложит!

Илья подумал про Анну. И махнул рукой.

Одну не спас. Может, хоть эту спасти удастся?

– Дорогу показывай.

Подождет та управа с полчаса, ладно, и час подождет. Никуда не денется.

* * *

«Кабанья лежка» оказалась достаточно большим двухэтажным домом. На первом этаже – трактир. На втором...

– Тут у него, значитца, кабинеты, – шепотом просвещал Савелий. – И девки сюда заходят с клиентами. Тор Измайлов все извести проклятого под корень хотел, да, как на грех, не одно, так другое...

Илья молча кивнул своим людям.

Командовать даже не понадобилось. Все слышали Савелия, все видели слезы старика...

Поэтому не стали вступать в дискуссии.

Выбили двери, ворвались внутрь, пристрелили с десяток подонков, правда, и троих своих потеряли. Негодяи тоже знали, с какого конца за оружие браться. И стрелять не боялись.

Свина вообще захватили живьем. И настала очередь второго этажа.

* * *

Она оказалась в первой же комнате.

Савелий влетел в дверь, ахнул – и бросился к лежащей на кровати девушке, упал рядом на колени, схватил руку и покрыл поцелуями.

– Тора!!! ЖИВАЯ!!!

Илья хмыкнул про себя.

Девушка-то действительно была прехорошенькая. Золотые локоны, большие голубые глаза, кукольное личико, фигурка... тонкая рубашка ничего не скрывала.

В том числе и синяков на запястьях.

А кровь на простынях была достаточно красноречива. Насилие таки произошло. Понятно, если девчонку похитили вчера, то вчера все и случилось. Тора даже голову не повернула к Савелию, словно и не здесь была...

– Девочка моя, – рыдал старый слуга. – Внученька...

Бесполезно.

Илья махнул рукой, подошел к кровати – и сгреб тору в охапку. Завернул кое-как в одеяло.

– Пошли уж... довезем вас до дома. И дед... не дело это – в мебелирашках. Что с домом тора стало?

– Разграбили.

– Не сожгли?

– Не успели. Хотели, да не сложилось.

– Я с вами пяток солдат оставлю. Пусть сопровождают вас до дома, ну и помогут, чем надо. Если что – найдешь меня.

– Тор! Век Творца за вас молить буду!!!

Савелий упал на колени перед Ильей. А смотрел...

На икону так не смотрят. Илья почувствовал неловкость и поспешил убрать руку, которую дед норovil покрыть поцелуями.

– Полноте, дедушка. Вставайте...

– Тор...

– Водка-то у вас есть? Покрепче?

– Нет, тор... а надо?

– А то как же, дедушка! Обязательно надо!

– Зачем, тор?

– Сейчас бы твою тору напоить как следует. До зеленых лошадей, чтобы на ногах стоять не могла... понимаешь?

Савелий закивал. И то... не подумал.

А ведь рецепт хороший, проверенный...

– Все сделаю, тор. Все как есть исполню.

Илья кивнул. Подозвал двоих солдат и распорядился доставить тору по адресу, охранять, а как придет в себя, препроводить на новое место.

Глупо?

Одна жизнь в жерновах войны, всего одна жизнь... или четыре?

Что это на весах вечности? Даже не пылинка – молекула. Но Илья почему-то не мог поступить иначе. Здесь и сейчас он помогал неизвестной девушке, потому что не смог помочь Анне.

Не сумел.

Не защитил, не пришел, не спас... даже не задумывался. Он-то считал, что Петер уедет из страны, а там – кто знает? И Илья мог приехать да и жениться на Анне. Усыновили б они ребенка и жили спокойно-мирно...

Не получилось. Не сбылось.

И от этого на губах застывал горький привкус желчи.

Пусть хоть кому-то будет помощь...

* * *

Вот и управа.

Сразу видно, что здесь освобожденцы порезвились: что не сломали, то обгадили. С-сволочи.

Гербы, знамена – это понятно, но мебель-то вам чем помешала? Сразу видно – освобождаются люди от всего лишнего. У одного стула ножка отломана, у второго спинка треснула, на столе плясали, такое ощущение, шторы ободраны, карниз в углу стоит, стены исцарапаны и изрисованы какой-то похабенью...

Илья только что покривился. И посмотрел на своего ординарца.

– Платон!

– Слушаю, тор полковник?

– Наведи справки. Кто здесь работал, кто служил... ты понял?

– Да, тор полковник.

– Мне нужно наладить нормальную жизнь в городе и округе, а сам я... – Илья поморщился и не стал договаривать. Свои способности

он отлично знал, чего уж там!

Не дано!

Как военный... Ладно, до того же Валежного ему – как ползком до Борхума! Если б не Анна – никакой карьеры бы Илья не сделал, принцесса стала его шансом, а он лишь грамотно использовал ее любовь.

Не гражданский... В обычной жизни Илья тоже достаточно легко терялся. Хотя какая она обычная? Карьеристом-то Илья был неплохим, а вот администратором – откровенно паршивым.

Это так просто кажется, что легко наладить быт в городе. А на самом деле...

Перед чиновниками Илья испытывал какой-то даже и суеверный страх. Жуткий...

Вот сидит человек, серенький, скромный, вроде и ничего собой не представляющий, ты его пальцем, как клопа, раздавишь. Но тронь – и вони будет, что с того клопа! И убытков...

Как им это удастся?

А как ему удастся наладить быт в городе?

Илья догадывался, что сделать надо многое. Ввести комендантский час – первое. Нечего по улицам шляться. Патрулировать город, хватать всех, кто шляется по ночам, – и в тюрьму. За кем жена-дети придут, тех выпустим, остальные и посидят – хуже не будет. Используем на полезных работах. К примеру – чистка сточных канав и уборка мостовых.

Очень полезно.

А главное – нужно! Освобожденцы-то этим не занимались! Главное ж в человеке что? Правильно, душа! А куда он гадит, так то дело вторичное... хоть бы и под кустиком – пышнее будет. Кустик не человек...

Обратиться к горожанам, разъяснить, что власть здесь императорская. Даже если императора нет на троне, это не значит, что порядок нарушать можно. Восстановить пенитенциарную систему, которую развалили освобожденцы, выпустив на улицы всю шваль. Это называется – классово близкие.

Сразу ясно, кого поддерживать не надо. Кому могут быть близки уголовники? Явно не ангелам!

Наладить снабжение, обеспечить охрану крестьян, чтобы продукты поступали в город бесперебойно... даже от мыслей дурно делалось. Добровольные отряды, что ли, создать? Дружины?

Как вариант...

Илья сидел за столом в кабинете градоправителя и думал, что не справится. Валежный бы справился. А он...

Не его это. Совсем не его...

А только делать-то все равно надо. Вот и будет.

Итак...

Начнем с бумаг. Не все ж документы эти твари на подтирки пустили? Должно и что-то остаться. А там – видно будет!

Русина, поместье Алексеевых

– Ирочка! Гошенька! Радость-то какая!

– Баба Надя! – Гошка взвизгнул – и повис на шее у женщины лет шестидесяти. Та крепко обняла внука, потом перевела взгляд на дочь.

– Вы к нам надолго?

– Надолго! – Гошка был твердо в этом уверен. – Мама Рина сказала – на год!

– Вот и чудненько, вот и ладненько... – заворковала женщина. – Гоша, солнышко, пойдем, я тебя в детской устрою. Рина, твоя комната свободна.

– Спасибо, мама.

– Да что ты, деточка! Хорошо, что ты дома!

Ирина выдохнула.словно пружина лопнула, которая держала ее все это время.

– Мама, а папенька что?

Круглое, словно масляный блин, лицо Надежды Алексеевой, помрачнело.

– У папеньки голова болит, ты его не беспокой.

Голова болит. Интересно: в запое – или с похмелья? Ирина понимающе кивнула, болит, конечно, нет, беспокоить не будем...

А Гошка был счастлив.

Гошка трещал как заведенный.

Про дорогу, про лошадку Симку, про сломавшуюся карету, про дядю Пахома, который подвез их на телеге, про...

Ирина привалилась спиной к косяку и на миг позволила себе закрыть глаза.

Дома...

* * *

За обедом старшего Алексеева не было. Зато бабушка не смолкала, выпрашивая дочь и про Звенигород, и про последние новости, и про императора...

Интересно же!

Ирина послушно рассказывала.

Свою мать она знала – та любопытна до крайности. Пока все новости не вытянет, не успокоится, а потом будет еще с полгода делиться ими с друзьями-знакомыми-приятелями...

А как иначе?

Глушь, захолустье, сюда не то что освобожденцы, сюда почта-то не всякий раз доходит! А интересно ж! А любопытно!

Своих родителей Ирина Ивановна хорошо знала.

Отец, приземистый кривоногий мужичок, благодаря родственнику дослужившийся до капитана, а сейчас живущий в небольшом имении на пенсион и регулярно заливающий обыденность жизни крепкими напитками.

И мать. Не первая красавица, нет...

Болтушка и хлопотушка, женщина любопытная, регулярно витающая в облаках и увлекающаяся новым течением вроде лечения током или чудодейственной пользы полыни, но при том достаточно практичная и неглупая. И подтверждением ее ума служил тот факт, что никому из лжелекарей, проповедующих о необыкновенной силе их снадобий, не удалось заставить ее сильно раскошелиться.

Парочка пузырьков?

Ладно...

А чтобы что-то большее? Уж простите, денег в доме нет, самой надо.

Надежда Юрьевна не была красавицей даже в молодости. Невысокая, толстенная, с талией, которую даже в юности не мог обозначить ни один самый жесткий корсет, с кудрявыми волосами и круглым личиком, с обаятельной улыбкой, увы – канонам красоты она не отвечала. Потому и спросом на брачном рынке не пользовалась.

Иван Алексеев тоже был не бог весть каким женихом – выпивал он уже тогда, и ладно б просто выпивал! Так ведь чудил потом так, что вся округа за головы хваталась. Сплетнями он соседей обеспечил тогда – на двадцать лет вперед.

То напьются да решат в тореадоров поиграть! Только вот по пьяни быка с хряком перепутают.

То купаться пойдут, да вместо озера – аккурат в болото, хорошо хоть не утопли.

То к девушкам поедут, а попадут в монастырь... да ладно бы в женский! В мужской!

Родители Ивана за головы хватались. Женить бы его, так ведь кто позарится! А тут сошлись два одиночества. И Наденька не так чтобы спросом пользовалась, и Иван... вот и окрутили молодых.

И ничего так, и детки хорошие пошли, что Иришка, что Илюшка. Сынок так очень удачным получился!

И на родителей не слишком похож? Ну так в прадедов-прабабок удался. Вот дочка – та копия отца, от щуплой фигурки до обезьяньего личика. Потому и замуж долго не выходила. Потому и личная жизнь у нее не слишком сложилась, даже когда женишок нашелся.

Ладно еще мужику можно быть раздолбаем, все одно охотница найдется, а вот Ирочка в довершение всего и дурость папенькину унаследовала. И на нее охотников не нашлось, пришлось брать, что под ногами валялось. К женщинам-то отродясь требования строже.

Но Гошку она любила.

И Надежда внука любила. Родной же! А что мать его великая княжна... это и вовсе хорошо! Творец видит, Творец дарит... Постепенно, кто знает, и деньги появятся, и дочку могут фрейлиной взять... мало ли что в жизни бывает? Вот Илюшке уже с карьерой помогли, правильно поохотился! И дочку, бог даст, пристроим!

Ирина рассказывала.

Надежда слушала.

А когда обед закончился и дамы перебрались в дамскую гостиную, а зевающий Гошка ушел спать, подвела итог.

– Плохо все, Иришка. Надо брать добро да и уезжать, пока есть возможность. Не нам, так хоть вам.

– Мама?!

Такого Ирина Ивановна не ожидала. И рот открыла.

– Ежели эти освобожденцы императора приговорить не задумались... от всех остальных и подалее головы полетят. Вот что, дочка, собирайся-ка ты на воды!

– На воды?

– Да. В те же Герцогства.

– Не хочу я никуда ехать! В зиму-то! Мам, ты что!

Надежда покачала головой.

– Какая зима? Осень только началась!

– Октябрь уж на дворе! – уперлась Ирина Ивановна.

– И что с того? Все одно ехать надо!

– Весной и поедем, – топнула ножкой дочь.

Надежда поглядела на детище.

Вот ведь... И если упрутся, что муж, что дочь, – так и не сдвинешь... Илюшке, что ли, написать? Да найдет ли его письмо?

Сложно это...

Надежда махнула рукой и вышла из гостиной.

Дурой она не была. Да, имелись у нее свои недостатки, но глупости среди них не числилось. А еще – чутье. Этим качеством обладали и Наденька, и ее сын...

Сыну оно помогло повести себя правильно. А Наденьке...

Нехорошее что-то надвигалось. Ой, нехорошее.

Надо бы подготовиться. Хоть какую денежку припрятать, хоть какую потаенку устроить, домик, опять же, снять в ближайшем городе, втайне от всех...

Вот, кстати!

С лесником поговорить. Савватей – мужик справный, не откажет старой знакомой в ма-аленькой просьбе.

Женщина кивнула своим мыслям – и направилась в кабинет мужа. Там она недрогнувшей рукой открыла сейф, вытащила оттуда пачку купюр и снова закрыла железный ящик. Скажет мужу, что потерял по пьяни. Или потратил куда, он и не вспомнит.

А потом накинула плащ, надела капор – и, не привлекая к себе внимания, выскользнула из дома через заднюю дверь, которой обычно пользовались слуги. Ее путь лежал аж за десять с лишним километров...

Лошадь?

Верхом Наденька ездить не любила, а с тех пор, как вес ее перевалил за девяносто килограммов, так и не хотела. Поди взгромоздись! И то сказать – животное! Чего ему там в голову стрельнет! Понесет еще, в канаву свалит... Нет, лошадей Наденька не любила.

Заложить коляску?

Тоже не стоит. Не то место, куда можно открыто съездить, ой не то...

Вот и пришлось женщине топтать по дороге, пыхтеть, хорошо хоть дорога через перелесок шла, деревья тень давали, да и народу – никого. И то дело...

И все же к деревне она вышла изрядно запыхавшись.

Торы не потеют?

С нее попросту лило, платье было – хоть выжимай... ничего, переможется. Лишь бы человек, который ей надобен, дома оказался. Лишь бы повезло...

Вот и дом на отшибе. Крепкий, надежный, не соломой крытый – железом. Дорого, да деньги у хозяина есть. Надежда толкнула калитку, вошла во двор и махнула рукой дернувшемуся к ней мальчишке.

– Отец дома?

– Дома, тора Надежда...

Женщина почувствовала, как ослабели колени, как закружилась напеченная солнцем голова...

Дома!

Дошла!!!

Она справилась с собой – и шагнула к крыльцу.

– Тора? – На пороге стоял Савватей. Один из самых крепких хозяев в деревне. А еще – лесовик. И, хоть о том никто и не знал, отец Ильи.

Давно уж было это, уж и забылось почти, а стоит глаза в глаза друг другу поглядеть – и все опять вспыхивает.

И ночи помнятся, жаркие, сладкие, и шепот огненный, и объятия... ежели б не Саввушка, так бы и померла, не зная, что за счастье познать можно. Так было...

Красавицей Наденька никогда не была. А как сговорили ее за Ивана, вообще затосковала. Не то беда, что муж неказист, с лица воду не пить. А вот что дурак дураком...

Ох, как же ей тогда плохо было! Как тошно, как грустно! Хоть ты стой и волком вой... да кто ж услышит?

Мать клевала – и так, мол, не красавица, помрешь в девках, радуйся, дура!

Отец пилит – Иван-то дурак, да родня у него дельная, пропасть не даст. Проживешь всю жизнь как за каменной стеной.

А Наденьке так и слышалось: в тюрьме.

На каторге, с кандалами и ядром.

Но в свой срок состоялась и свадьба. Иван на свадьбу напился так, что супружеский долг невесте только через два дня отдал. А в ту ночь заблевал всю спальню, словно у него поршень внутри работал... с-скотина!

Любовь?

И любви там не было, и уважения не осталось. И махнула Наденька рукой.

Стала жить как с чужим человеком. А что его? Было б свое, родное, можно было б и пожалеть, и поддержать, и помочь. А это – чужой. Слова мы все произнесем, которые надо, а делать...

Перебьется!

Иришка родилась через год после свадьбы.

Ванька орал, что ему девки не нужны, сыновей подавай! Но к жене раньше времени не лез – расплзлась она после родов, раскислась. Да и плохо было... горячка, лихорадка... чего с ней только не было. Молока – и того не было.

Пришлось кормилицу из деревни брать, а ею как раз и оказалась сестрица Саввы. У нее тогда свой сынок родился, ну и барскую дочь ей на руки отдали. Та двоих и выкармливала.

Брат к сестре забегал, Надюшка – к дочери... слово за слово, взглядом по человеку...

Так оно и срослось.

Уж сколько там было от любви, а сколько от выгоды, Наденька и по сей день не знала. Но отблагодарила.

Денег дала, хозяйство завести помогла, еще Саввушкин отец крепко на ноги встал, а уж сам Саввушка...

И брата его в лесничие пристроила, и сам Саввушка не бедствовал... конечно, женился он потом. Ну так то – потом! А тогда ее времечко было!

Завертело-закрутило, запуржило-завьюжило... Вот от той страсти и понесла Надюшка – Илюшку.

Года три у них крутилось, потом уж на нет сошло, Саввушка женился, Наденька помогала ему по старой памяти, сына растила, дочь... Сын был – копия отца! Настоящего. Что внешностью, что крестьянской сметкой, что удалью молодецкой!

А муж?

Муж так ничего за эти годы и не понял. И смотрелся рядом с Илюшкой что такса рядом с аргамаком, но доволен был по уши. Молодца родила! Красавца!

Годы шли, дети росли, уж и любовь забылась, как и не было, а вот пришел край – и не к кому кинуться, кроме Саввушки.

– Гроза идет, Савва. Страшная гроза, темная...

Савватей внимательно слушал любовницу.

Да, любви с его стороны не было. Никогда. А вот сострадание...

Ваньку Алексеева иначе как обмылком сопливым по округе никто не называл. Крестьяне – и те... Пори не пори, ори не ори... а только все одно – обмылок! И жене его Савва сочувствовал искренне. Особенно когда обмылок принимался по пьяни орать, что сама дура бесполезная и девку-дуру родила...

Вот и поспособствовал маленько...

А пока близок с торой был, понял, что женщина она неглупая, серьезная, по пустякам к панике не склонная, а придурь... так с придурком жить – и не так одуреешь! Всякое бывает, а только с кем поведешься, от того и наберешься!

Жена Савватей – та догадывалась. Но поскольку баба умная (по себе брал), то и не лезла она. Ни в дом, ни в разговор, ни в мужнины тайны. Оно иногда полезнее будет.

Савва слушал.

А потом кивнул, соглашаясь.

– Сделаю, тора.

– Сделай, Саввушка. Сделай... Илюшкин то сынок. Кровь родная...

Савва кивнул.

Илью он любил, хоть и был с ним нечасто. Но научить барчука ловить рыбу, показать ему лес, посадить на коня...

Уж как Наденьке пришлось расстараться, чтобы отец и сын хоть немного вместе побыли, про то только она и знала. А чтобы никто не заподозрил?

Шепотков – и тех не было! Каково с этим в деревне справиться, в глуши... кому сказать – не поверите! А она вот превозмогла. Никто и не догадался...

Сейчас же...

Мало ли что?

Надя вручала любовнику судьбу своего – и его! – внука. И просила купить продуктов и схоронить их в лесу, на заимке. В надежном месте.

А еще купить в городе паспорта на троих. Двух женщин и мальчика. Чтобы они по паспортам – жомы.

Мужа она в расчет и не принимала. А чего его?

Чужой человек. Ненужный...

Дурной он был, да такой и остался. И сам пропадет, и их подведет... нет, мужа Наденька с собой брать не собиралась. Никуда и никогда.

А еще – прикупить домик в ближайшем городе. На свою семью, да поселить там кого из родных. Если обойдется, так домик Саввушке и будет. Не обойдется? Всем равно пригодится, хоть ты тор, хоть ты жом.

Савватей слушал и соглашался. Все он сделает. Все как надо... А мальчишка-то от кого?

Надя даже не колебалась.

– Саввушка, и тут Илюша в тебя пошел. Только его любовница сынка признать не смогла. Вот как отец ее помрет, так там уж можно будет, а пока попросила Иришку за сыном приглядеть. Высоко там тора стоит, очень высоко...

– Не расшибется, сейчас-то?

Надя только плечами пожала.

Вот не волновала ее великая княжна сейчас. Утрясется все? Успокоится? Тогда и будем решать, кому и что сказать. Нет? Ей внука спасать надо! Какая бы мать ни была, отец все одно Илюшка. Своя это кровь, родная...

– Не знаю, Саввушка. Ты сделай, как я прошу. А я еще приду.

Савватей взял ее руку в свои ладони. Здоровущие, натруженные... как и тогда, тридцать уж с лишним лет назад. И так же пошла теплая волна к сердцу.

– Приходи, Наденька. А то, может, вспомним молодость?

– Ох, кобель!

Но хоть и ругалась тора, а из дома выходила спокойная и довольная. Со счастливой улыбкой. И от провожатого не отказалась – Савватей лично пошел. По лесу пройти, о старых временах поговорить... жена хоть и поругается, а только – поймет. Не дура потому как.

* * *

Лесная тропинка, узенькая, тесная. По ней двоим идти сложно, разве что тесно-тесно обнявшись. Да вот беда – сейчас Наденьку Алексееву можно было обнять только втроем.

Савву это, впрочем, не останавливало.

Что его вело в свое время? Что?!

Не любовь, нет. Не было той любви.

А вот когда он к сестре пришел и увидел там барыню... усталую, измученную, серую всю от тоски – и пожалел.

И понял.

Пьяница да дурак, он что в деревне, что в хоробах – дурак и пьяница. И иначе тут не скажешь. Девки маются – бабы каются...

Вот и каялась девчонка, даром что барыня, и маялась, и тосковала... и жалко ее было.

Понимаете, вот кто-то – замужем. А ей выпало всю жизнь женатой быть. Просто потому как доверь дураку имущество, да себя, да детей... и жалеть будет и некого, и нечего – все пылью

и прахом станет, сколько б поколений ни наживало. Все дурак по ветру пустит.

Надя понимала, что никогда рядом с ней крепкого мужского плеча не будет, – и плакала. Оплакивала свою жизнь, в которой никогда... вот никогда ее никто не заслонит. Не справится с ее бедами, не вытянет из пропасти, не поможет, не спасет.

Савва и сам не пытался.

Но ведь когда человеку сложно и трудно идти, ему нужен костыль. Хотя бы ненадолго, пока болит нога, пока тяжело, а потом он и сам выправится, и костыль бережно у дороги положит – авось и другому путнику пригодится.

А пока нет сил, и перебита нога, а ползти все равно надо...

Вот Савва и стал таким костылем для торы Надежды. Поддержал, подтолкнул, и она справилась. Смирилась с мужем, расправила плечи, приняла всю тяжесть жизни на себя – и встала стеной. Стала и заслоном, и опорой, сама осознала силу...

Не сразу, нет.

Пару лет они с Саввой были вместе.

Пару лет она слышала, что красива, что умна, что нужна... и постепенно, словно деревце, надломленное злой рукой, выправлялась. Становилась сильнее, крепче, цеплялась корнями, расправляла ветви.

Она стала сильной.

А сильный человек умеет быть благодарным. Умеет воздавать должное тем, кто ему помог. Это слабые люди обычно злы и жестоки, сложно быть добрым, если ежечасно ждешь удара. Сложно быть благородным, если об тебя вытирают ноги.

Надя стала сильной. И отблагодарила Савву, хоть и на свой лад.

Деньги – это много или мало?

Как сказать. В каких-то координатах это пустяк. Но – попробуйте жить без денег? Прокормить детей? Найти еду, жилье... Нищим выбирать не приходится, не так ли? Надя даже не деньгами откупалась – спокойной и уютной жизнью. Савва ей подарил уверенность в себе, она ему – уверенность в завтрашнем дне.

Много это – или мало? Кто ж теперь скажет?

А в те времена они так и ходили. Юный тогда Саввушка, пухленькая и обаятельная Наденька... сейчас так не получится.

А потому Надя и не стала уходить далеко. Дошла до одной из памятных полянок... вот и дерево на ней, усесться можно.

– Саввушка, это я и стенам не могу доверять.

– Наденька?

– Знаешь, от кого сын у Илюшки?

– Тора... ты ж не назвала имени.

– Великая княжна Анна.

Слово, которое сорвалось с губ Саввы, вообще-то, в присутствии тор... да и вообще женщин и детей, произносить не стоило бы.

Надя сидела молча. Ждала осознания. Наступило оно быстро.

– Это ж как же?! Это ж... Это че ж...

Да, сложно осознать, что с одной стороны у мальчика дед – крестьянин Савватей, а с другой – император всея Русины Петер Воронов.

В один шаг такое и на голову не натянешь...

Но наконец Савва осознал, смирился и посмотрел на тору с куда большим интересом.

– И че ж теперь?

– Ничего, Саввушка. Просто – сбереги внука, если что. Сбереги.

– Наденька, слово даю. Все сделаю.

– Сделай, Саввушка. Может и такое быть, что больше делать будет некому.

Савва покачал головой.

– Все, что смогу, Наденька. Защищу, уберегу...

– Побереги внука, Саввушка. Если так случится – Творцом тебя заклинаю. Не меня пытайся спасти, не сына – не разменивайся ни на что. Хватай внука – и уезжай!

– Обещаю, Наденька...

Не так уж и много сказано было на той поляне. Но главное прозвучало.

А что Савва ухмылялся в бороду, когда обратно шел...

А что!

Вот какой у него сын!

Не хухры-мухры, сама великая княжна снизошла! Оценила...

Какого он мужика спроворил! Уметь надо! Ух!

Глава 9

Нищенствуют и княжат – каторжные княгини, каторжные князья

Русина, Ирольск

Яна сидела в небольшой квартирке рядом с вокзалом и смотрела из окна на паровоз. Здесь, конечно, опаснее, ну так и она не маргаритка беспомощная, она за себя постоять может. А к поездам ей надо было быть поближе.

Ей предстоял небольшой вояж по Русине.

Да, ехать – или не ехать, вот в чем вопрос!

Ехать, понятное дело! Если на хорошем, скоростном поезде, то до Звенигорода она доберется за две недели. Ну, там, может, чуть больше будет, мало ли что. Но – где-то так.

А если ножками?

Во времена оны каторжники по два года до Сибири топали. Здесь, конечно, расстояние поменьше, но...

Полторы тысячи километров. Даже тысячу семьсот, почти... Полторы тысячи было от Зараево, а сюда она добралась – еще плюс двести километров к счету.

Машины у нее теперь нет. Да и не потянет она такой автопробег. Не с нынешним уровнем техники. И ладно б еще на дорогах спокойно было!

И ладно б еще дороги были!

И керосин.

И запчасти.

И продукты...

Короче – абзац.

Те, кто живет в двадцать первом веке, и не представляют, какая филейная часть улыбалась путешественнику всего веком раньше. Даже отдаленно не представляют.

Тот же Чехов ехал до Сахалина – около девяти тысяч километров – четыре месяца. Ехал на поезде, пароходе, пароммах, лошадях...

Яне надо было только на поезд. Но...

В стране – бардак. Она уже поговорила с путевыми рабочими, и те сказали свой вердикт: если повезет – две недели. Пассажирские поезда? Окститесь, жама! В наше-то время!

А какие?

Назван был только один поезд. Личный, жома Тигра. На котором тот приехал из Звенигорода и который отправится обратно. Осталось одно маленькое обстоятельство. Надо найти этого самого, кошачьего, и уговорить его взять Яну с собой. Желательно – на полном довольствии.

Не то чтобы девушка не могла запасти продуктов на две недели – и дольше могла. И договориться, и на пайке пожить – бывало. Пост она никогда не соблюдала, но лес же! Кто себя в руках держать не умеет, тому и в лесу делать нечего.

Но – зачем?

Есть поезд.

Есть личность, сидящая в поезде.

Осталось уговорить эту личность. И да! Камасутру не предлагать! Видела Яна тех освобожденцев... бэ-э-э-э-э! Гадость!

Вот уж кто носки меняет только на водку!

Нафиг-нафиг! Намотаешь еще чего, лечись потом. А антибиотиков еще не придумали. Зато сифилис изобрели.

Итак, что она может предложить?

Яна задумалась. А потом подошла к зеркалу. Пожалуй что... можно попробовать.

Из зеркала на Яну смотрела весьма и весьма симпатичная личность.

Косу девушка таки отрезала. Сил не было на эти лохмы! Мыть-чесать... правда, на всю длину рука не поднялась, и Яна щеголяла теперь локонами до середины спины. Красиво получилось. И голове легче.

А больше она менять ничего и не стала. Просто челочку сделала, до бровей.

Добавьте сюда мужской костюм, облегающий вполне себе симпатичную фигурку, и каблуки.

А еще – фактор неожиданности.

Вот вы ожидаете встретить на рынке английскую королеву, которая ругается, как тетя Сара с Привоза, и торгуется за морковку? Нет? А почему?

Вот-вот, такого – не бывает!

А великая княжна, которая явится к лидеру освободителей с немножко неприличным предложением? В мужском костюме, со стрижкой и с револьвером?

Бывает?

Яна искренне надеялась, что Тигру такое в голову не придет. Она ж у него не больная... наверное?

Осталось дожидаться поезда.

Яна даже не сомневалась, что жом сделает остановку в Ирольске. Слишком уж стратегически важен этот город. Вот и пообщаемся.

Как к нему подойти?

Да помилуйте!

Ножками, разумеется. Ножками!

И, наверное, ей нужно немного подготовиться. Первое впечатление – самое главное, так что ей надо показать себя в выгодном свете.

Эх, знали бы вы, жом Тигр, чего только не наслушалась маленькая Яна в лесничестве! Сами бы повесились!

Русина, окрестности г. Зараево

– Что скажешь, Петя?

Паренек лет пятнадцати взъерошил светлые вихры на макушке.

– Ох, тор... чего только не говорят!

Тор Изюмский улыбнулся.

– Ты наверняка что надо – все услышал. Верно?

– Для вас, тор, и сережку из ушка.

Николай Николаевич Изюмский улыбнулся.

Года три тому назад поймал он на ярмарке карманника. Вылетел на него мальчишка, бежал, спасался, тор его и схватил. Но – не отдал разъяренной толпе.

Заплатил штраф, честь по чести договорился и забрал мальчика с собой. Не от хорошей жизни Петька воровал – чтобы сестру

прокормить. Жили они в селе, да пришла лихоманка. Родители померли, а у родственников ни Петя, ни Аксинья не прижились.

Сам-то Петька, может, и выдержал бы – чай взрослый. А вот когда увидел, как сестренку колотят да вдосыт есть не дают... Ему одиннадцать было, малышке – четыре годика. Схватил он сестру да и дал деру.

А что напоследок денег прихватил, подглядев, куда их дядька прячет... Так что же? Дядьке зато их дом с наделом достанется. Будем считать – покупка.

Год проскитались брат с сестрой, Петька и милостыню просил, и подработать не гнушался, и воровал, пока его за руку не поймали. Так уж срослось.

Мальчика тор определил на конюшню, девчонку – в подручные к вышивальщицам. Чтобы иголку в нитку вдевать, много ума не надо, клубки перематывать, вышивку распускать – пальчики маленькие, ловкие – справится. Жить при усадьбе, каморку им отвели одну на двоих, питаться тоже при усадьбе, ну и какое-никакое, а жалованье...

С тех пор преданнее слуги у Изюмского не было.

Скажи кто Петьке жизнь за тора отдать? Пошел бы да и отдал! А чего? То, что самого парня спасли, – это еще полдела, авось прокормился бы. Справился. А вот что Аксюшку...

За хорошее будущее для сестрички Петя в лепешку был готов расшибиться. А уж побегать по городу да порасспрашивать мальчишек...

Петя бы себе руку отгрызть дал, лишь бы вернуться с добычей, и удача была к нему благосклонна!

Мальчишки... Такие мальчишки! Которым в любом возрасте интересно, о чем говорят взрослые! Которые водятся за всеми углами и во всех дырах, которые с радостью пересказывают друг другу все сплетни и слухи, нещадно их приукрашивая...

– Тор, тут дело такое... как я что слышал, так освобожденцы и правда хотели анператора... того! – Петя сделал выразительный жест поперек горла.

Николай Изюмский медленно кивнул.

– Верю. Что-то пошло не так?

– Анператор жил в домике, где-то часов шесть езды от города.

– Император, Петя. Говори правильно.

– Импета... им-пе-ра-тор, тор! – исправился Петя. Слово Изюмского для него было ценнее любых заветов Творца!

– Молодец. Итак, жил Петер в домике... с семьей?

– Да, и вроде как несколько слуг там с ним жили, то ли три, то ли четыре человека, из тех, кто уйти отказался.

– Понятно.

– Сначала главному освобожденцу телеграмма пришла. Он, говорят, аж зеленый стал, все какую-то тигру поминал...

– Ага.

– Потом приехали люди из столицы. И поехали к анпе... Императору.

– А потом?

– Потом опять телеграмма пришла, поехали другие уже к императору, а там – пожарище, кто туда приехал, так там и лежат...

– Вот даже как?

– Говорят, своих освобожденцы сколько-то отличили. У одного там зуб золотый был, у двоих оружие... поняли, что все там полегли. Кажись...

– Освобожденцы?

– Тут такое дело, тор. – Петя взъерошил хохолок еще раз. – Может, оно и брехня, ан говорят... вроде как не всех нашли.

– Не всех? – насторожился тор.

– Говорят, должно было больше быть. Вроде как одного или двоих не нашли...

– Одно или двоих? Освобожденных?

– То-то и оно, что никто не знает. Было там две машины – одна осталась. Оружие кто-то прибрал, даже если что и погорело, так хоть стволы бы остались, хоть какие детали, а оружия заметно меньше.

– Хм...

– Говорят еще, у императора при себе сокровища какие были... вот их не нашли! Вообще!

Тор Изюмский задумался. Серьезно.

Получалось – кто-то жив? Может, и сам император?

Вот ведь вопрос... Петя молчал, давая тору время все осмыслить.

– Больше ничего ты не слышал?

– Может, оно и брехня...

– Но?

– Когда этот... как его... который был тут, из столицы приехавший...

– Ну?

– Его люди на постое были у местных. И вроде как слушок шел... в Звенигороде есть какой-то колокол, вот вроде как он бил. А что, к чему... не знали. Только слухи ходили, что предзнаменование это плохое.

– Пушка, говоришь?

– Да...

– И колокол?

– Вроде как был, говорят...

– А сколько раз – не говорили?

Петька только что руками развел. Откуда ж ему такие тонкости знать? Было – и было, а дальше там что...

– Вроде как этот звенигородский сюда потому и приехал. А уж что там подробно...

– Не надо подробно, Петя. – Тор похлопал мальчика по плечу – и был вознагражден преданным взглядом голубых глаз. – Ты и так узнал больше, чем я рассчитывал. И мне ты очень важные вести принес.

– Правда, тор?

Петька просиял, аки радуга.

– Правда.

– Только прикажите, тор! А я расстараюсь!

Николай Николаевич ухмыльнулся.

– Приказываю. Иди поешь, отоспись – и я распоряджусь. Переберетесь с сестрой в другую комнату, в этой, небось, тесновато?

– Благодарствую, тор.

– И вот, сестре на ленточки. Понял?

Петя кивнул.

Сам бы он денег у тора не взял. А вот так, для сестренки...

И десять рублей принял как положено, и поклонился, и удалился на целых два или три шага чинно и солидно. А потом опрометью помчался к дому. Радовать малышку.

Николай и не сомневался. Хоть и кормят их тут от пуза, хоть и сладости им перепадают, но Петя наверняка что-то да привез малышке из города. Или петушка на палочке, или пряник... Ежели тор женится, да сын у него будет, вот Петю он к сыну и приставит. Этот парень

всякого может поучить, как надо родню любить. Хороший парнишка. Правильный...

А вот что с информацией делать...

Петер, судя по всему, мертв.

Предания про царь-пушку и царь-колокол Изюмский знал. И других версий не видел.

Петер мертв.

Наследник назван.

Вот же ж...

И что теперь делать?

Хотя вопрос дурацкий. Что делать, что делать...

Искать наследника и собирать ополчение! И никак иначе.

Тор почесал в затылке, пользуясь тем, что его никто не видит.

Значит, так...

Послать людей к соседям. Объявить мобилизацию. И постепенно стягивать войска в поместье. А еще – информация.

Как можно больше людей должны узнать и про смерть императора, и про наследника... кто же убил Петера?

Как там все было?!

Знать бы...

Но тор сильно подозревал, что эти знания ему никакой Петя не раскопает. Ну что ж, будем работать с тем, что есть.

Какой же он молодец, что оружие заказывал! И побольше, побольше... у него сейчас хватит – полк вооружить! И вооружим! Тут главное что?

Начать!

А дальше волна покатится... выметем освобожденцев гнилой метлой! Никуда не денутся, гады!

Да. Главное – начать.

И тор Изюмский решительно зашагал к дому.

Русина, Ирольск

Жом Лешек спешил домой из управы.

К груди он нежно прижимал сумку с продуктами. Два фунта хлеба, фунт сахара, фунт муки, настоящее сокровище – кусок мяса.

С продуктами в Ирольске последнее время было плохо.

Нет, на базаре-то, из-под полы, можно купить что угодно. Но цены! Зарплата секретаря управы таких трат просто не выдерживала. Продуктов за нормальную цену найти было нельзя, крестьяне везти их отказывались, и жом Лешек, считай, жил впроголодь. А ведь еще семья, которой следует помогать.

Мать, сестра, племянники... муж сестры сейчас где-то на фронте, жом Лешек даже не знал, где именно, но писал во всех анкетах, что зять сражается в стройных рядах освобожденцев и исключительно за правое дело.

А то ж!

Кто там сейчас на фронте проверит?

Сегодня он отдаст матери продукты, а та вздохнет с облегчением... хорошо, хоть паек выдавать начали, не всем, конечно, только самым полезным и необходимым...

Ох!

Увлечшись своими мыслями, Лешек налетел на симпатичную барышню. Та ахнула – и осела на тротуар.

– Ой...

Лешек ахнул – и бросился помогать.

– Простите... – Чуть не сказал «тора»! Но так и просилось на язык. В последнюю секунду, считай, поправился! – Простите, жама!

– Ничего страшного. – Яна улыбалась сквозь предусмотрительно повисшие на ресницах слезы. – Все в порядке, жом, помогите мне, пожалуйста, встать.

– Э... да, конечно, жама...

Лешек протянул даме руку и помог подняться с земли. Не забывая, впрочем, и о пакете под мышкой. Оставь-ка вещички без присмотра! Мигом уволочут!

Не во всех еще сильна сознательность! Не все прониклись светлым духом Освобождения!

Яна попробовала наступить на ногу, охнула, покривилась...

– Простите, жом, я буду просить вас о помощи еще раз. Вы не проводите меня до какой-нибудь кофейни, в которой мне могут оказать помощь? Я посижу там, потом пойду, когда нога будет не так болеть? Прошу вас...

Лешек прикусил губу.

И провожать даму не хотелось, тратить время, силы... но и не бросишь ведь! По его вине пострадала, как ни крути! И приличная жама, сразу видно! Не девка какая гулящая.

Платье такое, светло-серое, шляпка маленькая, волосы аккуратно заколоты, сумочка на запястье... словно картинка!

О!

А вот и...

– Жама, если вы не возражаете, я провожу вас в кофейню – и откланяюсь, – решил Лешек. Благо кофейня здесь неподалеку. Ее даже видно – примерно через четыре дома стоит. И даже работает. Пока еще работает, хоть цены там и жуткие.

Яна улыбалась, словно бы через боль.

– Благодарю вас, жом. Вы так любезны...

Лешек предложил даме локоть – и они медленно направились в сторону кофейни.

* * *

Конечно, ни от какой боли Яна не страдала. И кто кого сбил – еще большой вопрос. Яне просто нужен был источник информации в Управе.

Жом Тигр, говорят, скоро приедет. В Зараево он ехал через Ирольск. В Звенигород он тоже поедет через Ирольск, поезд придет сюда и будет стоять день или два...

Вывод?

Нужен источник информации.

Яна исходила из опыта своего мира. Хоть старого, хоть современного... кто читал – тот понимает.

К нам едет ревизор!^[13]

Если едет начальство, что происходит в городе?

Пра-авильно!

Начальство надо принять со всей возможной почтительностью! Прогнуться, поклониться, показать свою необходимость и важность, выстроить пару-тройку Потемкинских деревень, дать взятку «борзыми щенками»... а как еще?

Если у древних греков ревизоры ездили, так и у них все это было! Наверняка!

Что надо Яне?

Вплотную подойти к Тигру и пообщаться. Ну и убедить его взять с собой одну милую девушку. Почему нет? Поезд довезет, она же не верхом на Тигре поедет? Хотя и могла бы...

Яна едва не фыркнула, представив себе эту картину.

Есть Иван-Царевич верхом на Сером Волке?

А есть Яна-Царевна верхом на Злобном Тигре!

Эх, такая сказка пропадает!

Ладно, не время фыркать, надо обрабатывать клиента, пока не сбежал. Потому как Яна понаблюдала денек за управой – и поняла. Надо брать «языка».

И избавьте от этих пошлостей. Похитить, запереть в подвале, пытать...

Ребята, это замечательно в кино! А в жизни быстро выясняется, что оглушить человека сложно, дотащить его куда надо – еще сложнее, а если начать его пытать, то вечно или свидетели лезут, или доброжелатели... патронов не напасешься! Это как сексом на Красной площади заниматься – советами замучают!

Не-ет. Намного проще познакомиться с человеком в самой что ни на есть мирной ситуации, совершенно случайно. И качать информацию.

Чего только не наслушаешься на кордоне! В том числе и о приемах карманников. Милейший человек дядя Гриша, между прочим, старый зоновский клиент с тремя отсидками – и все за кражи – и рассказывал девочке, и показывал кое-что из их приемчиков.

Сам-то дядя Гриша был мошенником «на доверии», но приемы знал. Мошеннику знаете сколько всего уметь надо? Страшно даже и сказать! Но Гриша и знал, и умел.

А что?

Мало ли что времена изменились и из тюрьмы он отправился в правление банка?

Принцип остался один и тот же! Есть лох, то есть клиент. Лох не мамонт, он не вымрет! Есть деньги в его кармане – и они должны перекочевать в твой карман. А для этого клиента надо знать. Изучать его надо, работать... мошенники старой школы в психологии

разбирались почище любого Фрейда! Ему-то платили по числу знаков, а им психологией на жизнь приходилось зарабатывать, подход к клиенту искать, правильно его выбрать...

Вот Яна и применила уроки на практике.

Выбрала паренька лет двадцати пяти, справедливо рассудив, что эта зелень на высокой должности служить не будет. Писарчук или младший помощник старшего подносчика писем... А потом столкнулась с ним на улице, сделав так, что виноватым оказался парень. И конечно же, она не пострадала...

* * *

В кофейне Лешек усадил Яну за столик, но уйти почему-то не удалось.

Яна махнула рукой и заказала кофейник и тарелку пирожных. И пирожков с мясом... вы же будете, правда, тор? Ах, позвольте мне угостить вас... я все же отняла у вас время! А если вы спешите, я попрошу – вам завернут пирожки с собой.

Мог ли удержаться вечно голодный Лешек?

Нет!

И подождать согласился, и кофе выпить... он так пах! Никакого сравнения с обжаренными и размолотыми корневищами рогоза, которые Лешек употреблял в последнее время. У жомов из управы, конечно, было чуток побогаче, но не у всех, нет... Лешеку настоящий кофе вот уже с полгода не перепал, а то и дольше.

А Яна тем временем узнала, что у него есть племянницы, подозвала официанта – и приказала что-то тихим шепотом. Мелькнула четвертная, переходя из рук в руки. Лешек насторожился, но Яна взмахнула рукой и принялась щебетать.

Мужчина узнал, что Яна в городе проездом, что ее супруга здесь нет, он сейчас в Звенигороде, что он тоже за Освобождение...

Слово за слово, и выяснилось, что жама вполне своя, классово близкая. А как тора она выглядит потому что в семье торов воспитывалась... бывает!

А так она вполне своя!

И Лешек распустил хвост!

А что?

Он мужчина хоть куда! И раз уж случай привел его познакомиться со столь очаровательной жамой...

Слово за слово, постепенно Лешек похвастался и своим местом работы, и жомом Болиголовом, своим непосредственным начальником, рассказал, какой он строгий, как любит, чтобы все было по высшему разряду... вот жом Тигр прибывает, так все надо организовать...

А кто будет этим заниматься?

Понятно, не сам жом Болиголов! У него важные дела, на нем весь Ирольск...

Все на плечи Лешека ляжет! Вся тяжесть от организации встречи Очень Важного Лица (и прочих запчастей Тигра). И он – справится! Он ведь тоже не лаптем щи хлебает! Он человек серьезный! Солидный, умный...

Яна слушала. Кивала, поддакивала – и кончилось тем, что они с Лешekom договорились встретиться завтра же. В этой же кофейне, после работы.

А это вам. Нет-нет, жом Лешек, отказа я не приму. Вы просто обязаны побаловать своих племянниц и племянника. И маму с сестрой тоже...

В результате Лешек попал домой позднее, зато с несколькими пакетами сразу.

Матери был вручен его паек.

Сестре – большой сверток с пирожными.

Племянницы получили по кукле, а племянник – солдатиков. И сколько ж было счастья в детских глазенках! Недаром Яна посылала официанта. За хорошие деньги эта порода не то что кукол-солдатиков – они и императорскую корону добудут! Не запросто, но добудут. Очень задорого.

Игрушки!

Пирожные!!!

Счастье – есть!

* * *

На следующий день Яна опять встретила с Лешком в той же кофейне. И слушала его с большим вниманием.

Жома Тигра планировалось встретить по высшему разряду.

Встречали его на вокзале, потом везли по городу, показывали порядок, который установился в Ирпольске, потом – в управу, а из управы в ресторан.

Там встреча, ночлег в гостинице, может быть, еще один день работы в управе, а потом жом Тигр уедет. Он так и телеграфировал, что надолго задержаться не может, максимум на сутки.

Яна сочувственно кивала.

И наконец...

– А развлекательная программа уже готова?

– Да, конечно! И танцы, и...

Яна побарабанила коготками по столу.

– Жом Лешек, знаете, вы так хорошо рассказываете, что я все представила себе как живую! Вот ресторан, туда входит ваш жом Тигр, все встают при его появлении – и звучит музыка. Что-то такое... Свободное! Освобожденное!

Очень хотелось сказать – освобожденческое, но есть ли такое слово? Да хоть освободяпское!

– Эм-м-м... – Лешек представил себе эту картину и мечтательно вздохнул. – Да, это было бы восхитительно, но...

– Но?

– Я не столь силен в музыке.

Яна пожала плечами.

– Это как раз не страшно. Если здесь найдется гитара... Официант!

Петь и играть она НЕ УМЕЛА! То есть три блатных аккорда на гитаре и более-менее мелодичное вяканье – это было ей по силам. А вот нечто более серьезное... Без нее!

Но что поделать, если так легла карта?

Яна смеялась про себя, что каждый нормальный попаданец обязан перепеть Высоцкого, задолбать Сталина и спасти СССР.

Вот беда, ни Сталина, ни СССР. И Высоцкого тревожить не хочется. Ну в самом деле... Владимир Семенович для того свой талант подарил миру, чтобы Яна марала его песни об уши этих... прости господи, освобожденцев? Ой ли!

А что тогда петь?

Да то, что замечательно впишется в окружающую действительность! А именно – «Марсельезу»! Не ту, которая «Allons enfants de la Patrie...» и далее по тексту, а рабочую «Марсельезу».

Ту, которую перепели в России, предсказав и свою судьбу.

Известно же, революция – суть свинья, которая пожирает своих детей. Вот во Франции она отлично пообедала, в России подзакусила...

Это – закон, о котором не мешало бы вспомнить всем, кто пытается влезть на броневик. Падать с него невысоко, но до земли можно и не долететь – съедят.

Откуда Яна ее знала? Да помилуйте, до перестройки эту песню знали все, включая котов, собак и канареек! А на кордон приезжали в основном те, кто родился ДО перестройки, в Советском Союзе. И по пьяни они и это пели, и многое другое.

Яна взяла принесенную гитару и ударила по струнам.

– Отречемся от старого мира... [14]

Лешек слушал, почти не дыша. А когда Яна пропела: «И настанет година свободы...» – он даже слезинку вытер.

А что?

Очень революционно! Заменяем «царя-вампира» на императора, оно даже в размер укладывается. Третий куплет выкидываем, там географии избыток, – и получаем великолепное революционное произведение.

Самое то по нынешним временам.

Яна и допеть не успела, как Лешек схватил ее за руки.

– Жама! Умоляю!!!

– Лешек?

– Умоляю!!! Съездите со мной в «Лефорше»! Прошу вас!

– «Лефорше»?

– Ресторан, в котором будет проведен прием. Там есть свой оркестр, но вот так... я не смогу правильно им объяснить!

Яна пожала плечами.

– Лешек, если вы хотите...

– Умоляю вас, жама Яна! Хотите – на колени встану!

– Не надо, – погрозила Яна пальчиком, – пол грязный, вы испачкаетесь. Хорошо, я согласна, но у меня будет два условия.

– Жама?

Лешек был заранее согласен. Но на такое?

– Первое. Я хочу быть в ресторане, когда вы будете встречать жома Тигра. Мало ли что! На столик я не претендую, место за кулисами меня устроит. Все же моя песня – мой ответ.

Это Лешека устроило. И несложно, и действительно – ее песня.

– Второе. Вы сейчас возьмете у меня эти две сумки и отвезете к себе домой. Или мы возьмем извозчика и завезем их по дороге.

– Жама Яна?

– Это немного продуктов и теплой одежды. Мне скоро уезжать, а вещи останутся вот, чтобы не пропадали...

– Жама, я не бедствую...

– А я и не милостыню предлагаю, – отрезала Яна.

Вообще-то барахло осталось после отъезда семейства Лейва. Узнав про наличие у Лешека племянниц и племянника, Яна просто наведася к братцу Борхи и выкупила у него часть ношеного барахла по приемлемой цене.

Ну и продуктов добавила.

Пусть уж... деньги есть, не обеднеет. Мальчишка же... и рубаха вон заштопана аж в трех местах. И видно же, что все в дом тащит, все родным...

Яна искренне считала, что освобожденцы – сволочи и давить их надо, но...

А вот таких дурачков – куда? Жалко ведь! Соплячье, которое поверило очередному подлецу... сколько таких будет? Сколько их перемелет Молох войны и революции?

Миллионы?

Миллиарды!

Не про таких ли детей сказано в Библии? Яна не была знатоком, но...

«А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня...»^[15]

Что-то такое ей помнилось, с той же заимки. Так вот...

Даже если вожди революции и знали эти слова – один фиг, к себе они их не применяли. И ничего их не останавливало. Страшная это штука – власть!

– А в ресторане, а в ресторане, а там гитары, а там цыгане, – задумчиво насвистывала Яна^[16].

Она и не знала, что здесь такое есть! Ничуть не хуже всяких Паласов и Плазм!^[17]

Ресторан был роскошным, иначе и не скажешь. Сводчатые потолки, хрустальные люстры каскадом, колонны, мрамор, позолота... Столики тут даже и не особо вписывались!

И конечно – оркестр. Не лабухов же каких звать! Исключительно свои, пианино, скрипки, виолончель, гитары... танцевальный ансамбль!

Ну да, революция там или еще чего – а кушать и развлекаться всегда хочется. И не важно кому. Хоть ты князь, хоть высший партийный функционер, а обслуживание быть должно! По первому классу!

Яна фыркнула – и принялась организовывать команду.

Вот честно!

Она петь не умела и не собиралась, а потому певцам – три штуки, две девушки и один мужчина, – был вручен лист с текстом и предоставлено время на зубрежку. А Яна более-менее попробовала воспроизвести мелодию. Напела, поняла, что нещадно фальшивит, попробовала напеть еще раз. Получилось лучше.

Сначала ее поддержало фортепиано, потом включились скрипки...

Сыгранный оркестр старался вовсю. Получалось не так чтобы очень, но люди старались.

– Да вам не надо перебивать голос, так, поддерживайте, – пояснила Яна. – Чтобы песню слышали, а музыка... Вторым фоном. Если понравится, вы потом еще подберете. Будет время!

Музыканты закивали.

Песенку они оценили, в годину революций такое творчество весьма популярно становится. Да и писал мастер слова!

Потом наступило время прослушивания. По итогам Яна утвердила одну из певиц – не удержалась. Колоратурное сопрано – такой редкий тембр!

Если честно, Яне он был как пилой по нервам. Но людям же нравится? Вот и получайте удовольствие! Если не от песни заплачете, то от голоса! А на припев взяли всех троих. Так красивее получилось. Сначала высокий и пронзительный женский голос, пробуждающий тоску в сердце, а потом его красиво оттеняет мужской бархатный баритон.

– Отлично! Жама Яна, восхитительно! – Лешек не нашел к чему придраться. – Это просто чудесно! Эта песня так соответствует духу Освобождения! Зовет в бой за новый мир!

Яна тряхнула головой.

– Вот и отлично! Работаем, жомы и жамы! Работаем!!!

Русина, Зараево

– Как мертвы?!

Алоиз Зарайский был не то что в возмущении – в негодовании.

Отвратительно!

Попросту – отвратительно!!!

Вот какого военно-морского эти освобожденцы умудрились прикончить императора с дочками ДО его приезда?! Нет бы подождать недельку?!

Задержался он... ну, бывает!

Пока отследил, куда отправили императора с семьей, пока догнал... да вы хоть знаете, в какие расходы он влез?! Ей-ей, этого императора похоронить дешевле будет за такие деньги!

А освобожденцы его убили! Да со всей семьей!

Или... не со всей?!

На продавщиц, телеграфисток и служанок жом Алоиз действовал убойно. Улыбнуться, подкрутить ус – и очередная жертва обаяния плавно и медленно падает к его начищенным ботинкам. Не осталась равнодушной и барышня с зараевского телеграфного узла, выдав ему содержание телеграмм тора Изюмского.

А как еще привлечь мужчину?! Только тем, что ему интересно! А тут такая тема!

Тор Изюмский знал, что делал: через пару дней все Зараево было в курсе, что злодеи-освобожденцы императора убили, но кто-то из

императорских дочерей уцелел.

Алоиз воодушевился, но...

Допустим, уцелела. А дальше-то что?

Императорская дочь – это вам не поденщица с фермы, которых сотню набрать можно! Не крестьянка, не мещанка! Во-первых, у них достаточно своеобразная внешность... не у всех, но у трех точно! Две там непритязательные, вот на их роль можно кого-то подобрать! А те, что копии матери... эх, хороши девки!

Но – не судьба!

Однако даже подобрать похожую девушку – половина дела. А как насчет всего остального?

Манеры, характер, речь, знакомые, родственники... да ее попросту не признают! И – все.

А тор Дрейл шутить не любит.

И что делать?

А что тут сделаешь? Искать претендентку на роль великой княжны. Точка.

Россия, Анна

Нравится тебе экономка, не нравится, а мирные отношения налаживать надо.

В одном доме живете, одним господам служите, если враждовать будете, так обе и вылетите. Анна это хорошо понимала.

Как великая княжна, она отлично умела управлять слугами. Сама прислуживать не умела, но это не страшно. Она учит, а не кланяется, это вещи разные.

Хотя с Кирой пока было сложно. К взрослым людям девочка относилась крайне подозрительно, и ее можно было понять. Растила ее бабушка, воспитанием занималась тоже она... Как бабушка воспринимала жен отца?

Совершенно без восторга.

Исключение делалось для первой жены – не сильное. Но там даже бабушка признавала – выгоды в первом браке Бориса Викторовича не было. Обычный студенческий брак. Встретились, полюбили, поженились.

Потом, к концу пятого курса, Борис Викторович занялся торговлей. Чем он торговал, Кира не знала. Чем-то. Раскрутился, вошел к кому-то в долю... где вы видели ребенка, который досконально будет вникать в родительские дела? Кира и не вникала.

Раскрутился Борис Викторович достаточно быстро. И развелся.

Почему? Кира говорила, что первая жена ему не подходила по статусу. Она была из неблагополучной семьи, у нее были какие-то проблемы. Получила женщина квартиру в качестве отступных – и ушла.

Борис Викторович женился на матери Киры – Катерине.

Молодая девушка, выйдя замуж за бизнесмена, сначала решила, что попала в рай.

Муж любит, капризы выполняет, опять же, не толстый, не старый, не страшный... чего еще надо? Ребенка вот родили...

И началось.

Послеродовая депрессия.

Во времена Анны и слов-то таких не знали, а тут оказалось, что она – есть. Или (по мнению уже Анны) депрессии не было как таковой. А вот безделье...

Безделье в сочетании с тяжелыми родами оказалось для женщины неподъемной ношей.

По хозяйству – прислуга. С ребенком бабушка, которую не прогонишь, Борис против, да и не так уж Катерина любила дочку, весьма средне, даже грудью не кормила. В результате у девочки то колики, то аллергия, то еще что...

Свалила мать ее на свекровь да и порадовалась. А делать-то что?

Читать не приучена, думать – тем более, сериалов много не посмотришь, а там и подсказал кто-то! И начала Катерина скрашивать свою тоску парой капель коньяка в кофе. Потом – без кофе. А потом уже и не в каплях отсчет пошел.

Борис Викторович честно пытался ее лечить – года три. Потом понял, что бесполезно, махнул рукой, купил и второй жене квартиру похуже – все одно пропьет – и выставил ее из своей и Кириной жизни.

Третья супруга была полностью подходящей. По статусу, возрасту, внешности...

Но безделье губит всех. А может, и не только безделье тому виной. Но третья жена, которую Кира и не особо помнила, подседа на

наркоту. Борис Викторович разматерил все и вся, но махнул рукой и эту супругу тоже выставил.

Четвертую супругу отца, то есть свою третью мачеху, Кира уже помнила. И активно не любила.

А чего тут любить?

На девочку та внимания вообще не обращала, никакого, зато на мужчин... Та порнография на компьютере – слабое отражение ее способностей.

Через то замуж вышла, через то и погорела с треском и блеском. Все же трое студентов-китайцев в супружеской кровати – это небольшой перебор. Хотя и одного было много.

Киру воспитывала бабушка. Маргарита Ивановна дамой была своеобразной. Даром что преподаватель музыки, характер там был как у матерого прораба. Какие там нежности-трепетности?

Упал – отжался – сделал – и не тьякать! Может, с учениками в наше-то время и нельзя иначе. В любое время нельзя.

Но внучку Маргарита Ивановна любила. Правда, проявлялось это своеобразно. Киру берегли, любили, заставляли жить по режиму, носить платица, плели косички...

Свобода выбора? У детей?

Смеяться изволите?

Ладно... пусть выбирает, банановый кефир выпить или клубничный. Но пить все равно придется.

Гайки были закручены четко. Утром зарядка. Контрастный душ. Потом школа, здесь же, в поселке, по возвращении из школы – обед, два часа сна, полдник, уроки, вечером – секции и кружки. То есть в понимании Маргариты Ивановны – репетиторы.

Киру учили играть на музыкальных инструментах, лепить, рисовать, вышивать и вязать. Расписание все учитывало, вплоть до визитов на выходных в картинные галереи, консерватории и музеи.

Стоит ли удивляться, что после бабушкиной смерти у девчонки сорвало все предохранители?

Кира поняла, что свободна. И никто не стоит над душой, никто не заставляет делать уроки, не действует на нервы, не требует, не указывает, не, не, не... не нужна она никому!

Вообще...

Отцу?

У того бизнес, бизнес, БИЗНЕС!!!

Отцовской супруге? Будь Кира мальчиком, может, та и заинтересовалась бы. А девочка... что с ней делать-то? И вообще, потенциальная соперница. Нечего тут!

Девочку она просто гоняла, а та и рада гоняться. Кстати, ту видюшку она с компьютера мачехи как раз и скачала. Интересно же!

Какое-то время Кире везло. Она носилась по поселку в свое удовольствие, прибилась к компании ребят постарше, начала курить, выпивать и даже попробовала травку.

Интересно же!

Не то чтобы ей самой хотелось, но – интересно! Так вот оно обычно и бывает! Сначала ты на побегушках, а потом и зависимость сформировалась. Кто знает, до чего дошло бы у Киры, но... повезло!

Организм девочки, как оказалось, вообще не переваривает наркотики. Ни в каком виде. С более серьезными еще неизвестно, а вот травка почему-то вместо расслабления дала побочный эффект. Девочку начало рвать, поднялась температура, она начала задыхаться...

Борис Викторович, как обычно, был на работе.

Всех взбаламутила Роза Ильинична, с которой Маргарита Ивановна была давней подругой. Она увидела, что девочке плохо, она заставила Романа отвезти ее в больницу, она позвонила Борису Викторовичу... и она же огребла «благодарности» с двух сторон.

От Киры – потому как права девочке урезали по самые обязанности.

И от Бориса Викторовича – не уследила.

Конечно, впрямую Кира это Анне не рассказывала, но умение вести беседу – оно в любом веке умение! Анна так построила разговор, что Кира и выложила все, и сама не заметила. Уметь надо!

Риторика, логика... не учат этому в школах! И совершенно зря. Могли бы и поусердствовать, на той же литературе.

Но – нет.

Почему?

Да потому, что никому не нужен народ, четко знающий, когда ему вешают лапшу на уши, ловящий на нестыковках и вообще обученный мыслить. Чем примитивнее баран, тем легче пастуху!

Борис Викторович запер дочку дома и принялся нанимать ей нянек.

Ага...

Даже – ога и бу-га-га...

Кира восприняла это как покушение на свою свободу и независимость, плюс сюда еще добавился подростковый возраст, и девочка словно с цепи сорвалась. Няньки и гувернантки вылетали из дома едва ли не быстрее, чем заходили в дом.

Пороть-то соплюшку не разрешалось! А без этого справиться с ней пока ни у кого не получалось. Наверное, кроме Анны. И то – Анна не начала еще справляться. Она просто посочувствовала.

Таким образом Борис Викторович и в агентстве оказался – ему срочно требовался ну хоть кто-то для дочери взамен невезучей няньки. Хотя ее так и так можно понять было. Тараканов Кира в дом не тащила, понимая, что их потом не выведешь. А вот засунуть несчастной женщине в кровать пару живых медведок...

Милейшее, в сущности, создание. Но орала гувернантка долго, а уволилась очень быстро. И совершенно непонятно – почему?! Могла бы просто вынести насекомых в сад – и работать дальше?

Анна нашла рисунок медведки, посмотрела – и поняла бедную женщину.

Заодно она поняла, что человек – ни разу не высшая форма жизни! Медведка летает, плавает, ползает, прыгает, одинаково комфортно чувствует себя на земле и под землей...

И чего еще надо?

У человека так не получается!

Зато медведка не знает, что такое гласность и демократия! У этих безмозглых насекомых даже парламента нет! И договариваться медведки не умеют, обязательно друг друга сожрут. Каннибалы они... то ли дело – люди!

Анна подумала, что она в чем-то лучше медведки – и пошла налаживать контакт с Розой Ильиничной. А вот, кстати, и она, в кабинете. Планирует что-то... раннее утро, тишина, все еще спят – самое время поработать спокойно, пока никто не мешает и не мешается под ногами.

– Роза Ильинична, доброе утро.

– Доброе утро, – отозвалась дама без малейшей симпатии.

После торжественного явления крысы Роза Ильинична чуть успокоилась и к Анне относилась достаточно лояльно, равно как и к

коту.

Гадость, конечно!

И шерсть от него, и мяв, но... лучше кот, чем крысы!

Тем более кот оказался неглупым и воспитанным. Большую часть времени проводил или на улице, или в подвале, со стола ничего не крал, но и не отказывался, если угостят, крыс и мышей ловил и приносил к крыльцу, только убирай, ничего не драл, а шерсть...

Что ж.

Это кое-как можно пережить. К примеру, приобрести робота-пылесоса.

Роза Ильинична признала за Анной определенные плюсы, но симпатия? Вы слишком торопитесь, дамы и господа! Подождем, посмотрим...

– Простите, что отвлекаю вас, но больше мне с этим вопросом обратиться не к кому.

– Слушаю?

– Могу я кое-что приготовить на кухне? Я сейчас схожу в магазин, куплю все необходимое – и займусь.

– Что вы хотите приготовить?

– Тимбаль с мясным фаршем, – решила Анна. – Императорские блинчики с начинками, компот из печеных персиков – думаю, этого будет достаточно.

– Тимбаль?

Анна пожала плечами.

– Хотите – приготовлю на всех и поделюсь рецептом. Он несложный. И блинчики тоже...

– У вас сегодня выходной? Не так ли?

То есть – с чего такая щедрость?

Анна чуточку наклонила голову.

– Все верно. У меня выходной, и я хочу съездить к сыну.

– У вас есть сын? Мне казалось, вы слишком молоды для ребенка.

– Вы мне льстите, Роза Ильинична. Да, у меня есть сын, ему почти шесть лет, и он замечательный. Сейчас он лежит в больнице, он перенес операцию, и мне хотелось бы съездить и побаловать его вкусным.

Роза Ильинична медленно кивнула. Лицо ее чуть смягчилось.

– Хорошо, Анна Петровна. Предлагаю вам сделку: вы готовите на всех, накладываете себе, сколько надо, и едете в больницу к малышу. Успеете?

– Разумеется. Но придется добавить еще и закуски, иначе завтрак неполон.

– Вы успеете все сделать? Борис Викторович просыпается рано.

– Успею.

Анна чуть улыбнулась краешками губ.

Ах, мэтр Симеон! Как же я вам благодарна за ваши старания...

Мэтр был одним из четверых слуг, которые не бросили императорскую семью. Мэтр последовал за своим императором в изгнание, готовил еду на всех, сам ходил за продуктами, умудрялся творить чудеса даже из старой гречки и учил девочек, конечно.

Анна его науку запоминала.

Роза Ильинична следила за девушкой с подозрением, но...

Анна прошла на кухню, уверенно повязала передник, закрыла волосы косынкой, принесенной с собой, а потом принялась командовать так, словно всегда готовила человек на сорок.

И вот уже отварены макароны и натерт сыр, уже вымешано тесто для блинчиков, как и положено, с соусом бешамель, с лимонной водой и сливками...

Готовое желе Анне не понравилось, пришлось разбивать ягоды с медом...

Кухарка хотела повозмущаться, но была остановлена строгим взглядом Розы Ильиничны, да ей и самой было любопытно.

Примерно через час аромат готовящихся блюд привлек на кухню всех домашних.

Последними подтянулись Кира и Борис Викторович. А Сталин так и сидел с начала готовки, ловко утягивая из-под рук девушки то кусочек фарша, то сыр...

– Розочка, чем так потрясающе пахнет? – поинтересовался Борис Викторович, заходя на кухню. – Анна?

– Доброе утро, Борис Викторович. Все готово, можно подавать на стол... разве что компоту еще остыть надо, его бы на лед вынести.

– Это я сейчас устрою, – кивнула кухарка.

Анна сняла передник, косынку и принялась мыть руки.

– Ауч! Ты готовить умеешь?

Анна весело подмигнула Кире.

– Понравится – дам рецепт.

– Попробуем, – кивнул Борис Викторович. И отправился за стол.

Анна попросила у Розы Ильиничны контейнеры, отложила вкусняшки для Гошки и поставила в холодильник. И не зря.

Слопали все.

Добавку Борис Викторович просил три раза, на блинчики смотрел обреченными глазами, выпил стакан компота и застонал.

– Анна, вы – ужасны!

Анна подняла брови.

– Как скажете, Борис Викторович. Больше готовить я не буду.

– Аня!!! – Кира взвыла и запихнула в рот блинчик.

– Но тебя научу. Хочешь?

– Хочу!!!

– К примеру, салат из артишоков, помидоров и яблок, заливные грибы, яйцо с рыбой в волованах, рыбный винегрет, уху из стерляди с шампанским, торт с калеными орехами, пирожное из хурмы...

Борис Викторович посмотрел с искренним удивлением.

– Вы все это умеете готовить?

Анна кивнула.

– Умею. Это несложно.

– Да тут одни названия – одуреешь! – высказалась Кира. И слопала еще один блинчик.

– Но – вкусно, – подначила Анна. – Кулебяки, расстегаи, пироги...

– Приготовишь? – попросила Кира с самым умоляющим видом.

– Сегодня я уже не успею. А завтра, если захочешь, могу чему-нибудь поучить. Хочешь слоеный омлет?^[18]

– Хочу!

– Ну вот и вставай пораньше, и научу, и приготовим вместе! И пирожное из инжира, к примеру...

– Я сегодня закажу все необходимое, – Роза Ильинична смотрела на Анну если и не с любовью, то хотя бы с уважением. Она оценила, как готовила девушка. Без телефона, без книг, чисто из памяти, и распорядилась помощниками она вполне естественно, и дай ей волю – и стол бы сервировала легко, домоправительница обратила внимание, как небрежно, привычно Анна поправила салфетки, подвинула цветы и поменяла местами два графина...

Все очень... обыденно.

Она это умеет, для нее все привычно, нормально, спокойно – и в то же время чувствуется, что она – не кухарка. Нет, не кухарка.

Но – кто?

– Я напишу список, – пошла навстречу Анна. – И если пожелаете, могу помогать на кухне. Если Кира Борисовна согласится.

Кира сунула в рот еще один блинчик – и кивнула.

О да!

Она была согласна!

Еще, пожалуйста! И как так получается?

Блинчики тонкие, едва не прозрачные, и начинка, а они не рвутся... И как же вкусно!

* * *

После завтрака Анна отправилась в больницу, захватив с собой контейнеры с продуктами и купив по дороге соки и фрукты.

Игрушки она не покупала, а вот фрукты и домашнюю еду ребенку можно. И хочется.

Соки, виноград, гранаты, контейнеры с разными вкусняшками...

Борис Викторович в благодарность за вкусный завтрак (и в надежде на повторение банкета) попросил Анну не таскать все на себе и не ехать на автобусе. Пусть водитель ее отвезет, хотя бы в больницу. Оттуда она как сама захочет, а вот из особняка в город изволь ехать как белый человек.

Анна искренне поблагодарила – и сейчас наслаждалась встречей с сыном.

Да, пока через стекло.

Пока она не может обнять своего мальчика... да-да, своего! Гошка, совсем такой же... а что родился он в другом мире?! Так и что же! Хелла зря не скажет, ее это сын! Анин!

– Мама, не расстраивайся! Доктор сказал, что у меня положительная динамика, меня скоро выпишут!

Малыш говорил рассудительно и четко. И Анна улыбалась ему.

– Я так рада, маленький. Скоро мы будем вместе. Поедем домой, в лес... хочешь к бабушке?

- Хочу!
- Вот! Обязательно поедем!
- Ур-р-ря! А Смайлик?
- И он с нами поедет. Обещаю. Я денег немного заработаю...
- Класс!!!

И что еще нужно для счастья?

Серьезные глаза на любимой мордяхе, и улыбка, и понимание того, что вот оно! Твое, родное...

- Солнышко мое...
- Мама...

* * *

– Слушаю?

Ольга Сергеевна не собиралась тратить время на всякие «здравствуйте – до свидания», вот еще не хватало! Она деньги платит! И немалые!

Детектив это понял, потому как перешел на сугубо деловой тон.

– Ольга Сергеевна, ваш сын вел достаточно беспорядочную половую жизнь. За время его учебы в институте, шесть девушек сделали от него аборты.

– Шесть?

– Именно так. Вот фамилии. Сергей действовал по одной и той же схеме. Заводил отношения с девушкой, выбирая тех, что победнее, одевал-обувал ее, водил по тусовкам и ресторанам, потом новизна отношений приедалась, и он начинал изменять очередной подружке. Следовал разрыв отношений – и ваш сын устремлялся на поиски новой партнерши. В шести случаях... две верхние фамилии – там девушки рассчитывали на материальную компенсацию. Их надежды оправдались, Сергей дал им достаточно крупную сумму на аборт, припугнул, простите, вами, и девушки отправились в гинекологию.

– Ясно. Дальше?

– Вот эти четыре крупной компенсации не получили. Там все вышло по обоюдному согласию, ребенок был никому не нужен.

– У моего сына нет детей?

– Я бы так не сказал, Ольга Сергеевна. У него есть ребенок.

– ДА?

– Вот имя матери.

Анна Петровна Воронова.

Ольга Сергеевна прищурилась на фотографию, с которой улыбалась достаточно симпатичная девушка.

– Что он в ней нашел?

Вопрос детектив посчитал чисто риторическим.

– Ваш сын встречался с Анной, или как она себя предпочитает называть, Яной Петровной, больше года. Потом она забеременела, и молодые люди расстались. Яна Петровна взяла академический отпуск, родила сына, доучилась заочно – и больше с Сергеем не встречалась. О рождении сына ему не сообщала.

– Есть фотографии?

– Да, разумеется.

– Анализы?

– Все на флешке.

Ольга Сергеевна привычно сунула ее в порт ноутбука. И воззрилась на монитор, на котором появлялись лица Гошки и Яны.

– Вы считаете, что это мой внук?

– На флешке есть заключение генетической экспертизы.

– Откуда?

– Мальчик сейчас находится на излечении в детской областной больнице. Добыть немного крови – не проблема.

– Вот даже как... он серьезно болен?

– Нет. Операция прошла успешно, мальчик будет совершенно здоров.

Мадам поджала губы, но...

Да, это не Сережа. Но делать-то нечего! Своя, родная кровиночка!

– Раздобудьте мне все сведения о его мамаше. Все. Где живет, что ест, с кем спит...

– Предварительно уже немного есть. Если пожелаете...

Ольга Сергеевна желала. Но подробности тоже добудьте! Обязательно!

Компромат нужен. Она еще не решила, что делать с мальчиком и его матерью, но козыри на руках уже хотела придержать. Мало ли что!

Мало ли кто!

Вот узнаем все, а там и посмотрим...

Но пока...

С этим мальчиком она может не совершить тех ошибок, что с Сережей. Георгий... неплохое имя, Георгий... Петрович?!

– Почему он Георгий Петрович?!

– Потому что ваш сын дал Анне Петровне денег на аборт. И она решила, что малыш не должен иметь никакого отношения к его биологическому отцу.

– Хамка! – припечатала Ольга Сергеевна, совершенно забыв, что еще года три назад сожрала бы молодую женщину с костями и тапочками. Нужны ей, что ли, ублюдки от неизвестной девки?! Вот еще!

Детектив промолчал.

То, что он узнал про Яну, вызывало уважение. Если что – отобьется. В лесу и поопаснее звери бывают. Хотя – немногие.

Ольга Сергеевна тоже молчала. Она думала.

Определенно, надо познакомиться с мальчиком и его матерью. А там и посмотрим – достойны ли они такого родства! Или лучше забрать малыша и воспитывать самой?

Что может дать ему эта сопливая дуреха?

Да ничего!

А вот она...

Про Сережу, который лежал в клинике для наркоманов, дама опять-таки забыла. Хорошо все же устроен человеческий разум! Куда там угольному фильтру! Мигом отсеивает любую неудобную хозяину информацию!

* * *

Анна размышляла.

Ей нужны были деньги. Много денег. А где их взять? Вот вопрос!

Будь она дома, вопросов не было бы. Денег у нее хватало. А здесь? Заработать? Она бы работала и зарабатывала, но это долго. А времени у нее и нет.

Год.

Всего один год, за который надо обеспечить сына. Ее ведь больше не будет рядом... допустим, Янин отец за ним приглядит, но что

случится, если мальчик опять заболит?

На что его лечить? Учить? Где жить в городе?

Можно сказать, что детям нужна любовь. Но поверьте, трехразовое питание им нужно не меньше! И теплые ботинки по осени.

Ноги как-то сами собой принесли Анну к Янину дому. Внутрь идти не хотелось, Анна присела на скамеечку во дворе – и прикрыла глаза.

Позднее, осеннее, немного уже холодноватое и сонное солнышко грело ей лицо. Пять минут спокойствия, которого у нее никогда не было. А сейчас как-то так получалось...

Сын рядом, и она может пойти к нему в любую минуту.

Отец... пусть не рядом, но его можно услышать. Стоит только набрать номер... какое же это чудо – сотовый телефон! Невидимые связи между людьми на разных концах планеты.

Будь у них такое... было бы проще.

Или нет?

Кузина Элоиза все равно не приняла бы их. Говори, не говори... Анна от души пожелала, чтобы Яна порвала там всех на тряпки.

– Яночка?

Ольга Петровна.

Сердцем она, что ли, чувствует, как кто во дворе оказывается? Но ругаться Анне не хотелось, да и не за что пока. Хотя память Яны подсказывала манеру поведения. Вежливо послать на три буквы, а потом добавить повитиеватее. Как с нечистью.

Говорят же, если обматерить нечисть, та улетучится. А ведь с некоторыми активистами этот метод тоже работает... случайное совпадение?

– Добрый день, Ольга Петровна.

– И тебе доброго дня. Как дела, как здоровье?

Анна подняла бровь.

Учитывая Янины методы борьбы, такое поведение было более чем странным.

– Не жалуюсь. Ольга Петровна, у вас все в порядке?

Не упал ли на вас кусок крыши, начисто отбив память и адреса, по которым вам обычно предлагали проследовать?

Безумная Активистка расплылась в улыбке, живо напомнив Анне виденную раз в жизни гиену.

– Да, вполне. Хорошо, что ты приехала, я как раз с тобой поговорить хотела...

– Слушаю?

– Не хочешь ко мне на чаек зайти?

– Ольга Петровна, у меня нет времени и желания распивать чай.

Сказано было ровно, но достаточно жестко. Пенсионерка покривилась, но речь о невоспитанной молодежи, которая не проявляет никакого уважения к старшим, не закатила.

Странно.

Точно ей что-то надо!

– Яночка, тут дело такое...

Анна молчала, не собираясь облегчать ей это дело.

– Тут же это... МФЦ, не к ночи будь помянуто!

Анна порылась в памяти.

МФЦ. Ага, идея-то отличная. Воплощение пока страдает, но та же память Яны подсказывает, что первые блины – комом. Вот отладят дело – будет веселее.

– Помнишь, я тебе про Ахметовых говорила?

– Помню.

– Вот, Ринатику туда идти надо! С документами. А бедный мальчик вовсе уж растерялся. Ты с ним не сходишь? Выручи уж человека, помоги ему... в его родном городе ничего такого и в помине не было!

Анна помолчала пару минут. Заговорила она, когда Активистка начала расплываться в торжествующей улыбке – уломала?!

– Ольга Петровна, я не располагаю своим временем. Найдите для вашего подопечного другую сопровождающую.

А для Анны – другие причины. Вот еще не хватало, взрослого мужчину за руку водить! Дитяtko малое нашлось! Не зайдет, не оглядится, совета не спросит... вы серьезно?!

– Ты ж два дня через два работаешь.

– Я поменяла место работы.

– Да? И кем же ты сейчас работаешь? А где?

– Ольга Петровна, я еще раз повторяю: вашему подопечному придется обойтись без меня. Может, вы лучше поищите пока

сопровождающую для него?

– Яночка, ты просто не понимаешь! Ринатик такой милый мальчик, такой умный...

Анна молчала.

Ольга Петровна пошла в атаку.

Десятиминутная лекция о замечательном, таком умном, красивом и трудолюбивом Ринатике пропала даром. А уж какая у него мама... которую колотит такой замечательный – ах, какой мужчина! – папа!

Анна даже не кивала.

Абстрагироваться от действительности она научилась давно, а сейчас даже не старалась сделать заинтересованный вид.

К чему? Для кого?

И это было неожиданно приятно. Раньше она бы краснела, мялась, стеснялась отказывать... сейчас? Ей всего год остался. Глупо тратить время на каких-то Ринатиков.

– Яночка, ты меня не слушаешь?!

– Не слушаю, Ольга Петровна, – мирно согласилась Яна.

Ольга Петровна поджала губы, подумала было разразиться очередной речевкой, но поняла, что это – бессмысленно. Все равно ее не услышат. И привела в действие тяжелую артиллерию. Достала из кармана старый, еще с кнопками и маленьким экраном, сотовый телефон.

– Ринатик...

* * *

Долго ждать не пришлось.

Во двор вошел... Анна окинула вошедшее одним взглядом, составила мнение – и горестно вздохнула. Надо позвонить Кире, будем надеяться, та еще не переговорила с отцом насчет татар-соседей.

Придворное воспитание, знаете ли, позволяет определять не только стоимость одежды и украшений. Но еще и способности человека, его возможности, просчитывать его действия...

«Штирлиц шел по Берлину, – всплыл откуда-то в памяти странный... да, здесь это называется анекдот, – и что-то выдавало в

нем храброго советского разведчика. То ли косо надетая буденовка, то ли волочившийся за ним парашют...»

За вошедшим не волочилось парашюта, но Анна уже точно знала – работать этот человек не будет.

Вообще.

Никак и никогда.

Хозяйка дома обязана и в прислуге разбираться. Вот с Розой Ильиничной было легко: экономка отлично классифицировалась и подход к ней был.

И этот человек классифицировался тоже.

Лентяй. Хуже того, человек, не желающий трудиться. Лентяя можно переделать, лень перебарывается ради детей, ради денег, ради... да многое можно найти в качестве стимула. Но – не в этом случае.

Человек, который вошел во двор, всю жизнь будет устраиваться так, чтобы не работать.

«Где бы ни работать – лишь бы не работать», – всплыла еще одна фраза. Анна подумала, что она верна.

Не то чтобы он был косым, кривым... перед Анной стоял вполне симпатичный мужчина лет двадцати пяти, уже вполне сформировавшийся, без юношеской хрупкости. Наоборот, даже животик, хоть и маленький, уже прослеживался.

Черные волосы, смуглая кожа, черные глаза... красивый молодой человек. Но... нечто неуловимое твердило Анне одно и то же.

Плут, лентяй, выжига, враль и, возможно, даже вор.

– Ринатик, – засуетилась Ольга Петровна, – А вот Яночка! Вот познакомьтесь тут, ребятки, поговорите, а мне уже пора...

И улетучилась быстрее лани.

Анна готова была поспорить, что Ольга Петровна прильнула к окну – и даже выставила ухо, словно антенну. Но сама не проявила ни малейших эмоций.

А что ей оставалось делать?

Уйти в дом – и чтобы туда ломились?

Удрать?

Первое бессмысленно, второе смешно. Оставалось только встретить опасность лицом к лицу и дать понять, что использовать ее не получится. Вот никак. Стать неинтересной для пиявки. Нет кормовой базы? Плыдем искать других идиоток...

– Здравствуйте, Яна.

По-русски мужчина говорил очень хорошо. Вообще без акцента. Анна кивнула, словно подтверждая, что будет здоровствовать, – и опять уставилась в одну точку чуть повыше забора.

– Ольга Петровна говорила, что вы очень симпатичная девушка, но я не думал, что настолько...

Анна молчала.

Она молчала, когда, исчерпав запас комплиментов, незванный татарин перешел вовсе уж к откровенной чепухе, молчала, когда он рассказывал про свою семью, молчала...

Наконец мужчина замолчал, и Анна посмотрела на него.

И позволила себе на миг – стать самой собой.

Ее высочеством.

Великой княжной Анной, к которой такой тип не смог бы подойти даже в страшном сне. В лучшем случае его бы прогнали плетьюми...

– Ринатик, – тихо сказала она.

– Да?! – встрепенулся мужчина.

– Нет.

– Не понял?

– Все вы отлично поняли. Не знаю, что вам напела Ольга Петровна, да и знать не хочу. Не хочу видеть вас, слышать, общаться, иметь с вами или вашим семейством какие-либо дела, вообще иметь что-либо общее. Поэтому вы сейчас выйдете за калитку и раз и навсегда избавите меня от своего общества.

Замешательство мужчины длилось секунд двадцать. А потом он ожидаемо разозлился.

– Борзая, да?

– Породистая, – поправила Анна, решив не относить себя к конкретной породе собак.

– Чего?

– И не стану портить породу.

– Да я тебя...

– Неужели? – подняла брови Анна. Здесь и сейчас она была целиком и полностью в безопасности. Вот на темной улице, в ночное время, разговор был бы другой. Но – там и тогда. А вот здесь и сейчас все козыри на ее стороне.

Что с ней могут сделать? Разговаривать?

Она уже показала, что не желает и не будет общаться.

Применить силу?

Опасно. Она ведь может и ответить. И не обязательно силой. Можно просто дойти до ближайшего городского... то есть написать заявление участковому. И его примут.

Да, это некрасиво. Но к эмигрантам всегда относятся с подозрением. Особенно местные органы правопорядка. Можно сказать, их первый и священный вопрос: «А чем это таким, дружок, ты на родине занимался?» И второй, вдогонку: «А почему ты уехал?»

Работа у них такая... тяжелая и неблагодарная.

И если Ринатиком и его семьей заинтересуется кто-то из участковых, то жить ему станет сложнее. Это Ринат понимал отчетливо. А потому...

– погоди, мы с тобой еще встретимся!

Анна лениво улыбнулась.

Вот совершенно ей не хотелось ругаться. Поэтому она даже слов тратить не стала, ограничилась улыбкой. Грустной и самую чуточку насмешливой.

Встретимся?

Даже кошка может смотреть на короля, почему бы и незваному татарину не посмотреть на принцессу? Только не рассчитывай, что эта встреча будет иметь хоть какие-то последствия. Для меня. А вот для тебя – возможно. И не самые приятные.

Рисковать Анна не собиралась. Но... но и рука у нее больше не дрогнет!

Хватит!

Домалодушничаюсь дома!

– Простите, я по помойкам ходить не собираюсь, поэтому – вряд ли.

Ринат подскочил, словно ему крапиву под попу сунули, и вылетел за калитку. Та хлопнула.

Анна уже предвкушала второй раунд с Ольгой Петровной, но – калитка хлопнула еще раз.

– Яночка?

А вот этого человека Яна знала. И одобряла.

– Здравствуйте, тетя Зина.

– Здравствуй, Яночка!

У Яны двор был нормальный. Более-менее, активистов не считаем. Все же это не наркоманы.

А вот соседний двор, в котором жил наркоман по имени Михаил...

Тете Зине не посчастливилось жить в каморке через стену. И бедолага просто вешалась от такого соседства. Ни поспать, ни во двор выйти, ни... да ничего! Никакой нормальной жизни! Кто рядом с наркоманами жил, тот сразу поймет, а кто не жил – не дай такого Бог никому. Человек в наркотическом опьянении...

Нет, неправильно.

Не человек.

Тупое, злобное, агрессивное существо, все интересы которого сводятся к новой дозе. И чтобы ее достать, оно пойдет на все. Украдет, убьет, изобьет... да хоть и на небо ползет! Это уже не люди.

Ремиссия? Детоксикация? Лечение? Да если бы это помогало!

Анна в этом сильна не была. А вот Яна знала. И сочувствовала. И тетя Зина, когда Яна уходила на смену, частенько отсиживалась у нее – а что там можно украсть? Заодно и кота покормит!

– Яночка, ты уж прости...

– Тетя Зина, я сейчас работаю шесть дней в неделю и живу в другом месте. Если вам надо у меня бывать – ключи вы знаете где.

Ключи Яна держала в одном из выдолбленных изнутри столбиков крыльца, здраво рассудив, что никто к ней не ползет. Разве что соседи...

А что у нее такого?

Да ничего! Хоть ты вообще дверь не закрывай!

– Яночка, спасибо тебе! И еще спасибо... арестовали нашего изверга!

– Вот как? – заинтересовалась Анна.

– Вчера и арестовали! Обыск устроили, нашли у него за сараем какой-то нож... я сама-то не была, я работала, но нашли. Говорят, им шестерых человек убили.

– Двоих, – поправила Анна.

Тетя Зина вздохнула. Шестеро были интереснее.

– Ну, не знаю уж – двоих, шестерых... я так скажу! Закрыли его, гада, – и ладно! Подольше б посидел!

Анна кивнула.

– Да, надеюсь, теперь здесь потише будет.

– Да уж... Мамедовы эти... У тебя сахарку не найдется?

Анна истолковала это совершенно правильно. Как предложение побеседовать без посторонних ушей. И пригласила тетю Зину в дом.

Кажется, из дома Ольги Петровны донесся тоскливый вздох разочарованной сплетницы, но Анне было на это глубоко плевать. Пусть страдает!

* * *

В доме тетя Зина уселась на стул и подперла подбородок рукой.

– Не нравятся тебе эти?..

– Не нравятся.

– Вот и правильно, чутье у тебя, Янка, хорошее. Знаешь, что эта чокнутая удумала?

– Нет.

– Она ж вечно лезет, познакомилась с ихней мамашей, и та ей напела в оба уха. Мол, хочет жить здесь, освоиться, мальчиков женить, вот если у Олечки есть на примете какая девушка... эта дурища тебя и назвала.

– Ничего, что я уже не девушка? – в Янином духе уточнила Анна.

– А это им не помешает. Жилплощадь есть, родных, считай, нет...

– И отец есть, и мать, и сын.

– Все так. Но мать далеко, а сына можно и к отцу отправить. Да и так... известно же, коли баба на мужика вешается, то дети ей побоку.

Анна скривилась так выразительно, что тетя Зина и сама поняла всю абсурдность своего предположения.

– Так что ты уж не ведись! Дрянь эти Мамедовы, редкостная... И никакой их отец не мулла! Точно!

– Да?

– Я с мусульманами знакома! Чтобы себя так вести, это на него и Аллах сверху плюнет, не иначе! Пить, жену бить, врать людям, лицемерить... да такого поведения ни один бог не одобрит!

Анна пожала плечами.

Чужая жизнь ее мало волновала, лишь бы ей жить не мешали. Тетя Зина еще некоторое время рассказывала местные новости, потом поцеловала Анну в щеку и пожелала удачи с работой.

И ушла.

Анна уселась на кровать – и горько вздохнула.

Правда, ну где взять деньги?!

На ум почему-то шло две вещи. Первая – найти клад. Вторая – кого-то ограбить. Увы, и то, и другое было ей не слишком доступно. Кладов она не знала, а грабить... Уметь надо! Тем более в такое сложное время.

Анна опять вздохнула.

Вот спорим – у Яны таких проблем не было? Но она сильно подозревала, что не поменялась бы с Яной. Она там сейчас не выживет...

Что там, в Русине?..

Илья...

Анна впервые подумала о любимом человеке. Впервые за все это время – и сама себе удивилась.

А ведь она... Спокойна?

Абсолютно спокойна. Словно смерть и новая жизнь выжгли из нее все эмоции. Да может, так оно и было?

Ах, Илюша-Илюша, ты все же не герой...

О чем мечтает каждая женщина?

Чтобы мужчина защитил ее от дракона. На худой конец – от собаки... ну хоть от хомячка! Или – от родителей!

Анна и сама себе не признавалась, но в глубине души она ждала от Ильи другого поступка. Не спать с ней втайне, хоть и с негласного разрешения отца, нет!

Уговорить любимую или на побег и венчание. Или кинуться с ней в ноги родителям и во всем признаться.

А Илья...

Анна даже не сомневалась, на свой лад он ее любил. И она любила, как могла... искалеченная и одинокая собака потянется за любой лаской. А как насчет собаки сильной? Свободной, независимой, и вообще – волкособаки? Потянется ли она?

Вряд ли.

А разочарование убивает любовь не хуже стрихнина. Анна мечтала жить с любимым, рожать ему детей, воспитывать их... и что взамен? Тайные встречи, шепотки, признания впопыхах, любовь, словно украденная... кому это понравится?!

Уж точно не Анне!

Да если честно...

Память Яны досталась ей хоть и не в полном объеме, но в достаточном! И было обидно! Сергей Цветаев не любил Яну, он ею просто увлекался, но почему?! Вот просто – почему Яна получила удовольствие, а Анна...

Сейчас она сравнивала ощущения девушек, свою и Янину память – и обижалась. Вот она никакого удовольствия с Ильей не получала. Безусловно, было вдохновение, был адреналин в крови, но самого главного-то и не было! А это обидно!

И останься она в своем мире, она бы так и прожила век и даже не думала, что что-то неправильно, что-то может быть не так... Анна невольно покраснела, припомнив некоторые картинки и фильмы.

Но ведь обидно!

Илья этого не понимал? Она была неопытной девушкой, и сейчас у нее не сильно опыта прибавилось, но Илья-то должен был понимать, что все идет не совсем так! Не понимал? Или ему было наплевать? Он считал себя уже подарком? Уже счастьем?

Возможно...

А долго бы она смогла это терпеть?

Всю жизнь, но была бы она счастлива?

Нет.

А здесь?

Анна мечтательно улыбнулась, глядя в потолок.

Год. Всего один год, даже уже меньше, но ей не жалко! Этот год стоит сотни лет ее прошлой жизни! Год рядом с любимым ребенком, год свободы, год настоящей жизни, год иного мира...

Хелла, спасибо тебе!

Я знаю, ты заберешь мою душу, но – спасибо!

Анна не замечала, как по ее щекам катятся слезы – одна за другой, катятся, капают, впитываются в ткань блузки...

Эти слезы вымывали из души черный вязкий гной, очищали, успокаивали. Иногда так просто нужно, чтобы не сломаться, не взвыть

во весь голос, не начать ломать руки и биться головой о стену. Нужно, чтобы жить и дышать дальше.

Нужно – жить!

Глава 10

Вот и сошлись дороги, вот мы и сшиблись клином. Темен, ох, темен час

Русина, Ирольск

Жом Тигр был не в восторге.

Считайте сами. Брата потерял. Это раз.

Наследника престола упустил – это два. Даже не знает, кого именно, но упустил. Это особенно обидно.

Съездил в Зараево, лишний раз убедился, что Освобождение на ниточке держится.

Попробовал протолкнуть свою версию торам, но помогло ли? Сомнительно...

Еще что будет в Звенигороде? Соратники наверняка времени не теряют... Только вот и мозгами пользоваться умеют два-три человека из всех.

Пламенный, Ураган, Сколопендра... правда, с последним у Тигра постоянные контры. Сможет гадость сделать – сделает. Да и остальные не лучше. Еще неизвестно, что опаснее – умный или глупый враг? С глупым проще, только вот и революцию с дураками не сделаешь. Разве что на первом этапе, для «пушечного мяса», а вот потом...

А потом проще передавить всех крикунов к Хелле, все равно толку от них не будет. Брать власть надо с идеалистами, а удерживать – с прагматиками. Иначе все про... гадишь.

Жом Тигр потянулся.

Ирольск...

Разогнать их всех, что ли?

Если честно – не хотелось.

Хотелось денек отоспаться в гостинице, чтобы кровать под тобой не шаталась (в поезде, как ни крути, полного комфорта достичь не удастся), полежать в горячей ванне, отдохнуть...

Хотя так и так придется работать.

Ирольск – транспортный узел. Не будет функционировать – половина поездов, считай, встанет. И так плохо, а еще снабжение накроется... Это и освобожденцы понимали.

Тигр отлично знал, что приезд начальства придает подчиненным небывалый заряд бодрости. Придется ругаться и контролировать... ладно!

Полежать в ванне ему это не помешает.

Мужчина поднялся и оглядел себя в зеркале.

Что ж. Даже самые серьезные люди иногда разглядывают себя в зеркале – и им это не всегда нравится. Жом Тигр своей внешностью не то чтобы был доволен...

Рост можно бы и повыше. А то чуть выше среднего... даже, скорее, средний рост. Тому же Пламенному он по плечо. А это обидно...

Волосы темные, прямые, только и того, что густые. Пламенный начал лысеть и весьма этим недоволен, зачесывает свои три волосинки и так, и этак... забавно выглядит. Ему, Тигру, напрягаться не приходится – у него лысины нет. Ниточки седины поблескивают, но это не от возраста, это от сложностей жизни.

Глаза...

Глаза, наверное, самая его яркая черта. Ярко-зеленые, как у кота. Остальное?

Обычное, ничем не примечательное лицо. Не породистое, не яркое, таких в толпе двенадцать на дюжину. Гладко выбритое, неприметное – так маскироваться проще. Хочешь – усы лепи, хочешь – бороду.

Телосложение?

Тоже среднее. Сам Тигр знает, что может поднять сто килограмм, может идти сутки напролет, может не спать несколько дней, но этого не видно. В костюме он самый обычный человек.

Среднестатистический.

Нет, Тигр был не слишком собой доволен. Но – другого не предлагалось. Так что он поправил галстук, стряхнул пылинку с жилета и, видя, что поезд уже подъезжает, надел пиджак.

Вот так.

Револьвер в кобуру, револьвер на щиколотке. Нож в рукаве, нож сзади, на поясице.

Он готов к встрече с подчиненными.

* * *

Яна готовилась к встрече и пристально разглядывала себя в зеркало.

Как она должна выглядеть?

Сногсшибательно. Но – не сексуально, а непривычно. Голыми сиськами серьезного мужчину не впечатлишь, он и похлеще видел. А потому...

Брючный костюм смотрелся непривычно, но – стильно и необычно.

У портного нашелся темно-синий шелк, и из него были сделаны брюки-клеш и длинная, до середины бедра, туника. Чутьочку непривычный косой край, одно плечо закрыто полностью, на втором поблескивает пряжка из серебра – дешево и сердито, а главное, складки ткани красиво ниспадают и прикрывают нож. Шелк очень хорошо драпируется.

Вот в обтяжку его носить нельзя, а в виде драпировки – идеально.

Темный цвет подчеркивал смуглую кожу девушки, каштановые волосы отливали золотом, глаза блестели... лучшее украшение женщины – азарт! Вдохновение, задор, любая достаточно яркая эмоция подойдет! И наоборот – тухлую рыбину во что ни обряди! Бесполезно!

Украшения?

Яна могла бы их дюжину надеть, кое-что у нее осталось. Но вместо этого нагло нацепила перстень, который ей отдал Петер.

И улыбнулась.

Кольцо принцессы Дианы, знаете?

Кольцо одно, эрзацев сотня. Вот если бы она перстень носила на цепочке, в мешочке и показать боялась, тогда им бы заинтересовались. Это подозрительно.

А так...

Кольцо – и кольцо.

Черный камень, звериные лапы... чьи? Она такого зверя не знала, это больше всего было похоже на человека, но чешуйчатого. Нет,

пальцев всего четыре. Но расположены они не как звериные, нет противохода... словно у человека мизинец оторвало, как-то так...

Камень?

Да гематит, наверное, Яна в побрякушках отродясь не разбиралась, сдались они ей триста лет!

Забавно другое... Петер его на мизинце носил, не иначе? Ей на средний палец левой руки кольцо село как влитое, но у императора-то руки больше! Он же мужчина! Ему бы кольцо просто не налезло.

Ну да ладно, село и село.

Яна полюбовалась на себя в зеркало, подумала – и еще раз провела щеткой по волосам.

Прелесть!

Устоять невозможно!

И программа уже готова...

Как развлекательная, так и... другая. И обошлось все недорого, считай, копейки по нынешним-то временам.

Вы как хотите, жом Тигр, но я еду с вами. В Звенигород! И Яна очаровательно улыбнулась своему отражению.

* * *

Илья смотрел на свое отражение в зеркале.

– Твое здоровье!

Отражение послушно подняло бокал, чокнулось и выпило. И даже чуток захмелело.

Вот ведь парадокс! Уставал Илья так, что в глазах круги плавали, шатался, ногами загребал... но спать нормально – не получалось!

Лежал, смотрел в потолок, закрывал глаза, дремал на пару-тройку минут – и снова просыпался. Мысли были хуже крапивы... насмотрелся!

Это – ваша свобода?!

Кровь, боль, беспризорные дети... оно и при императоре было, но не так же!

Не так!!!

По городу пройти нельзя было! Ввели комендантский час – чуток успокоилось, а все одно – пришлось человек двести повесить... да, к

сегодняшнему дню уж человек двести-то точно.

Илья плюнул на все и отдал приказ: стрелять в мародеров и грабителей, вешать, где схватили... За нарушение порядка – смерть!

Пьянки? Гулянки?

Знаете что? Перетерпите! Он же терпит... взвалил на него Валежный эту ношу, вот Илья и пытается кое-как наладить жизнь в городе. Пока выходило плохо.

Ильи хватило на несколько вещей. Он приказал вешать и расстреливать криминальные элементы, приказал патрулировать дороги (стычки происходили, считай, каждые два дня), приказал строить укрепления...

Подольск вообще укреплен не был.

Благодаря Илье окрестности железнодорожной развязки оцетинились траншеями, окопами, и Илья твердо собирался защищать их...

А на самой железной дороге?!

Думаете, поезда по рельсам просто так ездят? А уголь? А машинисты? А паровозное депо?! Да вы знаете, сколько сил надо приложить, чтобы паровоз проехал даже сто километров?! Его же ремонтировать надо, вагоны прицеплять-отцеплять, стрелки переводить, да даже просто – колеса смазывать!!!

У Ильи голова шла кругом, а помощи и не было...

И ждать ее неоткуда.

Вот и приходилось... после одной-двух рюмок на ночь Илья засыпал как убитый, и ничего ему не снилось. И это было хорошо. Спиться он не боялся – все это раньше кончится. А вот чем?

Ну... или его убьют, или освободенцев всех убьют, что в том, что в другом случае он может в живых и не остаться... эх, дурак...

Почему-то вспоминались карие Анины глаза.

Большие, теплые, доверчивые. И смотрела она с такой любовью... дурак он был! Надо было увозить ее...

Илья понимал, что ничего не сделал бы. Что это просто сожаления даже не об Анне, а о том, что было. Раньше – было, да не ценилось... тишина, покой, стабильность... да, воевали с Борхумом, но это как раз привычно!

Вот – фронт.

Ты с одной стороны, враг с другой, его надо уничтожить. Все просто и понятно. А как быть, когда во врагов обратились самые близкие? Когда брат на брата, сестра на сестру...

Как тут быть?!

Илья хлопнул еще рюмку водки, не чувствуя вкуса, и отправился в спальню. Завтра опять дела, опять заботы... завтра! Может, хоть часа четыре поспать удастся?

Будь прокляты те, кто развязывает братоубийственную войну!

Будь прокляты...

Ферейские горы

– Братья, Единый Отец смотрит на нас с небес! Он дает нам шанс покарать подлых руссов!

Слова оратора были встречены внимательным молчанием. Но Барза-бек не сомневался – его услышали. И его одобрили!

– Сколько можно держать под пятой наши народы?! Сколько можно сосать из нас соки?! Сколько нас будут угнетать и притеснять?! У нас уникальная культура! Мы – древнейшая нация! У нас были свои императоры и университеты, когда руссы еще бегали в звериных шкурах! Но потом эти варвары пришли на нашу древнюю землю, поработили наш народ и угнетают его! Уже не одну сотню лет они пьют нашу кровь, забирают в свои войска наших мужчин, а в свои... гхм! Забирают наших овец, наши деньги...

Оратор запнулся на миг.

Сложно было сказать, что руссы забирают ферейских женщин в свои гаремы. Не было у них гаремов, да и славились этим, скорее, чилиане. Но о них сейчас говорить было совершенно не с руки.

А, не важно!

Потом, все потом! Пока слушают – надо давить!

– Мы – великий народ! Мы должны бороться за свою свободу, и нас поддержат все остальные народы! Мы уже послали людей в Борхум, в Ламермур, в Лионесс... даже Чилиан согласился на перемирие до той поры, пока мы не отстоим свою независимость от Русины! Подлые руссы должны заплатить за века угнетения! Обязаны!!!

Собравшиеся закивали.

Ну... так-то да. Должны, конечно!

Ферейские горы...

Ферейские горы служили естественной границей между Русиной и Чилианом. И были для «злых и коварных руссов» постоянной головной болью. Потому как молодые горцы воспитывались в убеждении, что надо показать молодецкую удаль!

А именно – спуститься с гор, пограбить, угнать людей в набег, набрать добра... нравится?

По странному совпадению, русинам это совершенно не нравилось!

И так жить сложно, пока с земли хороший урожай получишь, не один раз ее потом польешь, да тут еще и в набег на тебя ходят. Не, если кто желает, вернувшись домой, найти сожженный дом, убитых родителей, изнасилованную жену, уведенных в рабство детей...

Не нравится?

Вот и русинам не нравилось.

И лупили они боевую молодежь почему зря. А поскольку оружие у них было лучше, то и побеждать им было легче. Боевой дух – он конечно, но если у тебя из оружия к нему прилагается только прадедовская сабля, а у оппонента – хорошее ружье, то исход боя становится непредсказуем. И часто – в пользу ружья.

Не говоря уж о Чилиане...

Чилиан пытался пригрести горы под себя.

А что?

Живущие там племена – как поставщик воинов. В горах есть залежи металлов, можно найти полезные ископаемые, да и та же нефть неподалеку... полезно! А еще с гор можно ходить к русинам уже целенаправленно и организованно, а там и кусочек земли прихватить в свое владение, а то и не один.

Русины не отказались бы от того же самого, но в свою пользу, а ферей, оказавшись между молотом и наковальней...

Может, они бы до чего умного и хорошего додумались, но горы были большие, племен было много, и друг на друга они ходили войной с таким же азартом, как и на соседей. То, что ты договоришься с одним племенем, вовсе не означало, что остальные тоже будут соблюдать этот договор.

Так и воевали, медленно, печально, вот уже лет двести...

Естественно, ферейам данное положение любви к русинам не прибавляло. К чилианам – тоже, но... те в данный момент не воевали. А вот у русинов начиналась явная гражданская война, и под это дело чилиане усмотрели свой шанс.

Что может быть приятнее?

Напаковать соседу, да на его земле, да чужими руками, да еще ни медяка не затратив?!

Это ж счастье!

Ладно... немножко потратить придется. Совсем чуть-чуть. По сравнению с расходами на официально объявленную войну – вообще слезки кошачьи!

А потому в племена послали специальных людей. «Провокаторы» называются.

Вот сейчас один такой и произносил речь.

Был Барза Мужедов чистокровным фереем, просто его мать во времена оны продали в Чилиан. Пошло одно племя войной на другое, захватило пленных, в том числе и красавицу-ферейку. И продали женщину за большую цену. А что она была непраздна...

А это – ее проблемы.

Вот и вырос Барза в Чилиане.

Хозяин, который купил красавицу, оказался добрым, мальчишку не выкинул, не убил, позволил ему расти при матери... получился по лицу ферей, а по сути – чилианин.

А имя?

Имя ему мать сказала, и его, и отца... того, который сына так ни разу и не увидел. Погиб он в том набеге, дом свой защищал, жену и нерожденного ребенка...

Сейчас Барза произносил речь перед племенем своего отца. И знал – наверняка человек десять найдется горячих голов. Их надо вооружить, купить им ружья, и пусть спускаются с гор в Русину. Пограбят, побьют кого... а если получится племена на борьбу поднять – вообще хорошо будет!

Очень правильно будет!

Старейшины слушали парня внимательно. А потом, когда он закончил, подвели итог.

– Хорошо ты говорил. Теперь мы совещаться будем. Жди...

Барза не обиделся.

Понятное дело, такие решения среди своих принимаются, чужаку на внутренний совет допуска нет. Но стоит ли унывать?

Пойдет племя войной? Он в выигрыше!

Пойдет хоть десяток человек пограбить? Он все равно своего добивается.

Так что провокатор устроился поудобнее на мягких циновках, пил чай, курил кальян, отдыхал и ждал решения.

И решение его порадовало.

Совет старейшин постановил начать переговоры с соседним племенем. В одиночку на равнины идти – напрасно погибнуть. А вот если несколько племен объединится...

Большая польза с того выйти может!

Много добычи будет, много побед...

А уж как хозяева довольны будут! Может быть, Барзу даже реем сделают! И свое поместье дадут... рабов-то он себе наберет, если набег большой будет...

Барза мечтательно улыбался.

Да, рабы, земля, деньги, много денег...

Для чилианина это – счастье.

Русина, на границе

Поезд тормозил.

Наступало время таможенного досмотра. Нини молча сидела и ждала. Что могла – она сделала еще вчера ночью. Накормила собаку мясом с драгоценностями, еще раз проверила свою одежду, кое-как уединившись в тесноте грязной уборной, проверила все крепления, подмазала кожу настойкой, чтобы та не теряла цвет, все же настойка и выцветает, и стирается постепенно...

Теперь оставалось лишь молиться Творцу.

Конечно, купе у них не было. Плацкартный вагон, и только. Одно отделение, не самое удобное, не самое вместительное, Нини пришлось спать вместе с двумя детьми на одной полке... детей положили к стене. Они вертелись, пинались... В результате Нини приспособилась спать днем, а бодрствовать по ночам. Так оно и лучше было.

Ночью люди не так приглядываются, вот днем – дело другое. Днем можно себя выдать, днем вагон кишмя кишит такими же беженцами, как они, днем ходят проводники, днем бывают проверки. А ночью...

Ночью даже поезд едет медленнее.

Нини привыкла сидеть и смотреть в окно. И бездумно гладить пса.

Яна сослужила ей медвежью услугу. Она объявила сестру слепой, но... вот что делать слепой?! Как себя занять?!

Никак.

Читать нельзя, вышивать нельзя... хорошо еще, жама Аллея помогла.

Вязание.

Вязать можно и днем, и ночью. И в темноте, и на свету. А чтобы считать петли, много умения не надо, Нини это быстро освоила. Их такому не учили – ну так что ж? Научилась, и быстро.

И вязала, что ей поручали.

Шарф, спинку для кофты, полы для той же кофты – рукава и воротник Аллея ей не доверила.

Нини считала петли, сбивалась, распускала вязание, начинала заново...

Разговаривать она тоже не могла. Эфройский она не знала, оставалось лишь помалкивать. Да, условия...

Для принцессы?

Как бы не хуже каторги!

Но именно здесь и сейчас у Нини появилось время все обдумать, осознать, сделать выводы...

Раньше у нее просто не было возможности. Все сливалось в единую цветную ленту. Бешеную, горячую, обжигающую и страшноватую. Ее несло по ленте, словно по водопаду, и не было возможности ни свернуть, ни задуматься, а сейчас вот – есть. И это правильно.

Нини плохо помнила тот день, когда погибли родители.

Она помнила, как их всех собрали в одной комнате, как страшный дядька говорил что-то, а потом... Потом – боль. И темнота.

Останься она одна, она бы там и умерла.

Нет, не так.

Ее бы там убили.

Ее привела в себя Анна.

Анна вытащила ее из того страшного дома, Анна увезла ее прочь, Анна уничтожила их следы, Анна вытащила из нее пулю, лечила сестру, успокаивала, закрывала собой, заботилась, дотащила до Ирольска...

Чего ей это стоило?

Нини и вообразить не могла.

Тогда все казалось спокойным и обыденным. Да, Анна – старшая сестра, она заботится о младшей, чего странного?

А вот сейчас...

Откуда у Анны столько сил? Столько твердости, решительности, жесткости и даже жестокости?

Нини не могла ответить на этот вопрос. Нет, не могла...

Страшно.

Неужели она бы тоже так смогла?

Девушка прислушивалась к себе, но ответа не было. Нет, не смогла бы она так. И она искренне удивлялась, почему справилась Анна. А с другой стороны – если у сестры и внебрачный ребенок есть?

Кто знает, чему еще научилась Анна?

Как-то Нини не дружила с Анной. Так получилось – две сестры были по одну сторону, три – по другую. А Нини была младшенькой, любимой, да еще и практически копией Аделины. Не сложилась у них дружба с Анной, Нини и не слишком огорчалась. А вот сейчас...

Она была обязана Анне жизнью, рассудком, вообще – всем! И собиралась этот долг отдать.

А для этого сначала надо было выжить!

* * *

– Эфрой!

Таможенник скривился так, словно перед его носом не семейство эфроев оказалось, а горсть слизняков, к примеру. Или кладка медведки. Что-то очень гадкое, инстинктивно отвратительное и вонючее.

У него даже усы зашевелились, словно в них тараканы бегали.

Нини вздохнула – и решительно закрыла глаза.

Вот о таком ее Анна и предупреждала, такого и боялась. Борха, униженно кланяясь, протянул подорожную и паспорта.

– Вот, жом. Наши бумаги...

– Бумаги! – проворчал таможенник. Взял, покривился, но взял... – Эфрои, одно слово! Бежите, как крысы!

Борха поклонился. Не помогло. Таможенник разворчался еще и пуще того.

– Порядочные люди сейчас супротив тирании встали, на фронт идут, а вам лишь бы шкуру свою спасти, лишь бы ноги унести... вот в каком государстве такие нужны?! Как есть – грязь человеческая! Очисток!

Нини сжала покрепче зубы.

Молчи, дура, молчи!!!

Помог Полкан. Сунулся под руку, мол, чеши. Нини и принялась наглаживать псину за ушами. За время путешествия она не просто смирилась с собакой – оценила его.

Друг, помощник, средство от хандры и грусти, умное и преданное существо. А вот мать не хотела никаких животных рядом. Ни собак, ни кошек. Отец вообще любил стрелять по пролетающим над дворцами птицам... завести кого-то?

Даже канарейку в клетке девочкам не позволялось.

Почему-то сейчас Нини казалось, что зря.

Полкан был решительно умнее, порядочнее и обаятельнее многих придворных. Уж дяди Гаврика – точно! Лучше б она трех собак завела, чем одного дядюшку!

– А это у вас что такое?

– Райса, жом. Сестричка моя младшая... – голос Борхи исполнился тоски и грусти. Да какой! Вот уж кто был актером всем на зависть...

– Слепая?

– Недавно ослепла, жом. Еще и в уме чуток повредилась, мычит да головой трясет. Шла она вечером от заказчика, тут на нее и напали. Вы ж понимаете, пока всю Русину не ОСВОБОДЯТ – порядка не будет!

Таможенник с важным видом покивал головой.

С-скотина!

– Налетели на нее лихие люди, ограбили, насильничали... С тех пор Райса и ослепла.

– Понятно.

Не то чтобы у таможенника совесть проснулась. У него такой полезной функции отродясь не было. Но оформление бумаг пошло чуточку быстрее.

Не просто так бегут из страны – девчонку увозят, в том числе на лечение. Да и – глядя в глаза горькой правде, при любых пертурбациях первыми всегда страдают эфрой.

За что?

А за все!

Проверять Нини и вообще прикасаться к ней таможенник даже не стал – побрезговал. Княжна пообещала себе запомнить этого моржа. Пока она сидела, могла подглядывать из-под ресниц...

Запомнит обязательно!

И если суждено в Русине править роду Вороновых – этот мерзавец первым на дереве повиснет! Первым...

Мысль о том, что таможенник действует как привык...

Что эфрой были и будут, скорее всего, существами второго сорта...

Что он даже проявил любезность и ускорил прохождение ими таможи...

Девушке это и в голову не пришло! Когда получаешь пренебрежение полной горстью, да в свою сторону, как-то оно иначе воспринимается. Это тебе не в золоченой карете сидючи цедить сквозь зубки: «Эфро-о-о-ои, фу-у-у-у»!

Наконец были обшарены мешки и сундуки, конфисковано самое интересное – две штуки шелка и шкатулка Аллеи для рукоделия, были подписаны все документы – и Полкан потянул свою хозяйку из таможи.

Нини послушно поднялась – и тут же споткнулась о стул, глаза-то закрыты, зажмурены даже.

Под другую руку ее подхватила Аллея.

– Тихо, Райсочка, тихо...

Нини молчала.

Не переигрывать.

Главное – не переиграть.

Вот и поезд, который понесет их к свободе! Нини сидела в углу, тонкая рука ерошила неровно выстриженную собачью шерсть, почесывала барбосу уши, пес млея и подставлял под тонкие пальчики особо чувствительные местечки.

А Нини плакала.

Сейчас особо остро полоснула тоска, накатило...

Больно, ах, как больно!

Как же тягостно одиночество!

Аннет, спасибо тебе! Выбирайся из Русины! Я буду ждать!

Русина, Ирольск

Жом Тигр, лишней раз подтверждая свое прозвище, легко спрыгнул на перрон.

Огляделся.

Его встречали хлебом и солью.

Каравай на расшитом полотенце держала весьма и весьма красивая девушка... белокурая, коса толщиной в руку, а грудь...

Каравай ей приходилось держать на вытянутых руках. А то неудобно было. На такое глянешь – поневоле облизнешься.

Жом Тигр и облизнулся.

А потом заметил блудливый взгляд, которым повела на него красавица, и мигом передумал знакомиться поближе.

Ну ее... Тигр не любил общественных достояний.

– Жом Тигр!

– Жом Письмоносец, – приветствовал жом Тигр соратника по борьбе. – Жом Ягода, жом Летчик, рад вас видеть.

Мужчины обменялись рукопожатиями.

– Жом Тигр, прошу вас.

Его пригласили в здание вокзала, в котором, по случаю приезда гостя, был накрыт небольшой, но обильный стол. Жом Тигр посмотрел на ледяную водочку, на плошки с икоркой, на белорыбицу, на источающий упоительный аромат здоровущую супницу...

И – отказался.

– Жомы, давайте сначала о делах, а потом уж гулять.

Жомы кисло переглянулись, но деваться-то было им некуда! Поэтому жом Тигр проследовал к автомобилю, который стоял рядом с вокзалом. И даже не один стоял, ожидая пассажиров.

Жомы сделали еще одну попытку убаготворить дорогого гостя, и в машину к жому тигру попыталась сесть блондинка.

– Нет, – остановил ее Тигр.

– Н-нет?

Блондинка искренне удивилась. До этого дня ее прелести осечку не давали. Она хоть и появилась в городе всего месяц назад, но быстро стала незаменимой сотрудницей управы. А тут... От нее – отказываются?

Ледяной взгляд зеленых глаз приморозил жаму к месту. Женщина дрогнула – и отступила.

Жом Тигр посмотрел на сотрудников.

– Жомы, у нас мало времени. А жаму возьмите к себе, она слишком сильно пахнет.

Жама Аделаида (в девичестве – Фенька) захлюпала носом, но безжалостного Тигра не проняла. Подумаешь! Вот у нее насморк – она и не чувствует, а ему нюхать этот запах?

Мыться надо, дамы, перед тем как духами уливаться, даже дорогими! Мыться! Иначе ощущение будет словно кто-то в цветах нагадил!

* * *

К вечеру жом Тигр был решительно недоволен. А окружающие чувствовали себя так, словно их наизнанку вывернули.

Жому не нравилось – все! От – и до!

Ему не нравилась организация работы, ему не нравились члены Комитета, ему не нравились...

Проще сказать, что именно ему понравилось.

Ни-че-го.

Большие надежды жомы возлагали именно на ужин. И даже договорились с известной в городе дамой легкого поведения – Танькой Неваляшкой. Да, прозвище она получила именно за неустойчивость...

характера. А выглядела очень даже себе уважаемой и благочестивой женщиной. Даже торой... почти.

Если косметику смоем.

В любом случае подход к мужчинам у жамы был. Никто еще устоять не мог.

Жомы искренне надеялись, что Танька отвлечет мужчину от тяжелых мыслей, а там и уедет опасный гость... вот что ему надо?

Власть же уже взята!

Чего – еще?!

С этими мыслями все и прибыли в «Лефорше».

Тут-то и началось.

* * *

Чего Тигр не любил, так это пышных застолий.

Соратники по борьбе об этом отлично знали. И вместо одного большого стола распорядились накрыть пару десятков маленьких, на три-четыре человека. Так и все окажутся в зале, и жом Тигр спокойно поужинает в одиночестве – или с теми, кого пригласит к себе за стол.

Жом оценил – и предложенный столик занял, но к себе никого не пригласил, решив наслаждаться ужином в одиночестве. Или – просто не портить себе аппетит? Скорее, второе.

Жомы рассаживались за столами, звенели бокалами, тарелками, блестели столовые приборы – правда, не серебряные, какое уж тут серебро, во время революции... всякий умный хозяин такое до поры приберет. Жом Тигр расслабленно оглядывался по сторонам, отмечая и цветы, и натертый до блеска пол, и белизну скатерти... после поезда – сплошное блаженство.

Меню в кожаном переплете, услужливый официант...

И – развлекательная программа.

Стоило жому Тигру занять свое место, как на сцену вышел оркестр. И грянуло: «Отречемся от старого мира!!!»

Жом Тигр встал первым.

Вслед за ним встали все остальные. Слушали, открыв рот, а потом еще и зааплодировали.

Лешек был счастлив. Молодец он все-таки.

Оркестр раскланялся. Жом Тигр зааплодировал.

– Браво, господа! Восхитительно! Кто автор сего выдающегося творения? Я хочу его видеть! Жомы, эту песню необходимо записать – и я даю слово, она станет нашим гимном! Так точно передать наши чувства может только человек с огнем Освобождения, горящим в его груди! Так кто же автор?!

Жомы метнулись взглядами по сторонам.

Спокоен остался только Лешек – он верил, что жама Яна его не подведет. И был прав.

Искусство творит чудеса, Яна это всегда знала. А потому...

Летящей походкой, нога от бедра, королевская осанка и надменная улыбка – Яна вышла на сцену. Благо это тело отлично знало, как надо ходить.

Мужчины остолбенели.

Темно-синий брючный костюм, улыбка, небрежная поза – руки в карманы, грудь вперед, зад назад...

– Жамы, вы хотели видеть автора?

Тигр поднял бровь, но промолчал.

– Я здесь.

Яна абсолютно спокойно спустилась со сцены и безошибочно подошла к столику, за которым сидел один-единственный человек. Она уже успела за ним понаблюдать из-за кулис.

– Жом Тигр, не так ли?

– Жама...

– Яна. Жом Тигр. – Яна абсолютно спокойно вытащила руки из карманов – и короткий ноготь уперся жому аккурат в грудь, напротив сердца. – Считайте, вы убиты. Отвратительное пренебрежение собственной безопасностью.

Наверное, Яна была первой, кому удалось повергнуть Тигра в такой глубокий ступор. Аж секунд на пять. А пока он приходил в себя, девушка, не дожидаясь милостей от природы, отодвинула один из стульев, уселась на него, забросив ногу на ногу, и невинно поинтересовалась:

– Не хотите нанять телохранителя?

– Простите? – опомнился жом Тигр.

– Считайте, что мое прощение у вас есть. Но если бы я хотела, я бы вас уже раз десять убила.

Жом Тигр поднял брови. Вот такого он точно не ожидал.

– И кого же вы предлагаете в мои телохранители?

Жаль, очень жаль.

Конечно, эта девочка не автор песни. И сейчас она скажет про мужа, или брата, или...

Додумать жом Тигр не успел.

Яна пожала плечами.

– Разумеется, себя.

Второй раз за пять минут жом потерял дар речи.

Глава 11

Это не я с тобою, – это беда с бедою каторжная – сошлась

Надолго, конечно, лишить мужчину дара речи не удалось. Жом Тигр приподнял бровь и вежливо поинтересовался:

– Вы живете в Ирольске, жама Яна?

– Живу, – Яна даже не врала. Он же не уточнял *сколько* Яна здесь живет.

– И чем вы занимаетесь?

– Пытаюсь выжить в это тяжелое время.

Жом Тигр задумался.

Ему было... интересно.

Да, пожалуй, это самое правильное слово. Нельзя сказать, что его бросило к Яне или, там, потянуло. Не было пока никакого сексуального притяжения, и искры между ними не летали. И неудивительно.

Не до того, знаете ли!

У одного власть, у второй – ребенок. И какой тут секс? Какие тут интимы?

Но странная внешность, непривычные манеры, разговор, смелость...

Даже те женщины, которые пытались освободиться от оков общества, вели себя совершенно иначе. Они все равно не были свободны внутренне. Либо они меняли любовников как перчатки, либо замыкались в своей гордыне, но все это – в противопоставлении себя устоям общества.

А вот Яне это было не нужно.

Она просто чувствовала себя свободной. От рождения, а не фрондируя и не бунтуя.

Жом Тигр понимал эту разницу, ощущал, а вот сформулировать... Яна была продуктом полностью свободного общества. И не просто притворялась равной мужчинам, не пыталась этого добиться – она и считала себя равной. А в некоторых отношениях еще и выше!

Видела она тех мужчин! После охоты, в бане, в полном неадекватности... всякое бывало! И с чего они вдруг стали венцом эволюции?

К примеру, один кадр, напившись, забрался голым на сосну и кукарекал оттуда. Как он забрался – вопрос. Зачем? Так в карты проиграл второму такому же гению! Но вот когда слезать собрался, вдруг обнаружил, что чуток примерз и прилип. А место-то сложное, место нежное. Дернешь – и грустно станет.

Пришлось доставать лестницу, снимать умника, а до того отлить из чайника, чтобы от сосны отцепился.

И это – венец эволюции? Ага...

Вот эта уверенность в Яне и чувствовалась. А вот что делать с Яной?

– Вы действительно сами написали эту песню? И музыку?

– И мне никто не помогал, – кивнула Яна. – И что?

– Не хотите поработать на благо Освобождения?

– Поэтом и композитором? Простите, не мое.

– Но у вас это получается просто восхитительно.

Яна пожала плечами еще раз.

– Жом Тигр, давайте вернемся к моему предложению?

– Какому именно?

– Я могу поработать вашим телохранителем. Но – и только.

– Я прекрасно могу защитить себя сам.

Яна покачала головой. В карих глазах плясали насмешливые искры.

– Проверим?

– Простите?

А в следующий миг Яна встала из-за стола.

– Вот так.

Тигр почувствовал, как его потянули за руку, и послушно встал. Слишком уж неожиданной была вся эта ситуация.

Равно как и нечто острое, уткнувшееся ему в район печени.

– Как вы думаете, – мурлыкнула Яна, глядя ему прямо в глаза, – поцеловать – или прирезать? Интересный выбор, правда?

– Вы отсюда и сами не уйдете.

– Еще как уйду. Лезвие тонкое, следа оно почти не оставит, закричу, что вам плохо стало, и прикажу вызвать фельдшера. Хотя

бы... А в суматохе – уйду.

Это жом Тигр понимал.

Уйдет, наглости хватит.

Тем более они стоят вплотную друг к другу, никто и не увидит ее движения. Скрутить?

Не успеет, ей достаточно пальцами шевельнуть.

Но почему-то мужчине казалось, что настоящей опасности нет. Чутье молчало, как убитое и зарытое.

– А если я закричу?

– Не успеете.

– Почему?

– Потому что я вас поцелую... на прощание.

– Но ведь не целуете?

Мужчина и женщина смотрели друг другу в глаза. Тигр был, может, на ладонь выше Яны, и глаза у них находились практически на одном уровне. С учетом каблучков у девушки.

– Вам хочется умереть? – Яна подняла брови.

Со стороны все выглядело как интимная беседа, шелк, спадающий с плеч, маскировал движения кисти... Тигр понимал, что действительно – его сейчас могут убить. Но...

– Вот не думал, что у меня будет такая обаятельная смерть.

И наклонился, собираясь первым поцеловать Яну.

Ага, как же!

Реакция у девушки была на уровне. А потому – шаг назад, разорвать дистанцию – и вовсе уж нагло улыбнуться.

– А это вам – на память о нашем городе.

Украшение заняло свое место на лацкане пиджака.

– Именем Хеллы! – жом Тигр едва не задохнулся от возмущения.

Эта нахалка... эта...

Ему все это время не просто ничего не грозило! Над ним издевались с особым цинизмом!

Чем-то острым в районе его печени была булавка для галстука. Сувенирная, с навершием в виде паровоза. В Ирольске таких продавалось – вагонами! Эту конкретную Яна просто заточила чуточку поострее.

Освобожденцы перевели дух, видя, как хохочет в голос неприступное начальство. Репрессий не последует, наверняка. Когда

так смеются – не убивают.

* * *

Пока жом Тигр приходил в себя от подобной наглости, Яна вернулась в кресло. И улыбнулась мужчине.

– Поухаживаете за дамой?

Жом Тигр вернулся на свое место и задумчиво прищурился.

– Допустим. Вина?

– Воды.

– Не пьете?

– Нет.

– Почему?

– Не нравится вкус, – честно призналась Яна. Отец разбирался, и другие мужчины способны были рассуждать о букете, оттенках вкуса, цветности... в ее понимании все вино было одинаково. Кислой спиртовой пакостью.

Наслаждаться этим?

Да лучше уж головку чеснока сжевать! Полезнее для здоровья будет!

– Тогда прошу вас.

Вода полилась в хрустальный бокал. Яна улыбнулась мужчине и отсалютовала бокалом.

– Ваше здоровье, жом.

Жом Тигр налил себе немного вина и так же отсалютовал Яне.

– Ваше здоровье, жама.

Яна не обольщалась. Она не то что не выиграла – она еще даже не начала игру. Справиться с этим конкретным мужчиной будет очень сложно. А потому...

– Если бы я действительно хотела вас убить? Что бы вы сделали?

– Попробовал бы сломать вам руку.

Яна улыбнулась.

– А я бы просто выстрелила из-за кулис. К чему подходить поближе к жертве?

– Пожалуй. Итак, кто вы такая, жама, и чем занимаетесь?

А вот теперь уже пошел серьезный разговор, без намека на кокетство. Яна улыбнулась еще ослепительнее – и отпила глоток воды.

– Яна Евгеньевна Поплавская, будем знакомы.

Тигр даже не насторожился. А с чего?

Яна врала, конечно, но представляться Яной Петровной, да еще Вороновой? Это для самоубийц! Вместо этого...

Кто не смотрел очаровательный фильм Леонида Нечаева? Яна Евгеньевна Поплавская как раз и сыграла там главную роль Красной Шапочки.

Не забудешь, не перепутаешь... да и имя – родное.

– И чем вы занимались?

– Жила за границей. Вышла замуж, потом мой муж умер, – без особых размышлений похоронила Сережу Цветаева ветреная женщина. – Я решила развеяться и поездить по миру.

– За границей? И в какой же стране вы жили?

– В Герцогствах, – не дрогнула Яна.

Жом Тигр сдвинул брови.

– Допустим. Что привело вас в Ирольск?

– Случайность.

– Вот как... Прошу?

Яне протянули обычный столовый нож, рукояткой вперед.

– Что вы мне предлагаете с этим сделать?

– А что вы можете сделать?

Яна взвесила клинок на руке, примерилась...

– Практически ничего. Железо дрянь, лезвие тупое, баланса нет... таким и крысу не убьешь!

– И откуда у вас такие познания?

– Исключительно от отца. Мать оставила нас, когда я была еще ребенком, и меня воспитывал отец. Как сына. Хотите посмотреть, как я стреляю?

– Пожалуй.

Жом Тигр достал из кобуры револьвер – и протянул Яне.

Та взяла его, спокойно проверила патроны, взвела курок.

– Цель укажете?

– Выберите ее сами.

– Вензель пулями рисовать неохота, да и порох... Сделаем проще.

Видите цветок в горшке?

Жом Тигр видел. И в горшок бы попал, хотя и с некоторыми затруднениями.

– И?

– Горшки бить не будем. А вот цветы...

Яна медленно повела стволом, в нужной точке нажала на курок.

БАХ!

Цветок герани медленно отделился от основного куста и спланировал вниз.

– Вы отлично стреляете, жама.

– Я могу рассчитывать на место вашего телохранителя?

Жом Тигр задумался.

– Вы уверены, что справитесь с кем-то из мужчин?

Яна ответила спокойным взглядом.

– Жом Тигр, я уже почти справилась с вами.

– А если бы я вам руку сломал?

– Если бы я хотела убить вас всерьез? Нет, не сломали бы. И так?

– А если я скажу, что вакантна только должность моей любовницы?

Яна сморщила нос.

– Вы не в моем вкусе.

Девушка понимала, что беседа идет куда-то не туда, но – слишком уж сильная личность перед ней стоит. Даже сейчас требуется определенное усилие, чтобы не согнуться. Не начать смотреть на него снизу вверх...

Яне было проще, чем другим. Она выросла в мужском обществе, она считала себя равной... и то! Вот ведь беда! Когда женская мечта о несокрушимой стене – оборачивается тюрьмой. Тигра она оценила.

Личность потрясающе сильная, но в том-то и беда. Со слабыми ему неинтересно, а сильных он просто будет ломать под себя.

И что в итоге?

Одиночество.

А значит, надо быть... водой надо быть! Ту сколько ни ломай – не сломаешь. Вода – сильная? О да! Она сворачивает скалы! Но попробуй сломать воду!

Сосульку?

Возможно. А потом вода опять потечет, и все вернется на круги своя...

Яна вообразила себя именно такой водой и мило улыбалась. Дави сколько пожелаешь, мне все равно.

Жом Тигр нахмурился, но прежде, чем он что-то сказал, в их тет-а-тет вмешалось третье лицо.

* * *

Танька Неваляшка всегда знала, что мужчинами легко управлять. Есть у них такой управляющий прибор... вот надо только правильно на него подействовать!

Нажать, потянуть, приласкать...

Мужчины глупые?

Так в их главном управляющем органе мозга-то и нет! Танька это точно знала, одним из ее клиентов как раз врач был, он и рассказал.

Нет там мозга!

Управляла мужчинами она лет с пятнадцати... да что там! Еще с тринадцати, как у нее грудки налились и она поймала взгляд соседского парня. Конечно, с ним она не легла! Вот еще не хватало – на быдло себя разменивать!

Девственность – это тоже товар, и дорогой.

Танькина досталась тору Шехманову, сыну графа Шехманова. Правда, сын был младший, не особо умный и откровенно гулящий, но ведь – графский сын!

Он и стал началом ее выдающейся карьеры.

Мужчина вывез пятнадцатилетнюю девчонку из деревни, всласть попользовался – и их дороги разошлись. Причем к обоюдному неудовольствию. Одна сторона считала, что заплатила слишком дорого, вторая – что продешевила. Танька получила крохотную квартирнку в доме на окраине Ирольска и принялась зарабатывать деньги уже привычным ремеслом.

Быстро узнала, что на улице свои законы и порядки, что надо делиться, что ее клиентами могут быть не только мужчины, но и женщины...

И быстро поняла, что в таком виде ей дальше помойки дороги нет. Крестьянка же!

Ну не преподавали в их деревне математику, и хорошим манерам ее учить было некому. Что было у Таньки? Внешность – не самая страшная. Светлые волосы, румяные щеки, такая деревенская красавица. И умение подладиться под любого мужчину.

Она на подсознательном уровне чувствовала, что можно сказать, чего говорить нельзя, как повести себя в тот или иной момент... да, и в постели тоже.

Есть такое слово – уместность.

У нее это получалось. Приспосабливалась она идеально, но в остальном – увы. Денег не накопила, семьи не завела – оставалось лишь плыть по течению. Хорошо и то, что удалось попасть на работу в один из достаточно дорогих борделей. Там о девочках хотя бы фельдшер заботился...

Но что дальше?

Пустота...

Освобождение принесло Татьяне свои дивиденды. Во-первых, у нее прибавилось клиентов. Во-вторых, удалось расширить круг знакомств.

Многие ее старые знакомые взлетали наверх, и Танька намертво прицепилась к одному из них. Жому Аптекарю. Вцепилась, стала захаживать к нему в управу, еще кое с кем познакомилась...

А что?

Женщина должна устраивать свою личную жизнь! А уж в мутные времена...

Тора Татьяна!

Красиво звучит, правда? Надо только подходящего мужчину подобрать!

Известие о том, что в Ирольск приезжает жом Тигр, Татьяна приняла с восторгом. Прошлый раз она была немного не в том состоянии... бывает так у дам. Вот приехал жом в неудобный момент, когда дама непригодна к употреблению... то есть – сильно на любителя.

А сейчас – в самый раз!

Она бодрa, весела и готова ко всем поворотам судьбы. К примеру, отбыть в Звенигород с влюбленным в нее мужчиной! Почему нет?

Потому что мужчина занят... другой женщиной.

Ее мужчина?

Другая баба?!

Татьяна прищурилась, пригляделась... и была вынуждена признать, что соперница объективно моложе и симпатичнее. И каштановые волосы, и фигурка...

А все равно!

Что эта стерва в жизни понимает?!

Какой у нее опыт?!

Да разве она такого мужчину удержит?! На одну ночь – возможно, а больше?! О-о-о-о-о, какой мужчина! Рядом с таким хочется растекаться сладкой лужицей, хочется свернуться кошкой у него на коленях и не слезать, хочется...

Понятное дело, девка ей не соперница, она и трети всего не умеет... но вдруг именно в эту ночь Таня сможет показать жому, что такое настоящая женщина?! Зачем терять время?

Татьяна взбила волосы попышнее – и пошла в атаку.

* * *

– Комплимент от заведения.

Яна скосила глаза.

Рядом с их столиком остановилась весьма одаренная жизнью деваха. М-да... формы!

Яне до такого богатства было расти и расти. Во всех местах. Вот просто – шикарно! Бюст не менее шестого размера колыхался неподалеку от Яны, нижняя часть тоже была выдающейся. Талия... талия пока просто была. И не особо тонкая, но рядом с такими бюстом и попой любая талия, если она есть, уже будет казаться тонкой. Все это едва прикрывалось алым шелком, волновалось, колыхалось, дрожало, подразнивало и завлекало.

Венчала великолепие блондинистая голова. Кудри явно завитые, но свои, белокурые. А вот лицо...

Представьте себе хорька или куницу.

Очеловечьте их.

Вот и результат, стоит, скалится желтоватыми зубами в обрамлении кроваво-красной помады. С другой стороны, у мужчин

свое восприятие красоты. И если этот ходячий бордель понравится клиенту...

Яна проиграет еще до начала матча.

Или?..

– Поставьте – и можете быть свободны, – распорядился жом Тигр.

Девушка продефилировала к нему так, чтобы продемонстрировать все свои достоинства. Улыбнулась еще раз и облизнулась. Яна подумала, что каннибалы за такую улыбку три зуба отдадут. Такая она плотоядная получилась.

Нет, планировалось нечто другое, наверно. Соблазнение, вдохновение...

А получилось...

Яне живо представился жом Тигр. И рядом – девушка с сосиской на вилке. Или сарделькой...

Блондинка, вытянув губы, заглывала сардельку – и сильно напоминала голодную анаконду. Яна прикусила губу, чтобы не захохотать в голос, и опустила глаза. Жаль, от спутника эта гримаса не укрылась.

Жом Тигр понял, что его – не ревнуют. Более того, его вполне понимают, но почему тогда девушке так смешно? Это же один из основных инстинктов!

Если рядом с тобой находится мужчина, и на него покушается другая женщина – за свое надо порвать! Не важно, что это пока еще не твой мужчина! Не важно, что он тебе и даром не нужен – борьба идет не ЗА мужчину, а МЕЖДУ женщинами. Древний инстинкт соперничества, который побуждал готовить мамонта как можно лучше и украшать пещеру цветами.

Но у девушки такого инстинкта нет... интересно.

– Может быть, у жома будет еще... заказ?

Мурлыкающий голос, вкрадчивый, немного высоковатый, но многим нравится.

– Поставьте все и можете быть свободны, – уже с долей раздражения повторил Тигр.

Девушка повиновалась. Филейная часть ее ходила ходуном, словно маятник в больших часах. Яна представила это – и едва не хихикнула вторично.

– О чем вы думаете, жама Яна?

Яна не стала скрывать свои фантазии.

От первой жом Тигр поперхнулся и вслед прелестнице посмотрел с явным опасением.

От второй улыбнулся.

– Красивая женщина.

– Красивая, – согласилась Яна. – Если решите с ней уединиться, она будет стараться изо всех сил.

И снова – сказано с пониманием. А что вы хотели от девушки, выросшей на кордоне? Каких великих страданий? На кордон и с бабами приезжали, если на то пошло, Яна и от них наслушалась и насмотрелась...

Так что была в курсе основных мужских потребностей.

– Не сомневаюсь. Что ж, жама, составьте мне компанию за ужином – и будем прощаться. Мне не нужны телохранители.

Яна пожала плечами.

– Почему бы и не поужинать в приятной компании. А насчет телохранителей – вы заблуждаетесь.

– Что вам заказать? – не стал вдаваться в подробности жом Тигр. Ему было жутко любопытно, что еще придумает эта девушка.

– Закажите что-нибудь на свой вкус, – решила Яна. – Мне интересно.

* * *

Салат.

Большой кусок мяса с гарниром.

Фрукты.

Разница была только в том, что Яна пила воду, а жом Тигр предпочел вино. Но пил он очень умеренно, головы не терял, движения рук оставались такими же четкими, глаза – ясными, речь – уверенной...

А застольная беседа...

О чем могут говорить мужчина и женщина так, чтобы это не касалось ни личной жизни, ни политики? Да много о чем, но тут была ограничена и сама Яна.

Она не умела поддерживать светскую беседу, она не умела разговаривать ни о чем...

Зато она могла разговаривать с мужчинами о том, что им интересно. Они с Тигром обсудили охоту на оленя, потом на медведя, поговорили о породах собак, плавно перешли на оружие...

Потом плавно перешли к стихам.

Яна, честно говоря, лучше всего знала рубаи. Ну, еще «Гарики» Игоря Губермана. Под настроение любила «Вредные советы» Григория Остера и филатовский «Сказ о Федоте-стрельце». Это ж почти классика жанра от современника эпохи: «Утром мажу бутерброд – сразу мысль: а как народ?» Тема нашла отклик у собеседника.

В ответ Яне рассказали несколько горских поэм, в которых она не поняла ничего – декламировалось-то на ферейском. Зато звучало красиво.

Остальные освобожденцы не лезли.

Потом, конечно, они постараются и найти Яну, и пообщаться... потом. А сейчас ее игра. И она собиралась в ней выиграть, недаром же чуть не неделю готовилась!

Примерно через полтора часа Яна решила, что пора откланиваться.

Жом Тигр поднялся из-за стола, поцеловал даме руку...

– Вы позволите вас проводить?

Яна отметила, что поцелуй был исполнен... привычно?

Нет. Это совсем не то слово.

Вот когда этому учат с младенчества, появляется какая-то другая грация, привычка, все это выполняется словно бы мимоходом... как у Анны. Одно движение кисти – и все всё поняли.

У Тигра было иначе.

Этот человек сделал себя сам. Яна не знала ничего о его жизни, не была в курсе родословной, но ей хватало и наблюдательности.

Непринужденные манеры?

О нет. Эти манеры скорее напоминают гвозди, вбитые в сосновую доску. Так же, рядами, ровно, безукоризненно – ни единая щепка не отлетела, ни единый гвоздик не выбился из безупречного ряда, – вколочены, вмурованы в разум жома Тигра правила хорошего тона.

И сильно напоминают железобетонную арматуру.

Отодвинуть даме стул, подать руку, налить вина...

Это не врожденное, нет. Но очень хорошо культивированное. И изящества в этих манерах – что в той арматуре. Даже у Ильи, по воспоминаниям донора, грации было больше.

Яна была уверена в своих выводах.

Когда-то, давно, может еще в детстве, этот человек решил для себя, что станет *хозяином*. Тем, кто имеет право решать, тем, у кого есть власть. И он добивался своего.

Манеры?

Просто еще одна ступенька наверх. Основательная, надежная, аккуратная... как все, что делает этот мужчина. Да, если бы у Петера был такой характер... Все сложилось бы иначе, совсем иначе. Ни Борхум, ни Ифороу не посмели бы напасть. Да что там, они бы и думать о таком не посмели!

А если бы у ее отца был такой характер?

Хм... он был бы не лесничим. Он был бы полноценным хозяином леса, и мать бы от него не ушла. От таких мужчин не уходят. Волчицами иногда воют, но – не уходят.

А они – не отпускают.

Не тот характер, не та личность. Впрочем, Яне волноваться не о чем. У нее уже есть хозяйка. И вряд ли Хелла отпустит ее душу... тут тиграм ловить нечего. Даже самым элитным.

На долю секунды Яна засомневалась в своем плане.

А потом махнула рукой.

Получится, не получится – надо действовать! Дорогу осилит идущий, и никак иначе!

* * *

Крыльцо ресторана.

И подъехавшая машина.

И – выстрел.

Неожиданный, конечно. Хоть и бывала не одна такая ситуация, но все равно – неожиданно. Киллеры – страшные люди, они себе на шею колокольчик не вешают и «иду на вы» не кричат. А приходят и стреляют. Неожиданно.

Яна о таком и наслушалась, и навидалась, и сама была считай что профессионалом. А что? Теорию она знала, значит, и практика должна получиться!

Получилась, ага!

Жом Тигр и мяукнуть не успел, когда его схватили за руку, ловко рванули – еще и подсечку сделали. К такому он не был готов и распластался вместе с Яной на ступеньках. А в стену над ними ударил еще один выстрел, высек крошки мрамора...

– Б...

Кто это выругался?

Вполне возможно, что в унисон. Думала-то Яна точно это, каменная крошка царапнула по виску, больно!

И оружие выхватили вместе.

Но убийца не стрелял. Два выстрела, не попал? Всем спасибо, все свободны.

– Всех зарюю, – прошипел злющий Тигр. Выглядел он так... ему бы хвост – сейчас бы с него весь мех обтрепался. Яна фыркнула в ответ.

– Вы таки уверены, что обойдетесь без телохранителя? А то ведь обезглавят наше Освобождение, а на что нам свобода – без головы?

Сказано это было с таким «одэским» акцентом, что жом проникся. И не выдержал.

– Зачем вам это нужно?

Яна и врать не стала. Не тот кадр.

– Хочу в Звенигород. Там тепло, светло и мухи не кусают.

– А потом?

– Суп с котом. Жом, по нашей-то жизни, да загадывать на год вперед? Кстати, а где там наш убийца?

Жом огляделся вокруг, сунул револьвер обратно и кивнул Яне.

– Ладно. До Звенигорода – вы приняты. Дальше посмотрим.

– Вы об этом не пожалеете, – честно сказала Яна.

– Хотелось бы надеяться.

Русина, Подольск

Чем отличается война от мирного времени?

Тем, что на войне убивать можно!!!

Убивать, убивать, УБИВАТЬ!!!

Илья об этом мечтал вот уже вторую неделю. И понимал, что мечты пока что несбыточны, но...

Полковнику было паршиво.

Да, Валежный его отправил в Подольск.

Да, он назначил его комендантом.

Но...

Денег-то, простите, нет!

И порядка нет!

И... и все цепляется одно за другое, и даже никого убить нельзя! Разве что освобожденцев... но рядом с чиновниками – они такие милые! Просто лапочки!

– Илюша...

В дверь кабинета постучали, и вошла Маргошенька Измайлова. Илья посмотрел на нее с улыбкой.

– Что случилось, Маргошенька?

– Илюша, обед готов.

– Спасибо, друг мой, я буду через полчаса.

– Да, конечно. Я скажу повару.

Маргошенька вышла, оставив памятью о себе флер дорогих духов. Илья вздохнул и посмотрел в окно.

На улице лил дождь, царила холодная ненастная осень. И на душе у него было так же паршиво и паскудно.

Подольск...

Как наладить жизнь в городе, если со всех сторон бардак, а тебя этому – не учили?!

Никак.

Это в романах все хорошо получается, а в жизни...

Продукты не везут – нет денег. Нет продуктов – нечем кормить людей. Нечем кормить людей – начинаются голодные бунты. Начинаются бунты – нет порядка. Нет порядка – небезопасно и на дорогах, и в городе...

И пошло одно за другое, третье за четвертое...

Укрепрайоны надо строить – строителей надо кормить – крестьянам надо платить... и читай сначала! Ополченцам надо платить, ополченцев надо кормить, одевать... Дальше – продолжать?

Правильно, не надо. Денег-то не было, освобожденцы их первым делом по своим карманам пригребли. И кто сбежал, кого пристрелили – с покойников все равно денег не получишь.

Что остается?

А ничего хорошего.

Илья пытался рассчитываться расписками, но брали их плохо. Вообще не брали, если честно, и купцов можно было понять. Обещаниями семьи не накормишь. Разве что в нужном месте использовать ту расписку – и то бумага жесткая, а чернила расплывутся, некрасиво будет.

Реквизировать?

Илья и это уже приказал, но какой дурак будет все на виду держать?

Плохо было в Подольске. Все хозяйство напоминало тряпье нищего, из гнилой ткани, на живую нитку, разномастные лохмотья... и что поползет первым?

Неясно.

Но как ни латай – лучше не будет.

Тора Маргарита оказалась единственной искоркой света в окружающем мраке.

А случилось так.

Савелий Лукич нашел Илью уже на следующий день. И упал в ноги.

– Тор! Умоляю, помогите!!!

Хоть и был Илья занят по уши, но... мы в ответе за тех, кого выручили.

– Что случилось?

– Тор, миленький, Творца ради! Определите нас хоть куда на постой! Нельзя в том доме оставаться, как Творец видит, нельзя...

И верно, нельзя.

Освобожденцы порезвились там на совесть.

Что могли – сломали, что не могли – изгадили. Мебель? Кажется, ею топили камины. Личных вещей не осталось... Илья махнул рукой да и предложил Савелию Лукичу перевезти все семейство тора Измайлова напрямик в управу. И спокойней им будет, и под присмотром, и...

Наверное, Илья немножко лгал себе.

Но измученная девушка на кровати что-то зацепила в нем. Какие-то потайные струны...

Красота, беспомощность, он – герой, она – спасенная... как тут не отозваться молодецкому сердцу?

Несколько дней тора приходила в себя, рыдала, билась в истерике, но с собой покончить не пыталась. Что-то ей дед Савва сказал.

А потом, постепенно...

Тут Маргарита взяла на себя хозяйство, здесь начала командовать кашеварами, там...

И постепенно, шаг за шагом, сближалась с Ильей.

Нельзя сказать, что у них была душевная близость или они даже целовались. Но что-то начиналось. Там жест, тут улыбка, здесь взгляд... и вот уже протягиваются сотни нитей, которые связывают людей прочнее канатов.

Илья позволил себе пару минут посидеть и помечтать, а потом опять зарылся в бумаги.

Э-эх...

А в это время...

* * *

– Не смогу я, дедушка!

– Тора, нет у нас другого выхода. И мать на вас, и братец маленький...

– Мне после того... мне все мужчины омерзительны!

– Тора, миленькая, вы ж не хотите, чтобы и с вашей матушкой так поступили?

Тора Маргарита поежилась.

– Нет!

– И братика вашего убьют, на штыки выкинут... я-то старый, жизнь прожил! Меня не жалко! Их пожалейте!

– Да мне даже прикоснуться...

– Я вам средство достану. Верное. Глотнете – и все как в тумане будет. Обещаю.

Тора Маргарита закрыла лицо руками.

Да, если бы не дед Савва, она бы там и умерла. Вены бы себе вскрыла или удавилась. Она так и хотела сделать, когда ее принесли в убогую комнатушку. Только б ее одну оставили, хоть на пять минут, ей бы хватило! А дед стоял над душой и нудил, нудил... про мать, про брата, про отца, опять про мать, про брата...

И Маргарита сломалась. Поняла, что придется жить. Хоть как, хоть больной, хоть искалеченной, а жить. Хотя бы пока родные не будут в безопасности. А потом... потом она все одно руки на себя наложит! Так правильно будет!

Только так и будет правильно! Все одно она никому не нужна!

Илья?

Маргарита не была душой и понимала, что дед Савва подталкивает их друг к другу, резонно полагая, что в смутные времена семье нужен защитник. А что таким путем, ну что же? Испокон века женщины собой платили, не всегда это радовало, а только жизнь продолжалась, и род людской продолжался.

– Я не смогу!

– А на мертвого брата смотреть – сможете, тора? На мертвую мать?

Тора покусала губы – и медленно-медленно кивнула.

Дед Савва расплылся в улыбке.

– Не надо так-то, голубка моя. Все хорошо будет, и жизнь продолжается...

Тора Маргарита кивнула. В данный момент она совершенно не была в этом уверена, но – какая разница?

Завтра будет новый день...

Яна, Ирпольск

– Как договаривались, сто рублей.

– Спасибо, жама. Обращайтесь, если что!

Яна подмигнула и сделала привычный отребью жест. Провела двумя сложенными вместе пальцами правой руки – средним и указательным от правого же виска к подбородку.

Договоримся.

«По фене» в этом мире тоже болтали. Но и тайным знакам уделяли внимание. Мало ли что передать потребуется, мало ли кому?

Анна в жизни не нашла бы этих головорезов. А и нашла бы – что толку?

А для Яны это был самый ее клиент!

Насмотрелась она на кордоне! Еще и не на таких насмотрелась! И ничем они не отличались от привычных дядь Гриш-Миш-Паш-Саш, которые приезжали пострелять на досуге.

И найти себе парочку удалых молодцов и договориться было несложно. Подумаешь – пару раз выстрелить, когда заказчица на крыльце появится?

Фигня вопрос!

Яна нанимала их не для покушения на жома Тигра – вот еще не хватало! По закону подлости найдется криворукий остолоп, продырявит ей ценное средство передвижения, и залипнет она на полгода в Ирольске. Или будет на перекладных добираться... этого допускать было нельзя! Поэтому она нанимала мужчину для покушения на себя.

Даже не покушения.

Увидишь Яну на ступенях ресторана?

Два раза выстрелил, бросил оружие – и рви когти, чтобы пыль столбом стояла. Целься примерно в меня, под ноги, на всякий случай. Или рядом.

Яна, конечно, рисковала, но другого выхода у нее не было.

Кто бы согласился покушаться на лидера освобожденцев? Одного из лидеров?

Да никто!

А выстрелить в не известную никому девицу – запросто! Зачем? А зачем бабы дурью маются? Кто морды красит, кто платья по десять штук покупает и разом надевает, кто наоборот – снимает что можно и что нельзя...

Да чтобы мужика привлечь!

Так Яна и объяснила. Имени мужика не назвала, да и ни к чему. Узнают сами? Вот и прекрасно! Но даже в таком случае... жом Тигр не идиот, и подставу он наверняка заподозрил. И Янино участие.

Если бы она планировала оставаться с ним рядом долгий срок, конечно, возникли бы проблемы. А ей-то немного нужно. Доехала до

Звенигорода и помахала ручкой на прощание.

А наемник пусть бежит в Комитет и рассказывает, как его наняла баба, чтобы выстрелили... в кого?

В нее.

То-то и оно. Бессмысленно.

Яна рисковала, но все получилось. И сейчас она выдала мужчине оговоренные пятьдесят рублей – и премию за удачные выстрелы.

А вот...

– У тебя, жом, в Звенигороде знакомых нет? Чтобы обратиться с личным вопросом?

– Как не быть! Будете проезжать, найдите трактор «Серебряное сердце». А коли отсыплете хозяину чуток да скажете, что от Сквородки, он вам в чем несложном и пособит.

Яна поблагодарила и премировала мужчину еще одной четвертной.

Получила еще пару адресов – и двое людей разошлись в разные стороны, довольные и счастливые. И название трактора Яна запомнила.

А вдруг пригодится?

Россия, Анна

– Вкусно?

Кира застонала от удовольствия и сунула в рот очередной кусок омлета.

С утра Анна, как и обещала, постучала в ее комнату.

– Доброе утро.

– Ам... ум... эвк...

– Кира, ты просила научить тебя готовить. Если захочешь...

– А что сегодня будет на завтрак? – высунулся из-под одеяла любопытный нос.

– Слоеный омлет, блинчики с начинками, а если найдется фарш, то можно и бризоль сделать. И какой-нибудь вкусный десерт. Хочешь?

Еще бы Кира не хотела.

– А мы успеем?

– Безусловно.

Главное – правильно распределить последовательность действий, это еще Анну и сестер мэтр Симон учил.

Кира впрыгнула в джинсы, натянула футболку – и помчалась вслед за Анной.

Пока она не годилась для сложной работы, но помыть-почистить, порезать-положить...

Девочка послушно делала, что ей говорят, а Анна, вспомнив мэтра Симона, шутила, рассказывала забавные байки из кулинарии, вроде завтрака «до журавлей» или как изобрели бутерброд и как его впервые намазали маслом... [19]

Кира слушала открыв рот.

Впрочем, так же слушала и кухарка, и даже явившаяся на кухню Роза Ильинична...

А на плите скворчало, шипело и распространяло волшебный аромат несколько блюд. Анна сняла пробу с одного, со второго – и кивнула.

– Готово.

– Афигеть! Это мы... сколько? И часа не потратили?

– Мы-то готовили вместе, – пояснила Анна. – Ты помогала, Марья Семеновна помогала, вот мы и управились быстро. И плита тут большая, готовить одно удовольствие.

– А, вот оно что! Но вкусно!

– Одна дольше провозишься.

Мэтр Симон потому и учил императорских дочек, что их давали в помощь. Поди приготовь на всех... Петер это понимал. А Анна училась.

А вдруг?

Вот и пригодилось. Да как – Кира смотрела с искренним удивлением.

– А на обед мы что-то приготовим?

– Если захочешь. И даже на ужин.

– Клево!

Благие намерения были на корню зарублены Борисом Викторовичем.

– Кира, Анна Петровна, я против!

– Папс, чё за проблемы?!

– Борис Викторович?

Сказано было хором. Девушки переглянулись – и расхохотались.

Борис Викторович решил проигнорировать идиотское «чёканье».

Ладно уж! Дочь сама завтрак приготовила, стоит поощрить!

– Девушки, помилуйте! Я не могу ездить сюда из города!

– Зачем?

– А что – меня угощать не собираются?

– Собираемся! – решила Кира.

– Вот! А еще – мне же никаких упражнений не хватит, чтобы не растолстеть! В моем возрасте уже надо об этом подумать!

– Чего тебе думать, папс, круто выглядишь!

Борис Викторович только головой покачал.

– Давайте договоримся на одну трапезу в день? Любую. Завтрак, обед, ужин – но только один. И предупреждайте, попробовать же хочется!

Девушки переглянулись – и прыснули.

– Хорошо, – улыбнулась Анна. – Договорились. Кира, что готовим завтра?

– Обед!

– Отлично! – обрадовался Савойский. – Тогда я приеду... во сколько?

– В три часа, – выбрала Анна. – Мы как раз успеем... Кира, ты хочешь поучиться составлять меню? В том числе и на неделю вперед?

– А чего там учиться?

– Не скажи. Это целое искусство, – Анна покачала головой. – Я объясню. И как заказывать продукты, и как их сочетать, и что обязательно должно быть в доме...

– Хм... Хорошо. А что завтра готовим?

– Вот и придумаем.

– Обязательно буду завтра в три. – Борис Викторович пометил себе что-то в ежедневнике и умоляющими глазами посмотрел на дочь. – Девочки, соберите мне с собой ланч-бокс? А? После этой вкуснотищи в рестораны даже заходить не хочется!

Кира захохотала, подскочила из-за стола и унеслась на кухню. Собрать рулеты, блинчики и прочие вкусняшки.

Борис Викторович благодарно посмотрел на Анну.

– Анна Петровна, вы хорошо влияете на мою дочь.

– Я не стараюсь на нее влиять, Борис Викторович. Я просто научу ее тому, чему научили меня. Надеюсь, ей это пригодится.

– Не сомневаюсь, – кивнул бизнесмен. И положил себе еще один блинчик. – Ваш муж просто идиот!

– Простите?

– Он вас за такие таланты должен на руках носить и из дома не выпускать.

– У меня не было мужа, – не стала скрывать Анна.

– А сын?

– Борис Викторович, дети иногда получаются и вне брака.

– Тогда ваш парень был дураком, – махнул рукой работодатель. – Если вы его так кормили, и он ушел... точно – идиот!

Анна вспомнила Илью – и покачала головой.

– Не надо так о нем. Пожалуйста.

– Простите.

– Он замечательный человек. И я надеюсь, у него все будет хорошо. Просто иногда обстоятельства сильнее нас.

– Что за обстоятельства, которые позволяют бросить своего ребенка?!

Анна развела руками.

– Родители.

Чьи – она не уточняла. Ее, понятное дело. Когда твой папа императором работает – сложно. Это вам не бизнесмен, императоры таких на завтрак десятками кушать могут...

– Понятно. Ладно, учите Кириюху.

Борис Викторович сунул в рот последний кусок блина, взял из рук дочери здоровущую коробку – и отправился на работу.

А по дороге позвонил...

– Гена, привет.

– Борис! Салам алейкум, наше вашим!

– Гена, будь другом. Я тут девочку в дом нанял, Анна Петровна Воронова.

– И что с ней не так?

– Все так! Умница, готовит отлично, Кирюху дрессирует – укротительница тигров нервно плачет в сторонке.

– Чего ж тебе еще надобно, собака? Женись, хороняка, князь отпускает ее!

Роль Ивана Васильевича приятелю удалась. Даже голос был вполне себе яковлевским.

– Тьфу на тебя! Ген, выясни мне про нее все, а? Кто, что, откуда...

– Ты что – абы кого в дом притащил?

– Не то чтобы... Кирюха предыдущую училку сожрала, я ее под мышку и в агентство. А там мне эту девчонку и выдали. Вроде моль бесцветная, никакущая, а поди ж ты! Я как посмотрю, аж жутковато становится. Как взглянет – мороз по ж... бежит до...

– Ишь ты! А что ты вообще о ней знаешь?

– Маловато. Училась на биолога, кажется, жила с отцом, есть сын – в больнице.

– Ладно, порасспрашиваю. Но ты будь осторожнее.

– Ген, я вообще не предполагал, что она задержится. Думал, Кирюха ее за два дня на... – и выкинем. А я бы пока подобрал кого понадежнее...

– У меня есть отличная кандидатура. Отставной майор спецназа.

Борис Викторович послал друга... в отставку.

– А тут понимаешь – пришла и начала всех строить. Кирюха за ней... ну, не хвостиком ходит, но заинтересовалась. Что дальше будет – не знаю, посмотрим. Но знать надо, раз так.

– Выясню я тебе все про девочку, выясню.

– Заранее спасибо. Документы сейчас скину по ватсапу.

– Давай.

Борис Викторович сунул телефон в карман и повел носом.

Пахло в машине так... здесь так никогда не пахло. Обычно Борис Викторович вдыхал запах дорогого парфюма и моющих средств, кожи и металла. Но не сейчас.

Ланч-бокс источал такие ароматы, что хотелось открыть его – и слопать все сейчас. Только вот не лезет уже.

– Роман, тебя хоть накормили?

– А то ж! Анна Петровна на всех готовила! Да ловко так...

– Она тебе нравится?

Роман пожал плечами.

– Сложная она. Вроде и живет чуть не в трущобах, и одета небогато, а иногда как глянет – мороз по коже. Вот другие, не в пример ей, и парфюмом поливаются, и одеты от версачей, а все равно – крестьянки.

Борис Викторович узнал в этом описании Лизу и хмыкнул.

– Не наглей.

– Что вы, Борис Викторович! Я бы и не посмел...

Хозяин покачал головой, но спорить не стал.

– Говоришь, сложная?

– Да. Как она держится, как говорит, как смотрит – ощущение... знаете, такая девочка из хорошей семьи. Из очень хорошей.

– Понятно. Ладно, будем посмотреть дальше.

* * *

Анна проводила взглядом работодателя и повернулась к Кире.

– Ну что – первое занятие? Надо определить, что и сколько есть в кладовке, составить список, а потом решить, что мы будем готовить, на сколько человек, что докупить...

– Так сложно?

– Дом вести вообще сложно. Роза Ильинична отлично справляется, – польстила домоправительнице Анна. Хотя и видела огрехи, недочеты... Ее-то учили! А тут хоть и талантливая и педантичная, но самоучка! Спасало то, что дом – не полноценное поместье, там бы сложнее было.

А во времена Анны хозяйка была кем-то вроде менеджера в современном отеле. Здоровушем, кстати. И менеджер этот находился в состоянии регулярной беременности – родов – кормежки – воспитания... Рехнешься! И никакого декрета!

Роза Ильинична покивала.

Не то чтобы ей нравилось такое вторжение в ее дела, но пусть лучше девчонка делом займется, чем пакостит и шкодит! Опять же, ее бабке такое бы понравилось. Точно.

Кира подумала, потом вытащила айпад – и девушки отправились по кладовкам. Сталин составил им компанию.

А вдруг?

Вдруг в кладовке живет бука? И как выпрыгнет! Как нападет!
Буку он еще не кушал! Только крысу... опять же, вдруг хамон
неровно висит? Надо помочь, проконтролировать...

Русина, поместье великого князя Гавриила Воронова

Политика – это искусство компромисса.

И находить эти компромиссы надо с людьми, которых с радостью
бы на колбасный фарш переработал.

С восторгом бы!

А – нельзя.

Они нужны, они полезны... в данный момент. Поэтому можно
утешать себя мыслью, что когда этот человек перестанет быть
нужным... в политике нет друзей, но есть интересы, не так ли?

Вот тогда он и узнает, где зимуют раки. Отправившись под лед.

А пока...

Терпеть.

Другого выхода нет.

Вот и сидели в одной комнате два человека, которые при других
условиях оппонента бы зубами загрызли. Пили вино, улыбались – и
мечтали.

Жом Пламенный – о взрыве. Хорошем таком, чтобы уши на
крыше, а ноги на фонаре... и кишки, кишки веером по улице!

Князь Гавриил – о виселице. С подставленной колодой, чтобы
подольше мучился, подонок!

Каждый в меру своей фантазии. Но улыбались они друг другу
вполне мирно. И даже с неким взаимопониманием.

– Что скажете, жом Воронов? – Жом Пламенный улыбался.
Вежливо так...

– Что я могу сказать? Вы прос...ли все что могли, – не по-
княжески отозвался Гаврюша. – Так и неизвестно, кого мой братец
объявил наследником?

– Пока – нет. Есть предположения, что уцелел кто-то из его
дочерей, но...

– Бабу – в наследницы?

– В истории бывали такие случаи, разве нет?

Гаврюша скривился.

– Бывали. Но там есть вполне определенные условия, жом.

– Прошу вас поделиться ими со мной. Подозреваю, что без знания этой информации мы совершим много ошибок, – жом Пламенный был сама любезность.

Гаврюша кивнул. Покривился, помолчал какое-то время, а потом неохотно начал говорить.

– Есть такое предание, жом. Сразу хочу оговорить – это именно предания, но в них стоит верить. За время правления династии Вороновых им было несколько подтверждений, и я могу перечислить их.

– Я готов поверить во что угодно – после колокола и пушки, – кивнул жом Пламенный. – Я допросил людей, они клянутся, что рядом с колоколом никого не было. А он звенел...

– Звенел.

– Сам.

– Сам...

– Магия?

Гаврил pokrивился еще сильнее. Сунул в рот лимончик, чтобы хоть как-то оправдать горький привкус, и неохотно выдавил и себя:

– Благословение Хеллы.

– Хеллы? Но позвольте!

– Да, язычество. И в богиню почти никто сейчас не верит. Но – по преданию, у истоков нашей династии стояла ее жрица. Она принесла в жертву ребенка царской крови и поклялась, что восстановит Ее храмы.

– И сдержала обещание?

– Не совсем. Храмы она не восстановила, но в нашем роду знали, кто мы и откуда. Петер точно знал.

– Допустим...

– Один удар колокола – государь мертв. Три – он выбрал наследника. Выстрел пушки – наследник принял трон. По преданию, когда лили колокол и пушку, добавили туда кровь той самой основательницы династии. Кровь, волосы, что-то еще... Она заклала их.

– Допустим.

– И – коронационные регалии.

– Корона? Трон? Скипетр, держава... что именно?

– Вы слишком широко мыслите, – усмехнулся Гаврюша. – На самом деле регалия всего одна. Слеза Хеллы.

– Что это такое?

– Драгоценный камень небольшого размера, – Гаврюша изобразил на пальцах, какого именно. – Черный. Если его повернуть на свет, видны цветные искры. Чем-то он похож на черный опал.

– Таких камней в сокровищнице...

– Но не каждый режет алмазы, как стекло.

– Хм...

– Я уверен, Петер забрал его с собой. И передал наследнику... наследнице.

– Женщину можно объявить наследницей?

– При определенном условии.

– Каком, тор?

Жом Пламенный и про равенство забыл.

Магия, условия... смешно звучит в наш просвещенный век, не так ли?

Глупо!

Но ведь работает! И это страшно! Не хотелось бы получить на свою голову... Власти – хотелось. А вот проклятий и прочего – извините.

– Жертвоприношение, – хмуро бросил Гаврюша. – Наследник должен принести своей рукой жертву Хелле. Так было с императрицей Арин – она принесла в жертву своего мужа. С императрицей Надин – та принесла в жертву брата.

– А здесь?

– Хелла засчитает и врага. Или – если девчонке пришлось добивать родных... надо смотреть. Это капризная богиня... бабы! Хоть и боги, а бабы!

Жом Пламенный пожал плечами.

Вот божественная история его в детстве волновала мало, да и учили в гимназии заветам Творца, а не языческому пантеону.

– Допустим, она принесла жертву Хелле. И та ее приняла. Что дальше?

– Пока жив наследник или наследница – я власть не приму. – Гаврюша выглядел мрачно. – Хоть убивайте.

Вот уж чего жом Пламенный не ожидал. И изобразил «маску изумления».

– От пули помираешь быстро. А вот от проклятия...

– От проклятия?

– Теряешь все, что дорого. И следа твоего на земле не остается.

Помните историю с завоевателем Ашандером?

Жом Пламенный помнил.

Диктатор, поставивший под свою руку почти все страны континента, пришел в Русину. Прошел ее. Завоевал Звенигород.

И – сбежал.

Его войска были разбиты, семья разрушена, власть он потерял, детей не оставил, сам умер всеми забытый и преданный...

– Это... но ведь его просто победили?

– Не совсем просто. Он сел на трон наших предков, он произнес необходимые слова...

– Слова?

– Он провозгласил себя императором Русины. И Хелла услышала.

– Ага. А коронационных регалий при нем не было.

– Именно. Власть ему не передавали, жертв он не приносил...

– А если попробовать?

Гаврюша пожал плечами.

– Попробовать можно. Получится ли?

– Как богиня выражает свое благоволение?

– Спутники Хеллы – белый волк и белая сова. Полярная. Если богиня принимает жертву, она посылает своего спутника, чтобы тот принес ей кровь жертвы.

– Я понял. Попробуете? Жертву я обеспечу?

Гаврюша медленно кивнул. Жом Пламенный улыбнулся.

Жертва!

Ах, какая прелесть!

Главное, не забыть посадить в засаду своих людей... да не с ружьями! Тьфу на них! С фотоаппаратами и кинокамерами! Вот где дело!

Компромат, господа!

Компромат!

– А если не принимает?

– Тогда я и связываться не буду. Не хочу такой судьбы...

– Понятно. Жертву мы найдем. А пока – прошу вас написать письма. Сами понимаете, дипломатические отношения...

– Письма?

– Ламермур, Лионесс... нам нужны деньги для войны с Борхумом. Петеру их никогда не дали бы! Но вы – вы другое дело! Если властители будут знать, что во главе Русины стоит умелый и опытный руководитель, на которого можно положиться...

Льстил жом Пламенный без зазрения совести. И не просто так.

Гаврюша млел.

А жом просчитывал дебет и кредит.

Казна пуста. Если там что и было – остатки Петер выгреб и вывез. Или спрятал. Куда? Так найдем, но деньги-то сейчас нужны! Или на страну, или... или на бегство! Раз уж выпал такой шанс...

Жом Пламенный готов был зацепиться за трон когтями и зубами – не важно, как называется его пост. Император ли, член ли Комитета – не суть важно!

Но если не получится – деньги нужны! Очень...

И тут уж надо их хоть из кого выбить! Под Гаврюшу денег дадут. А под него?

Не сразу, далеко не сразу... сейчас даже и посмеются. Сами влезли, сами и расхлебывайте...

Так что пусть Гавриил Воронов мнит себя императором. На самом деле – он просто пешка. Глупая гадкая пешка.

И жом Пламенный послал своему визави самую душевную улыбку из тех, на которые был способен.

Яна, Русина

– Это – все? – Жом Тигр был искренне удивлен.

Яна тоже удивленно посмотрела на него.

– А что еще надо?

Действительно. Все самое необходимое – есть. И отлично помещается в солдатский ранец. Пара смен белья, тонкие брюки, две рубашки, ночнушка. Оружие, книжка. Одна – на большее Яны не хватило. Колода карт – если не сыграть, так пасьянсы разложить. Все остальное – на себе. Куртка, костюм, ботинки...

Деньги есть, чего не хватает – купим. Ах да, гигиенические принадлежности и легкие матерчатые туфли типа балеток. В поезде ходить.

– Я думал, у вас будет больше имущества.

Яна пожала плечами.

– Досмотр проведете?

Жом Тигр насмешливо прищурился.

– Если вы настаиваете.

– Не настаиваю. Но зачем же посылать кого-то втайне шарить по моим вещам? Я и сама все покажу, – ухмыльнулась Яна.

Жом Тигр сдвинул брови.

– Ладно. Сейчас поезд тронется – покажете. А пока грузитесь.

– Куда?

– Купе рядом с моим.

– Какое доверие!

– Вы же телохранитель, вот и будете меня охранять. Кстати – сразу вам выговор.

– За что?

– За отсутствие.

Повод быть недовольным у жома имелся. Танька к отказам не привыкла.

После ужина и случая на ступеньках высокое начальство со всеми поклонами проводили в гостиницу. Яна проконтролировала ситуацию – и отпросилась собрать вещи.

Тигр кивнул и отпустил.

Танька, которой горничная доложила о ситуации, прикинула хвост к носу – и пошла в атаку. А именно – приделась и постучала в дверь.

Жом, не ведая о нависшей над ним опасности, и открыл. И обозрел пространства...

Шикарный верх, едва прикрытый боа из перьев.

Шикарный низ, плотно обтянутый прозрачными панталонами.

И жаркий шепот:

– Я всю горю, милый!

И грудью, грудью вперед.

Если бы не Яна – кто знает? Но ядовитое описание девушки, как назло, пришло в голову бедному вождю Освобождения. И жом Тигр,

сам не желая, вдруг представил себя – в роли брандспойта. Тушащего... м-да.

Эротики в этом было мало. Не доросла Русина до таких извращений.

– Обратитесь в пожарную команду, – отрезал жом. И попробовал захлопнуть дверь. Растерянная дама не сопротивлялась. Какое там! Танька даже не сразу поняла, что происходит. А потом было непоправимо поздно.

ЕЕ – отвергли?!

Как он мог!

Это надо было срочно выяснить.

– Жом, я прошу...

Поздно.

Дверь душевно хлопнула даму по передним прелестям – и закрылась. Еще, кажется, и цепочку изнутри набросили, подальше от жутких говорящих и горящих.

Вот что тут делать бедной девушке?

Правильно, пойти искать другого, менее морально стойкого товарища. А этот... сам виноват, дурак. От такого счастья отказался! Тьфу!

* * *

Яна покатывалась со смеху.

– Значит, подопечного чуть не...

– Сожгли со всем пылом и страстью, – потешалась девушка.

Жом Тигр фыркнул, как мальчишка. Да, давненько с ним такого не случалось. Его боялись, перед ним заискивали, но чтобы так вот насмешничать?

И ведь не над ним – над ситуацией. И как-то так получается, что и самому смешно.

– Как вам не совестно!

– Жом, это мне совестно? Да вы подорвали репутацию всего Освободительного Движения! Теперь весь Ирольск будет знать, чем вас можно устрасить.

– Подозреваю, дама и так известна всему Ирольску.

– Особенно врачам, которые лечат дурные болезни? Верю, вы поступили предусмотрительно, не согласившись подложить себе такую... свинью. Потом лечиться было бы сложно.

– Жама, у вас нет никакой совести.

– Женщинам совесть до замужества не полагается, не то так в девках и останутся.

– А после замужества?

– После замужества женщине нужно мужество. А не совесть.

Жом Тигр не стал углубляться в психологию.

– Жду вас после того, как поезд тронется.

Яна кивнула – и отправилась осваиваться в купе.

* * *

В поездах она ездила. В основном в плацкарте. Переплачивать не хотелось. Но купе она видела изнутри.

Это купе дало бы сто очков вперед СВ.

Небольшая комнатка.

В нее вмещается диван, явно раскладывающийся, мягкий и удобный даже на вид – у одной стены. Над диваном полочка для графина и бокалов. Напротив дивана бюро с письменными принадлежностями, у бюро – стул. Над ним – полка. Рядом небольшая дверца, ведущая...

Ура!

Собственный ватерклозет!

Счастье есть!

Душа, конечно, нет, но есть унитаз и умывальник, остальное – поправимо. Шторы на окнах, роскошная обивка... да, плюшевая. Или бархатная?

Яна не слишком хорошо разбиралась в тканях. Но представляла нечто подобное в российских СВ.

Ободрали бы мигом! Или наскальной живописью разрисовали, или еще что... а тут?

Культура!

Янин рюкзак отлично поместился бы под диван, но девушка пока медлила. Вот качнулся поезд – и медленно поплыл, унося ее от

Ирольская. Девушка прикрыла глаза – и помахала рукой перрону.
– Жди меня, сынок! Я уже еду к тебе!

* * *

Минут через пять в дверь постучали, и Яна впустила в купе жома Тигра.

Тот по-хозяйски вошел и расположился на диване. Яна подняла бровь.

Мужчина уже успел переодеться по-домашнему. Не в халат, из-под которого торчат волосатые ноги, нет! «По-домашнему» в Русине означало брюки из какой-то легкой немнущейся ткани, легкую же рубашку и домашнюю куртку.

И туфли типа парусиновых.

– Вас все устраивает, Яна?

– Вполне. Вы пришли пообщаться – или провести личный досмотр?

– Вы сами обещали, я вас за язык не тянул.

Яна пожала плечами – и водрузила рюкзак рядом с жомом.

– Итак, начнем!

Первым на стол был выложен ее парадный костюм. Брюки и туника. Вторым номером последовали брюки и туника чуть поплоче и попроще – надо же в чем-то ходить по поезду?

Туфли.

Белье в лучших традициях Парижа.

Шейва Лейва хоть и был балбесом редкостным в политических вопросах, но портным оказался хорошим. А потому жому Тигру были предъявлены трусики-ниточки и трусики-шортики, а вместо бюстгальтера – тоненькая маечка-топик. Яне в таких было удобно.

Жом не покраснел. Но определенно задумался.

Следующим пунктом была показана ночная рубашка и халатик. Тонкие и полупрозрачные. Натуральный шелк бледно-лилового оттенка!

Карты.

Книга.

– Жама, вы это читаете?

Яна пожала плечами.

– А что такого?

– Что именно вы из этой книги понимаете?

Яна посмотрела еще раз на обложку. Ну да, «Математические начала натуральной философии» – не совсем то чтиво, которое можно увидеть в руках у женщины. Но если б вы знали, как она потрясающе усыпляет!

Это Яна и сказала.

Жом Тигр расслабился. Кажется, ему стало чуточку получше.

Косметика, крем для рук, шампунь – все натуральное, действительно на травах, а не на отходах нефтедобычи... в двадцать первом веке бы такое!

Жом Тигр только головой покачал.

– Вы меня удивляете, жама.

– Яна. Можно просто Яна.

– Хорошо.

Себя жом Тигр называть уменьшительно-ласкательным «Киса» не предложил. И правильно. Яна не представляла человека, которому так бы подходило данное прозвище.

Тигр и есть, даром что с зелеными глазами. А тигра как-то не тянет подзывать на «кис-кис». Он-то подойдет, но успеешь ли отойти – ты?

– Карты. Вы играете?

Мужчина взял колоду, перетасовал... Яна пристально поглядела на его пальцы.

– С вами? Без ставок.

– А на интерес?

– Или без ставок – или никак.

– И почему?

– Потому что вы... нет, не шулер, но кое-какие приемы точно знаете. – Яна была уверена. Стоит только взглянуть, как мужчина держит колоду – вроде бы неловко, неумело, но ни одна карта не вывалилась, – как он ее перетасовал...

Высший пилотаж!

Штучки фокусников – только для фокусников, говорил ей один из клиентов-охотников, старый катала. Перебросить карты из руки в руку, развернуть их лентой или змеей... Настоящий катала все это может. Но

– никогда не будет делать напоказ. Он будет неловок и неуклюж, он несколько раз уронит карты, он постарается казаться пусть не новичком, но человеком неискушенным. Выдаст его другое.

Нечто общее, что было в движениях старого шулера и жома Тигра. Что-то такое, неуловимое, в расположении пальцев на колоде, движениях кисти, взгляде...

Если бы Яна не видела мастер-класса, она бы тоже попалась. Но она – видела.

Чем же вы промышляли в молодости, жом Тигр?

– Вы любопытный человек, Яна.

– Вы тоже, жом Тигр.

– Пожалуй, я уговорю вас на пару партий. Без ставок.

Яна медленно кивнула.

– Будьте ко мне снисходительны, я не слишком люблю играть. Предпочитаю пасьянсы.

– Что ж. Поиграем.

И почему Яне показалось, что собеседник имел в виду вовсе не карты?

Поезд медленно двигался, унося людей вперед, к Звенигороду.

Русина, граница с Борхумом

Антон Андреевич Валежный твердо знал – войну надо заканчивать. Воевать на два фронта в их условиях – смерти подобно. Проблема в другом.

Борхумцы это знали ничуть не хуже.

А потому...

Какие у него варианты?

Да только один. Зимой не воюют. Особенно здесь, на границе с Борхумом, где болота – обычное явление. И не только болота. Снег до двух метров глубиной, морозы...

А воевать надо.

Вопрос второй – сколько у него верных людей?

Полк?

Два?

Вряд ли больше. И...

Валежный решил.

Пусть его потом хоть перед строем расстреляют, плевать на все! Но рассчитывать он может только на себя. И большое число войск снимать с фронта нельзя.

А потому...

Чисто теоретически – к кому ему обратиться? И что делать?

Петер, будь во веки веков проклята его душа! Кому нужна была та война? Ламермуру? Лионессу? Только вот Лионесс на острове, а Ламермур опять же защищает наполовину армия Русины. Зачем?

За чьи интересы тут воевать?

Колонии?

Да какие Петеру колонии, в своем доме бы порядок навел!

Валежный небезосновательно подозревал в происходящем руку Борхума. Нет, ну в самом-то деле!

Если вы воюете со страной, а в ней неожиданно начинаются беспорядки? Кому это выгодно? И не надо рассказывать про волю Божью! Наверняка финансировали этого поганца Пламенного именно борхумцы! И скрывался он от полиции на их территории, и приехал оттуда, и всякие прокламации печатали на их деньги...

Сволочи!

Валежный и похлеще бы сказал. Но...

Что теперь делать?

Зимой на границе с Борхумом воевать невозможно. Техника там просто не пройдет. А люди... Партизанские отряды есть и с той стороны, и с другой... это – не полноценная война. Так, укусы.

А вот весной...

Разберется ли он до весны с освобожденцами?

Нет.

Потому что в районе Ферейских гор нарастает напряженность, и надо мчаться туда... А что делать с борхумцами?

Валежный рассудил с простой крестьянской логикой.

Допустим, дерутся двое людей. А потом у одного из них овин загорелся. Тот, натурально, и отвлекся – и под дых получил. Просто в масштабе государств это как-то иначе выглядит, теряются факты за массой деталей. А суть-то проста, хоть там высший свет, хоть деревенская околица, а нельзя ли вот то добро да себе в загашник? А вот как соседка будет действовать, коли у него сарай подожгут?

Петер на такое пойти никак не мог. А Валежный? Валежному было сейчас все равно. Пусть потом его хоть судят, хоть вешают – у него есть его родина. Его Русина. Он должен смотреть, как ее разорвут на части?

Ну уж – нет!

И потому Антон Андреевич приехал к человеку, который мог ему помочь.

Друг?

Сложный вопрос. Не то чтобы друг... дело было около десяти лет назад.

Двое мужчин сидели друг напротив друга, молча разливали по стаканам разведенный спирт, молча пили – и вспоминали примерно одно и то же.

* * *

Кареевский тракт.

Дорога, которая полита потом, кровью, слезами...

Те, кто живет рядом с дорогой, говорят, что на каждую ее песчинку приходится один покойник. Каждую...

Кареевский тракт. Тракт, по которому гонят на север империи каторжан. Медленно, кошмарно медленно, в дождь и в зной, зимой и летом, в кандалах и цепях... Кому-то может быть послабление – ручные кандалы. Кому-то – и ручные и ножные.

Упал? Плетью тебя... Заболел? Ослаб? Началась гниль от наручников, разъело плоть до кости? Это – твои проблемы.

Вечером стражники, которых в Русине метко прозвали «собаки Хеллы», спросят, у кого в чем беда. Один раз.

Могут добавить плетями.

Могут...

Могут добить.

Недаром говорят, что Кареевский тракт полит кровью и стоит на костях. Ох, недаром...

Кто-то доходит до острогов, до каторги. Кто-то так и остается лежать – трупом.

Вот у жома Ромашкина было именно так. Если ты старый каторжанин, ты привычен ко многому. Если ты свой в преступном мире – тебе помогут. Худо ли, бедно... Если ты «политический» – и тут есть кому тебя поддержать.

Но если ты – бомбист?

Причем не по политическим соображениям, а просто – для выгоды. Что ж не взрывать, если платят? С пиротехникой он работать умел и любил. А коли за это денег дают...

Он так зарабатывает!

Все лучше, чем на динамитном заводе, где каждые три дня взрывы. Да с летальными... или летательными?

Но рано или поздно на каждого медведя находится свой охотник.

Дмитрий не любил вспоминать ту историю. Все зло, как говорится, от баб... вот и оказался он на каторге, вот и пошел по этапу.

Два дня пути – сутки отдыха в этапной избе. Скученность, кандалы, тараканы, клопы, плохая пища, зуботычины от охраны... Лекарства? Для каторжан? Смеяться извольте? Людям-то не хватает, а чтобы всякое отребье кандалное лечить? Вот еще!

Столетие спустя таких, как Дмитрий, будут и перевозить отдельно, и не смешивать с общей массой уголовников, но здесь и сейчас до такого еще не додумались. И шел террорист на общих основаниях, вместе с карманниками, грабителями и убийцами.

Дмитрий заболел еще в тюрьме, а потом все только усугублялось. И на очередном этапе он просто упал.

Казалось бы – снять кандалы да и выкинуть. Сам подохнет.

Нет.

Каторжане – предмет строгой отчетности. Каждому из них найдется применение – копать, дробить, мостить... да мало ли что? Получил ты триста каторжан? Вот триста и сдать изволь!

Недосчитались хоть пяти человек? Даже один человек – уже выговор, уже отметка в личном деле, уже промах по службе, и карается это соответственно. Из жалования вычтут, в личное дело отметочку поставят, с продвижением по службе задержатся...

А потому, если каторжанин падает на этапе, его надо доставить до избы, где есть свой чиновник. Вот он примет, освидетельствует, выдаст свидетельство о смерти – справку, мол, помер раб божий такой-то, на таком-то этапе пути, похоронен...

Кем?

Тут и начинается самое интересное.

Держать специальную похоронную команду на каждом этапе – дорого. Солдаты не для того поставлены. Чиновник?

Ага, это шутка такая. Чиновник с лопатой. Типа древнего зверя-дракона, все слышали, но чтобы увидеть? Это вряд ли.

Поэтому хоронят каторжанина его товарищи по несчастью. Копают яму, опускают его туда, засыпают землей – и уходят дальше по этапу. Естественно, или раньше поднимаясь для этого, или потом задерживаясь в пути, так что и каторжане недовольны.

Дмитрий на тот момент горел в бреду, и было ясно, что день, может два...

Тащить его с собой? Ну уж нет! Телеги с лошадьми для людей предназначены, не для осужденных. Оставлять на пару дней на этапе? В избе? А люди как рядом с этим будут? А потому...

Выдал на следующий день чиновник справку, взяли бедолагу Дмитрия, еще пока живого... полуживого, почти мертвого, положили в яму – и даже землей забросали.

Мужчине повезло дважды.

Первое – у него как раз был кризис. Оттого и трепало его не на шутку, оттого и лежал он что твой покойник. И кто поумнее мог бы обмануться, не то что фельдшер, которому давно уж плевать было на всех каторжан. Сдох? Вот и ладненько, и пусть его...

Второе – каторжане не стали его закапывать глубоко. Но тут понятно, кому ж охота возиться. Да и закапывали... Так, землей присыпали – и хватит. Сам подохнет.

Дмитрий бы, безусловно, помер. Вмешался случай.

Валезный ехал именно по Кареевскому тракту. И – из песни слова не выкинешь. Захотелось ему до ветру. Но когда ты устраиваешься поудобнее и понимаешь, что под тобой кто-то стонет...

Вот как хотите – это был самый критический момент в карьере бравого генерала.

Он не опозорился. Хотя и мог бы.

Вместо этого он натянул штаны – и принялся раскапывать плохо зарытую могилу прямо руками. Зачем?

А кто бы на его месте поступил иначе, слыша стоны? Просто – кто?!

Дмитрия он достал. Понял, что каторжанин, поди тут не пойми – след от кандалов пропечатался четко, еще и сейчас было видно. А уж тогда-то...

Кровавые язвы – и опарыши в ране. И земля, и... чудом не было гнили. Чудом Дмитрий не лишился ни одной из конечностей.

Валежный и сам бы не ответил, зачем он потащил с собой этот полуживой труп. Но потащил же! И раны промыл, и обработал как мог, и выхаживал...

Знал, что это бомбист. Все знал. Но...

Сам он не мог быть мразью. И раз уж начал... если их связали дороги – так тому и быть.

Дмитрий выжил.

Постепенно встал на ноги, на это ушел почти год, достал себе новые документы, вернулся к прежнему ремеслу. Но из уважения к Валежному сделал это с поставленными условиями.

Первое – не в Русине.

Второе – бери любые заказы, но пусть при этом не страдают женщины и дети.

Валежный понимал, что гарантия сомнительная, что такой человек, как Ромашкин, – убивал, убивает и будет убивать, что мало ему еще было за все его грехи, но... Хелла проложила дорогу.

Сейчас Валежный приехал к старому... другу?

Приятелю?

Брату?

Он не знал, как назвать человека, которому дал жизнь. Спас жизнь, фактически дал вторую, сам выходил... считай – сын? Ирония судьбы, но ведь так оно и есть. И сидели они друг напротив друга, и пытался Валежный себя переломить – и не мог.

А вот Дмитрий...

– Плохо дело?

– Плохо, – честно ответил Антон. – Если ничего не сделать, нас порвут на части. Борхум оторвет себе кусок, Лионесс, Ламермур, а на остатках некогда великой империи будут пировать освобожденцы.

– Коллеги, можно сказать, – ехидно оскалился Дмитрий. – Я даже подумываю присоединиться.

– Учитывая твои заслуги, место в правительстве тебе обеспечено, – огрызнулся Валежный. – То есть в центральном

Комитете.

– И мне нельзя будет никого взрывать. Такая скука...

Дмитрий явно насмешничал.

Он все видел. Видел, как тяжело на душе у Валежного, видел... А что тут сделаешь? Ничего.

Вообще ничего. Или?..

– У меня к тебе будет просьба, Дмитрий, – тихо, но твердо произнес Валежный.

– Слушаю?

– Борхум. Я хочу, чтобы ты поработал там. По специальности. Условия те же. Мирное население по возможности не трогать. Женщин, детей... А вот штабы, склады, транспортные коммуникации, заводы – и прочее подобное, прошу, без всякой жалости. И не забывай про воззвания и лозунги! Ты же за идею воюешь... за мою...

Такого Дмитрий не ожидал. Может быть, несколько акций в Звенигороде, может... но чтобы так?

– Антон, я...

Куда и позерство делось.

– У меня есть некоторые сбережения. Вот название банка и номер счета. Бери сколько надо, хоть все. Но мне хочется, чтобы этой зимой в Борхуме растаял лед. И – покраснел.

Некоторое время Дмитрий молчал.

– Ты понимаешь, о чем ты просишь?

– Да, – кивнул Валежный. – Мы не сможем драться на два фронта. У меня есть верные мне части, но если я сниму их с границы – Борхум ударит. И Лионесс с Ламермуром не преминут откусить кусочек. А вот если у них начнутся проблемы...

Дмитрий медленно кивнул.

– Начнутся. Если ты пожелаешь – начнутся.

– Я прошу тебя. Я понимаю, что это... что грех будет на моей душе, не на твоей.

Дмитрий качнул головой. Положил свою руку поверх руки Валежного.

Странно это выглядело.

Сын крестьянина. Рука что лопата, в мозолях, с короткими пальцами, обломанными ногтями – отродясь Валежный не смотрел за маникюром!

И рядом рука тора. Да, Дмитрий был благородного происхождения.

Узкая кость, тонкие пальцы с ухоженными ногтями, белоснежная манжета прячет след от кандалов на запястье...

И все же это руки друзей. А в чем-то и больше, нежели просто друзей.

– Я выполню твой заказ, Антон. И не надо денег.

– Дмитрий, – надавил голосом Антон. – Не хочешь за работу – возьми на расходы.

– Хм... если только так. Хорошему клиенту – скидка.

Валежный криво ухмыльнулся.

– Берешься?

– Да. Этой зимой Борхум захлебнется в крови. Мое слово.

– Спасибо тебе... брат.

– У Хеллы снежинками сочтемся, брат.

Мужчины понимали, что Валежный сейчас фактически приговаривал себя. Он никогда себе такого не простит. Но...

Что дороже? Чужая страна – или своя?

Которая из них более достойна жить?

Валежный не знал.

Но он родился в Русине. Здесь рождались и умирали его предки. Здесь родились его дети, здесь они жили, и он хотел, чтобы здесь жили его внуки. А чего это будет стоить лично для него...

Он знал цену.

И – согласился.

Глава 12

Что же! Целуй в губы, коли тебя, любый, Бог от меня не спас

Свободные герцогства

Лоскутное одеяло средних размеров. Такое... Не особо крупное. Если таким укрываться, так и ноги не вытянешь – замерзнешь.

Нини это мало интересовало во времена оны. Когда тор Альтелли рассказывал им о своей родине, она почти не слушала.

Да, она знала, что мать – Шеллес-Альденская. Она знала, что мать из Герцогств. Но какое это имело отношение к ним? Они Вороновы! Они – дочери императора Русины, одного из самых больших государств.

А вот поди ж ты!

Ей пришлось бежать. И вся ее надежда – семья эфроев. Или...

Нини дрожала от страха. Гадкого, нутряного.

Она никогда не оставалась одна. А одиночество – это всегда жутко. С ней рядом сначала были родители, потом Анна, потом семейство Лейва. А сейчас их совместная дорога заканчивалась, и Нини оставалась совсем одна. В пустоте.

Она откровенно боялась.

Вот что ей теперь делать? Как быть, куда идти?

Анна объясняла, но... это страшно! Страшно выйти из поезда, страшно шагнуть в неизвестность, страшно...

И все же Нини расправила плечи. В ней была и отцовская кровь, и материнская, а уж Аделина Шеллес-Альденская могла полком командовать. Хватило бы характера. Другой вопрос, что и гонора, и дури там тоже было половником не отчерпать. Но – был и характер. И давила она на бедолагу Петера, и плющила его под каблуком, а потом стало уже поздно что-то предпринимать.

И семью она так же давила...

Нини было страшно. Но пальцы привычно погрузились в жестковатую собачью шерсть. И она сделала первый шаг.
Второй, третий...

* * *

– Борха, ты не совершаешь ошибку?

– Нет, Али...

Борха Лейва смотрел, как удалялись от них девушка и собака. И испытывал облегчение, что уж греха таить!

Торе Яне он был благодарен.

А вот тора Нини... то есть Зинаида...

Дураком Борха не был. И подозревал, кому именно помог. Сильно подозревал.

А то как же!

Две девушки, обе – породистые, сразу видно. И обе торы, и одна из них... Борха ведь портной. А они видят мир немного не так, как все остальные люди. Борха смотрел на человека – и мог мысленно представить его в любой одежде, в любой обстановке, мог сказать, что пойдет клиенту, в чем он будет выглядеть плохо, в чем – сногшибательно...

Мог.

А уж представить тору Зинаиду в роскошном бальном платье, да дорисовать ей мысленно белые волосы... он же видел и ее черты лица, и фигуру... И торе Яне он мог вообразить то же самое.

И получалось-то невесело.

Их высочества.

Великие княжны Анна и Зинаида, вот кто с ним рядом ходил.

Повод ли это отказать в помощи?

Нет!

Повод ли это помочь и убраться куда подальше?

А вот это безусловно. Борха и так страху натерпелся, пока через границу переходили. Одно утешало: ну кто подумает искать ее высочество великую княжну Зинаиду в семье эфроев? В слепой эфройке Райсе?

Смех сквозь слезы, не иначе!

Никто и не заподозрит! Не смешно даже...

А вот Борха понял. И откровенно радовался, что все это закончилось. Остаться рядом с великой княжной?

Ну уж нет!

Это хорошо, когда ты сам великий князь. А когда ты всего лишь портной... Княжну убивать не будут. Похищать, скорее всего. А о тех, кто окажется рядом, разговора нет. Им уже как повезет.

Ему, Аллее, детям... Нет, он не готов был рисковать.

Выигрыш велик? А велик ли? И выигрыш – чего?

Денег? Но что можно получить с княжны? Вряд ли у Петера были личные счета за границей – это же император! А драгоценности... да, что-то княжны взяли с собой, но сколько там этого «чего-то»? Явно не миллионы. А хоть бы и так... Если он, эфрой, попадет с императорскими драгоценностями?

Он мертвым позавидует. И семья его тоже...

Ну уж нет!

Извечное эфройское правило: чьи бы собаки ни сцепились, ты к ним не лезь! И рядом не лезь, и близко не лезь. А в политику и вообще не суй даже кончика пальца! Грязное это дело. И подлое...

Эфрой – сами по себе. Осторожно, тихо, в уголочке... Хотите – рискуйте своей жизнью, а он своей не будет. Нечего тут!

Так что Борха с чистой душой помахал вслед уходящей девушке и привлек к себе жену.

– Пусть сами разбираются, Али. Без нас.

О своих подозрениях он и жене не говорил. Ни к чему ей такое. Меньше знаешь – лучше спишь, так позаботьтесь о спокойном сне ваших близких!

Ушла княжна – и ладно! А им свою жизнь устраивать надо. Сегодня они снимут комнату в ночлежке, а завтра... завтра будут искать себе новый дом.

* * *

Как это странно.

У тебя нет кареты или автомобиля. У тебя нет свиты. У тебя только пес – и ты сама. И вы идете по улицам города.

Во времена оны, когда Нини видела из окна кареты идущих девушек, она иногда завидовала им. Задумывалась, как это – быть свободными? У нее такого не будет, никогда... Сначала рядом с ней будут люди отца, потом супруга, потом сына...

Интересно – Полкана можно считать собакой Анны? Вряд ли...

Хорошо, что он есть.

Люди как-то иначе относятся к девушке с собакой. И она себя спокойнее чувствует, знает, что есть защита. Есть, конечно, и оружие. Маленький пистолетик на пару выстрелов, но толку с него?

Как еще у Анны хватило духу выстрелить?

В людей?

В живых людей!!!

Нини никогда не смогла бы так поступить. Страшно же! А вот Анна...

Что там ей объясняла сестра? Объяснила, записала, заставила выучить на память и повторять каждый вечер. Первое, что надо сделать Нини, едва прибыв в Герцогства – найти себе гостиницу.

Хорошую. Дорогую. На одной из главных улиц – и никак иначе. Гостиница должна быть приличная и безопасная – Нини не отобьется от всяких подонков, случись что.

Анна бы справилась, а она, Зинаида, – нет. Откуда у Анны такая уверенность, Нини старалась не думать. Страшно становилось.

Тем не менее...

Не нанимать извозчика.

Не полагаться на советы.

Войти и самой оценить гостиницу – и только так. Есть ли цветы, есть ли швейцар, портье, как отделан холл, как выглядят ключи, во что одеты посыльные – признаков множество. И к счастью, девушка их знала. Пару раз они бывали в гостиницах. В хороших, дорогих.

Центр города. «Лазурная Лилия». И изображение той самой лилии – красивое, бирюзовое, с золотой каймой...

Нини выдохнула – и решительно шагнула внутрь.

* * *

– С собаками нельзя!

Уже хороший признак.

Зинаида расправила плечи.

– Любезнейший жом, это не собака.

– Неужели, тора? – не усомнился в ее статусе портье.

Темный плащ от Борхи Лейвы смотрелся как безумно дорогое изделие. Ладно, не безумно, но дорогое и статусное. Анна оплатила еще в Русине, и Борха работал в дороге.

– Это моя охрана. С охраной в вашем отеле можно?

– Хм...

– Я могу обсудить это с управляющим?

Несмотря на дешевую обувь и темные волосы, держалась Нини уверенно. Как привыкла. И портье чутьем служащего просек эту уверенность. А что Нини? Она десяткам и сотням таких приказывала, и не сомневалась, что ее послушают – и послушаются.

– Полагаю, мы не станем сегодня беспокоить тора управляющего, – решил портье.

– Тогда номер люкс, – спокойно распорядилась девушка. – Сегодня я хочу отдохнуть, поэтому в номер ужин – не слишком обильный, что-то из кухни Ламермура, может быть улиток в вине, немного паштета... надеюсь, у вас ламермурская кухня? Не лионесская?

– Ламермурская, тора. Все будет, все доставим. Какое вино к паштету?

– Шато-альвэ блан, позапрошлого года. Как раз был хороший урожай.

Портье понял, что пожаловала достаточно серьезная особа, и стал еще почтительнее. Мало кто из их постояльцев хорошо разобрался в винах и кухне. Это же с ума сойти, какой моветон! Иногда к улиткам заказывали красное! Сладкое! Еще бы водку заказали, вот позорище было бы! Отвратительно!

– А завтра мне понадобятся портной и куафюр, – продолжала девушка.

– Какого портного прикажете?

– Есть в вашем городе кто-то работающий в лионесском стиле?

– Лионесском, тора?

– Да. Простенько, со вкусом, не слишком вычурно – у меня нет настроения для ламермурских мод. Вы же знаете, что сейчас творится

в Русине...

Портье знал.

Покивал, хотя и не посочувствовал – с чего бы? Это же Русина, считай, другой конец света! Сдались ему те антиподы!

– Завтра пришло. А куафер?

– Пожалуй что тоже лионесский, – выбрала Нини. – Не раньше полудня. К десяти утра горячую ванну для меня... да, завтрак для меня и моего охранника. Я надеюсь, номер люкс у вас с садом?

Портье изобразил отчаяние.

– Тора, увы мне...

– Нет?

– Простите, тора.

– Возможно, я могу где-то выгулять своего охранника?

– Тора, я могу прислать слугу...

– Нет-нет. Мой охранник гуляет только со мной. Я не хочу, чтобы он покалечил вашего человека.

Портье поежился. И тут же заверил, что пришлет мальчика-посыльного. Тот покажет торе, где можно погулять с собакой, безопасно. Там весь цвет герцогства по вечерам прогуливается. По утрам, конечно, только слуги, но там все равно безопасно. И полисменов много...

Нини отдала еще несколько распоряжений, оставила крупную купюру в качестве чаевых и отправилась в номер.

Первый шаг сделан.

* * *

Поздно вечером, вытянувшись на кровати и наслаждаясь шелковым бельем, Нини думала о дальнейшей жизни. Рядом на кровати лежал сытый и довольный Полкан.

Негигиенично?

Плевать!

Это людьми можно брезговать! И нужно! Но не животными! К освобожденцам Нини и щипцами бы не притронулась, а собаку искренне полюбила. И не видела ничего плохого в совместном сне.

Постепенно все образуется, она уверена. Главное – начать...

И Анна составила ей хорошие инструкции. Но откуда сестра могла все это знать?

Это не важно! Вот они увидятся, и Нини все узнает. А пока – нужен дом. Нужны надежные документы.

Нужно легализоваться.

И она справится!

Ради сестры, ради ее сына, ради себя самой...

Она – справится.

Яна, Русина

Поезд – это замечательное место для тех, кто желает откровенности. А если тебе есть что скрывать?

Тогда проблемы.

Поезд – это совершенно особенное времяпрепровождение. Неспешный стук колес, беседа за чашкой чая или игрой, наблюдение за пейзажами в окнах...

Да, беседа.

Слова – самые безжалостные предатели, по которым можно определить все. Происхождение, воспитание, убеждения, самое сущность человека. Говорит он «что» – или «че», «спасибо» или «благодарю», вставляет в свою речь слова из других языков – или нет...

А о чем человек может проговориться?

Да обо всем!

Если бы на месте Яны была Анна, жом Тигр расколол бы ее в три минуты. Но Яна попросту рассказывала о своей жизни. Как они с отцом ходили в лес, как охотились, как кабана свеживали, как оленя... как на браконьеров засаду устроили.

Жом Тигр слушал, кое-что рассказывал о себе. Яна не сомневалась – ей достался улучшенный и облагороженный вариант биографии. Но ведь и она не сильно откровенничала?

По некоторым оговоркам она догадывалась, что у Тигра были не лучшие отношения с семьей. Что дома он не был уже долгое время.

Что у него есть брат... умерший?

Да, возможно.

А так жом Тигр был закрытой шкатулкой. Хотя Яна и не рвалась ее открывать. И сложись все иначе, доехали бы они спокойно до Звенигорода и расстались почти по-дружески – по-английски, не прощаясь.

Но...

* * *

Откуда при разных революциях и потрясениях вылезает столько гопников и бандитов? Тюрьмы, что ли, открывают?

Классик так и писал: «Темницы рухнут, и свобода...»

Оно так, но ведь в каждую тюрьму не только за политические убеждения сажают! Там еще полно и остальной дряни! Убийцы, грабители, разбойники, воры... кому они классово близкие, а кому – век бы не видеться и радоваться.

Яна не была уверена насчет конкретно этих разбойников, может, они активизировались, может, освобожденцы, в соответствии с названием, освободили своих братьев по разуму, спрашивать не тянуло.

Да и некогда было.

Когда поезд дернулся – и внезапно начал замедлять ход, останавливаться посреди равнины, на которой ему совершенно бы нечего делать...

Когда послышались выстрелы...

Когда за окнами закричали что-то удивительно банальное, то ли «Кошелек или жизнь», то ли «Сдавайтесь без боя, а то всех уьем!!!»...

И Яна, и жом Тигр отреагировали одинаково, благо в этот момент они играли в карты. Рывкнули: «НА ПОЛ!!!» – и нырнули под стол, крепко треснувшись плечами.

И вовремя.

В стену ударило несколько пуль.

– Это за вами? – уточнила Яна.

– Не знаю.

Яна скрипнула зубами.

Револьвер у нее с собой был, но маленький, на щиколотке. Игрушка. Ей бы что посерьезнее...

– На мою долю ствол найдется?

Жом Тигр даже не удивился – не до того.

Молча кивнул на стену купе, на которой на крючках висело несколько револьверов.

– Заряжено.

– Благодарю! – кивнула Яна.

Перекатилась к стене, вытянула руку, не высовываясь, сбила себе один из револьверов, второй, проверила, взвела курки...

– Жом, не высовывайтесь.

– Яна, это уже наглость!

Яна фыркнула.

Тем временем пальба начала активизироваться. Девушка поползла к окну, но первым туда выглянул, хоть и со всеми предосторожностями, жом Тигр.

– С этой стороны шестеро. С той тоже человек пять-шесть, надо полагать...

– Самоубийцы, – ругнулась Яна.

– Сомневаюсь.

И верно, нападавшие кричали про динамит.

Поезд останавливался.

Как позднее узнала Яна, умники положили бревно поперек рельсов, а когда поезд начал тормозить, один из налетчиков вскочил на подножку паровоза и навел пистолет на машиниста, приказывая остановиться.

Все остальные в это время постреливали, чтобы пассажиры не вылезали раньше времени и не создавали суматохи. И – нет.

Это был не враждебный элемент.

Просто налетчикам хотелось кушать. До Освобождения, после Освобождения... совершенно несознательные личности попались.

Может, им и повезло бы. Но Яна совершенно не собиралась терзаться сомнениями. Ей надо к сыну?

Ну так вы сами виноваты! Я к вам первая не лезла!

– Ты не попадешь, – перешел на «ты» жом Тигр.

Яна фыркнула.

Не попадешь? Безусловно. И точность страдает, и разброс у револьвера приличный, и Яна движется, и мишень.

И что?

Яна в лесничестве выросла. И стреляла из всего, что способно стрелять. Из берданки, из «мосинки», из АКМ, из пистолетов и револьверов... вы знаете, что может привезти с собой пьяная братва?

Что угодно! Один раз даже пулемет притащили... Да, Яна и из него постреляла. Интересно же!

Отец не возражал. Ему какая разница? Есть лицензия на двух кабанов? Хорошо, стреляйте из пулемета, если из винтовки не попадете. Вот если бы речь шла о рыбе и динамите – другой вопрос. Тут Янин отец был непреклонен. И о количестве зверья. А остальное...

Яна прищурилась, прикинула, перехватила локоть руки с револьвером другой рукой, задержала дыхание и нажала на курок.

Каково это – попасть из движущегося поезда в скачущую мишень? Из револьвера, на приличном расстоянии...

Яна – справилась, хотя это была почти эквилибристика.

Банг.

Банг.

Банг.

Выстрелы глухо хлопнули. Освобожденцам было далеко до девушки с кордона, это уж точно. Жом Тигр только присвистнул, глядя, как валятся с коней один, два... уже три налетчика.

– Однако!

Пять пуль – три негодяя. Потом Яна потратила еще одну пулю на лошадь. Что там стало с налетчиком... может, шею свернул? Лошадь споткнулась, раненая, негодяй полетел через ее голову кувыркком...

Двое оставшихся затеяли такую стрельбу по окнам купе, что высунуться стало нереально. Лежи да посвистывай в такт пулям.

– Я поползла, – поделилась Яна идеей.

– Куда?

– Дальше. Посмотрю, кто с той стороны в гости просится, – пояснила Яна. Опомнившиеся освобожденцы поддержали ее выстрелы пусть не ураганным, но вполне приличным огнем, и налетчики заколебались.

Яна ползком выбралась в коридор. Так же, ползком, пробралась по полу к угловому окну, выглянула.

И это – все?!

Она почувствовала себя как ребенок, которому Дед Мороз вместо айпада принес пластиковую черепашку. Что за жеваные мухоморы?

Всего двое?

Хотя кто их знает, вот у О. Генри есть рассказ про грабителей поездов, где они вообще вдвоем-втроем работали^[20].

Наверное, налетчики не читали рассказы, но шанс у них был, и неплохой. Если бы все опешили от неожиданности. Опять же...

Между охраной VIP-персоны и реальными бойцами есть некоторая разница. Как хотите – первые более аморфны. Должно быть наоборот, но реальный боевой опыт, постоянное ожидание засады, подвоха, обстрела – это серьезный камешек на весах.

Если бы налетчикам удалось захватить жома Тигра... если бы удалось.

Свистнула пуля.

Яна почувствовала боль и ругнулась. Поднесла к лицу руку и поглядела на окровавленные пальцы.

Сволочи!

Зарюю заживо!!! Стною в мухоморах!!!

Хотя чего там – меньше года осталось!

Яна выглянула в окно – и выстрелила. Полетела еще одна лошадь. В человека она все же не целилась – боялась промазать, а лошадка покрупнее будет. Прости, лошадка, ты ни в чем не виновата.

Атака захлебнулась, но...

Бандит, который держал под прицелом машиниста и его помощника, – куда ему было деваться? Спрыгивать и бежать, рискуя попасть под пулю? Или захватывать заложников?

Да и тот, что с динамитом, пока еще был цел. И держался в отдалении...

Ах вы, сволочи!

Поезд дернулся и остановился.

Яна открыла дверь и вывалилась в соседнее купе.

* * *

Жом Тигр путешествовал с охраной. Сейчас эта охрана оцетинилась оружием, но к окнам особо не лезла, так, постреливали в белый свет как в копеечку. Появление Яны они восприняли... без восторга.

Не до баб!

Баба и не стала претендовать на внимание. Она увидела то, что ей было нужно.

Пока сохраняется опасность взрыва... оно ей надо? Пусть мужики от врага не отвлекаются, а она делом займется.

А вот и винтовочка! Миленькая, родная, чем-то похожая на «мосинку». Ну иди к мамочке, дорогуша!

Яна сдернула ее со стены купе, быстро проверила... Заряжена! Ну коли так...

– Положи, ты чего! – подал кто-то голос.

Яна даже не обернулась – интернациональный жест «фак» можно и так сложить, вслепую. Жаль только, что он остался непонятым. Но...

Уверенно из «мосинки» можно попасть на триста метров. Так-то до трех километров, но это уже мечты. А в голову – триста метров, и не крутить! Восемьсот – если оптический прицел, но вот прицела у Яны и не было.

Ничего, на зрение она и так не жаловалась. Выдохнула, слилась с винтовкой, стала ее продолжением, медленно-медленно повела за всадником, который размахивал свертком с якобы динамитом.

– Тебе, Хелла!

И – спустила курок.

Грохнуло.

Яна упала на задницу. Винтовка приземлилась рядом.

– Жеванные мухоморы!

* * *

На динамит Яна не рассчитывала. А вот на то, что выбьет сверток, что испуганные налетчики ломанутся кто куда...

Это – могло быть.

Но в свертке и правда оказался динамит! Дикие люди! Что обещают, то и кладут! Кошмар! А как же демократические принципы?

Грохнуло.

В нескольких купе вылетели стекла. Яне повезло, рот был приоткрыт. Да, вот так... отец смеялся, что во время выстрелов у нее совершенно идиотское выражение лица и вообще она приклад слюнями закапает. Ну так что же! У всех есть свои маленькие недостатки!

А там и правда оказался динамит...

Что там осталось от всадника, что от лошади – пара килограмм летящего в разные стороны фарша. Налетчикам хватило.

Заверещав, они рванули во все стороны, как тараканы из-под карающего тапка.

Яна помотала головой и выразилась трехэтажным.

И откуда-то сбоку ей ответил плачущий голос. Это хозяин винтовки крыл бешеных баб, которым в руки никакое оружие давать нельзя.

Налет сорвался наглухо.

* * *

Порядок в поезде навел лично жом Тигр, который, увидев, что налетчики разбегаются, поднялся и пошел по вагонам, вразумляя особенно трусливых. Личным благословляющим пенделем.

Яну тоже тряхнули за шкирку.

– В порядке?

– Не дождетесь.

К лицу девушки прижали белый платок.

– В купе иди!

Яна кивнула.

После взрыва еще слегка позванивало в ушах. Не контузия, но – бедная рыбка! Наверное, так она себя и чувствовала, когда ее глушат динамитом.

Яна подумала, что мало они браконьеров гоняли, поднялась – и поплелась в купе, меланхолично подсчитывая убытки.

Тапочка – одна. Где вторая? Черт ее знает, куда-то она с ноги делась.

Костюмчиком ее домашним – туника и брюки приятного кремового цвета – теперь только полы мыть. И то – не всякие. Вот лично она бы не дала у себя по полу такой тряпкой возить! Фу!

И снова – фу!

На щеке царапина, на коленке синяк, на боку синяк, в ушах звенит...

Яна только надеялась, что Хелла обеспечит налетчикам приятное посмертие. С заморозкой, потрошением и прочими садомазо-радостями! Козлы, понимаешь!

Непорядочные личности!

Редиски в полете... то есть в налете!

Понимать она их понимала, лучше грабить тех, у кого деньги. Но – не ее!

Она вытащила масленку, пули, порох – и принялась чистить и перезаряжать оружие. А что?

Порох держим сухим, а револьвер – наготове!

Перезарядила, переделалась – и направилась на поиски жома Тигра. Вдруг не всех налетчиков добили и распугали? Подставится этот умник под пулю – и ее поездка в Звенигород отложится, на время похорон, а там и подальше...

Ну уж нет!

* * *

Жом Тигр как раз распекал своих людей.

В переводе на русский это звучало так: «Вы, безответственные, непригодные к работе личности, как получилось, что девушка стреляет лучше? И почему она не растерялась, а вы струсили?»

Конечно, неточностей хватало. К примеру, печатными в версии жома были только предлоги и союзы... некоторые.

Яна постояла несколько минут за спиной у начальства, потом поняла, что оно начальство слишком занято разносом, и вежливо кашлянула.

Жом обернулся – и смерил ее злым взглядом. Яна поняла, почему его боялись люди. Столько всего было в прищуренных зеленых глазах... разорвет и сожрет!

– Что с налетчиками, жом?

Вот уж ее взглядами не запугать! И не таких видали...

– Жама, вернитесь в купе.

– Только с вами, жом.

– Что?!

Удивление у мужчины было искренним. Яна коснулась револьвера.

– Я не ваша любовница, я ваш телохранитель.

Судя по лицам подчиненных, они как раз предполагали первое. Но – кто им доктор?

– Вернитесь в купе! – рявкнул жом.

Яна покачала головой.

– Пока я не буду уверена в вашей безопасности – я с места не сдвинусь. Можете потом меня хоть на березе повесить.

Адреналин гулял в крови, требуя выхода.

– Вы рискуете своей жизнью. Если налетчики вернуться с подкреплением – можем все здесь лечь.

– Не можем! – рыкнул жом. И махнул рукой народу, мол, расходитесь.

Разошлись – мгновенно. Еще и на Яну смотрели так... Уважительно. словно она схватила тигра за хвост и таскает по квартире. Не видели они «Полосатый рейс»!

– Сейчас бревно уберут – и поедem. Постарались, сволочи, приволокли! – буркнул жом, выплескивая свое дурное настроение.

Яна прищурилась.

Действительно, бревно рубили и тащили.

– Их хоть допросили?

– Обычная шайка. Решили ограбить поезд, пощипать гусей.

Яна кивнула.

– Где вы научились так стрелять, жама? Или – тора?

Яна фыркнула.

– Жама. Можно – Яна, ладно уж. Научилась у отца, я же вам говорила – он лесничий.

– Но учить девочку?..

– Сыновей ему Творец не послал, а меня научить было легко, сама хотела.

– Я бы не взялся попасть на таком расстоянии, в движении, из револьвера...

Яна кивнула.

Во времена оны смотрела девушка и про неуловимых мстителей, и другие фильмы про революцию, и вестерны доводилось поглядывать. И всегда удивлялась – почему по налетчикам не стреляют, пока они едут за поездом?

Сегодня поняла.

Не будь у нее такого опыта, и она промазала бы.

Но пресловутое «белку в глаз» преувеличением не было. Хотя белок Яна всегда жалела, а вот уток они с отцом старались бить в голову. Интересно же!

Лесник – существо сугубо мирное, но если его разозлить...

Яна и по людям стреляла. Был момент – явились браконьеры и уходить не хотели. Отец с ними разговаривал, а она в нужный момент выстрелила. Пробила мужику мотню спортивных штанов, не задев тела. И так хорошо подействовало!

Описался – и убрался! Со товарищи!

Так что здесь она ничего сверхъестественного не творила. Расстреливали бы освобожденцы, как она, сотни и тысячи патронов, в том числе и в тире... Ну да! Яне стрелять нравилось!

Нравилось после ухода последнего клиента ненадолго включить для себя тир, выбрать режим посложнее – и айда! Нравилось чувство единства с оружием, его холодная спокойная сила, его опасность – это как гадюку гладить...

Здесь и сейчас все пригодилось. Но рассказывать это Тигру?

К чему?

Проще ограничиться коротким:

– Могу вас научить.

– Благодарю.

– Займемся, как будет время, – кивнула Яна.

Жом Тигр развернулся и направился в купе.

Перед носом Яны щелкнул засов.

Ох уж эти мужчины...

Поезд тронулся и снова закачался на волнах железных дорог. Яна расхаживала по своему купе, как львица по клетке.

Ее догнал адреналин.

Да, вот так тоже бывает. Не пострадала, не особенно напряглась, а надпочечники разыгрались. И выплеснули в кровь дозу гормонов. Сначала-то и незаметно было, а вот начала отходить – и затрясло.

М-да...

При таком раскладе лучше ста «наркомовских» ничего не придумать. Но где их взять?

С собой у Яны была небольшая аптечка – бинты, корпия, спирт... но пить его? Разводить водой из умывальника, что ли?

Фу!

И снова – фу!

Может быть...

Ноги сработали быстрее разума – и Яна опомнилась, только когда постучала к жому Тигру.

Открыли ей не сразу. Но...

– Что случилось... жама? Яна?

Мужчина ошалел. И было отчего! Яна-то попросту забыла про другой мир – и вышла в чем была. А по ее меркам она была одета нормально!

Ночнушка и халат.

Ночнушка шелковая, ей просто нравился этот материал. Халат достаточно легкий, но льняной и непрозрачный. Рукава короткие, и самое ужасное – все это добро было сильно выше колена.

Шейва Лейва хоть и ужасался про себя, но вслух ни слова не сказал – мало ли в чем дама ходить желает? Не все ж вещи берут, чтобы носить, некоторые покупают, чтобы снимать.

А Яна и не подумала! Она сэкономила место, а короткая ночнушка занимает его меньше, чем длинная. И короткий халат – тоже. И в ногах не путаются, и привыкла...

А вот жом Тигр не привык.

Яна даже и не сообразила, почему у него такие глаза удивленные, для нее-то ситуация была самой обыкновенной.

– Жом, у вас выпить есть?

– А? – Не самая умная реплика, но жому Тигру было не до ума. При виде стройных девичьих ног кровь принялась отливаться от мозга в

противоположном направлении. А там мозга нет.

– Меня отходняк накрыл, – разъяснила Яна. – Знаю, что не промазала, но убивать все же неприятно. Сейчас выпить – и уснуть.

Жом Тигр понял, что его насиловать никто не будет. Соблазнить – и то не захотели. И тяжело вздохнул.

– Заходите, жама. Не стоять же в таком виде в коридоре.

Яна покосилась на себя, не соображая, что не так в ее виде. Вроде все стратегические места прикрыты. А что сейчас даже открытое колено – уже эротика и мужчины стриптизом не избалованы, – не подумала.

– Благодарствую. Нальете?

– Налью. Что будете?

– Что покрепче, – выбрала Яна.

– Ламермурский дубовик?

– Давайте.

Под этим названием, как оказалось, подразумевали обычный коньяк. Видимо, за выдержку в дубовых бочках. Даже клопами он пах примерно так же.

Яна браво хлопнула рюмку – и резко выдохнула.

Спиртное провалилось в желудок, разлилось горячей волной, и девушку принялось отпускать.

– Вы мне просто жизнь спасли, жом.

– Скорее, наоборот.

– Взаимозачет – и по рукам. – Коньяк добрался до головы, и Яне захотелось похулиганить. Так что она протянула руку.

Пару минут жом Тигр смотрел на нее с непониманием. Потом сообразил – но вместо шлепка по ладони взял Яну за кисть, перевернул ладошку тыльной стороной вверх и поцеловал. Всерьез.

Не обозначил поцелуй, а реально коснулся губами гладкой кожи. И кажется, даже кончиком языка?

Будь Яна не так пьяна...

Соображай она получше...

Увы.

Когда зеленые глаза нашли ее лицо, она ответила спокойным взглядом. Уверенной в себе женщины.

– Мне тоже надо поцеловать вам руку?

– Я не настаиваю.

– А я?

– А вы?

Карие и зеленые глаза оказались близко-близко. И Яна вдруг ухмыльнулась.

– А я обещаю, что вам понравится. Расслабьтесь – и получайте удовольствие.

В жизни жома Тигра было многое. И многие женщины в том числе. Блондинки и брюнетки, торы и жамы, девушки и женщины, добродетельные и развратные...

Но такого с ним ни разу не случилось. Чтобы ему сделали подножку, ловко повалили на диван – да еще и уселись сверху?

И что дальше?

Халат распахнулся, заставив жома перестать размышлять.

Что дальше? А кто-то не догадывается? Ну сходите книжку почитайте! И – не мешайте... расслабляться!

Вот нахалка!

А... э...

Нахалка оказалась весьма деятельной, и жом Тигр вдруг почувствовал себя горничной, которую прижали в углу. На пару секунд, но...

Позвольте!

Это что – изнасилование?

* * *

Через пару часов Яна выскользнула из постели и поискала ночнушку.

Та нашлась в баре. Халат – под диваном. Туфельки? Где-то еще... надо искать.

– Что не так? Полежи еще. – Жом Тигр был ленив и расслаблен. Так и хотелось его за ушком почесать. Очень удовлетворенная жизнью большая киса получилась.

– Все так. Сейчас оденусь – и пойду, – заверила Яна.

– Зачем? – удивился жом.

Девушка пожала плечами.

– Милый, ты был великолепен. Но честное слово, ты же понимаешь, что это – не навечно? И не ждешь от меня признаний в великой любви?

Жом Тигр едва рот не открыл. Помогла привычка – держать маску в любой ситуации.

А сколько раз он сам так поступал?

Прости, дорогая, я принадлежу Освобождению, а не бабам... у меня дела, меня ждет революция... я не объяснялся тебе в любви и не собираюсь этого делать...

Сейчас он видел зеркальное отражение своих поступков. «Прости, дорогой, мне было хорошо, но я пошла?»

А обидно, оказывается...

– Что ты, – заверил он девушку, которая залезла под диван так, что ее тыльная часть провокационно торчала вверх и побуждала к новым подвигам. – Я не в претензии, нам было замечательно.

– Согласна. Так что не надо все портить?

– Не будем. Я уважаю твою свободу, – заверил жом.

– Но? – насторожилась Яна.

– Предлагаю повторить? Уже без дубовика?

– Хм, – задумалась Яна.

Честно говоря – ей понравилось. И сейчас она материла Сережу Цветаева.

Козел!

Мужчины, читайте «Камасутру»! Или камасвечеру! Да хоть что читайте, чтобы не оставлять по пути разочарованных женщин! И тренируйтесь (лучше – не на кошках). А то вернутся – и вломят!

За что?

А вот за то!

За плохо проведенные ночи!

За эти два часа Яна получила удовольствия больше, чем за год с Сергеем, слишком уж тот был самовлюблен. И не отказалась бы от продолжения опыта. Но...

Сама личность жома Тигра тому препятствие.

Он не создан для легкой интрижки, это слишком серьезная личность. Такой либо переспит и забудет, либо... хотя ей-то что?

А ведь верно!

Честь ей беречь незачем! Через год ее все равно не будет, даже уже меньше. Ни чести, ни Яны. А доехать со всем комфортом, не вызывая психологического напряжения в коллективе, – тоже важно.

Яна прекратила поиски туфель – и вылезла из-под дивана.

– Тогда предлагаю договор.

– Договор?

Жом Тигр даже расстроился.

Ну вот, еще одна шлюха... интересно, а что этой надо? Денег? Скучно даже как-то...

– Ну да. Мы – свободные люди. Я на претендую на твою свободу, а ты – на мою. И просьба потом без возмущенных криков. А то начнется... соблазнили, обманули, изнасиловали...

– Меня? – совершенно искренне удивился жом.

Яна фыркнула.

– А как это выглядело со стороны? Явилась дама, потребовала выпить, напилась, начала грязно приставать, а потом еще и... действовать грязными методами.

– Мне понравилось, – серьезно сказал жом, вспоминая кое-какие методики.

– Мне тоже. Но покушений на свою свободу я не потерплю. Ты – свободный мужчина, я – свободная женщина. Пока мы вместе – мы верны друг другу. Надоело? Говорю об этом – и расходимся в тот же день. И я жду от тебя такой же любезности.

– Хм... Пожалуй, – согласился жом Тигр. – Я могу делать тебе подарки?

– Можешь. Хочу штук сто патронов, – заказала Яна.

– И?

– Мало? Можешь подарить двести, – не поняла намека девушка.

– Подарю.

– Договорились. Как мы ведем себя на людях?

– Как мы можем себя вести?

– Не то чтобы я кидалась к тебе на шею с поцелуями, но – мало ли? Еще сделаю что-нибудь не так, испорчу тебе репутацию...

Жом Тигр представил себе процесс – и фыркнул.

– Ты? Мне? Репутацию?

– Что – уже поздно?

– Определенно.

Яна пожала плечами.

– Если нечего терять – то и нечего стесняться.

– То есть? – насторожился жом, глядя на девушку. Как-то она выглядела... плотоядно.

– Можешь кричать, что тебя насилуют, – разрешила Яна. И скользнула под одеяло.

А почему нет?

Жом тоже ничего не имел против. Отдохнуть он успел, а адреналин... кто сказал, что он выделяется только у женщин? Ему сегодня тоже нелегко пришлось.

Надо снимать стресс!

* * *

Наутро Яна даже и не подумала стесняться.

Поезд, господа! По-езд!

Захочешь – не скроешься. Да и звуки из их купе доносились недвусмысленные. Так что Яна вышла утром, абсолютно спокойно, и проследовала к себе в купе.

Смотрите и завидуйте!

Хотя проблемы будут, она не сомневалась.

Сергей...

Да, оказывается, у Тигра было и человеческое имя. Сергей сказал, чтобы Яна не стеснялась просить помощи. Но в такой ситуации? Когда пошли сплетни и требуется помощь в борьбе со сплетниками? Тут либо справляться самой – либо обтекать. Никакой начальник не поможет.

Сама справится.

И Яна поправила пистолет, не собираясь больше с ним расставаться.

Перстень с черным камнем поблескивал на пальце.

Яна просто о нем забыла. Вот на руке он – и на руке, и удобный такой, и неброский, и ни за что не цепляется, вот даже были б здесь капроновые колготки – и за них не цеплялся бы... И чего его снимать?

Обратил ли на перстень внимание ее партнер?

Да кто ж его знает? Яна не питала никаких иллюзий в отношении своего любовника. То, что они оказались в одной постели, ни на что не влияет. Он ее и на казнь отдаст, и на пытки, если хоть что-то заподозрит. Это – Тигр.

Такая милая полосатая киса... то, что в постели он разрешил называть себе Сережей, – ничего не значит. Еще не факт, что это его настоящее имя.

И вообще – у нее своя цель.

Яна фыркнула и принялась заплетать волосы. Ночью – ладно, там можно и с распущенными. А днем – у нее работа, а не погульбушки.

* * *

Проблемы появились на третий день путешествия.

Два дня прошли спокойно, две ночи – беспокойно. Яна не возражала. Даже против вечеров – и то не возражала.

Жом Тигр оказался не только хорошим любовником, но и Мужчиной.

Да, именно так, с большой буквы. Не дамским угодником, а мужчиной, который внимателен к своей женщине.

В чем разница?

Дамский угодник вроде кота, который трется обо все ноги. Он мил, очарователен, он обнимет, поцелует ручку, скажет комплимент, но у его любезности низкая цена.

Мужчина, который внимателен к своей женщине...

Жом Тигр не проявлял к Яне интереса – подчеркнул. Но когда она оступилась, поддержал девушку под локоть именно он. И побаловал ее любимыми конфетами – орехами в шоколаде, невесть откуда взятыми, – и пообещал подобрать ей другой револьвер, получше...

Это – с одной стороны. Не нарочитое очарование, нет. Но забота, без которой не выживет ни одно чувство.

С другой стороны – Яна иногда себя чувствовала как под прессом. Сила воли этого человека была такова, что находиться с ним рядом...

А вы поживите под прессом!

Сложно!

Давит!!!

Даже неосознанно, не желая того, не намереваясь... давит! А если постоянно?

Яна в себе уверена не была. И радовалась, что у них все это ненадолго.

Личность?

Безусловно.

Но сила сей личности такова, что рядом с ней находиться невозможно. Сломает.

* * *

Мужской коллектив – образование крайне своеобразное. И женщина в нем может жить только по одному признаку.

Нельзя никому? Никому нельзя.

Можно одному? Можно всем и сразу.

Вот эту теорию и попытался проверить на Яне один из освобожденцев.

Идете вы по коридору, и понимаете, что Штирлицу было легче. Он хоть и шел по гестапо, но... его по заднице не шлепали! Не было там геев! Кажется...

Шлепок по филейной части получился чувствительный. Как должна реагировать приличная девушка? Развернуться и дать наглецу пощечину.

Яна приличной отродясь не была. А потому без предупреждения нанесла прямой удар ногой назад. Кажется, в карате он называется уширо-гери.

Ушатало врага так, что любо-дорого посмотреть. Яна хоть и не особо целилась, но пробила ему в печень.

Мужчину согнуло, вывернуло наизнанку, Яна посмотрела, плюнула, да и пошла дальше. До умного дойдет, а дурака не перевоспитаешь.

Говорить об этом жому Тигру? Чтобы еще досталось бедолаге?

Яна не собиралась заниматься глупостями. Она уже все разъяснила.

Тор Слейд Дрейл взял протянутую ему телеграмму.

– Прошу жом...

Ох эта варварская страна!

Он, аристократ в девятом поколении, – и жом! Слушать противно!

Мысль о том, что первый его предок-аристократ был обычным лавочником, который попросту купил титул за большие деньги, мужчине в голову не пришла.

Это было давно.

Неправда.

И вообще... за девять поколений его происхождение отлежалось, настоялось, облагородилось, патиной покрылось (и не надо тут про паутину, никто ничего не перепутал!). Чего вспоминать древние времена? Каждое дворянство начиналось с простолюдинства.

Но в Русине сейчас жомом быть не стоило. Так что тор Дрейл гневаться не стал. Просто на чай не дал телеграфисту. А судя по обиженному взгляду, тот рассчитывал. Поделом тебе, быдло! Будешь знать, кто тут жом, а кто – тор!

Тор Дрейл бросил взгляд на бланк.

Алоиз Зарайский.

«Посылка ушла, продолжаю поиски».

Это была первая его телеграмма.

На тот момент тор Дрейл пребывал в отчаянии.

Про гибель Петера он узнал, равно как и вся столица. Про наследника – тоже. А вот кто? Что? Как? Неизвестно...

А что скажет тор Вэлрайо? А как хочется жить...

А потому телеграмму он принял с восторгом. И телеграфировал сам.

«Ищите, оплачу».

Тор Дрейл понял так, что Алоиз ищет или наследника, или кого-то из царевен – не дурак же! Разберется!

И вот следующая телеграмма.

«Иду по следу».

Отлично! Просто отлично! Жаль, что нет подробностей, но такие вещи ни письму, ни телефонной связи не доверишь. Тор Дрейл подумал пару минут – и решил отправить еще одну телеграмму.

«Держите курсе дела».

Посмотрим, как оно сложится. Главное – есть шансы.

* * *

Тор Вэлрайо в этот момент был на приеме у ее величества Элоизы.

Есть в мире справедливость.

Тор Дрейл тянулся перед тором Вэлрайо. Тор Вэлрайо тянулся перед своей королевой. И было, было отчего! Это вид у нее очаровательный. А сущность...

Никто не обманывался внешностью милой доброй бабушки. Доброты в ее величестве было как в гадюке жалости. Что своей семьей, что Лионессом она правила железной рукой. А что на людях демонстрировала очаровательную даму, милую и дружелюбную... Так и гадюка тоже красивая. Особенно греющаяся на солнышке.

Вэлрайо не обманывался. Случись что – его приговорят так же спокойно и равнодушно, как бедолагу Петера. И ледяные серые глаза ее величества сейчас казались свинцовыми. Губы поджаты, пальцы барабают по подлокотнику кресла.

– Вы подвели нас, тор.

Тор поежился.

– Ваше величество, я...

– Я не хочу слышать оправданий.

Оправданий она не хочет слышать! Но... Вэлрайо все же рискнул.

– Вы приказали не принимать его императорское величество. И я выполнил ваш приказ, ваше величество.

Королева досадливо поморщилась.

– Следовало пригласить одну из его дочерей. Петер нам не был нужен, но кто-нибудь из его девочек... устроить любовную историю...

У Элоизы были причины гневаться.

Готовясь к эмиграции, Петер перевел в банки Лионесса определенную сумму. Крупную. И если император мертв и его семья мертва...

С банкирами Элоиза договорится. Или не договорится, такое тоже возможно. В любом случае она на эти деньги руку наложить не может.

На Лионесс столько грязи выльют – ушаты!

– Ваше величество, я выполнял ваш приказ. И... у нас есть надежда.

– Мы слушаем вас, тор.

– Насколько мне известно, кто-то из дочерей императора остался жив.

– Вот как?

– Мой агент заслуживает всякого доверия.

Или красивых похорон. Но это уже детали.

Элоиза медленно кивнула.

– Мы ждем от вас вестей, тор. Не разочаруйте нас. Я надеюсь, что бедная сиротка прибудет в наши объятия как можно скорее.

Тор Вэлрайо поклонился.

– Я приложу все усилия, ваше величество.

– Мы будем ждать. Идите, тор, – и исполните свой долг. От этого зависит ваша карьера.

– Да, ваше величество.

Выходя за дверь королевского кабинета, тор Вэлрайо думал, что принцессу (великую княжну, но разница несущественна) он из-под земли достанет. Королева шутить не будет. У нее – много.

И дипломатов в том числе...

Надо телеграфировать Дрейлу. Пусть активизируется.

Русина, Подольский округ

Илья упал в кровать, не раздеваясь.

Как в пропасть. И отключился так же.

Сны ему обычно не снились. А в этот раз... И хороший такой сон был, приятный. Идут они с Анной по саду, под руку, и Анна ему улыбается, и глаза ее карие сияют...

– Аннушка...

– Илюшенька. Любимый!

И столько чувства в ее тихом шепоте, столько нежности...

А потом Анна тянется к нему, а Илья наклоняется и касается губами ее нежных губ.

– Аннушка...

Обнимает ее плечи, шепчет что-то ласковое... Он не хотел! Он не нарочно... Он...

И все было как тогда. И шепот, и поцелуи, и нежность, и горечь потери... Все это бывало во снах, и не раз. С этим Илья свыкся.

А вот вскрик был вполне себе натуральным.

И горячее женское тело под ним – тоже.

И...

Маргарита?!

Илья открыл глаза – и тут же закрыл их.

– Тора Измайлова! Вы...

Нежная женская ладошка накрыла его губы.

– Илюша... не надо! Просто – молчи! Прошу тебя, молчи! Не говори, что ты мной брезгуешь!

Илья и так не собирался. Но Маргарита была наверняка.

– Ты... пусть это будешь ты... пусть хоть ночь, хоть час... не гони меня, умоляю! Ты меня уже один раз спас... не бросай, пожалуйста!

Илья и не собирался. Но и такого не ждал.

– Тора!

– Я ничего у тебя не прошу, я знаю, ты себе не принадлежишь. Но... Пусть у меня будет хотя бы несколько дней! Хоть что-то... Умоляю!

И кто бы отказал?

Илья и не стал изображать из себя святого Ксенофонтия, отвергающего домогательства ста суккубов. Он жив, Анна мертва, и вообще это другое дело! Так что поцеловал сначала ладошку, потом запястье, потом кожу на сгибе локтя...

Мужчина он – или уже нет?

Сам Илья был уверен, что мужчина. И действовал по ситуации. Да не особенно и возражать хотелось...

Где-то в безвременье

Самый страшный враг бессмертного – скука. Что угодно сделаешь, лишь бы она тебя не одолевала. Что угодно...

Богиня сидела в ледяном кресле.

Словно ожившие голограммы, в воздухе перед ней крутились две девушки. Аня и Яна. Яна и Аня.

Две родные души из разных миров.

Две практически одинаковые души.

Ее развлечение.

И надо сказать, пока богиня была довольна. И жертвами, и поступками девушек. Скука отступила. Во всяком случае – пока.

Забавные существа – смертные.

Интересные.

И можно добавить им остроты в игру. Умненькая девочка Аня. Умненькая девочка Яна, которая должна скоро прибыть в столицу... Очень скоро. Почему бы не сделать нечто такое...

Хелла улыбнулась. Где есть кровь ее последователей – есть и власть богини. Жаль, что крови осталось мало. И власти – мало, в этих двух мирах о ней почти не помнят. Но она о себе напомнит. И смотреть за игрой будет интереснее.

Богиня прищурилась в сторону Русины – и чуточку, едва заметно, шевельнула пальцами, отдавая приказ. Интересно, догадается ли смертная, что произошло?

Посмотрим, что будет дальше. Понаблюдаем.

И богиня устроилась поудобнее.

Русина, Яна

Поезд несся вперед. Постукивали колеса по рельсам, мелькали поля, мелькали за окном звезды. Яна лежала и смотрела в темноту.

Звенигород. Завтра они будут в Звенигороде, и путешествие подойдет к концу.

Яна покосилась на лежащего рядом мужчину. Тигр спал.

Тигр... Сережа.

Завтра им надо расставаться. Будет ли ей больно?

Нет.

С чего?

Привязаться к мужчине она не успела. Полюбить?

Ага, как же! Сексуальная революция породила поколение людей, которые отдавали свое тело словно сдачу в лавке. Равнодушно и

спокойно.

Чувства? А при чем тут чувства?

Будет ли она жалеть?

Безусловно будет. Первый раз у нее случилось такое, чтобы и любовник, и собеседник, и ей было интересно, и о ней заботились, да и вообще...

Даже с Сергеем Цветаевым Яна чувствовала себя сильной. А с Тигром – могла стать слабой. Редкое в ее жизни чувство. И все же утром она уйдет.

Все уже готово, собраны вещи, сложен саквояж, остается только решить – когда уйти? На перроне их будут встречать. Там незаметно не исчезнешь.

Потом?

А когда – потом? Вот вопрос?

Насколько Яна просчитала характер своего любовника, ее попросту не отпустят. Жом Тигр воспринимает ее своей собственностью.

Забавно, там Сережа и тут Сережа. Там ее считали собственностью – и здесь. Только вот от Цветаева уйти было несложно.

А от Тигра?

Не уйдешь. Не тот человек...

Свое он выпускать не привык, а Яна мало того, что спала с ним, – она его заинтриговала. И мужчине было интересно поковыряться в новой игрушке, показать ее приятелям, самому подергать за разные рычажки...

Что при этом будет чувствовать игрушка?

А когда это кого волновало?

Яна тихонько встала и подошла к окну. Потянулась.

Поймала краешком взгляда искры в кольце. Белые, ночные... Красивый камень, наверное опал. Она что-то такое про них читала.

На плечи ей легли теплые ладони.

Почувствовал, что она встала, проснулся. Тигр – и все тут. Правильно прозвище дали. За дело.

– Не спится?

– Скоро Звенигород.

– Тебе нечего бояться. Ты со мной.

- Тогда – и ты со мной? – вернула усмешку Яна.
 - Под твоей охраной и защитой, верно? – Шеи коснулись горячие губы, повели дорожку вниз.
 - В Звенигороде тебе может угрожать опасность только от Пламенного. – Яна, с легкой руки любовника, начала постепенно разбираться в реалиях данного мира. В тех, которые не интересовали Анну. – А от него тебя защитить не получится.
 - Пока я ему нужен. Подозреваю, буду нужен еще долгое время.
 - Для грязной работы.
 - Мне нравится, как ты это говоришь.
 - Эротично?
 - Нет. С абсолютным спокойствием.
- Яна фыркнула, потом развернулась и обняла любовника, руки которого позволяли себе все большие вольности.
- Давай я побеспокоюсь о чем-нибудь другом?
 - Давай... побеспокоимся...

* * *

Яна вышла из купе под утро.

Вернулась к себе. Тщательно вымылась холодной водой из кувшина, оделась потеплее. Хорошо, что у нее не чемодан, а рюкзак... с ним проще.

А еще хорошо, что это не «Красная стрела». И не поезд метро. Вот с них прыгать – самоубийство. А с этого – придется.

Поезд уже входил в Звенигород. Яна знала: они остановятся не на вокзале. Они проследуют в депо, там спокойнее, а уж из депо жом Тигр отправится к товарищам.

По идее, она должна его сопровождать.

Без идеи...

Яна выглянула из купе. Действовала она спокойно, она это уже не раз продумала.

Спрыгивать в чистом поле нет смысла. Надо дождаться столицы, там проще затеряться. Это недолго.

Несколько шагов по вагону, засов на двери, поднять, потом привязать к нему особым узлом тонкую веревочку, открыть дверь,

закрыть... С той стороны дернуть за веревку. Засов падает, узел распускается.

Яна стоит на площадке вагона, ветер треплет волосы...

Все равно поезд идет слишком быстро.

А вот и Звенигород.

Она знает: жом Тигр уже проснулся и приводит себя в порядок.

Она знает: скоро подадут завтрак, и мужчина начнет искать свою любовницу.

Она знает: надо уходить. Но какое-то время еще медлит.

А потом прыгает с подножки, группируясь в полете, как учил отец ^[21].

Падать – надо уметь правильно. Из любого положения, с любой высоты... Яна прокатилась по земле кубарем, больно хлестнул рюкзак, который она выпустила уже в прыжке – не искать же потом полчаса?

Бок встретился с каким-то сволочным камнем, щеку ободрал куст...

Яна выдохнула – и распрямилась.

Звенигород.

Встала, быстро пробежала руками по телу... Цела. Обернулась, поискала глазами рюкзак, шагнула к нему, подобрала...

Так, руки в порядке, ноги в порядке, ребро... нет, не треснуло – Яна глубоко вдохнула, выдохнула, провела ладонью... сойдет! Даже если и треснуло, то не сломалось, остальное – не важно!

Щека в крови?

Яна вытащила маленькое зеркальце и оглядела себя.

Нормально!

Волосы дыбом, грязи собрала на себя – хоть лопатой отгребай, но в остальном – сойдет. И девушка принялась приводить себя в чувство.

Собрала волосы под бандану, отряхнулась, немного испачкала лицо... Ну да, получилось нечто странное. Но...

Переживем!

Ей в Звенигороде долго не оставаться. Забрать сына – и уезжать. И – быстро!

Яна сунула руки в карманы и зашагала по направлению к известному ей дому, в котором жил ее ребенок с приемной матерью, сестрой Ильи...

ДОН-Н-Н-Н-Н!!!

Девушка подняла голову.

В древней столице звонил колокол.

ДОН-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н!

ДОН-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н-Н!

Три тяжелых удара, которые были слышны во всех концах Звенигорода.

Наследник прибыл в столицу. Пусть даже Яна и не подозревала о подобной подставе.

Ей было не до колоколов, которые могли бить по любой причине, даже самой неуважительной. Ее ждал сын. Здоровый! Любимый!

Единственный и обожаемый Гошка!

И какие там колокола – Освобождения – крови – любви?

Да плевать ей на все, кроме родного ребенка! Гоша, солнышко, я иду к тебе, жди меня... Эх, свиношка я все-таки... даже игрушку с собой не захватила! Но такое нельзя показывать разным Тиграм, они мигом ударят в уязвимое место! И так чудом удрала! Наверняка ее уже хватились... ну и ладно! Разберемся!

С неба медленно, словно бы нехотя, полетели белые снежинки.

Первый снег...

notes

Примечания

Все названия глав взяты из стихотворения М. Цветаевой «Всюду бегут дороги...» (*Прим. авт.*)

Тор – благородный по рождению, дворянин. Жом – обычный простолюдин. Женский вариант – тора, жама. *(Прим. авт.)*

Кому интересно – погуглите. Писал так «святой». И развлекался.
(Прим. авт.)

4

Правда-правда. Можете погуглить, я видела обе версии. (*Прим. авт.*)

Нечто подобное было на первых «фордах». *(Прим. авт.)*

23 мая 1887 года Делянов обратился к государю императору с предложением ввести законодательный запрет приема в гимназии детей большинства российских сословий, кроме дворян, духовенства и купцов. «Таким образом, при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию». *(Прим. авт.)*

Данная история случилась на самом деле с одной из читательниц и была использована в романе с ее согласия. *(Прим. авт.)*

Liberté, Égalité, Fraternité – девиз Французской Республики времен французской же революции. *(Прим. авт.)*

Из «Свадьбы в Малиновке» – очень демократического фильма, раскрывающего принципы демократии во всей полноте:

Грициан: «Ну а как же можно без программы? Ну что я вам, бандюга с большой дороги? Я же атаман идейный. И все мои ребята, как один...»

Попандопуло: «...Стоять за свободную личность».

Гапуся (в сторону, бабам): «Значит, будут грабить». *(Прим. авт.)*

Из фильма «Гусарская баллада». *(Прим. авт.)*

«Кто в молодости не был революционером – у того нет сердца, кто в старости не стал консерватором – у того нет мозгов». Авторство приписывается Б. Дизраэли, К. Победоносцеву, У. Черчиллю – точно не скажешь. *(Прим. авт.)*

Не люблю расизм. Но такую семью лично знаю. И подозреваю, будь они неграми или эскимосами, ничего бы не изменилось. Разве что глава семейства объявил бы себя шаманом. *(Прим. авт.)*

Н. В. Гоголь, «Ревизор». Комедия, которую не смогли испортить даже уроки литературы. *(Прим. авт.)*

Слова П. Л. Лаврова, музыка К. Ж. Р. де Лиля, 1875 год. (*Прим. авт.*)

«...тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море». Евангелие от Марка. *(Прим. авт.)*

Л. Долина, «А в ресторане». *(Прим. авт.)*

Palace – дворец (*англ.*), Plaza – пятизвездочная гостиница в Нью-Йорке. (*Прим. авт.*)

Омлет Пуляр. *(Прим. авт.)*

Завтрак «до журавлей» – о нем рассказывал Гиляровский. Ресторан «Славянский базар» начинал завтрак в полдень, заканчивал через три часа и переходил к обеду. Вот если кто досиживался до конца завтрака, ему приносили графин с коньяком, расписанный журавлями, и стоил тот графин пятьдесят рублей. Оплатишь – и забирай. Вот и досиделся до журавлей... Про бутерброд – когда тевтоны осаждали Ольштынский замок, его комендантом был Коперник (да, тот самый!). Во время осады в замке началась эпидемия, Коперник решил разобраться в причинах и сформировал несколько групп добровольцев. Оказалось, не болеет та группа, в рацион которой не входил хлеб. Отказаться от него было нереально, но ели-то на ходу, а не поваляешь – не поешь. Коперник рассудил, что зараза идет от грязи, и решил намазать хлеб маслом, чтобы грязь была заметна, если уронишь кусок на пол. Вот и вышел бутерброд. Подробнее в интернете. *(Прим. авт.)*

О. Генри, «Налет на поезд». *(Прим. авт.)*

Один мой знакомый такое регулярно проделывал. ИМХО – самоубийца, но в критической ситуации и не так раскорячишься.
(Прим. авт.)